

ISSN 1680-1709 (print)
ISSN 2713-0630 (online)

ВЕСТНИК

**ЧУВАШСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И.Я. ЯКОВЛЕВА**

ВЕСТНИК

ЧУВАШСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА

ISSN 1680-1709 (print)

ISSN 2713-0630 (online)

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

**ВЕСТНИК
ЧУВАШСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

Научный журнал

**№ 4(125)
ноябрь – декабрь 2024 г.**

Учредитель
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева»

Издается с ноября 1997 г.

Периодичность выхода –
4 номера в год

Зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-58093 от 20.05.2014)

Включен в Перечень рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 39898

Адрес издателя:
428000, г. Чебоксары,
ул. К. Маркса, 38

Адрес редакции:
428000, г. Чебоксары,
Президентский бульвар, 19А

Тел.: (8352) 22-28-71, доб. 1182

E-mail: redak_vestnik@chgpu.edu.ru
www: <http://vestnik.chgpu.edu.ru>

© Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, 2024

Главный редактор *В. Н. Иванов*, д-р пед. наук, профессор

Ответственный редактор *Л. Н. Улюкова*

Редакционная коллегия:

редакционный совет:

Адягаши К., д-р филол. наук, профессор (г. Дебрецен, Венгрия);
Автухович Т. Е., д-р филол. наук, профессор (г. Гродно, Беларусь);
Байрам Б., д-р филол. наук, доцент (г. Кыркларэли, Турция);
Болбас В. С., д-р пед. наук, профессор (г. Мозырь, Беларусь);
Дыбо А. В., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Катермина В. В., д-р филол. наук, профессор (г. Краснодар);
Кожанов И. В., д-р пед. наук, доцент (г. Чебоксары);
Кусаль К. Ч., д-р филол. наук, профессор (г. Лодзь, Польша);
Луутонен Й., PhD, адъюнкт-профессор (г. Турку, Финляндия);
Мотова Г. Н., д-р пед. наук, доцент (г. Йошкар-Ола);
Мухтарова Ш. М., д-р пед. наук, доцент (г. Караганда, Казахстан);
Сааринен С., PhD, профессор (г. Турку, Финляндия);
Тер-Минасова С. Г., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Хрисанова Е. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Шаклеин В. М., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);

члены редакционной коллегии:

Гурьев А. С., PhD, постдокторант (г. Женева, Швейцария);
Драндров Г. Л., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Дурмуш О., д-р филол. наук, доцент (г. Эдирне, Турция);
Жамсаранова Р. Г., д-р филол. наук, доцент (г. Чита);
Закиев М. З., д-р филол. наук, профессор (г. Казань);
Зиновьева Е. И., д-р филол. наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Иванова А. М., д-р филол. наук, доцент (г. Чебоксары);
Кельмаков В. К., д-р филол. наук, профессор (г. Ижевск);
Ломакина О. В., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Масалимова А. Р., д-р пед. наук, доцент (г. Казань);
Мудрак О. А., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Мышкина А. Ф., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Пьянзин А. И., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Сарбаш Л. Н., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Старыгина Н. Н., д-р филол. наук, профессор (г. Йошкар-Ола);
Фахрутдинова Г. Ж., д-р пед. наук, профессор (г. Казань);
Янурик С., PhD, старший преподаватель (г. Будапешт, Венгрия).

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

2024 год для Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева богат юбилейными датами: исполняется 90 лет известному чувашскому ученому, доктору педагогических наук, профессору, основателю научно-педагогической школы «Лингвофункциональное направление в теории и методике обучения русскому языку в национальной школе», Почетному профессору ЧГПУ им. И. Я. Яковлева Геннадию Александровичу Анисимову и 80 лет кандидату филологических наук, доценту, бессменному декану факультета русской филологии Людмиле Петровне Бирюковой. Они долгое время трудились на благо и процветание педагогического университета.

Номер журнала, предлагаемый вашему вниманию, посвящен этим значимым в истории вуза событиям.

Представленное издание является итогом работы Международной научно-практической конференции «Язык. Личность. Культура», которая проводилась 5–6 декабря 2024 года на факультете истории, филологии, управления и права кафедрой русской и чувашской филологии и культурологии.

В конференции приняли участие исследователи из стран ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси (Гродно, Могилев), Приднестровья (Тирасполь), Узбекистана (Андижан), Шри-Ланки (Коломбо), Словакии (Братислава), Тайваня (Тайбэй); ученые, преподаватели и студенты из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Краснодара, Новосибирска, Стерлитамака, Йошкар-Олы, Тулы, Хабаровска, Сургута, Чебоксар и др.

В статьях филологического раздела рассматриваются языковые явления с позиций лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, а также приводятся сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии, истории языка, грамматической семантики, поэтики художественного текста. Часть работ посвящена анализу литературного художественного текста.

Раздел «Педагогические науки» включает статьи по актуальным для современного поликультурного образовательного пространства проблемам межнационального взаимодействия и отражает опыт преподавания русского языка как иностранного в Шри-Ланке. В ряде работ рассматриваются проблемы электронного обучения дисциплинам филологического цикла, анализируется лакуарность вторичных текстов ЕГЭ по русскому языку.

Главный редактор В. Н. Иванов

Анисимов Геннадий Александрович родился 3 декабря 1934 г. в деревне Айбечи Ибресинского района Чувашской Республики в семье учителя. В 1949 г. с похвальной грамотой окончил Тойси-Паразусинскую семилетнюю школу, в 1953 г. – школьное отделение Цивильского педагогического училища и поступил на русско-чувашское отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева. После окончания с отличием института работал литературным сотрудником и заведующим отделом республиканской газеты «Молодой коммунист» (1958–1960). В 1960–1964 гг. был учителем чувашского и русского языков и литератур в Ораушской средней школе Вурнарского района, в 1962–1967 гг. – директором Ишакской средней школы Чебоксарского района. Окончил аспирантуру при НИИ национальных

школ АПН СССР (1968). С августа 1968 г. работал в Чувашском государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева. Прошел путь от старшего преподавателя до профессора кафедры русского языка (1992), которой заведовал с 1981 г. по 2017 г.

Профессор Г. А. Анисимов – крупный специалист, единственный доктор наук в Чувашии по методике преподавания русского языка как неродного. Совокупность исследований ученого связана с теоретическим обобщением и решением крупной научной проблемы, имеющей важное социально-культурное значение в области преподавания русского языка как неродного. Им научно обоснован и реализован системно-функциональный подход в определении содержания обучения русской грамматике и его презентации в учебном процессе, при котором внимание акцентируется на функциональном аспекте морфологических и синтаксических категорий, на их двояконаправленном представлении: от формы (средства) к значению (функции) и наоборот – в зависимости от характера изучаемого языкового материала, возрастных особенностей и речевой подготовленности учащихся. Ученым впервые определены основные тенденции в формировании у чувашских школьников рецептивного и продуктивного билингвизма, установлена динамика развития у них грамматического строя русской речи по годам обучения. Также Г. А. Анисимовым исследованы закономерности подачи материала о русских частях речи и синтаксических конструкциях в их функциональном аспекте, раскрыты особенности реализации в учебном процессе методических принципов обучения (практической направленности, функциональности, коммуникативности, единства аспектного и комплексного подходов в изучении языковых явлений, учета родного языка учащихся) во взаимосвязи с общедидактическими; созданы теоретические основы разработки системы грамматических правил и упражнений, обеспечивающих ученикам эффективное владение самостоятельными и служебными словами как строевыми элементами текста; разработана новая классификация речевых ошибок учащихся, определены причины их возникновения, пути и способы предупреждения и устранения этих ошибок.

Геннадий Александрович – автор свыше 250 научных и методических работ, более 30 из которых опубликованы в центральных издательствах «Наука», «Педагогика», «Просвещение».

Им создана научно-педагогическая школа «Лингвофункционалистическое направление в теории и методике обучения русскому языку». Он долгое время руководил программой подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)».

Имя профессора Г. А. Анисимова известно в ученом мире страны и за ее пределами. В 1996–2005 гг. он состоял членом ряда специализированных советов по защите докторских диссертаций по общей педагогике, русскому языку, тюркским языкам, социолингвистике, теории и методике обучения и воспитания (русский язык) в Чебоксарах и Уфе. Его как опытного специалиста в области высшего образования не раз привлекали к участию в работе Государственной аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по экспертной оценке деятельности вузов.

Геннадий Александрович активно участвовал в общественной жизни республики и педагогического университета: с 1994 г. – член Комиссии Чувашской Республики по Государственным премиям в области науки и техники, заместитель председателя комиссии Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики по аттестации учителей русского языка и литературы, академик НАНИ ЧР, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств. В 1995, 1996 и 2009 гг. получал государственную стипендию Чувашской Республики, предназначенную для выдающихся деятелей науки и культуры. В настоящее время ему назначена пожизненная государственная стипендия.

Доктор педагогических наук, профессор Г. А. Анисимов имеет правительственные награды – «За освоение целинных земель» (1957), «Ветеран труда» (1989), «100 лет профсоюзам России» (2004), медаль ордена им. А. С. Макаренко (2008), медаль ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2015), нагрудный знак им. Г. Н. Волкова «За достижения в педагогике» (2017), нагрудные знаки «За отличные успехи в работе» (1982), «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2001), Почетную грамоту Президиума Верховного Совета Чувашской АССР (1957, 1980); ему присвоены почетные звания «Заслуженный учитель Чувашской АССР» (1987), «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2005), «Почетный профессор ЧГПУ им. И. Я. Яковлева» (2018).

***Кафедра русской и чувашской филологии и культурологии
ЧГПУ им. И. Я. Яковлева***

Бирюкова Людмила Петровна родилась 8 августа 1944 г. в поселке Умет Республики Мордовия. Окончила с отличием филологический факультет ЧГПИ им. И. Я. Яковлева (1969), аспирантуру при кафедре русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена (1973). За сорокалетний период работы в Чувашском государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева, занимая должности преподавателя, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой, она проявила себя как высококвалифицированный педагог и организатор учебной и научной деятельности. Ею разработан и внедрен в учебный процесс авторский комплекс дидактических материалов по курсам морфемики, словообразования, морфологии современного русского языка, отражающий новейшие достижения лингвистики и лингводидактики. Технологии обучения, применяемые Л. П. Бирюковой, формы организации самостоятельной деятельности студентов давали отличные ре-

зультаты. Под ее руководством выполнялись исследовательские работы обучающихся, неоднократно отмечаемые на научно-практической конференции «Юность Большой Волги».

Наиболее полно творческие и созидательные способности Л. П. Бирюковой раскрылись в период ее деятельности в качестве декана факультета русской филологии (1997–2013 гг.). Возглавляемый Л. П. Бирюковой факультет успешно прошел две государственные аттестации. В 1998–1999 уч. году была открыта дополнительная специальность «Культурология», в 1999–2000 уч. году – «Иностранный язык», в 2008–2009 уч. году в структуру факультета были включены дисциплины «Реклама» и «Связи с общественностью».

Научные и научно-методические труды Л. П. Бирюковой демонстрируют высокий профессионализм и творческое мышление. Область научных интересов ученого – функциональная грамматика, морфемика, словообразование, лингвокультурология.

Широкой известностью пользуются следующие ее труды: учебное пособие «Материалы к латино-греческому глоссарию и лексический минимум старшешкласника» (Чебоксары, 1994), «Типология слов» (Чебоксары, 2002), учебно-методическое пособие «Морфемика, словообразование, морфология в заданиях, схемах, образцах» (Чебоксары, 2002), учебное пособие «Современный русский язык. Категория вида: форма, семантика, функционирование» (Чебоксары, 2007), монография «Двувидовые глаголы русского языка» (СПб., 2009); работы, написанные в соавторстве: учебное пособие для вузов «Части речи в морфематическом аспекте в русском и чувашском языках» (Чебоксары, 1990), «Тетрадь-конспект ученика 5 класса (русский язык)» (Чебоксары, 1995), «Тетрадь-конспект ученика 10 класса (русский язык)» (Чебоксары, 2000), учебное пособие «Диктант? Разбор? Тест? Это трудно, но...» (Чебоксары, 2001), хрестоматия, учебное пособие «Единицы языка и единицы речи» (Чебоксары, 2005), учебное пособие по развитию и культуре речи «Учимся рассуждать» (Чебоксары, 2006), хрестоматия «Современная лингвистика: основные тенденции и направления» (Чебоксары, 2015) и др.

Кроме того, Л. П. Бирюковой опубликован ряд научных и научно-методических статей по русской филологии: «О явлении синкретизма в области глагольного вида в современном русском языке», «О сдвиге видового значения», «Вид в инфинитиве (на материале русских двувидовых глаголов)», «Словообразовательные модели видовых пар русского глагола и примеры их изучения», «Функциональный аспект морфемного и словообразовательного анализа в вузе и школе», «Логика морфемного и словообразовательного анализа», «"Связки" словарей в процессе изучения структуры слова», «Похвальное

слово “разбору”», «Интерпретация аспектуальных смыслов повествовательного текста (опыт лингвистического эксперимента)» и др.

Профессиональная, научная и организаторская деятельность Л. П. Бирюковой неоднократно была отмечена грамотами и благодарностями руководства педагогического университета, Почетной грамотой Министерства просвещения, высшей школы и научных учреждений (1982), нагрудными знаками «Отличник народного просвещения» (1984), «Отличник просвещения СССР» (1986), Почетной грамотой Министерства народного образования Чувашской АССР, Чувашского областного комитета профсоюза работников народного образования и науки (1994), нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2000), орденом «Профессионал России» (2009).

*Кафедра русской и чувашской филологии и культурологии
ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*

УДК [811.113.6:811.161.1]’371

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.001

А. С. Алёшин

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «ДРУЖБА – ВРАЖДА»
В ПОСЛОВИЦАХ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ**

*Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье проводится системно-структурное и лингвокультурологическое исследование пословиц сравнительной семантики шведского и русского языков, выражающих оппозицию «дружба – вражда». Приводится структурно-семантическая классификация рассматриваемого корпуса пословичных единиц двух языков, выделяются наиболее характерные для каждого из них модели паремиологических структур. Обращение к пословицам сравнительной семантики ряда других языков позволяет изучить вербализуемые культурные установки в анализируемых паремиях, определить степень их образности.

В результате проведенного сопоставительного лингвокультурологического анализа делаются выводы о сходствах и различиях между пословицами русского и шведского языков. В рассматриваемых языках отмечается наличие совпадающих типов структурных моделей, доминирование модели с компонентом, выраженным прилагательным или наречием в сравнительной степени, частотность аксиологического предиката *bättre / лучше*. Совпадают культурные установки пословиц о ценности дружеских отношений, важности товарищей, а также используемые образы драгоценностей, вина. Различия связаны с наличием лакунарной относительно шведского языка модели русских пословиц с лексическими средствами выражения сравнения, амбивалентностью оценки связи родственных и дружеских отношений, преобладанием предметного кода культуры в иностранных паремиях. Большинство выявленных культурных установок, а также некоторые образы и метафоры следует признать присущими пословицам сравнительной семантики и в других языках.

Ключевые слова: *пословицы, сравнительная семантика, структурная модель, культурная установка, шведский язык, русский язык, дружба, вражда*

A. S. Alyoshin

**REPRESENTATION OF THE OPPOSITION “FRIENDSHIP – ENMITY”
IN PROVERBS WITH COMPARATIVE SEMANTICS**

*Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications,
Saint Petersburg, Russia*

Abstract. The article presents a systemic-structural and linguocultural study of the proverbs with comparative semantics of the Swedish and Russian languages expressing the opposition “friendship –

enmity". The structural-semantic classification of the studied corpus of proverbial units in the two languages is given, the most characteristic models of proverbial structures for each language are highlighted. Against the background of the proverbs of comparative semantics of a number of other languages, an analysis of verbalized cultural attitudes and the imagery of proverbs is carried out. As a result of the comparative linguocultural analysis, conclusions are made about the similarities and differences between the proverbs of the Russian and Swedish languages. The similarities consist in the presence of coinciding types of structural models, the dominance of the model with a component expressed by an adjective or adverb in the comparative degree, the frequency of the axiological predicate *bättre* *лучше* (*better*). The cultural attitudes of the proverbs of the two languages about the value of friendly relations, the importance of friends, the used images of jewelry and wine coincide. The differences are associated with the presence of a lacunary model of Russian proverbs with lexical means of expressing comparison, the ambivalence of assessment of the connection between family and friendly relations in Russian proverbs, and the prevalence of the subject code of culture in Swedish proverbs. Most of the identified cultural attitudes, as well as some images and metaphors, should be recognized as inherent in proverbs of comparative semantics in other languages.

Keywords: *proverbs, comparative semantics, structural model, cultural attitude, Swedish language, Russian language, friendship, enmity*

Введение. Традиционная оппозиция «дружба – вражда» является одной из универсальных и ключевых в любой лингвокультуре, она находится в родо-видовых отношениях с антонимическими концептами «свой – чужой», служит их частной конкретизацией. Языковое представление рассматриваемой антиномии неоднократно привлекало внимание исследователей. Так, большое количество работ посвящено изучению понятий «друг» и «враг», их лексико-фразеологической репрезентации ([7], [22], [24], [23], [14], [17] и др.). Концепты «друг», «враг» и их производные («дружба», «вражда») также являлись объектом анализа на материале разных языков ([18], [5], [15] и др.). Представления носителей русской культурно-языковой среды о дружбе и друге описывает тематический лингвокультурологический словарь «Друзья мои, прекрасен наш союз!» [16].

Паремии, вербализующие интересующую нас оппозицию, тоже исследовались на материале одного или нескольких языков как репрезентанты соответствующих концептов, а также в лингвокультурологическом аспекте для выявления общих черт и национально-культурного своеобразия стереотипных представлений о дружбе и вражде, запечатленных в пословицах и поговорках ([9], [8], [4], [19], [1], [12] и др.).

Объектом данного исследования являются пословицы сравнительной семантики шведского и русского языков (с привлечением данных других языков для выявления и подтверждения общих закономерностей). Цель работы заключается в системно-структурном и лингвокультурологическом изучении рассматриваемого корпуса пословичных единиц (далее – ПЕ), что предполагает решение таких задач, как структурно-семантическая классификация паремий, определение общих и национальных ментальных установок, выраженных пословицами сравнительной семантики двух языков, специфики их образности.

Актуальность исследуемой проблемы. Сравнение представляет собой универсальную категорию познания, а средства, вербализующие его, во многом одинаковы в разных языках. Одним из значимых разрядов языковых единиц, репрезентирующих данный изобразительный прием, являются пословицы. Термин «сравнение» понимается нами широко, в эту логико-семантическую и языковую категорию входят отношения тождества, подобия, логической рядоположенности, противопоставления. Рассматриваемое средство выразительности может быть отражено в паремиях с большей или меньшей степенью эксплицитности. Паремии сравнительной семантики четче, чем ПЕ других разрядов, акцентируют ценности и приоритеты народа-носителя языка, они более категоричны, образны и экспрессивны, что в совокупности делает их изучение актуальным и сегодня. Кроме того,

на данный момент существует немного трудов, посвященных рассмотрению этой группы паремий (см., например, работы [13], [21], [11], [2]). Пословицы сравнительной семантики, репрезентирующие оппозицию «дружба – вражда» в шведском и русском языках, до настоящего времени не исследовались.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили лексикографические источники русского языка ([20], [16]), словари шведского языка ([25], [26], [27]), ПЕ, извлеченные из научных работ ([1], [8], [9]). Из шведского языка для анализа с помощью сплошной выборки отобрана 21 ПЕ сравнительной семантики о дружбе и вражде, а из русского – 43 ПЕ. Количественная диспропорция извлеченных примеров объясняется более полной фиксацией пословичного фонда русскими паремиологическими словарями в целом. Исследование проводилось с опорой на общенаучные методы анализа и синтеза. В работе использованы структурный и лингвокультурологический анализы, сопоставительный и описательный методы. Исследование проводилось в соответствии со следующим алгоритмом: на первом этапе осуществлена структурно-семантическая классификация единиц каждого языка, на втором – проведен их лингвокультурологический анализ с привлечением ПЕ сравнительной семантики других языков, на третьем – сопоставление полученных результатов относительно рассмотренных ПЕ шведского и русского языков.

Результаты исследования и их обсуждение.

Пословицы сравнительной семантики шведского языка

Со структурно-семантической точки зрения шведские ПЕ сравнительной семантики можно классифицировать по следующим моделям:

1. Пословицы с компонентом – прилагательным или наречием в сравнительной степени (10 ПЕ): *En sann vän är bättre än hundra fränder.* ‘Один настоящий друг лучше сотни родственников’; *Vänner äro viktigare än eld, vatten och bröd.* ‘Друзья важнее огня, воды и хлеба’; *Ingen har större fiende än sig själv.* ‘Ни у кого нет большего врага, чем он сам’; *Det är lättare att förlora en vän än att vinna en.* ‘Легче потерять друга, чем найти’.

В данной группе примеров выделяется частная частотная модель с аксиологическим предикатом *bättre... än...* ‘лучше..., чем...’ (см. [3]): *Bättre är fiendens sår än fiendens kyss.* ‘Лучше рана от врага, чем поцелуй врага’; *Bättre en väns napp än en fiendes klapp.* ‘Лучше удар от друга, чем похлопывание от врага’; *Bättre en ny vän med ett gammalt ansikte än en gammal vän med ett nytt ansikte.* ‘Лучше новый друг со старым лицом, чем старый друг с новым лицом’; *Bättre livlös än vänlös.* ‘Лучше без жизни, чем без друга’; *En god vän är bättre än guld och silver.* ‘Хороший друг лучше золота и серебра’. Следует согласиться с М. А. Гасановой и Л. Я. Таиловой в том, что оппозитивные сопоставления в ПЕ, построенных по данной модели, «приводят к актуализации одной ценности путем “погашения” другой» [8, с. 87].

2. Пословицы с рядоположенностью компонентов, т. е. объединением двух субъектов путем выявления у них общего признака или общей характеристики, обозначаемых предикатом в синтаксической модели паремии (4 ПЕ): *Små sår och fattiga vänner skall man ej förakta.* ‘Маленькие раны и бедных друзей не нужно презирать’; *Gamla vänner och gamla svärd äro pengar värda i nöden.* ‘Старые друзья и старые мечи стоят денег в нужде’; *En försonad fiende och en köpt vän äro dåliga murstenar i fästningen.* ‘Прощенный враг и купленный друг – плохие камни в крепостной стене’; *Tro icke försonad fiendskap och hoplapad vänskap.* ‘Не верь в прощенную вражду и восстановленную дружбу’.

3. Пословицы, представляющие собой предложения идентификации (4 ПЕ): *Förlikt fiendskap är ett illa läkt sår.* ‘Забытая вражда – плохо вылеченная рана’; *Allas vän är en vars gäck.* ‘Друг для всех – шут для каждого’; *En trogen vän är en stor klenod.* ‘Верный друг – большое сокровище’. Среди этой группы паремий выделяется одна единица, построенная

по принципу синтаксического параллелизма двух частей, каждая из которых представляет собой простое предложение идентификации: *Ny vän är nytt vin, gammal vän är gammalt vin*. 'Новый друг – молодое вино, старый друг – старое вино'.

4. Пословицы, созданные по модели сложносочиненного предложения с противительным союзом *och* 'а' (1 ПЕ): *En fiende är för mycket och hundra vänner för få*. 'Один враг – слишком много, а сотня друзей – слишком мало'.

5. Пословицы со сравнительным оборотом с союзом *som* 'как' (1 ПЕ): *Är din fiende ringa som en myra räkna honom dock till elefanterna*. 'Даже если твой враг ничтожен, как муравей, относи его к слонам'.

Таким образом, по объему входящих в состав единиц в рассматриваемом корпусе шведских пословиц лидирует группа ПЕ с компонентом-прилагательным или наречием в сравнительной степени. Однако следует отметить, что как количественное наполнение моделей, так и их структура зависят от анализируемой тематической группы ПЕ, ср., например, шведские пословицы о любви сравнительной семантики, среди которых модель пословиц с компонентом-прилагательным в сравнительной степени представлена одним примером [10, с. 35].

Среди выражаемых в исследуемых шведских пословицах культурных установок можно выделить следующие:

1) Друг – это большая ценность: *Vänner äro viktigare än eld, vatten och bröd*. 'Друзья важнее огня, воды и хлеба'; *Bättre livlös än vänlös*. 'Лучше без жизни, чем без друга'; *En god vän är bättre än guld och silver*. 'Хороший друг лучше золота и серебра'; *En trogen vän är en stor klenod*. 'Верный друг – большое сокровище'.

Подобная установка выражена и в ПЕ сравнительной семантики других языков. Ср. литовские пословицы: *Geras prietelis vertesnis už įemčiūgą*. 'Хороший приятель дороже жемчуга'; *Geras draugas brangesnis už auksą*. 'Хороший друг дороже золота'; *Išbandytas draugas už auską brangesnis*. 'Проверенный друг дороже золота'. Или в табасаранских пословицах: *Ужур дуст зурба хазна ву*. 'Хороший друг – это сокровище'.

2) Особое значение представляют старые друзья: *Gamla vänner och gamla svärd äro pengar värda i nöden*. 'Старые друзья и старые мечи стоят денег в нужде'; *Ny vän är nytt vin, gammal vän är gammalt vin*. 'Новый друг – молодое вино, старый друг – старое вино'. Ср. литовские пословицы с той же образностью: *Draugas ir vynas – kuo senesnis, tuo geresnis*. 'Друг и вино: чем старше, тем лучше'. В табасаранском языке эта же культурная установка выражена следующим образом: *Къар цлийи дустармлан сар йирсир ужжу иул*. 'Чем двадцать новых друзей, лучше один старый'.

3) Друзей нельзя презирать за их бедность: *Små sår och fattiga vänner skall man ej förakta*. 'Маленькие раны и бедных друзей не нужно презирать'.

4) К врагу нужно относиться с осторожностью, быть бдительным: *Är din fiende ringa som en myra räkna honom dock till elefanterna*. 'Даже если твой враг ничтожен, как муравей, относи его к слонам'; *Bättre är fiendens sår än fiendens kyss*. 'Лучше рана от врага, чем поцелуй врага'; *Bättre en väns napp än en fiendes klapp*. 'Лучше удар от друга, чем похлопывание от врага'.

5) Прощеная или забытая вражда, как и купленная или восстановленная дружба, ненадежны: *En försonad fiende och en köpt vän äro dåliga murstenar i fästningen*. 'Прощенный враг и купленный друг – плохие камни в крепостной стене'; *Tro icke försonad fiendskap och hoplapad vänskap*. 'Не верь в прощенную вражду и восстановленную дружбу'; *Förlikt fiendskap är ett illa läkt sår*. 'Забытая вражда – плохо вылеченная рана'.

6) Шведская народная мудрость, используя числовой код культуры, гласит: *En fiende är för mycket och hundra vänner för få*. 'Один враг – слишком много, а сотня друзей – слишком мало'. Ср. литовские пословицы с антитезой числительных *один – сто*: *Geriau*

šimtas draugu negu vienas priešas. ‘Лучше сто друзей, чем один враг’; *Šimtas draugu – maža, vienas priešas – daug*. ‘Сто друзей – мало, один враг – много’. В лакских ПЕ используется оппозиция числительных *один – тысяча*: *Азара дусгу чанссар, ца душмангу чIявуссар*. ‘Иногда тысячи друзей тоже мало, одного врага много’. То же находим и в пословицах рутульского языка: *Гьагъзыр хьиди цIам диъи, са душман – бала*. ‘Тысячи друзей – мало, один враг – много’.

7) Дружба рассматривается в связи с семейно-родственными отношениями, именно ей отдается приоритет: *En sann vän är bättre än hundra fränder*. ‘Один настоящий друг лучше сотни родственников’; *Vänskap går före frändskap*. ‘Дружба идёт раньше, чем родство’.

8) Дружбой нужно дорожить: *Det är lättare att förlora en vän än att vinna en*. ‘Легче потерять друга, чем найти’.

В шведских пословицах используются предметный (золото, серебро, меч, камни, крепостная стена, деньги), биоморфный (слон, муравей), соматический (лицо, поцелуй, рана), числовой (один, сто), гастрономический (хлеб, вино, вода) коды культуры.

Пословицы сравнительной семантики русского языка

Со структурно-семантической точки зрения русские ПЕ сравнительной семантики можно классифицировать по следующим моделям:

1. Пословицы с компонентом-прилагательным или наречием в сравнительной степени (20 ПЕ): *Больше друзей – больше и врагов*; *Был у друга, пил воду – слаще мёду*; *Добрый друг лучше ста родственников*; *Легче друга потерять, чем найти*; *Неверный друг опаснее врага*; *Плохая дружба лучше хорошей ссоры*; *Раздружится друг – хуже недруга*; *Солдатская дружба сильнее смерти*; *Старый друг лучше новых двух*; *Счёт чаще – дружба слаще*; *Хорошая дружба крепче каменных стен*; *Хороший друг лучше плохой родни*; *Трусливый друг опаснее врага*; *Вражда с дураком не умнее дружбы*; *Один враг сделает больше вреда, чем сто друзей – пользы*; *Тайный враг страшнее явного*.

Внутри этой объемной группы ПЕ выделяется частная модель «лучше..., чем...»: *Лучше друг вдали, чем враг вблизи*; *Лучше друг верный, чем камень драгоценный*; *Лучше умереть возле друга, чем жить у своего врага*; *Лучше честный враг, чем коварный друг*.

2. Пословицы, в составе которых есть сравнительные союзы *что и как* (8 ПЕ): *Без друзей, без связи – что колёса без мази*; *Друг неиспытанный – что орех нерасколотый*; *Друзей у богатых что мякины около зерна*; *Друзья прямые – что братья родные*; *Новый друг – что весенний лёд*; *Хороший друг как вороной конь: и из огня вынесет, и из беды выволит*; *Человек без друзей что дерево без корней*; *Дружба – как стекло: разобьёшь – не сложишь*.

3. Пословицы, представляющие собой сложносочиненное предложение с противительным союзом *а* (4 ПЕ): *Бой красен мужеством, а товарищ – дружеством*; *Конь узнаётся в езде, а друг в беде*; *Птица сильна крыльями, а человек – дружбой*; *Друг другу терпим ставит, а недруг недругу гроб тешет*.

4. Пословицы с лексическими средствами выражения сравнения (3 ПЕ): *Ложный друг подобен кошке: спереди ласкает, а сзади царапает*; *Нет дружеска против родного батюшки, нет подружки против матушки*; *Нет друга супротив родного брата*.

5. Пословицы, построенные по принципу синтаксического параллелизма (2 ПЕ): *В море спасает спасательный круг, в жизни спасает единственный друг*; *Для друзей пироги, для врагов – кулаки*.

6. Пословицы, созданные по модели «чем..., тем...» (1 ПЕ): *Чем крепче дружба, тем теснее союз*.

7. Пословицы идентификации (1 ПЕ): *Человек без друзей – левая рука без правой*.

8. Пословицы деидентификации («деидентифицирующие пословицы» по терминологии Т. Г. Бочиной [6, с. 10]) (1 ПЕ): *Дружба не гриб: в лесу не найдёшь*.

9. Пословицы с рядоположенностью компонентов (1 ПЕ): *Три друга: отец да мать, да верная жена.*

10. Пословицы, в которых наблюдается комбинация разных средств выражения сравнения (2 ПЕ):

– сложного предложения с противительным союзом и сравнительного оборота: *В друге стрела как во пне; а в себе – как в сердце;*

– сложного предложения с противительным союзом и прилагательного в сравнительной степени (1 ПЕ): *Одежда лучше новая, а друг – старей.*

Среди выражаемых в анализируемых русских пословицах культурных установок можно выделить следующие:

1) Дружба и друзья очень важны в жизни человека: *Хорошая дружба крепче каменных стен; Человек без друзей – левая рука без правой; Бой красен мужеством, а товарищ – дружеством; Без друзей, без связи – что колёса без мази; Птица сильна крыльями, а человек – дружбой; В море спасает спасательный круг, в жизни спасает единственный друг; Хороший друг как вороной конь: и из огня вынесет, и из беды выведет; Человек без друзей что дерево без корней.* Ср. использование аналогичного образа дерева с корнями в агульской пословице: *КТуранин кьуват – мерТерилас э, инсандинф – дусттарилас.* 'Сила дерева в корнях, сила человека – в друзьях'.

2) В русских пословицах (как и в шведских) отмечается, что друг – это большая ценность: *Лучше друг верный, чем камень драгоценный.*

3) Особую значимость представляют старые друзья: *Одежда лучше новая, а друг – старей; Старей друг лучше новых двух.* Ср. полный эквивалент последней пословицы в литовском языке: *Senas tavorščius geresnis už du naujus.* 'Старей друг лучше новых двух'. Новый же друг ненадежен, хрупок, как весенний лед: *Новей друг – что весенний лёд.*

4) Особо выделяется боевая дружба: *Солдатская дружба сильнее смерти.*

5) Русские пословицы предупреждают об опасности наличия ненастоящего друга – неверного, трусливого, коварного, двуличного: *Неверный друг опаснее врага; Трусливый друг опаснее врага; Лучше честный враг, чем коварный друг; Ложный друг подобен кошке: спереди ласкает, а сзади царапает.* Такой друг оказывается опаснее врага. Ср. в литовском языке: *Netikri draugai blogesni už atvirus priešius.* 'Ненастоящие друзья хуже открытых врагов'.

6) Друг должен быть проверенным: *Друг неиспытанный – что орех нерасколотый; Конь узнаётся в езде, а друг в беде.*

7) Как и в шведских пословицах, в русских ПЕ отмечается, что дружбой нужно дорожить, т. к. найти друга трудно, а потерять легко: *Легче друга потерять, чем найти; Дружба – как стекло: разобьёшь – не сложишь.* Ср. тот же образ «дружба – стекло» в литовском языке: *Draugystė kaip stiklas, sumiši – neatitaisysi.* 'Дружба как стекло, разобьёшь – не починишь'; в табасаранском языке: *Дуст марцци шюше ву, гьюбгьши, кавсуз шулдар.* 'Дружба как чистое стекло, если разбить, не склеишь'.

8) Русские пословицы, сравнивающие кровных родственников и друзей, амбивалентны по своей оценочности. С одной стороны, отмечается, что лучшие друзья – это кровные родственники: *Нет дружка против родного батюшки, нет подружки против матушки; Нет друга супротив родного брата; Три друга: отец да мать, да верная жена.* С другой стороны, в приоритете оказываются друзья: *Добрей друг лучше ста родственников. Хороший друг лучше плохой родни.*

Ср. в табасаранском языке: *Багъри бабтІан артухъ дуст айиб дар.* 'Чем родная мать, лучшего друга не будет'. Исследователи отмечают, что в дагестанских языках дружба ассоциируется с братством, предполагая духовное единение людей, для этих языков характерно сравнение друга с братом: *Ушмухур гьарашатту гьалмахду.* 'Ближе брата –

друг'; *Ушду бартту гьалмахду*. 'Друг, подобный брату' (в арчинском языке); *Вац г1адав гьудул*. 'Подобный брату друг' (в аварском языке) [8, с. 88].

9) Самый страшный враг – это бывший друг: *Раздружится друг – хуже недруга*.

10) Опасен тайный враг: *Тайный враг страшнее явного*.

11) При сопоставлении друзей и врагов, как и в шведском языке, используется числовой код культуры с антитезой лексем *один* и *сто*: *Один враг сделает больше вреда, чем сто друзей – пользы*.

12) Между врагами и друзьями возможны разные отношения: *Друг другу терем ставит, а недруг недругу гроб тешет; Для друзей пироги, для врагов – кулаки*.

13) Оппозиция «свой – чужой» находит отражение в эгоцентричной пословице: *В друге стрела как во пне; а в себе – как в сердце*. И как бы ни были люди дружны, важными остаются деловые отношения: *Счёт чаще – дружба слаще*.

В русских пословицах сравнительной семантики отражаются предметный (*каменные стены, колеса без мази, спасательный круг, одежда, терем* и др.), биоморфный (*птица, вороной конь, кошка, дерево, орех, пень, гриб*), природный (*весенний лед*), соматический (*рука, кулаки, сердце*), гастрономический (*пироги, мед*), цифровой (*один, сто*) коды культуры.

Выводы. В результате проведенного анализа пословиц сравнительной семантики шведского и русского языков о дружбе и вражде можно отметить, что структурно-семантические модели ПЕ двух языков обнаруживают много общего как в типологии пословичных моделей, так и в количественной пропорции их наполнения. В рассмотренном корпусе языков по объему единиц лидирует модель пословиц с компонентом, выраженном прилагательным или наречием в сравнительной степени, внутри которой более частотным оказался аксиологический предикат *bättre / лучше*. Лакунарной относительно шведского языка оказалась модель русских ПЕ с лексическими средствами выражения сравнения (*подобен, супротив, против*). Лингвокультурологический анализ выделенного корпуса пословиц двух языков на фоне аналогичного разряда единиц некоторых других языковых групп позволил выявить общие установки культуры, такие как важность и ценность дружбы, умение ею дорожить, предпочтительность наличия старых проверенных друзей, необходимость бдительного отношения к врагам. В пословицах сравнительной семантики русского языка дружба, как в шведских паремиях, рассматривается вместе с родственными отношениями, но оценка этих связей амбивалентна. В ПЕ шведского и русского языков происходит совпадение отраженных в них кодов культуры, однако в исследованных иноязычных пословицах преобладает предметный. Большинство культурных установок следует признать свойственными и другим языкам. То же относится и к некоторым пословичным образам, метафорам, таким как дружба – старое вино, стекло, дерево с корнями и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакарова М. А. Реализация концепции дружбы и вражды на материале структурно-семантического анализа лакских пословиц [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 4. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/52FLSK422.pdf> (дата обращения: 25.07.2024).
2. Алёшин А. С. Концептуализация диады «жизнь – смерть» (на материале шведских паремий сравнительной семантики) // Когнитивные исследования языка. Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования. – Тамбов, 2024. – Вып. 2(58). – С. 80–84.
3. Алёшин А. С. Шведские и русские пословицы с компаративным компонентом *bättre / лучше* (лингвокультурологический аспект) // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2021. – Вып. 2(45). – С. 310–319.
4. Али Нажва Фуад. Концепт «Дружба» в русской лингвокультуре (на материале пословиц и поговорок русского языка) // Фундаментальная наука вузам. – 2019. – № 4. – С. 395–406.
5. Балабас Н. Н. Концепты «amitié» (дружба) и «hostilité» (вражда) во французском языке : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.05. – М., 2010. – 31 с.

6. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: очерки по языку русских пословиц. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 194 с.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
8. Гасанова М. А., Таибова Л. Я. Лингвокультурологический анализ концептов дружба-вражда в дагестанской паремиологической картине мира (на материале табасаранского, агульского, рутульского и цахурского языков) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 31. – Вып. 2. – С. 86–92. – DOI 10.21779/2542-0313-2016-31-2-86-92.
9. Голембовская Н. Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Волгоград, 2014. – 209 с.
10. Зиновьева Е. И., Алёшин А. С. Пословицы о любви со сравнительной семантикой в русском и шведском языках в аспекте лингвокультурологии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – № 2(115). – Чебоксары, 2022. – С. 31–37.
11. Зиновьева Е. И., Чжао Сыминь. Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 328–346. – DOI org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346.
12. Кандыбина А. В. Особенности объективации универсальной антиномии «дружба – вражда» в семантике русских и чешских паремий // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 3(461). – С. 72–78. – DOI 10.47475/1994-2796-2022-10310.
13. Лазутин С. Г. Сравнения в пословицах и поговорках // Язык и стиль произведений фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. – 1986. – С. 3–9.
14. Леонтьева Т. В. Репрезентация противоположностей в слове друг-враг: контекстный анализ // Мир русского слова. – 2020. – № 2. – С. 35–39. – DOI 10.24411/1811-1629-2020-12035.
15. Леонтьева Т. В., Мокиенко В. М. Концепты дружба и друг в лексикографической парадигме (проект паремиологического словаря) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – Т. 24, № 2(90). – С. 165–176. – DOI 10.21603/2078-8975-2022-24-2-165-176.
16. Леонтьева Т. В., Мокиенко В. М., Щетинина А. В. «Друзья мои, прекрасен наш союз!» Лингвокультурологический словарь дружбы. – Екатеринбург : Ажур, 2023. – 452 с.
17. Леонтьева Т. В., Семехина А. С., Щетинина А. В. Дружба истинная и ненастоящая: лексические репрезентанты в русском языке // Лики единения в языке и дискурсе / под ред. Т. В. Леонтьевой. – Екатеринбург : Ажур, 2022. – С. 11–61.
18. Лукашкова О. Ю. Концепты друг и враг в русской концептосфере (опыт моделирования) // Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / под ред. З. Д. Попова, И. А. Стернина. – Воронеж, 2002. – С. 107–113.
19. Макианцева Н. В. Пословицы с концептом «дружба» в русском языке как отражение народного менталитета // Международный научно-исследовательский журнал – 2021. – № 6(108). – Ч. 5. – С. 166–170. – DOI <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.6.171>.
20. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость: русские пословицы. – М. : Олма Медиа-Групп, 2011. – 416 с.
21. Николаева Е. К. Устойчивые сравнения в русских пословицах // Проблемы истории, филологии, культуры: научный журнал РАН. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск : Изд-во ООО «Аналитик», 2010. – № 3(29). – С. 238–245.
22. Урысон Е. В. Друг, товарищ, приятель // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд-е, испр. и доп. – М. : Языки русской культуры, 2003. – С. 297–299.
23. Халилова Е. К. Этимологическое содержание оппозиции «друг – враг» в разных этнических языковых и концептуальных системах // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2013. – № 2(6). – С. 100–103.
24. Шмелев А. Д. Дружба в русской языковой картине мира // Зализняк А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи языковой картины мира. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 289–303.
25. *Den svenska ordspråksboken*. L. J. Hjertas förlag. – 1865. Den elektroniska utgåvan. – 2012. – 98 s.
26. *Holm P. 3530 ordspråk och talesätt*. – Stockholm : Bonnier fakta, 1984. – 260 s.
27. *Ström F. Svenska ordspråk*. – Stockholm : Bokförlaget Prisma Stockholm, 1929. – 396 s.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024

REFERENCES

1. Abakarova M. A. Realizaciya koncepcii družby i vrazhdy na materiale strukturno-semanticheskogo analiza lakskih poslovic [Elektronnyj resurs] // Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya. – 2022. – Т. 13, № 4. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/52FLSK422.pdf> (data obrashcheniya: 25.07.2024).

2. Alyoshin A. S. Konceptualizaciya diady «zhizn' – smert'» (na materiale shvedskih paremij sravnitel'noj semantiki) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Kogniciya, kommunikaciya, diskurs: sovremennye aspekty issledovaniya. – Tambov, 2024. – Vyp. 2(58). – S. 80–84.
3. Alyoshin A. S. Shvedskie i russkie posloviцы s komparativnym komponentom bättre/luchshe (lingvokul'turologicheskij aspekt) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – Tambov, 2021. – Vyp. 2(45). – S. 310–319.
4. Ali Nazhva Fuad. Koncept «Druzhba» v russkoj lingvokul'ture (na materiale poslovic i po-govorok russkogo yazyka) // Fundamental'naya nauka vuzam. – 2019. – № 4. – S. 395–406.
5. Balabas N. N. Koncepty «amitié» (druzhba) i «hostilitéé» (vrazhda) vo francuzskom yazyke : avtoref. ... dis. kand. filol. nauk : 10.02.05. – M., 2010. – 31 s.
6. Bochina T. G. Stilistika kontrasta: ocherki po yazyku russkih poslovic. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2002. – 194 s.
7. Vezhbickaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevyh slov. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. – 287 s.
8. Gasanova M. A., Taibova L. Ya. Lingvokul'turologicheskij analiz konceptov družba-vrazhda v dagestanskoj paremiologicheskoy kartine mira (na materiale tabasaranskogo, agul'skogo, rutul'skogo i cahurskogo yazykov) // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. – 2016. – T. 31. – Vyp. 2. – S. 86–92. – DOI 10.21779/2542-0313-2016-31-2-86-92.
9. Golembovskaya N. G. Lingvokul'turnye antinomii v russkih i litovskih paremiyah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Volgograd, 2014. – 209 s.
10. Zinov'eva E. I., Alyoshin A. S. Posloviцы o lyubvi so sravnitel'noj semantikoj v russkom i shvedskom yazykah v aspekte lingvokul'turologii // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – № 2(115). – Cheboksary, 2022. – S. 31–37.
11. Zinov'eva E. I., Chzhao Symin'. Posloviцы konceptual'nogo polya PRYAMOTA–LUKAVSTVO s semantikoj sravneniya v russkom i kitajskom yazykah: integrativnyj podhod // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2023. – T. 14, № 2. – S. 328–346. – DOI org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346.
12. Kandybina A. V. Osobennosti ob'ektivacii universal'noj antinomii «družba – vrazhda» v semantike russkih i cheshskih paremij // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – № 3(461). – S. 72–78. – DOI 10.47475/1994-2796-2022-10310.
13. Lazutin S. G. Sravneniya v poslovicah i pogovorkah // Yazyk i stil' proizvedenij fol'klora. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. – 1986. – S. 3–9.
14. Leont'eva T. V. Reprezentaciya protivopoložnostej v slove drug-vrag: kontekstnyj analiz // Mir russkogo slova. – 2020. – № 2. – S. 35–39. – DOI 10.24411/1811-1629-2020-12035.
15. Leont'eva T. V., Mokienko V. M. Koncepty družba i drug v leksikograficheskoy paradigme (proekt paremiologicheskogo slovaryja) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – T. 24, № 2(90). – S. 165–176. – DOI 10.21603/2078-8975-2022-24-2-165-176.
16. Leont'eva T. V., Mokienko V. M., Shchetinina A. V. «Druž'ya moi, prekrasen nash soyuz!» Lingvokul'turologicheskij slovar' družby. – Ekaterinburg : Azhur, 2023. – 452 s.
17. Leont'eva T. V., Semekhina A. S., Shchetinina A. V. Družba istinnaya i nenastoyashchaya: leksicheskie reprezentanty v russkom yazyke // Liki edineniya v yazyke i diskurse / pod red. T. V. Leont'evoy. – Ekaterinburg : Azhur, 2022. – S. 11–61.
18. Lukashkova O. Yu. Koncepty drug i vrug v russkoj konceptsfere (opyt modelirovaniya) // Yazyk i nacional'noe soznanie: voprosy teorii i metodologii / pod red. Z. D. Popova, I. A. Stermina. – Voronezh, 2002. – S. 107–113.
19. Makshanceva N. V. Posloviцы s konceptom «družba» v russkom yazyke kak otrazhenie narodnogo mentaliteta // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – 2021. – № 6(108). – Ch. 5. – S. 166–170. – DOI https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.6.171.
20. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Narodnaya mudrost': russkie posloviцы. – M. : Olma Media-Grupp, 2011. – 416 s.
21. Nikolaeva E. K. Ustojchivye sravneniya v russkih poslovicah // Problemy istorii, filologii, kul'tury: nauchnyj zhurnal RAN. – Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk : Izd-vo OOO «Analitik», 2010. – № 3(29). – S. 238–245.
22. Uryson E. V. Drug, tovarishch, priyatel' // Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka. 2-e izd-e, ispr. i dop. – M. : Yazyki russkoj kul'tury, 2003. – S. 297–299.
23. Halilova E. K. Etimologicheskoe sodержanie oppozicii «drug – vrug» v raznyh etnicheskikh yazykovykh i konceptual'nykh sistemah // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnykh tekhnologij. – 2013. – № 2(6). – S. 100–103.
24. Shmelev A. D. Družba v russkoj yazykovoj kartine mira // Zaliznyak A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevye idei yazykovoj kartiny mira. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. – S. 289–303.
25. Den svenska ordspråksboken. L. J. Hjertas förlag. – 1865. Den elektroniska utgåvan. – 2012. – 98 s.
26. Holm P. 3530 ordspråk och talesätt. – Stockholm : Bonnier fakta, 1984. – 260 s.
27. Ström F. Svenska ordspråk. – Stockholm : Bokförlaget Prisma Stockholm, 1929. – 396 s.

The article was contributed on August 05, 2024

Сведения об авторе

Алёшин Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-6058-8844>, alexis001@mail.ru

Author Information

Alyoshin, Alexey Sergeevich – Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6058-8844>, alexis001@mail.ru

УДК 811.512.111'37:81-115

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.002

М. А. Бредис

НАЦИОНАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ НАЗВАНИЙ ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ В ЧУВАШСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (НА ФОНЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, России*

Аннотация. Названия денежных единиц в пословицах относятся к этнолингвомаркерам – уникальным компонентам, отражающим специфику пословичной картины мира народа. Цель статьи – выявление особенностей чувашских пословичных образов, выраженных наименованиями денежных единиц, а также их анализ в сопоставлении с пословицами языков тюркской, славянской, балтийской и финно-угорской языковых групп. Актуальность работы состоит в том, что анализ с подобным набором языков проводится впервые. Рассмотрено 28 пословиц чувашского языка на фоне более 800 паремий 10 разноструктурных языков. Применялся метод сопоставительного лингвокультурологического анализа на базе теории семантических моделей в паремиологии. В ходе работы выявлено использование в чувашских пословицах 6 названий денежных единиц: *укça*; *сум*; *нус*; *сур нус*; *полтинёк*, *копейка*. Пословицы с этими образами рассмотрены в сопоставлении с пословицами русского, польского, латышского, литовского, турецкого, татарского, марийского, удмуртского, мордовского и коми языков согласно семантическим моделям и с соответствующими лингвокультурологическими комментариями. Чувашские пословицы с этнолингвомаркерами-названиями денежных единиц хранят память о разных периодах истории народа. Общее в паремиях объясняется общностью денежной системы. Специфика является национальной.

Ключевые слова: *паремиология, пословица, компаративистика, этнолингвомаркеры, чувашский язык, названия денежных единиц, лингвокультурологический анализ, семантическая модель*

М. А. Bredis

ETHNOLINGUISTIC MARKERS IN THE NAMES OF MONETARY UNITS IN CHUVASH PROVERBS (AGAINST THE BACKGROUND OF TYPOLOGICALLY DIFFERENT LANGUAGES)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The names of monetary units in proverbs refer to ethnolinguistic markers – unique components that reflect the specifics of the proverbial world picture of a people. The purpose of the article is to identify the features of the Chuvash proverbial metaphors expressed by the names of monetary units, as well as their analysis in comparison with proverbs of the languages of the Turkic, Slavic, Baltic and Finno-Ugric language groups. The relevance of the paper is that the analysis with such a set of languages is carried out for the first time. The paper examines 28 Chuvash proverbs against the background of more than 800 proverbs of 10 typologically different languages. The method of comparative linguocultural analysis was used based on the theory of semantic models in paremiology. In the course of the research, the use of 6 names of monetary units in Chuvash proverbs was revealed and analyzed: *ukça*; *sum*; *nus*; *sur nus*; *polтинёк*, *копейка*. The proverbs with these markers are examined in comparison with proverbs of the Russian, Polish, Latvian, Lithuanian, Turkish, Tatar, Mari, Udmurt, Mordvin and Komi languages according to semantic models and with corresponding linguocultural commentaries. Chuvash proverbs with ethnolinguistic markers – names of monetary units – provide important linguocultural information about different periods of the people's history. The universal features in the proverbs are explained by the common monetary system. The specificity is national.

Keywords: *paremiology, proverb, comparative studies, ethnolinguistic markers, Chuvash language, names of monetary units, linguocultural analysis, semantic model*

Введение. Подобно тому, как старинные монеты являются свидетелями истории и могут многое рассказать о прошлом, названия денежных единиц в пословицах дают важные сведения, которые добавляют исследователю дополнительную лингвокультурологическую компетенцию [1, с. 116]. Деньги являются одним из основных репрезентантов концепта *Богатство*, и в пословицах о богатстве в качестве образов часто встречаются названия денежных единиц. Эти названия составляют особые этнокультурно маркированные компоненты пословиц, которые определяют национальную специфику паремий. Такие компоненты мы вслед за О. В. Ломакиной называем этнолингвомаркерами, т. е. носителями культурной памяти, отражающими самобытность пословицы, для которых может не быть переводческих соответствий в других языках [6, с. 85]. При переводе паремий с этнолингвомаркерами в сборниках считаем необходимым составлять подробный лингвокультурологический комментарий во избежание затруднения в их понимании, особенно для представителей других культур. К числу этнолингвомаркеров относятся также имена собственные, этнонимы, различные артефакты культуры [там же].

Целью исследования стало выявление особенностей и специфики образов, представленных названиями денежных единиц, в чувашских пословицах. Основная задача работы также заключалась в выявлении специфики образности чувашских паремий с названиями денежных единиц в сопоставлении с паремиями русского, польского, латышского, литовского, турецкого, татарского, марийского, удмуртского, мордовского и коми языков. Поскольку жанр статьи предполагает рассмотрение небольшого количества языкового материала, для анализа выбраны только пословицы тех народов, которые входят или ранее входили в состав Российской империи, или являлись ее соседями.

Актуальность исследуемой проблемы. Важным и актуальным представляется рассмотрение с точки зрения лингвистики образности чувашских пословиц с названиями денежных единиц в качестве этнолингвомаркеров. В работе даются необходимые лингвокультурологические комментарии, в том числе некоторые пояснения относительно чувашского традиционного денежного счета. Также новизна работы заключается в том, что впервые проводится сопоставление паремий, содержащих этнолингвомаркеры – названия денежных единиц с пословицами десяти языков тюркской, славянской, балтийской и финно-угорской языковых групп.

Материал и методы исследования. В качестве материала исследования выбраны 28 чувашских пословиц о богатстве с названиями денежных единиц, а также более 800 пословиц ряда разноструктурных языков из авторской картотеки, отобранных методом выборки из следующих авторитетных паремиографических изданий: *Ваттисен сӓмахӓсем, каларӓшсем, сӓтмалли юмахсем. Чувашские пословицы, поговорки и загадки* Н. Р. Романова (2012); *Татар халык макальлары һәм әйтемнәре* Л. Х. Мухаметзяновой и И. И. Ямалтдинова (2020); *Марий калык ойпого: Калыкмут-влак – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки* А. Е. Китикова (2004); *Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, книга 1. Пословицы, присловья и поговорки* (1967); *Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки* Т. Г. Перевозчиковой (1987); *Коми войтырлӧн шусьӧгъяс да кывӧжъяс. Пословицы и поговорки коми народа* (2023); *Большой словарь русских пословиц* В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (2010); *A Dictionary of Turkish Proverbs* M. Yurtbaşı (1993); *Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich* S. Adalberg (1894); *Latviešu sakāmvārdi un parunas* P. un M. Birkerti (1997); *Lietuvių patarlės ir priežodžiai* P. Sasnauskas (2006).

Методологической базой для исследования послужили современные паремиологические исследования [2], [11], [12] и др. Паремиология как молодое направление в лингвистике рассматривает паремии в качестве единиц языка. При подборе материала использовался приём сплошной выборки. Для описания теоретических постулатов применялся описательно-аналитический метод. При интерпретации примеров использовался историко-этимологический анализ. Также в работе применялся метод лингвокультурологического анализа [5] и методика сопоставительного анализа паремий на базе рассмотрения семантических моделей, или *пословичных конденсатов* (термин Е. И. Селиверстовой) [15].

Результаты исследования и их обсуждение. Чувашские паремии с названиями денежных единиц заряжены культурно-историческими смыслами и дают ценные знания о прошлом. Деньги – важный элемент жизни, ценность и одновременно антиценность, которая занимает большое место в народном сознании, что отражается в пословицах.

1. Многообразие чувашских названий денежных единиц. Анализ выявил использование в чувашских пословицах о богатстве шести названий денежных единиц: *укса*; *сум*; *тенкё*; *нус*; *сур нус*; *полтинёк*, *копейка*, которые напоминают о богатой истории чувашского народа. Больше всего пословиц выявлено с компонентами *укса* (12 ед.) и *нус* (10 ед.). Название *укса* является по происхождению тюркским и означает в современном языке ‘деньги’ и ‘монета’. Термин *укса* восходит к тюркскому *акча*, первоначально серебряной монете, имевшей хождение в различных государствах. Так, в Турции монета *акче* ‘букв. беловатый’ чеканилась с XIV по XVII в. и первоначально весила 1,2 г серебра, но со временем ее вес снизился, и она потеряла прежнюю стоимость [4, с. 9]. В татарском языке зафиксировано более 750 пословиц и поговорок со словом *акча*, что говорит о важности этого концепта для татарской пословичной картины мира [14, с. 72]. Чувашская пословица *Укса хисепе юратать* ‘Деньги любят счет’ с семантической моделью *Деньги считают* содержит название *укса* в значении ‘деньги’ вообще. Эта модель находит параллели в других рассматриваемых языках: рус. *Деньги любят счет*; тат. *Акча са-наганны ярата*; удм. *Коньдон лыдьямез яратэ*; марийск. *Окса шершот пантам йӱрата* ‘букв. Деньги любят косточки счета’; мордовск. *Ярмакие счетснон кельгсазь*. Во всех приведенных паремиях используются названия тюркского происхождения, кроме удмуртского *коньдон*, что буквально значит *цена белки*. Но и в удмуртском языке есть лексема *уксе*, которую исследователи относят к заимствованиям из чувашского языка [7, с. 609]. Татарское и марийское названия денег восходят к *акча*, русское – к *денга*, мордовское – к названию *ярмак*. В «Словаре тюркских наречий» Махмуда ал-Кашагари, первом в истории тюркском словаре, написанном во второй половине XI в., встречается слово *йармак* в значении ‘дирхем’ [9, с. 159]. Позднее в Золотой Орде чеканились монеты *ярмак*.

В ходе работы выявлена группа чувашских пословиц с компонентом-этнолингвомаркером *укса* в значении ‘монета’, причем невысокого достоинства. Например, пословица с семантической моделью *Далеко – дешево: Астӑрханта вӑкӑр пӗр укса, киле ситиччен пин уксана ситет* ‘В Астрахани бычок стоит укса, а с привозом обойдется в тысячу укса’. Пословица говорит о том, что на месте покупать значительно дешевле. Образ *далекой стороны* выражается топонимом Астрахань, которая действительно далеко от Чебоксар – более 1000 км. Образ *дешевизны* передается названием *укса* в значении мелкой монеты. На наш взгляд, при переводе этой пословицы на другие языки этнолингвомаркер *укса* можно оставить без перевода, снабдив соответствующим комментарием. Эта семантическая модель содержится в татарской пословице, полностью совпадающей с чувашской по структуре и образности: *Эстерханда сыер бер акча, килэ килэ мең акча* ‘В Астрахани корова одна акча, а перевоз тысяча акча’. В русской паремии с этой моделью *За морем телушка – полушка, да рубль перевоз* понятие *далеко* выражается образом *моря*, а *дешевизны* – образом исторической мелкой разменной монеты *полушки* стоимостью ¼ копейки.

Рост стоимости привезенного товара после перевоза передается при помощи названия *рубль*, который в 400 раз дороже *полушки*. В чувашской и татарской пословицах разница в тысячу раз.

Образ серебряной монеты сохранился в чувашской пословице *Хура кун валли сумă укша пухса хур* ‘На черный день собирай светлые денежки’ и ее семантических аналогов в других языках: рус. *Белая деньга (денежка) про черный день*; тур. *Ak akçe kara gün için-dir* ‘Белая денежка на черный день’; тат. *Ак акча кара көн өчен* ‘Белая денежка на черный день’; латышск. *Tauri grasi nedienai* ‘Береги грош на время невзгод; лит. *Tauryk pinigų juodai dienai* ‘Береги деньги на черный день’. В перечисленных пословицах образ непредвиденных невзгод – черный день – контрастирует с белыми (светлыми) спасительными монетами. Только в латышской паремии нет цветовой метафоры – *nediena* (букв. ‘не день’).

В чувашской пословице *Сёр сум пуличчен сёр тус пултăр* ‘Пусть будет сто друзей, нежели сто рублей’ в значении *рубль* используется *сум*. Это маркер для целого региона, связанный с историей Золотой Орды XIV. Сум (сом) – историческая денежно-весовая единица – слиток серебра в виде лады, который на Руси именовался татарской гривной. Вес *сома* составлял 206,1 г [10, с. 136], что близко к новгородским гривнам (204 г) [4, с. 40], которые с XIII в. стали называться рублями. Кроме слитка серебра, сом использовался для обозначения определенного количества, а именно 120, монет [10, с. 136]. Паремии с семантикой *Друзья дороже денег* присутствуют во всех рассматриваемых языках. Наиболее близка чувашской татарская пословица *Йөз сум акчаң булганчы, йөз дуслын булсын* (букв. Вместо ста сумов денег пусть будут сто друзей). Видимо, речь идет о культурной адаптации русской пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*.

Помимо названия *сум*, для обозначения рубля в чувашских пословицах о богатстве встречается *тенкё*: *Сёр сын мухтасан сёр тенкё ситет* ‘Если сто человек похвалит, то цена поднимется до ста рублей’. Согласно чувашскому этимологическому словарю, *тенкё* означает ‘серебряная монета, рубль’ [16, с. 207]. По поводу происхождения названия *тенкё* существуют разные мнения. А. Г. Мухамадиев полагает, что татарская лексема *тәңкә* восходит к *данику* или *данга* – денежно-весовой единице в Поволжье XIV в. [10, с. 137].

Чувашская пословица *Пусăн-пусăн тенкё пулать* ‘Копейка к копейке будет рубль’ использует название *пус* ‘копейка’ в семантической модели *Из малого – много*. *Пус* выступает в значении *мало*, а *тенкё* – *много*. Ср. рус. *Копеечка к копеечке – рубль набегаёт; Копейка рубль бережет*; тат. *Тиен тәңкәне саклый* ‘Копейка рубль бережет’; марийск. *Кумыр тенгем аныкла* ‘Копейка рубль сбережет’; мордовск. *Трешниктеме целковой а эри* ‘Без копейки рубля нет’; удм. *Копейкалэсь манет кылдэ* ‘Из копейки – рубль’; коми *Кӧпейка дінӧ кӧпейка – шайтӧ өкмӧ* ‘Копейка к копейке – набирается рубль’; латышск. *Grasis pie graša – iztaisa rubli* ‘Грош к грошу – получится рубль’; *Kapeika rubli sargā* ‘Копейка рубль бережет’; лит. *Ir grašis rublį saugoja* ‘И грош рубль бережет’; польск. *Grosz do grosza będzie złoty* ‘Грош к грошу будет золотый’. В турецкой пословице идея *Из малого – много* выражается без названия денежных единиц образом *капли* и *озера*: *Damlaya damlaya göl olur* ‘Капля за каплей – станет озеро’. Татарская паремия объединяет образы капли и озера с названиями денежных единиц: *Тамчы-тамчы күл була, Тиен-тиен сум була* ‘Капля за каплей будет озеро, Копейка к копейке будет рубль’. В приведенных аналогах пословиц с семантикой *Из малого – много* в качестве образов-антиподов используются названия денежных единиц *копейка* и *рубль*. *Копейка* – русская государственная серебряная монета с 1534 г. с первоначальным весом 0,68 г, сотая часть рубля. Она делилась на две *деньги* и на четыре *полушки* [4, с. 89].

Название *сур пус* (букв. ‘половина шкурки’) встречается в чувашской пословице «Тет» *сăмахăн теçетки те сур пус тăмась* (букв. ‘Десятки слов «Говорят» не стоят и полкопейки»). Пословица осуждает пустословие, праздную болтовню. Используемое в этой

паремии название денежной единицы *сур пус* означает русскую монету $\frac{1}{2}$ копейки, которая в разное время называлась ‘деньга’, или ‘грош’. Образ *сур пус* используется в пословице как самый низкий номинал, чтобы подчеркнуть ничтожность пустых разговоров, которые не стоят и самой малой денежной единицы. В «Словаре чувашских пословиц, поговорок и загадок» Н. Р. Романова данная пословица переводится на русский как *Дюжина побасок ни полушки не стоит*, что усиливает негативную оценку болтовни, так как *полушка* – действительно минимальная денежная единица в России стоимостью *полденьги*, или позднее $\frac{1}{4}$ копейки.

Название русской монеты *денга* пришло с Востока, но сама монета по весу и способу изготовления не сходна с восточными монетами [4, с. 53]. Изначально *денга* (с конца XVIII в. – *деньга*) была серебряной русской монетой, чеканка которой началась в Москве в конце XIV в. Из гривны серебра (204 г) чеканили 200 денег, составлявших московский рубль, а с 1534 г. две денги стали составлять одну копейку. Позднее копейка вытеснила денгу из обращения, но люди и в XVII в. продолжали вести счет *на денгу*, называя копейку двумя денгами. С XVIII в. началась чеканка медных монет под названием *деньга*, а позднее – $\frac{1}{2}$ копейки [4, с. 53]. Со временем стоимость монеты уменьшалась и стала фактически самым низким номиналом, за исключением *полушки*. Монеты достоинством $\frac{1}{2}$ копейки чеканились в России вплоть до 1917 г., затем в СССР – с 1925 по 1928 г.

Заемствованные из русского названия денег *копейка* и *полтинёк* встречаются в шуточных чувашских пословицах: *Купи копейка, виçсёйш виçё пус* ‘Куча стоит копейка, а тройка три копейки’. *Эпё алă пус тесе, пёр полтинёк анчах-çке* ‘Я думал пятьдесят копеек, оказалось всего один полтинник’.

2. Ареал беличьих денег. Чувашское слово *пус* ‘копейка’ возводят к персидскому *пуст* ‘шкура’. Чувашия находится в пределах огромного историко-географического ареала, где в древности эквивалентом денег были беличьи шкурки. В этот регион входили земли славян, тюрков и финно-угорских народов. Не случайно у всех народов, соседствующих с чувашским, *копейка* обозначается словом, которое имеет также значение ‘белка’: тат. *тиен*; марийск. *ыр* и др. Татарская пословица гласит: *Тиен – агачтан агачка, тиен кулдан – кулга сикерэ* (букв.) ‘Одна белка прыгает с дерева на дерева, другая белка (копейка) – с рук на руки’.

В древности беличьими шкурками выплачивались и подати. Арабский путешественник *Абу Хамид Ал-Гарнати*, побывавший в Булгаре и Русских землях в 1150-1153 гг. писал о славянах: «Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые ни на что не годятся» [13, с. 35]. По его свидетельству, связка из восемнадцати шкурок у славян стоила один серебряный дирхем, а шкурки имели княжескую печать и ходили в качестве денег, на которые можно было купить любой товар, и никто не мог отказаться от них [13, с. 36]. С беличьими шкурками связан традиционный денежный счет в чувашском, марийском, удмуртском и коми языках. Согласно историческому чувашскому счету, *виçё пус* букв. ‘три шкурки’ = 1 коп., *çичё пус* ‘семь шкурок’ = 2 коп., *вонă пус* ‘десять шкурок’ = 3 коп., *вонтватă пус* ‘четырнадцать шкурок’ = 4 коп., *вунçичё пус* ‘семнадцать шкурок’ = 5 коп. и т.д. [16, с. 450]. Во всех вышеупомянутых языках наблюдается одинаковое соотношение – 3 шкурки = 1 коп., 7 шкурок = 2 коп. и т.д. Такое соотношение в счете у коми, удмуртов и марийцев С.А. Забоев объясняет общей базой с XIII в. – татарскими деньгами: 1 *деньга* = 3 *белки*, причем, по его мнению, такое соотношение принудительно мог установить хан [3, с. 107]. Это возможно, но данных о соотношении татарских денег с белками нам не встречалось. Представляется, что упоминаемые в пословицах старые названия 1 копейки (3 белки) и традиционный счет непосредственно связаны с денежной реформой в России 1840 г., причем речь не идет о реальной стоимости белки.

Известно, что в 1840 г. в крае Коми беличья шкурка стоила в среднем уже 6 коп. [3, с. 105]. Просто за копейкой с XVI-XVII в. закрепилось название 'белка', так как первоначально подати у народов Поволжья взымались пушниной, и одна шкурка в те времена могла стоить 1 коп. К моменту реформы в XIX в., очевидно, подати платили уже деньгами. В 1839 г. указом императора Николая II в качестве стандарта был введен серебряный рубль, который обменивался на 3,5 рубля ассигнациями. Тот же курс был у медных денег. Была выпущена новая медная копейка с надписью «одна копейка серебром», которая стоила 3,5 копейки старого образца. В российских губерниях эту новую копейку стали называть *трешник*, 2 коп. – *семишник*, 3 коп. – *десятичник*. Эти названия упоминались в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Отсюда в мордовском языке сохранилось название копейки – *трешник*. В марийском словаре «Марий мутер» можно найти подтверждение связи «беличьих» названий с реформой 1840 г.: *кумур* букв. 'три белки, т. е. три копейки старого образца' = 1 коп., а *кумуриший* букв. 'три белки серебро' это уже 3 коп. [8, с. 84]. Именно поэтому *кумло-вичур* в этом же словаре значит 35 белок = 10 коп. [там же]. Таким образом, мы можем примерно определить время возникновения пословиц с подобными названиями.

Выводы. Анализ показал, что пословицы с этнолингвомаркерами – названиями денежных единиц хранят память о разных исторических периодах жизни чувашского народа. Многие пословицы заимствованы из русского языка, но адаптированы этнолингвомаркерами для чувашской лингвокультуры. В пословицах сохранились такие названия, как *укса*, *сум*, *тенкё*, что напоминает о периоде вхождения чувашских земель в состав Золотой Орды. Затем эти названия перешли на единицы русской денежной системы, в соответствии с их номиналом и весом. Так, название *сум* изначально обозначало слиток серебра, который по весу примерно соответствовал новгородской гривне, также представлявшей из себя слиток серебра, что, вероятно, облегчило смысловой перенос названия. Название *пус*, по-видимому, дошло до нас с ещё более древних времён, когда беличья шкурка играли роль денег. Сопоставительный анализ выявил сходство и особенности использования образов-названий денежных единиц в паремиях разнотипных языков. Пословицы всех рассматриваемых языков в качестве понятия *деньги* используют название исторических денежных единиц (в древности монет): чув. *укса*, рус. *деньга*, польск. и лит. *пфенниг*, мордовск. *ярмак*. Общее в семантике пословиц связано с общими свойствами денежной системы, общей историей в составе одного государства. В основном названия денежных единиц в пословицах выражают количественные отношения. Чувашские пословицы в качестве образов *мало* и *много* используют оппозицию минимальных и крупных денежных единиц *пус* (*сур пус*) – *тенкё*. Подобные оппозиции с той же семантикой наблюдаются в пословицах всех рассматриваемых языков.

Национальный компонент рассматриваемых пословиц связан с сохранением и переносом старинных названий денег на русскую денежную систему. Даже в заимствованных русских паремиях за небольшим исключением чувашские пословицы чаще используют исторические национальные названия денежных единиц. Названия копейки у ряда тюркских и финно-угорских народов связаны с древними расчетами пушниной. В чувашском языке это *пус* 'шкурка'. Этим обусловлен перенос названия *белка* на русскую денежную единицу – *копейку* после вхождения этих народов в состав Русского государства. В ходе анализа удалось выявить примерное время возникновения ряда пословиц. Точкой отсчета послужила реформа денежной системы России 1840 г.

При переводе национально маркированных пословиц с названиями денежных единиц в двух- или многоязычных пословичных словарях необходим лингвокультурологический комментарий, который во многих случаях позволит более точно определить значение пословицы, правильно понять ее смысл. В некоторых случаях исторические названия

денежных единиц в рассматриваемых чувашских пословицах считаем возможным оставлять без перевода с целью сохранения национального колорита, а также обеспечения адекватности перевода пословиц, с обязательным лингвокультурологическим комментарием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредис М. А. Человек и деньги: очерки о пословицах русских и не только. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2019. – 296 с.
2. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 265–284. – DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>.
3. Забоев А. С. Древний «денежный» счет коми // Советская этнография. – 1978. – № 1. – С. 103–109.
4. Зварич В. В. Нумизматический словарь. – Львов : Вища школа, 1979. – 338 с.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
6. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идеостиль / под ред. В. М. Мокиенко. – М. : РУДН, 2018. – 344 с.
7. Максимов С. А. Тюркско-удмуртские лексические метаморфозы II: о происхождении слов италмас 'купальница европейская', коньы 'белка', атта 'все время, постоянно' // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2020. – Т. 14, вып. 4. – С. 604–616.
8. Марий мутэр: Турлө вэрэ илйшэ марийын муштӓм тангастарэн нэргэлӓмэ кнага / ӱпӓмарий (В. М. Васильев). – М. : СССР Калык-влак Рӱдӱ Савӓктӓш, 1926. – 348 с.
9. Махмуд ал-Каизари. Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и ком. З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
10. Мухамдиев А. Г. Древние монеты Поволжья. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1990. – 192 с.
11. Паремиялогия без границ / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. – М. : Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.
12. Паремиялогия на перекрестках языков и культур / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
13. Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. – 136 с.
14. Сагдеева Ф. К., Гайнанова Д. Р. Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа. – Казань : ИЯЛИ, 2017. – 248 с.
15. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / науч. ред. В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 296 с.
16. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. : в 2-х тт. Т. 1. А–Р. – Чебоксары : ЧГИГН, 1996. – 470 с.

Статья поступила в редакцию 19.10.2024

REFERENCES

1. Bredis M. A. Chelovek i den'gi: ocherki o poslovicah russkih i ne tol'ko. – SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019. – 296 s.
2. Bredis M. A., Dimoglo M. S., Lomakina O. V. Paremii v sovremennoj lingvistike: podhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchij i lingvokul'turologicheskij potencial // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2020. – T. 11, № 2. – S. 265–284. – DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>.
3. Zaboev A. S. Drevnij «denezhnyj» schet komi // Sovetskaya etnografiya. – 1978. – № 1. – S. 103–109.
4. Zvarich V. V. Numizmaticheskij slovar'. – L'vov : Vishcha shkola, 1979. – 338 s.
5. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: antroponimicheskij kod kul'tury. – M. : LENAND, 2019. – 400 s.
6. Lomakina O. V. Frazeologiya v tekste: funkcionirovanie i ideostil' / pod red. V. M. Mokienko. – M. : RUDN, 2018. – 344 s.
7. Maksimov S. A. Tyurksko-udmurtskie leksicheskie metamorfozy II: o proiskhozhdenii slov italmas 'kupal'nica evropejskaya', kon'y 'belka', atta 'vse vremya, postoyanno' // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. – 2020. – T. 14, vyp. 4. – S. 604–616.
8. Marij muter: Turlö vere iläshe marijın mushtım tangastaren nergelıme knaga / ӱпӓмарий (V. M. Vasil'ev). – M. : SSSR Kalyk-vlak Rŭdö Savăktış, 1926. – 348 s.

9. Mahmud al-Kashgari. Divan Lugat at-Turk / per., predisl. i kom. Z.-A. M. Auezovoj. Indeksy sostavleny R. Ermersom. – Almaty : Dajk-Press, 2005. – 1288 s.
10. Muhamadiev A. G. Drevnie monety Povolzh'ya. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 1990. – 192 s.
11. Paremiologiya bez granic / red. M. A. Bredis, O. V. Lomakina. – M. : Izd-vo RUDN, 2020. – 244 s.
12. Paremiologiya na perekrestkah yazykov i kul'tur / red. E. E. Ivanov, O. V. Lomakina. – M. : Izd-vo RUDN, 2021. – 246 s.
13. Puteshestvie Abu Hamida Al-Garnati v Vostochnuyu i Central'nuyu Evropu (1131–1153 gg.) / publikaciya O. G. Bol'shakova, A. L. Mongajta. – M. : Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1971. – 136 s.
14. Sagdeeva F. K., Gajnanova D. R. Tatarskij koncept kak ob'ekt lingvokul'turologi-cheskogo analiza. – Kazan' : IYALI, 2017. – 248 s.
15. Seliverstova E. I. Prostranstvo russkoj poslovicy: postoyanstvo i izmenchivost' / nauch. red. V. M. Mokienko. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : FLINTA : Nauka, 2017. – 296 s.
16. Fedotov M. R. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka. : v 2-h tt. T. 1. A–R. – CHEboksary : CHGIGN, 1996. – 470 s.

The article was contributed on October 19, 2024

Сведения об авторе

Бредис Михаил Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-4885-952X>, briedis@yandex.ru, bredis_ma@pfur.ru

Author Information

Bredis, Mikhail Alekseevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-4885-952X>, briedis@yandex.ru, bredis_ma@pfur.ru

УДК 811.161.1'373.613:371.275

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.003

С. Г. Буданова

ЛАКУНЫ ВО ВТОРИЧНЫХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вторичные учебные тексты, предлагаемые выпускникам школ в КИМах ЕГЭ по русскому языку. Данные тексты предлагается считать вторичными, поскольку они отбираются и строятся по определенным структурно-содержательным параметрам, всегда опираются на авторские художественные и публицистические произведения, подвергаются различного рода трансформациям и меняют функциональную характеристику с исходной эстетической на учебную, дидактическую. При этом полного и системного описания данного жанра учебных текстов с позиций вторичности в лингвистике на данный момент нет, чем и определена актуальность настоящей работы. Контекстуальный анализ текстов, в разные годы представленных в КИМах ЕГЭ по русскому языку и опирающихся на первичные произведения Н. А. Варенцова, Ю. М. Нагибина, В. Ф. Тендрякова, А. П. Чехова, Э. Ю. Шима, М. А. Шолохова, позволил выявить в них смысловые и концептуальные лакуны, то есть участки такой текстовой информации, которая является значимой в герменевтико-интерпретационном аспекте, но потенциально обладает смысловой недостаточностью и нуждается в элиминировании. При этом такие пропуски-лакуны создают для учащихся ощутимые трудности в понимании содержания вторичного текста в результате пропусков фабульно значимых отрезков авторского текста, наличия лакунарных концептов или алогизмов, препятствующих адекватной интерпретации текста. Устранение таких лакун, создающих действительные помехи в интерпретации предлагаемых на выпускном государственном экзамене текстов, автор считает важной задачей.

Ключевые слова: *текст, вторичный текст, учебный текст, сочинение, лакуна, содержательная лакуна, концептуальная лакуна, лакунарность*

S. G. Budanova

LACUNAS IN SECONDARY EDUCATIONAL TEXTS AT THE UNIFIED STATE EXAM IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article examines secondary educational texts offered to school leavers at the Unified State Exam in Russian Language. These texts are secondary, since they are selected and constructed according to certain structural and content parameters, always rely on the author's artistic and journalistic works, undergo various transformations and change their function (for example, from the original aesthetic to an educational, didactic function). At the same time, there is currently no complete and systematic description of this genre of educational texts from the standpoint of secondariness in linguistics, which determines the relevance of this work. Contextual analysis of the texts presented in the Unified State Exam the Russian Language in different years and based on the primary works of N. A. Varentsov, Yu.M. Nagibin, V. F. Tendryakov, A. P. Chekhov, E. Yu. Shim, M. A. Sholokhov revealed semantic and conceptual lacunas in them, that is, sections of such textual information, which is significant in the hermeneutical and interpretative aspect, is potentially semantically insufficient and needs to be eliminated. At the same time, such lacunas create tangible difficulties for students in understanding the content of the secondary text as a result of omissions of significant sections of the author's text, crucial for the plot, and the presence of lacunary concepts or alogisms that prevent adequate interpretation of the text. The author considers the elimination of such lacunas that create real obstacles in the interpretation of texts proposed at the final state exam to be an important task.

Keywords: *text, secondary text, educational text, essay, lacuna, meaningful lacuna, conceptual lacuna, lacunarity*

Введение. Текст, предлагаемый учащимся для прочтения при выполнении ряда заданий ЕГЭ по русскому языку, строится на основе художественного или публицистического авторского текста, который подвергается трансформации на разных уровнях. Такие изменения исходного текста обусловлены задачами, стоящими перед разработчиками учебных текстов для проведения ЕГЭ по русскому языку. Отбор исходных текстов и их трансформация при разработке КИМов ЕГЭ по русскому языку могут быть осуществлены на основе ряда критериев, среди которых, например, доступность и равнозначность по степени трудности интерпретации текстов, предлагаемых на экзамене; учет воспитательной направленности и исключение из текста микротем, потенциально запретных в контексте экзаменационного дискурса; соответствие текста возрастным интересам экзаменуемого; возможность текстов обеспечить диагностирование уровня сформированности языковой компетенции выпускников и создание на основе прочитанного текста экзаменационных заданий. Эти и некоторые другие критерии и прагматические особенности отбора содержания экзаменационных текстов, предлагаемых выпускникам на едином государственном экзамене по русскому языку, были изучены в работах современных лингвистов и методистов (см., например, работы Е. С. Богдановой [2], Д. Д. Сунгатуллиной, Ю. Н. Гореловой [8] и др.), однако эти исследования касались рассмотрения текстов-источников, а полученный в результате ряда трансформаций текст, включаемый для прочтения учащимися в КИМы по русскому языку, с позиций коммуникативно-прагматических особенностей изучен не был.

Целью работы является изучение некоторых особенностей вторичных текстов, предлагаемых учащимся на ЕГЭ, которые в результате ряда трансформаций стали содержать текстую информацию, потенциально обладающую смысловой недостаточностью, лакунарностью.

Актуальность исследуемой проблемы. В настоящее время в лингвистике уже есть несколько работ, где рассмотрены некоторые жанры текстов учебного дискурса, обладающих свойством вторичности. Так, коммуникативно-когнитивные особенности изложения, конспекта и других текстов учебного и научного дискурса изучены Н. Б. Агранович [1], особенности вторичного текстопостроения на основе аппроксимации содержания в аннотации, научном докладе, пересказе, реферате и некоторых других текстах – С. В. Ионовой [5], формально-композиционные и содержательные особенности реферата, аннотации, рецензии, конспекта, тезисов как вторичных текстов – Л. М. Яхиббаевой [11], структурного аспекта трансформации текста-источника для учебного диктанта – С. Г. Будановой [4]. Это далеко не полный перечень исследований, посвященных вопросам вторичности текстов, функционирующих в сфере учебного дискурса, однако, как видно из приведенного обзора работ, полного и системного описания всех жанров учебных текстов, в том числе текста для сочинения, с позиций вторичности в лингвистике на данный момент нет, что и определяет своевременность и актуальность проведенного исследования.

Материал и методы исследования. В настоящей статье мы опираемся на результаты контекстуального анализа предлагаемых учащимся текстов в КИМах ЕГЭ по русскому языку. Сравнительно-сопоставительный анализ текста-источника и полученного на его основе вторичного текста ЕГЭ показал, что нередко изменения, вносимые разработчиками в первичный авторский текст, могут менять его модально-концептуальную основу, иногда принципиально. В настоящей работе подробнее остановимся на изучении вторичности тех учебных текстов для сочинения ЕГЭ, которые, опираясь на реальные авторские произведения, в результате трансформаций стали содержательно или концептуально менее понятны для учащихся, чем первичные авторские тексты.

Изучение таких содержательно-концептуальных изменений, вносимых в исходный текст, а также причин их появления осуществлялось на материале исходных текстов Н. А. Варенцова «Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое» (далее – о Федотове: «*Василий Федотов представлял собой...*»), Э. Ю. Шима «Ребята с нашего двора» (далее – о буфете: «*И вот на том месте, где стоял старый нескладный буфет...*»), Ю. Нагибина «Щедрый подарок» (далее – об Иркутске: «*Отец не дарил мне подарков...*»), В. Ф. Тендрякова «Ночь после выпуска» (далее – об учителях: «*Двадцать с лишним лет назад они пришли работать...*») и «Расплата» (далее – об отце Сони Потехиной: «*До сих пор вспоминаю тот разговор с отцом Сони Потехиной...*»), М. А. Шолохова «Они сражались за Родину» (далее – о Николае Стрельцове: «*Капитан Сумсков бегло оглядел построившихся...*»), А. П. Чехова «В аптеке» (далее – об аптеке: «*Был поздний вечер...*»).

Результаты исследования и их обсуждение. Учебный текст, на основе которого учащимся предлагается выполнить тестовые задания 22–26 ЕГЭ по русскому языку и написать сочинение по прочитанному тексту, может быть назван вторичным. Любой учебный текст, как уже было доказано нами ранее [4], имеет вторичную природу построения, так как организуется посредством трансформации разноуровневых элементов первоисточника, что диктуется заданными учебно-методическими параметрами. Текст, предлагаемый учащимся на ЕГЭ по русскому языку для прочтения и последующего написания на его основе собственного сочинения-рассуждения, также вторичен по ряду аспектов: во-первых, принципы отбора исходного текста (тема, учет возрастных особенностей учащихся, возможность построения на его основе тестовых заданий, объем, уровень сложности и др.) предопределяют структурно-содержательные параметры предлагаемого для прочтения текста; во-вторых, сам языковой материал, восходящий всегда к авторским художественным и публицистическим произведениям, вторичен по отношению к первоисточнику и подвергается различным трансформациям (в том числе важной для настоящего исследования – исключение некоторого объема первичного текста (от слова до отрывка текста, равного нескольким главам), в-третьих, учебный текст вторичен функционально, поскольку исходная эстетическая функция становится лишь служебной по отношению к учебной, дидактической.

В результате проведенного исследования, осуществленного на материале перечисленных выше текстов, в разное время включенных в действительные КИМы ЕГЭ по русскому языку, были выделены содержательные и концептуальные лакуны.

Впервые о термине «лакуна» (лат. lacuna: «бреешь», «вмятина») применительно к лексикологии заговорили франко-канадские лингвисты, понимая под ним явление, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке [12]. Позднее такое толкование закрепилось за термином «лакуна» в узком смысле. В отечественную лингвистику термин был введен Ю. С. Степановым, который называл лакуны «пробелами», «белыми пятнами на семантической карте языка» [7, с. 120], и позже уже в широком смысле теория лакун стала активно разрабатываться в исследованиях, посвященных вопросам психолингвистики, культурологии, теории межкультурной коммуникации, теории перевода и некоторых других областей лингвистики (например, в трудах А. Эртельт-Фит, Е. Денисовой-Шмидт [10], И. Панасюк [6] и др.). В таком представлении под лакуной понимаются пробелы в понимании, создающиеся в результате самых разнообразных причин (ментальные, деятельностные, предметные, аксиологические лакуны).

Проблема лакунарности текстов, наличия в нем собственно языковых и текстовых лакун, потенциально препятствующих его адекватному восприятию, также стала актуальным вопросом лингвистики и методики преподавания русского языка и литературы. Так, она рассматривалась Е. С. Богдановой в аспекте методики обучения старших школьников интерпретационной деятельности: «Лакуна в конкретном тексте может быть связана

как с наличием в нём слова, не входящего в тезаурус читателя, так и с репрезентацией действительности, которая не соответствует окружающему школьника-читателя миру и его опыту» [3, с. 81]. В поле зрения исследователя оказались лексические потенциальные лакуны (окказиональные образования, устаревшая лексика, экзотизмы, книжные слова, фразеологизмы и др.) и текстовые потенциальные лакуны (географические объекты, имена собственные, исторические события, философские концепции, инокультурные реалии и др.), встречающиеся в текстах, предлагаемых учащимся для анализа на уроках в старшей школе.

Во вторичных текстах, предлагаемых в КИМах ЕГЭ по русскому языку для прочтения и написания на их основе сочинения, также наблюдается явление лакунарности, то есть наличия участков такой текстовой информации, которая является значимой в герменевтико-интерпретационном аспекте, но потенциально обладает смысловой недостаточностью и нуждается в элиминировании.

Так, вероятно, этические соображения позволили разработчикам исключить из текста о Федотове информацию об измене жены (*«сошлась с каким-то доктором и зажила на доходы с домов и капитала»*), однако именно эта часть и создает смысловую лакуну, без заполнения которой трудно понять читателю, почему Федотов был *«оскорбленный»*. Такая особенность организации материала выявлена и в тексте о Николае Стрельцове: в авторском тексте есть информация о том, что жена бросила его и детей (*«Понимаешь, в первый день войны приезжаю домой из командировки, а ее нет, ушла. Оставила записку и ушла...»*). Во вторичном же тексте ЕГЭ она исключена, из-за чего становится не совсем понятно, почему герой так много думает о сыновьях и по какой причине называет их *«осиротелыми»*: *«он вспомнит и подумает о своих осиротелых детишках <и об их плохой матери [исключено]> не в последнюю минуту...»*. Подобное же наблюдение можно сделать и в тексте о буфете, где ввиду морально-нравственных и дидактических соображений опускается информация о разводе родителей Женьки и о ссорах с новым избранником мамы, нет прямого указания на то, что нынешний отец неродной (например, *«– Ты к нему относишься, как к грудному. Знаешь – несет папа из родильного дома такой сверток – и уронить боится... – Не знаю, – сказал Аркадий Антонович. – Я ведь не носил; – Мы все устали, пока это тянулось – и дурацкий развод, и ссоры с Женькой...»*).

Несмотря на объективные причины исключения из исходного текста частей подобного содержания, которые имеют очевидные психолого-педагогические основания, текст, предлагаемый учащимся для прочтения, становится сложнее для понимания в результате появления подобных смысловых лакун, при этом пропуски информации во вторичном тексте, нуждающиеся в элиминировании, в разной степени замещаются имеющимся контекстом, что создает действительные сложности для учащихся при его интерпретации и влечет за собой появление фактических ошибок в сочинениях, связанных с неверным пониманием прочитанного текста (например, анализируя текст о буфете, многие выпускники описывали взаимоотношения сына и отца, а не отчима; при работе с текстом о Николае Стрельцове указывали на то, что сыновья капитана были сиротами, и под.).

В ряде текстов помимо собственно смысловых, когда из-за исключения части текста становится менее понятно дальнейшее содержание или неверно устанавливаются логические связи в тексте, можно выделить и содержательно-концептуальные лакуны. Е. В. Савицкая, изучающая вопрос лингвоконцептуальных (лингвокогнитивных) лакун, дает им следующее определение: это «такой концепт, который отсутствует в лингвоконцептосфере, но который ингерентен ей, виртуально присущ ей, но не используется» [9, с. 27]. В рамках лингвокультурологии и лингвокогнитивистики действительно можно выделять лакунарные концепты, то есть те, которые могут табуироваться какой-либо лингвокультурой, быть вытесненными другими, более современными концептами, полностью утраченными

или потенциально присутствующими, но не актуализирующимися на данном этапе развития лингвокультурного сообщества. В результате изучения вторичных текстов ЕГЭ установлено наличие в них таких концептов, которые могли бы быть названы лакунарными по некоторым из перечисленных выше оснований, или же, напротив, опущение некоторых концептуально важных фрагментов исходного произведения, важных для понимания интенции автора.

Так, в тексте о Федотове в предложении 9 учащиеся читают: *«Конкурс прошел...»*, однако в результате исключения части главы, где раскрывался смысл данного понятия – собрание кредиторов (например, *«и над делом Федотова был учрежден конкурс...»*), а также с учетом того, что исходный текст был написан предпринимателем и общественным деятелем о событиях с середины XIX в. по 1905 г., возникает концептуальная лакуна, с трудом поддающаяся элиминированию для учащихся. В тексте об учителях исключенной оказывается часть о Гитлере и Германии (*«Не простаки ли становились той страшной силой, которая выплескивала наверх гитлеров? “Германия – превыше всего!” – просто и ясно, объяснений не требует, щекочет самолюбие. И простак славит Гитлера!»*), а в тексте об отце Сони Потехиной – о К. Марксе (*«...ни себя, ни ее Наполеоном великим <или Марксом [исключено]> там не считаю!»*). В последних случаях такие исключения, продиктованные сменой или эволюцией концептов, принципиальных сложностей для понимания текста не создают, но могут не до конца прояснить авторскую позицию в тексте или сместить в ней акценты.

В одном из проанализированных текстов были отмечены такие содержательные лакуны, которые не только создавали действительные помехи для понимания текста, но и содержали алогизмы. Так, в тексте об Иркутске, предложенном в одном из КИМов 2023 года, в контексте *«В моем комарином представлении я жил в необъятном мире: <большая коммунальная квартира, два двора нашего дома, выходящего на три переулка — Армянский, Сверчков, Телеграфный; по углам дворов полого уходили в землю крыши винных подвалов; с утра до позднего вечера ухали бочки, скатываясь по деревянным каткам с телег; ругались возчики, высекали искру из булыжника массивные копыта битюгов. А [исключено]> неохватный простор Чистых прудов, а дача на станции Пушкино, за Акуловой горой, где мы с дедом жили каждое лето!»* именно исключенная часть (квартира, двор и т.д.) подчеркивала мнимую необъятность мира рассказчика. Кроме того, часть, посвященная описанию цветов, также содержит логические неточности: *«...цветы, напоминающие наш садовый львиный зев, но не желтые с красноватыми подпалинами, а многокрасочные: с пунцовым <, словно окровавленным,> верхним нёбом <, с синеватым — нижним, с фиолетовым храпом, зелеными надбровьями, янтарной головой и желтыми заушинами [исключено]>»*. Именно «многокрасочность» оказывается исключенной, что не может не вызывать у читателя недоумение при прочтении текста. Приведем еще один показательный пример сохранения контекстуально не подходящей лексики, создающей алогизмы в результате исключения некоторого объема содержания первичного авторского текста А. П. Чехова, из КИМа об аптеке: *«Провизор на обращение к нему Свойкина не ответил ни словом, ни движением, словно не слышал. [исключено несколько предложений] Не получив ответа на свой вопрос, Свойкин принялся рассматривать строгую, надменно-учёную физиономию провизора»*. Сохраненная лексема «вопрос» оказывается контекстуально неверной, так как именно в исключенной части текста содержался вопрос (*«Скажите, пожалуйста, для чего употребляется бычачья желчь? — обратился учитель к провизору, обрадовавшись теме для разговора»*), на который не дождался реакции провизора герой рассказа А. П. Чехова.

Считаем, подобные алогизмы в текстах ЕГЭ недопустимыми и создающими действительные помехи в интерпретации предлагаемого текста, а значит, устранение таких

лакун – задача важная как для разработчиков КИМов ЕГЭ по русскому языку, так и для всего филологического сообщества в целом.

Выводы. Таким образом, явление лакунарности во вторичных текстах, предлагаемых в КИМах ЕГЭ по русскому языку для прочтения и написания на их основе сочинения, связано с пропусками важной в герменевтико-интерпретационном аспекте информации, которая в разной степени поддается элиминированию, при этом такие пропуски-лакуны обладают смысловой недостаточностью, либо включают лакунарные концепты, либо содержат алогизмы, создающие действительные помехи для понимания текста и его адекватной интерпретации. В статье описываются виды возникающих таким образом лакун, предполагаемые причины их появления и потенциальные трудности, возникающие у учащихся при невозможности их элиминирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранович Н. Б. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 23 с.
2. Богданова Е. С. Критерии отбора текстов для составления контрольно-измерительных материалов ЕГЭ по русскому языку // Наука и Школа. – 2021. – № 4. – С. 57–66.
3. Богданова Е. С. Лакуны текста в свете задач обучения интерпретационной деятельности // Поволжский педагогический вестник. – 2018. – Т. 6, № 4(21). – С. 79–84.
4. Борисова О. Г., Буданова С. Г., Исаева Л. А., Костина Л. Ю., Крыжановская В. А., Пономаренко И. Н., Ретина А. А., Рябинина А. Г., Факторович А. Л. Текст диктанта как вторичный текст: структурный аспект трансформации первоисточника // Вторичность текстов разных типов: структурные, семантические и прагматические характеристики. – Краснодар : КубГУ, 2021. – С. 173–214.
5. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 380 с.
6. Панасюк И. Теория лакун и проблема адекватности перевода // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 51–72.
7. Степанов Ю. С. Французская стилистика. – М. : Высшая школа, 1965. – 356 с.
8. Сунгатуллина Д. Д., Горелова Ю. Н. Прагматика отбора содержания экзаменационных текстов для чтения (на примере ЕГЭ по русскому языку в России) // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2018. – № 4 (127). – С. 161–165.
9. Савицкая Е. В. Вариативность смыслового наполнения понятия «концептуальная лакуна» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2018. – № 1. – С. 24–31. – DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-24-31.
10. Эртельт-Фит А., Денисова-Шмидт Е. Лакуны и их классификационная сетка // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 39–51.
11. Яхиббаева Л. М. Вторичность как онтологическая характеристика учебного текста и дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 26 с.
12. Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. – Montréal : Beauchemin, 1958. – 331 p.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

REFERENCES

1. Agranovich N. B. Vtorichnye teksty v kommunikativno-kognitivnom aspekte : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2006. – 23 s.
2. Bogdanova E. S. Kriterii otbora tekstov dlya sostavleniya kontrol'no-izmeritel'nykh materialov EGE po russkomu yazyku // Nauka i SHkola. – 2021. – № 4. – S. 57–66.
3. Bogdanova E. S. Lakuny teksta v svete zadach obucheniya interpretacionnoj deyatel'nosti // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. – 2018. – T. 6, № 4(21). – S. 79–84.
4. Borisova O. G., Budanova S. G., Isaeva L. A., Kostina L. YU., Kryzhanovskaya V. A., Ponomarenko I. N., Repina A. A., Ryabinina A. G., Faktorovich A. L. Tekst diktanta kak vtorichnyj tekst: strukturnyj aspekt transformacii pervoistochnika // Vtorichnost' tekstov raznyh tipov: strukturnye, semanticheskie i pragmaticheskie harakteristiki. – Krasnodar : KubGU, 2021. – S. 173–214.
5. Ionova S. V. Approksimaciya sodержaniya vtorichnyh tekstov. – Volgograd : Izd-vo VolGU, 2006. – 380 s.
6. Panasyuk I. Teoriya lakun i problema adekvatnosti perevoda // Voprosy psiholingvistiki. – 2007. – № 6. – S. 51–72.

7. Stepanov YU. S. Francuzskaya stilistika. – M. : Vysshaya shkola, 1965. – 356 s.
8. Sungatullina D. D., Gorelova YU. N. Pragmatika otbora sodержaniya ekzamenacionnyh tekstov dlya chteniya (na primere EGE po russkomu yazyku v Rossii) // Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki. – 2018. – № 4 (127). – S. 161–165.
9. Savickaya E. V. Variativnost' smyslovogo napolneniya ponyatiya «konceptual'naya lakuna» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya». – 2018. – № 1. – S. 24–31. – DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-24-31.
10. Ertel't-Fit A., Denisova-SHmidt E. Lakuny i ih klassifikacionnaya setka // Voprosy psiholingvistiki. – 2007. – № 6. – S. 39–51.
11. YAhibbaeva L. M. Vtorichnost' kak ontologicheskaya harakteristika uchebnogo teksta i diskursa : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 2009. – 26 s.
12. Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. – Montréal : Beauchemin, 1958. – 331 p.

The article was contributed on September 16, 2024

Сведения об авторе

Буданова Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, <https://orcid.org/0009-0007-8379-1619>, sgbudanova@mail.ru

Author Information

Budanova, Svetlana Gennadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Modern Russian, Kuban State University, Krasnodar, Russia, <https://orcid.org/0009-0007-8379-1619>, sgbudanova@mail.ru

УДК [811.581'373.73:811.161.1'371]:394.262.5(510) DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.004

Гао Мэнлин

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ НОВОГО ГОДА В КИТАЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ (НА ФОНЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия*

Благодарность

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Китайского стипендиального совета. Автор выражает благодарность доктору филологических наук, профессору О. В. Ломакиной за помощь в проведении данного исследования.

Аннотация. Китайский Новый год является самым значимым традиционным праздником этого народа, он отличается богатством обрядов, яркими торжественными мероприятиями и глубоким культурным влиянием. В данной работе рассматриваются паремии, связанные с празднованием Нового года в Китае, исследуются их культурные символы, анализируется их уникальность, а также проводится их сопоставление на фоне русской лингвокультуры для выявления общих черт двух языков. Материалом для исследования послужили паремии, отобранные из китайских словарей и сгруппированные по четырем категориям: еда, украшения, обряды и обычаи.

Отметим, что культурные символы, такие как пельмени, новогоднее печенье, парные надписи и картины, широко отражают традиционные черты празднования китайского Нового года. Обряды жертвоприношений и табу, представленные в паремиях этого народа, имеют сходство с приметами и запретами в русских, что указывает на общие ценности, связанные с ожиданием удачи и благополучия в новом году. Исследование также выявило семантические сходства между китайскими и русскими ПЕ на примере таких понятий, как редька, уборка, ножницы и визит к теще. Эти результаты позволяют реконструировать фрагменты паремиологической картины мира.

Ключевые слова: паремиология, пословица, лингвокультурология, традиционный праздник, китайский Новый год, китайский фольклор, русский Новый год

Gao Menglin

THE REFLECTION OF NEW YEAR CELEBRATION TRADITIONS IN CHINESE PAREMIOLOGY (AGAINST THE BACKGROUND OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

Acknowledgement

The research is funded by China Scholarship Council. The author expresses gratitude to Professor O. V. Lomakina for her help during the research.

Abstract. Chinese New Year is the most representative traditional festival of the Chinese nation, highly valued for its rich folk customs, enthusiastic celebrations and far-reaching cultural influence. This paper examines paremias associated with the celebration of the Chinese New Year, exploring their cultural symbols, analyzing their uniqueness within Chinese linguoculture, and comparing them against the background of Russian linguoculture to identify common features between the two languages. The materials

of the study were drawn from consecutive sampling of Chinese dictionaries, covering four major categories: food, decorations, rituals, and customs.

The findings indicate that cultural symbols in Chinese New Year paremias, such as dumplings, New Year cakes, couplets, and New Year paintings, vividly reflect the traditional characteristics. Furthermore, the customs of sacrifices and taboos presented in Chinese paremias demonstrate similarities with the omens and prohibitions found in Russian paremias, indicating shared values related to the hope for good fortune and well-being in the New Year. Additionally, the study reveals semantic commonalities between Chinese and Russian languages in terms of concepts like radish, cleaning, scissors, and visiting the mother-in-law. This research provides materials for reconstructing the paremiological picture of the world.

Keywords: *paremiology, proverb, linguoculturology, traditional festival, Chinese New Year, Chinese folklore, Russian New Year*

Введение. Язык играет основополагающую роль в передаче информации. Паремии как краткие, образные высказывания, отражающие народную мудрость и жизненный опыт, в процессе производства, стереотипизации и употребления вобрали в себя множество национально-культурных коннотаций. «В ряде современных исследований термин *паремия* используется как родовое наименование для обозначения различных классов народных афоризмов» [11, с. 14]. В рамках настоящего исследования под этим понятием в китайском языке понимаются следующие типы языковых единиц: *яньюй* (пословицы), *суюй* (поговорки), *чэнюй* (фразеологическое четырехсловное словосочетание), *сехоуюй* (недоговорка-иносказание), *гуаньюнюй* (привычные выражения) и др.

Выступая в качестве средства выражения национального, паремии обладают отличительными чертами и могут отражать уникальные исторические, культурные и ментальные особенности народа. Изучение паремиологических единиц (далее – ПЕ) как краткого изложения сути жизненного опыта различных этносов, воплощающего в сжатой и конденсированной форме особенности национальных языков и культур, не должно ограничиваться формальным анализом, необходимо фиксировать и описывать заложенные в этих выражениях культурные знаки и символы [12]. Паремии представляют собой свернутый текст, наделенный культурологической информацией и ценностными ориентирами, предписывающими определенное поведение [10, с. 311]. Межъязыковое сравнение их семантики позволяет выявить особенности национальной картины мира и глубже понять как универсальные, так и уникальные аспекты мышления разных народов [16].

Цель исследования – рассмотреть паремии о китайском Новом годе и выявить общие черты в их семантике и образности в сравнении двух языков в контексте русской лингвокультуры.

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение китайских праздников – их происхождения, развития и видов – стало одной из первых тем, которая привлекла внимание западных синологов [4, с. 4]. Традиционные китайские праздники хорошо описаны в исторической и этнографической литературе ([4], [7], [15]), однако лингвистические аспекты, особенно анализ на уровне языковых единиц, требуют более глубокого исследования. В рамках наиболее репрезентативной темы – празднования китайского Нового года – некоторые ученые анализировали его культурное содержание через призму фразеологизмов [17], другие сравнивали концепты этого праздника в русском и китайском языках, рассматривая национальные образы мира, языковые ассоциации и приметы ([3], [5], [14]). Также существуют работы, систематизирующие фразеологизмы в двух языках, связанные с Новым годом, и описывающие их классификацию [2]. Тем не менее исследований, специально посвященных отражению традиций Нового года в паремиях, сохраняющих народную мудрость, остается недостаточно.

Материал и методы исследования. Настоящее исследование основано на материале китайских новогодних паремий (в количестве 500), извлеченных из трех словарей: «Словарь китайских обычаев и традиций» [18], «Большой словарь китайских пословиц» [20] и «Большой словарь китайских сехоуей» [19]. Критерием отбора ПЕ послужило прямое упоминание ключевых репрезентации празднования Нового года. Материал преимущественно включает пословицы (*яньюй*) и недоговорки-иносказания (*сехоуей*), которые составляют около 80 % от общего объема паремий. Для сравнительного анализа использовались данные из словаря В. И. Даля [13] и этнолингвистического словаря под редакцией О. В. Атрошенко [1]. В исследовании применены методы компонентного и сравнительного анализов семантики, интерпретативный и описательный анализы культурных кодов и коннотаций.

Результаты исследования и их обсуждение.

Праздник в языковой картине мира.

Праздники являются всеобщим феноменом лингвокультуры, однако их особенности существенно варьируются в зависимости от национальных традиций, проявляясь как в разнообразии самих праздников, так и в способах их празднования [8, с. 80]. Интегрированная в национальное наследие праздничная традиция играет важную роль в системе мировой культуры, отражая исторический путь, духовные ценности и уникальный менталитет каждого народа.

Паремии о праздниках сложились в ходе длительной истории, отражают определенные традиции и включают в себя практически все аспекты культуры и быта, всесторонне отражая обычаи, религиозные верования, народную психологию, эстетический вкус, ценностные ориентации, темперамент и национальный характер народа. Праздники выступают одним из факторов социальной идентичности страны и значимым дифференцирующим признаком, отличающим одну культуру от другой [6, с. 108]. Поэтому паремии, рассказывающие о них, несут в себе уникальные культурные особенности, что делает их важным источником информации для изучения национальных традиций.

Отражение традиций празднования Нового года в китайской паремиологии.

Доказано, что уникальные черты китайской лингвокультуры отражаются в приметах [3], а также в других паремиях, символика которых раскрывает ключевые аспекты мировоззрения и культурной идентичности народа. Пословицы, в частности, фиксируют более устойчивые и обобщенные представления о традициях и ценностях. В рамках данного исследования особый интерес представляют китайские паремии, связанные с Новым годом, поскольку именно этот праздник занимает центральное место в китайской культуре и его языковое оформление наиболее ярко демонстрирует культурные коды и символы традиции народа.

Значимость Нового года подчеркивается поговоркой *百节年为首* (букв. Новый год – первый из всех праздников) (далее – переводы автора), а также специфической лексикой, неразрывно связанной с новогодними традициями. Например, слова *chu чэнь* / 除尘 (букв. удаление пыли), *нянь хо* / 年货 (букв. новогодние товары), *чу си* / 除夕 (букв. канун Нового года), *цю суи* / 守岁 (букв. бодрствовать в новогоднюю ночь), *фу* / 福 (букв. счастье) и другие несут в себе сильные культурные коннотации, непосредственно связанные с праздником. Эти этнолингвомаркеры (термин О. В. Ломакиной) требуют обращения к богатому историческому и культурному наследию празднования Нового года для полного понимания.

Китайский Новый год по аграрному календарю, известный как *Чуньцзе* (по-китайски 春节, т. е. «Праздник весны»), занимает особое место в народной традиции, являясь одним из древнейших и наиболее значимых праздников с богатым историческим и культурным наследием. Его истоки восходят к архаичным ритуалам *лацзи*, практиковавшимся в конце года, когда люди приносили жертвы богествам и духам предков, выражая

благодарность за прошедший год и моля о благополучии, урожае и процветании в будущем [9, с. 52]. В народном обиходе этот праздник также называется *го нянь* («проведение года»), что связано с легендами о чудовище по имени *Нянь* (по-китайски 年 (nián) означает «год»), нападавшем на деревни в канун Нового года [4, с. 99]. Его успешное изгнание благодаря использованию красного цвета, огня и громких звуков стало поводом для всеобщих поздравлений, и само название *го нянь* стало обозначать удачное завершение года.

Следует отметить, что в соответствии с аграрным календарем первый день нового года приходится на начало празднования *Чуньцзе* (китайский Новый год). Однако он представляет собой не только новогодний праздник, но и целый цикл взаимосвязанных торжеств с региональными особенностями обрядности [4, с. 77]. В рамках данной работы наше исследование ограничивается этапами подготовки и основными традициями китайского Нового года (праздник Фонарей не рассматривается в данной статье), основной фокус направлен на наиболее распространенные среди населения паремии, связанные с этим праздником.

На основе собранных материалов и с учетом культурной семантики «новогодние» паремии могут быть разделены на четыре группы – связанные с едой, украшениями, обрядами (мероприятиями) и обычаями. Далее каждая из этих категорий будет кратко рассмотрена для целостного понимания семантики китайского Нового года, отраженной в паремиологии.

Еда обеспечивает выживание человека и является основополагающим элементом праздничного фольклора. Богатое разнообразие и изобилие блюд китайского Нового года обусловили большое количество паремий, посвященных кулинарным традициям этого праздника. Эти ПЕ, часто включающие названия традиционных новогодних продуктов (пельмени, новогоднее печенье, круглые ячменные леденцы), отражают особенности китайской новогодней кухни и психологию народа, который вкладывает в пищу добрые пожелания. Пословица *穿在嫁, 吃在年* (букв. Носить в браке, есть на Новый год) иллюстрирует важность еды для китайцев в этот праздник. Рассмотрим другие примеры.

1. **大年初一吃饺子——只等下锅** (букв. В первый день Нового года **пельмени** готовы – остается только бросить их в кипяток). Этот *сехойуй* (недоговорка-иносказание) отражает традицию употребления пельменей на Новый год. В этой паремии прямое значение (пельмени готовы к варке) символически переходит в переносное: все подготовлено к наступлению успеха, остается только дожидаться благоприятного момента. Форма пельменей, напоминающая древнюю китайскую валюту *юань бао* (ямб), придает этому обычаю дополнительный культурный смысл, символизируя финансовое благополучие в наступающем году.

2. **年糕, 年糕, 一年更比一年高** (букв. **Нянь гао**, нянь гао, год от год – все выше). Традиционное китайское новогоднее блюдо *нянь гао* – сладкое печенье из клейкого риса, очень популярно в Китае на Новый год. Считается, что его употребление сулит удачный год, поскольку название этого «новогоднего печенья» (кит. 年糕, пиньинь niángāo, палл. нянь гао) созвучно выражению «высокий (успешный) год» (кит. 年高, пиньинь niángāo, палл. нянь гао), которое символизирует успех и процветание. Эта омофония наделяет блюдо особым значением, превращая его в пожелание благополучия в Новом году, поэтому оно занимает почетное место на новогоднем столе наряду с пельменями.

3. **三十无鱼不为宴, 初一无鸡不成席** (букв. В канун Нового года без **рыбы** не бывает пира, а в первый день года без **курицы** не обойтись). Пословица отражает традиционное изобилие новогоднего стола в Китае, когда даже в периоды дефицита мясо считалось обязательным блюдом (поговорка *无肉不过年* – букв. без мяса не бывает Нового года). Курица и рыба были особенно важны, поскольку иероглифы «**鸡**» (палл. цзи, «курица»)

и «鱼» (палл. юй, «рыба») созвучны иероглифам «吉» (палл. цзи, «удача») и «余» (палл. юй, «избыток»), поскольку символизировали пожелания удачи и изобилия в наступающем году. Аналогично в русской культуре обильный новогодний стол, являющийся отражением семейного благополучия, сохраняется до сих пор [3, с. 199]. Таким образом, как в китайской, так и в русской культурах эта традиция играет важную роль в укреплении связей и отражает основополагающие семейные ценности.

4. 腊月三十的萝卜——操淡心 (букв. **Дайкон** в канун Нового года – напрасные волнения). Этот *сехойюй* использует образ дайкона (китайской редьки), традиционно ассоциирующегося с долголетием и здоровьем, для выражения идеи бесполезных переживаний. В то время как этот овощ ценится за полезные свойства и употребляется на праздник Личунь («начало весны») вместе с другими, символизирующими весну и удачный год; он остается относительно недорогим продуктом (как и репа в России раньше). Напротив, новогодний стол традиционно изобилует дорогими блюдами, отражающими его богатство и изобилие. Таким образом, дайкон накануне Нового года становится метафорой напрасных забот, т. к. его присутствие на праздничном столе маловероятно. Эта паремия позволяет провести параллель с предыдущей, а также с русскими ПЕ: *Бойтся Маслена горькой редьки да пареной репы; Добра снедь и редька, коли нет рыбки.*

5. 二十三, 糖瓜粘 (букв. Двадцать третьего числа двенадцатого месяца (по аграрному календарю) – липкие **леденцы** из сахара). Эта поговорка содержит традицию употребления сладких леденцов из солодового сахара в определенный день. Согласно народным верованиям, в этот день бог домашнего очага («Цзао-ван») возносится на небо, чтобы доложить Небесному императору о делах семьи за прошедший год. Чтобы обеспечить благоприятное сообщение, члены семьи оставляли ему подношение – сладкие леденцы из солодового сахара.

Новогодние украшения – важный элемент праздничной культуры, создающий атмосферу благополучия. Традиционные украшения, такие как парные надписи, бумажные вырезки и новогодние картинки, часто выполнены в красном цвете, символизирующем процветание. В народной паремиологии отражено значение и особенности этих украшений.

1. 腊月三十贴春联——一年一回 (букв. Клеить **новогодние парные надписи** в канун Нового года – происходит раз в год). Этот *сехойюй* указывает на ежегодную традицию размещения «чунь лян» – парных новогодних надписей, являющихся неотъемлемым атрибутом китайского Нового года. Происхождение новогодних надписей восходит к древним персиковым талисманам «тао фу» – табличкам из этого дерева с изображениями духов-защитников, которые вешались на двери для отпугивания злых духов [4, с. 190]. Впоследствии они превратились в парные надписи, соблюдающие принципы симметрии и гармонии и содержащие благопожелания. Пословицы *有钱没钱, 贴对过年* (букв. Богат или беден, а на Новый год без парных надписей не обойтись) и *过年不贴大红联, 老天不给大丰年* (букв. Если на Новый год не наклеить красные парные надписи, небо не даст богатого урожая) подчеркивают важность этого обычая, отражая глубинную связь новогодних «чунь лян» с надеждой и верностью традициям, созданием праздничной атмосферы и укреплением культурной идентичности.

2. 年画上的鱼——中看不中吃 (букв. Рыба на **новогодней картине** – красиво, но есть ее нельзя). Традиционные китайские новогодние лубочные картинки («нянь хуа») часто изображают рыбу как символ изобилия и младенца как символ процветания семьи. Этот *сехойюй* подчеркивает контраст между художественной привлекательностью новогодних лубочных картинок и их исключительно декоративной функцией. Паремия метафорически указывает на вещи, кажушиеся необходимыми, но лишённые практической ценности.

Новогодние обряды (мероприятие) представляют собой совокупность установленных традиций и ритуалов, отражающих религиозные верования и бытовые обычаи. Паремии хранят память о таких обрядах, как новогодние поздравления, посещение родных и жертвоприношения, передавая и укрепляя связанные с ними ценности из поколения в поколение.

1. 初一不拜长, 四季无来往 (букв. Если в первый день Нового года не **навестить** (поздравить) старших, то весь год не будет близкого общения). Традиция обмена новогодними поздравлениями («бай нянь») является ключевым элементом празднования китайского Нового года, способствуя укреплению социальных связей и трансляции семейных ценностей. При всей праздничной атмосфере, сопутствующей этому ритуалу, он также отражает существующую иерархию в обществе, коллективе и семье [4, с. 199], что, например, отражено в пословице 初一拜父母, 初二走亲戚 (букв. В первый день Нового года навещают родителей, во второй – родственников).

2. 黄鼠狼给鸡拜年——不安好心 (букв. Хорек **поздравляет** курицу с **Новым годом** – он замышляет что-то недоброе). Новогодние поздравления отражают искреннее уважение и благословение. Однако подобный *сехойуэй* использует иронию, сопоставляя это с неискренними пожеланиями, где образ хорька, естественного врага курицы, подчеркивает скрытый злой умысел. Алогичность ситуации аналогична библейскому выражению «*Бойся данайцев, дары приносящих*». Таким образом, пословица демонстрирует взаимодействие фольклорных образов и служит моральным предостережением в контексте новогодних традиций.

3. 正月初二拜丈母娘——正适时 (букв. **Навещать тещу** на второй день Нового года – самое подходящее время). Этот *сехойуэй* отражает традицию, восходящую к древним семейным этическим нормам, согласно которым возвращение замужней женщины в родительский дом на Новый год было важным проявлением почтения к родителям. Хотя строгое соблюдение старых обрядов ослабло, обычай посещения родного дома на Новый год сохранился. В этот день зять сопровождает жену, выражая уважение тестю и теще и поздравляя их с этим днем. Первая часть паремии описывает сам обычай, а вторая подчеркивает его своевременность. Аналогичная традиция существует и в русской культуре, где принято навещать тещу на праздники, о чем свидетельствует, например, пословица «В Прощеный день зять у тещи гостит».

4. 过年过节, 祖宗要接 (букв. Новый год и праздники – время **поминания предков**). Пословица отражает глубоко укоренившееся в китайской культуре убеждение в важности почитания предков. Новый год – один из самых важных дней для этих ритуалов. Поклонение предкам рассматривается не только как выражение уважения и памяти, но и как просьба о благословении потомков. Традиционно считается, что духи предков возвращаются домой на Новый год, поэтому во дворе или в доме устраивают жертвенный стол, чтобы выразить им приветствие.

Помимо почитания предков, новогодние обряды включают жертвоприношения богам, таким как Бог очага («Цзао-ван») и Бог богатства («Цай-шэнь») (ср. пословицу 三十接祖宗, 初一迎财神 – букв. В канун Нового года (30-го числа) встречают предков, а в первый день Нового года – Бога богатства). Традиция наклеивания изображений божеств на двери (文臣武将贴大门, 大鬼小鬼难进门 – букв. Изображения гражданских и военных чиновников на дверях отпугивают злых духов) также подтверждает это. В целом китайские новогодние обряды, будь то жертвоприношение предкам / духам, преследуют скорее светские цели: обеспечение счастья и удачи в новом году.

Праздники всегда сопровождаются определенными **обычаями**, которые несут в себе глубокий культурный смысл. Такие традиции, как уборка и произнесение благопожеланий в ходе новогодних торжеств, подчеркивают их особенности. Многие паремии отражают то, как люди занимаются подготовкой к празднику, а также сами обычаи и традиции, связанные с Новым годом.

1. 二十四, 扫房日 (букв. Двадцать четвертого числа двенадцатого месяца (по аграрному календарю) – день **уборки дома**). Перед Новым годом существует традиция генеральной уборки дома и двора: это делается не только для чистоты в праздничные дни, но и потому, что в первый праздничный день убираться запрещено – считается, что можно вымести счастье. Предновогодняя уборка дома и двора символизирует прощание со старым годом и встречу нового. В русской лингвокультуре также есть традиция праздничной уборки перед Новым годом и Масленицей. Например: *Первые три дня Масленицы недели шла подготовка к празднику: привозили дрова для масленичных костров, убрали избы.*

2. 正月初一说吉语, 一年到头都顺利 (букв. В первый день нового года **говорят благие слова**, пусть весь год будет удачным и благополучным). Эта пословица демонстрирует психологическое восприятие Нового года и имеет ту же лингвокультурную коннотацию, что и русская поговорка: *Кто в Новый год разобьет посуду – весь год будет ломать.*

3. 正月初五无忙人, 用了剪刀有祸根 (букв. На пятый день первого месяца нельзя суетиться, а использование ножниц может **привести к беде**). Эта пословица показывает поведенческие табу во время Нового года. Аналогично в русских поговорках также отражается запрет на труд в этот праздник: *Вот под Новый год заплат не платят, да. Это, говорят, целый год будешь заплатки носить.* Кроме того, в России в день святого Георгия также существует обычай, связанный с ножницами: *В Егорей надо иголки и ножницы не видеть, чтоб змей не видеть весь год.*

Русский и китайский Новый год отмечаются в разное время, и это различие в праздновании также отражает культурные особенности. Когда речь идет о русском праздновании, в первую очередь на ум приходят образы елки, Деда Мороза и Снегурочки. Однако эти символы редко встречаются в поговорках, связанных с Новым годом. Стоит отметить, что, как упоминают Я. Гоу и В. И. Ершов в своем исследовании ([3, с. 199–200]), большинство русских народных примет связано с предсказанием погодных особенностей будущего года. С точки зрения лингвоаксиологии, эти приметы тесно связаны с пожеланиями счастливой жизни, которые ассоциируются с хорошим урожаем. Например: *Тепло, снег на Новый год – лето наступит теплое, с дождями; Какая сторона неба будет в день Нового года покрыта тучами, в той стороне будет урожай хлеба.*

В целом китайские паремии, связанные с уникальными этнолингвомаркерами (новогоднее печенье, парные надписи, картинки, ячменные леденцы), обрядами (жертвоприношение, новогодние поздравления) и обычаями (слова на счастье, запреты), а также русские паремии, касающиеся примет на Новый год, выражают надежду на счастливую и благополучную жизнь в наступающем году. Более того, с точки зрения русской лингвокультуры, мы можем обнаружить такие межъязыковые общие черты, как артефакты (дайкон, рыба, ножницы) и действия (уборка и визит к теще).

Выводы. Новый год – это традиционный праздник китайского народа, наполненный множеством обрядов и обычаев. Новогодние паремии служат отражением этой культуры, и их анализ позволяет представить богатые национальные традиции и почувствовать уникальную атмосферу праздника. Рассмотрение праздника через фольклорный текст открывает возможность познакомиться с обычаями китайского народа, интерпретация которых важна и для представителей других лингвокультур. Пельмени, новогоднее печенье, парные надписи, картины и поздравления являются культурными символами, запечатленными в ПЕ, и ассоциируются с добром. Понимание китайского Нового года связано с такими репрезентативными системами, как символика радости, единства и надежды. Привлечение русских паремий позволило выявить общее в двух языках и сделать вывод о значении конкретные традиции для обеих культур. Хотя паремии были созданы давно, они несут информацию, важную для исследуемых лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. – 544 с.
2. Ван С. Классификация русских и китайских фразеологизмов, входящих в тематическую группу “Новый год” // Герценовские чтения. Иностранные языки : сборник научных трудов. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 210–212.
3. Гоу Я., Ершов В. И. Репрезентации концепта НОВЫЙ ГОД в китайской и русской лингвокультурах (на материале примет) // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 197–201.
4. Захарова М. В. Трансформация осмысления символики празднования традиционного нового года в современном Китае: Последняя четверть XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. – М., 2003. – 275 с.
5. Зырянова, Е. В., Люй В. Ассоциативное поле концепта “Новый год” 春节 в китайском языковом сознании // Русский язык и литература в образовательном пространстве Азиатского региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2017. – С. 25–29.
6. Иваницева О. Н., Дзюба И. Д. Лексика тематической группы «Русские народные праздники» как знак культуры // Молодая наука Заполярья : материалы науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1. – Мурманск : МАГУ, 2021. – С. 108–111.
7. Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – М. : Наука, 1985. – С. 11–78.
8. Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – С. 78–86.
9. Корнильева Т. И. Буддийские праздники в Китае // Вестник СПбГУ. – 2010. – № 2. – С. 41–60.
10. Ломакина О. В. Православные антропонимы в русской паремиологии: лингвокультурный аспект // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция : материалы Международного форума русистов, – Новозыбков : Аверс, 2018. – С. 311–315.
11. Паремология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2020. – 244 с.
12. Паремология на перекрестках языков и культур : монография / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2021. – 246 с.
13. Пословицы русского народа : сборник В. Даля : в 2-х т. Т. 2. – М. : Худож. лит., 1989. – 447 с.
14. Пэй Х. Национальные образы мира: на примере концепта праздник в китайской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – М., 2022. – 177 с.
15. Сюеин Фу, Прохоров С. Новогодние традиции и обряды Китая // Фалькларыстычныя даследаванні: Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі. – Вып. 15. – Мінск : РІВШ, 2019. – С.157–166.
16. Ivanou Y., Feldman V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Vol. 1. – P. 85–97.
17. 曹博. 春节熟语的文化内涵[D]. 内蒙古大学, 2019. (Цао Б. Культурное содержание фразеологизмов в Чунцзе : магистерская диссертация. – Хух-Хото, 2019. – 55 с.)
18. 陈勤建. 中国风俗小辞典[M]. 上海 : 上海辞书出版社, 2008. (Чэнь Ц. Словарь китайских обычаев и традиций. – Шанхай : Шанхайское Народное Изд-во, 2008. – 597 с.)
19. 温端政. 中国歇后语大词典[M]. 上海 : 上海辞书出版社, 2002. (Вэнь Д. Большой словарь китайских сегоуей. – Шанхай : Шанхайское Народное Изд-во, 2002. – 1395 с.)
20. 温端政. 中国谚语大词典[M]. 上海 : 上海辞书出版社, 2011. (Вэнь Д. Большой словарь китайских пословиц. – Шанхай : Шанхайское Народное Изд-во, 2011. – 1261 с.)

Статья поступила в редакцию 16.10.2024

REFERENCES

1. Atroshenko O. V., Krivoshchapova Yu. A., Osipova K. V. Russkij narodnyj kalendar'. Etnolingvisticheskij slovar'. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2015. – 544 s.
2. Van S. Klassifikaciya russkih i kitajskih frazeologizmov, vkhodyashchih v tematicheskuyu gruppu “Novyj god” // Gercenovskie chteniya. Inostrannye yazyki : sbornik nauchnyh trudov. – SPb. : RGPU im. A. I. Gercena, 2019. – S. 210–212.
3. Gou Ya., Ershov V. I. Reprezentacii koncepta NOVYJ GOD v kitajskoj i russkoj lingvokul'turah (na materiale primet) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2020. – № 2(41). – S. 197–201.
4. Zaharova M. V. Transformaciya osmysleniya simboliki prazdnovaniya tradicionnogo novogo goda v sovremennom Kitae: Poslednyaya chetvert' XX v. : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03. – M., 2003. – 275 s.
5. Zyryanova, E. V., Lyuj V. Associativnoe pole koncepta “Novyj god” 春节 v kitajskom yazykovom soznanii // Russkij yazyk i literatura v obrazovatel'nom prostranstve Aziatskogo regiona : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Ulan-Ude, 2017. – S. 25–29.

6. Ivanishcheva O. N., Dzyuba I. D. Leksika tematicheskoj gruppy «Russkie narodnye prazdniki» kak znak kul'tury // *Molodaya nauka Zapolyar'ya : materialy nauch.-prakt. konf. : v 2 t. T. 1.* – Murmansk : MAGU, 2021. – S. 108–111.
7. Kitajcy // *Kalendarnye obychai i obryady narodov Vostochnoj Azii. Novyj god / otv. red. R. Sh. Dzharlygasinova, M. V. Kryukov.* – M. : Nauka, 1985. – S. 11–78.
8. Komova D. D., Lomakina O. V. Slovarnoe i diskursivnoe napravleniya rekonstrukcii paremiologicheskoy kartiny mira: opyt interpretacii (na materiale russkogo yazyka) // *Vestnik CHuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva.* – 2019. – № 3(103). – S. 78–86.
9. Kornil'eva T. I. Buddijskie prazdniki v Kitae // *Vestnik SPbGU.* – 2010. – № 2. – S. 41–60.
10. Lomakina O. V. Pravoslavnye antroponimy v russkoj paremiologii: lingvokul'turnyj aspekt // *Kommunikativnye pozicii russkogo yazyka v slavyanskom pogranich'e: dvuyazychie i mezh'yazykovaya interferenciya : materialy Mezhdunarodnogo foruma rusistov.* – Novozybkov : Avers, 2018. – S. 311–315.
11. Paremiologiya bez granic / pod red. M. A. Bredisa, O. V. Lomakinov. – M. : RUDN, 2020. – 244 s.
12. Paremiologiya na perekrestkah yazykov i kul'tur : monografiya / pod red. E. E. Ivanova, O. V. Lomakinov. – M. : RUDN, 2021. – 246 s.
13. Posloviцы russkogo naroda : sbornik V. Dal'ya : v 2-h t. T. 2. – M. : Hudozh. lit., 1989. – 447 s.
14. Pej H. Nacional'noe obrazy mira: na primere koncepta prazdnik v kitajskoj i russkoj lingvokul'turah : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – M., 2022. – 177 s.
15. Syuein Fu, Prohorov S. Novogodnie tradicii i obryady Kitaya // *Fal'klarystychnyya dasledavanni: Kan-tekst. Typalohiya. Suvyazi.* – Vyp. 15. – Minsk : RIVSH, 2019. – S.157–166.
16. Ivanou Y., Feldman V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology // *Acta Germano-Slavica.* – 2007. – Vol. 1. – P. 85–97.
17. 曹博. 春节熟语的文化内涵[D]. 内蒙古大学, 2019. (Cao B. Kul'turnoe sodержanie frazeologizmov v Chuncze : masterskaya dissertaciya. – Huh-Hoto, 2019. – 55 s.)
18. 陈勤建. 中国风俗小辞典[M]. 上海 : 上海辞书出版社, 2008. (Chen' C. Slovar' kitajskih obychaev i tradicij. – Shanhaj : Shanhajskoe Narodnoe Izd-vo, 2008. – 597 s.)
19. 温端政. 中国歇后语大词典[M]. 上海 : 上海辞书出版社, 2002. (Ven' D. Bol'shoj slovar' kitajskih sekhovuj. – Shanhaj : Shanhajskoe Narodnoe Izd-vo, 2002. – 1395 s.)
20. 温端政. 中国谚语大词典[M]. 上海 : 上海辞书出版社, 2011. (Ven' D. Bol'shoj slovar' kitajskih poslovic. – Shanhaj : Shanhajskoe Narodnoe Izd-vo, 2011. – 1261 s.)

The article was contributed on October 16, 2024

Сведения об авторе

Гао Мэнлин – аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0007-7122-4836>, isgaogao@yandex.com

Author Information

Gao, Menglin – Post-graduate Student of the Department of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0007-7122-4836>, isgaogao@yandex.com

УДК 811.161.1'373.612.2

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.005

О. А. Димитриева, Д. В. Андреева

**«УЖЕ НЕ ПЕРСИК, НО ЕЩЕ НЕ КУРАГА»: ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ
СОВРЕМЕННЫХ ПИЩЕВЫХ МЕТАФОР И СТЕРЕОТИПОВ**

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции современной культуры и связанные с ними некоторые особенности нового ракурса осмысления пищевых метафор, выявляется их ценностная составляющая. Актуальность работы обусловлена ее включенностью в круг лингвокультурологических изысканий, в частности, кодов культуры, отображенных в языке, их аксиосемантики. Основные методы исследования – семантический, контекстуальный и описательный, включающий анализ и систематизацию материала. Материалом для исследования послужила выборка примеров, извлеченная из Национального корпуса русского языка за последние десять лет (газетный подкорпус и социальные сети), а также данные информационно-поискового лексикографического ресурса «Новое в русской лексике. Словарные материалы» ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург) и сайтов, содержащих мемы и демотиваторы. Выявлено, что наряду с типичными, традиционными образами, репрезентирующими человека, появляются новые, обусловленные современными культурно-эстетическими императивами. Образная семантика пищевых продуктов (в частности овощей-фруктов) меняется, рекатегоризируется и получает своеобразный ракурс осмысления в эстетических практиках и тенденциях моды (*девушка-вишня / клубничка / лимон / помидор(ка)*). Слово *кабачок*, «не замеченное», согласно словарям, в образных номинациях, в результате бытующих стереотипов часто используется при создании мемов и демотиваторов, в которых обыгрывается комичность множества ситуаций, и приобретает тем самым дополнительные смыслы и коннотации.

Ключевые слова: *категоризация, концептуализация, пищевая метафора, кулинарно-гастрономический код культуры, селфи-культура, современная культура*

O. A. Dimitrieva, D. V. Andreeva

**“NO LONGER A PEACH, BUT NOT YET A DRIED APRICOT”:
A PERSON IN THE MIRROR OF MODERN FOOD METAPHORS
AND STEREOTYPES**

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The article examines the main trends in modern culture and some features of a new approach to understanding food metaphors, related to these trends. It reveals the axiological component of these metaphors. The relevance of this research lies in its inclusion in the field of linguistic and cultural studies, specifically cultural codes expressed through language and their axiosemanic nature. The main methods used in this study are semantic, contextual, and descriptive, which include analysis and systematization of the material. The study was based on a sample of the examples extracted from the National Corpus of Russian over the past decade (newspaper corpus and social media), as well as the data from the “New Vocabulary in Russian” dictionary compiled by the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (RAS) in St. Petersburg and the materials from the websites containing memes and demotivational images. It has been revealed that along with traditional images of people, new images have emerged, influenced by modern cultural and aesthetic trends. The symbolic meaning of food products, particularly vegetables and fruits, is changing, reclassifying and gaining new perspectives in aesthetic

practices and fashion. For example, words such as “cherry”, “strawberry”, “lemon”, and “tomato” are being used in a figurative sense to describe people. The word “zucchini”, which is not commonly used in figurative expressions according to dictionaries, has become more prominent in memes and demotivational images, where it is used to create humorous situations. This has led to the word acquiring additional meanings and implications.

Keywords: *categorization, conceptualization, food metaphor, culinary and gastronomic code of culture, selfie culture, modern culture*

Введение. Современная селфи-культура задает определенные императивы и эталоны женской красоты (см. [6]). А. Я. Иванова, сравнивая культуру России и Китая, выделяет следующие черты фундаментального сходства: во-первых, это стремление к стройной фигуре (Н. Н. Зарубина называет современную культуру «весорефлексивной», т. к. большое значение отводится сохранению формы и веса человека [5]); во-вторых, ювенилизация, постулирующая молодость основным концептом красоты, с чем связан, например, большой выбор антивозрастных товаров и косметических услуг по омоложению [6, с. 82]. Эти социальные тенденции не могли не оказать влияние на современный язык и не отразиться в нем. Как отмечает Н. Н. Болдырев, процессы формирования общей картины мира напрямую соотносятся с языковой (вторичной) интерпретацией, и это может послужить «переструктурированию общего и языкового сознания, выдвижению новых доминант и доминантных характеристик», а также способом манипулирования сознанием [1, с. 6].

Традиционно для описания человека используются различные компаративные группы (метафоры и сравнения), в состав которых входят компоненты с кулинарно-гастрономической семантикой, позволяющие маркировать как отрицательные, так и положительные стороны внешности и характера индивида (см., например, словарь пищевых метафор [11]). Современные стереотипы и эталоны красоты обуславливают свой ракурс в интерпретации человека с помощью пищевых образов. Целью данного исследования является выявление новых ценностных составляющих, отраженных в лексике с кулинарно-гастрономической семантикой на основе современных текстов СМИ, социальных сетей и мемов / демотиваторов, а также их соотнесение с обозначенными выше императивами селфи-культуры.

Актуальность исследуемой проблемы. Сфера кулинарно-гастрономического выступает предметом многочисленных филологических изысканий, свидетельством чего является актуализация разноплановой терминологии, часто имеющей неологический характер, такой как *глюттоним* / *неоглюттоним*, *гастроним* / *неогастроним* и др. (см. [3]). Особое направление в лингвистике посвящено изучению кодов культуры, или культурных кодов, в число которых включается пищевой / кулинарный / гастрономический (кулинарно-гастрономический), каждый из которых отображает ценностные установки культуры посредством «пищевых» номинаций ([8], [7]). Актуальность настоящей работы обусловлена ее включенностью в круг исследований кодов культуры, выявлением изменений ценностных установок и стереотипов, репрезентированных в языке, и в целом аксиологических доминант и императивов современного общества.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили данные информационно-поискового лексикографического ресурса «Новое в русской лексике. Словарные материалы» ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург) [10], Национального корпуса русского языка [9] и интернет-сайты, содержащие мемы и демотиваторы. Основными методами исследования являются семантический, контекстуальный и описательный, а также метод анализа и систематизации материала.

Результаты исследования и их обсуждение. Приведенное в названии статьи популярное выражение «*Уже не персик, но еще не курага*», встречающееся как в интернет-мемах

и демотиваторах, так и в надписях на бенто-тортах, коробках конфет, базируется на одном из обозначенных выше императивов красоты – ювенилизации. Само высказывание непосредственно связывается с возрастом женщины / девушки. Лексема *персик*, согласно «Словарию пищевых метафор», имеет два значения: 1) молодая, юная девушка, 2) нежная кожа, покрытая легким пушком [11, с. 141–142]. По данным Национального корпуса русского языка (газетного подкорпуса и подкорпуса «Социальные сети»), сравнительный оборот *как персик* является характеристикой женщины: ее лица, кожи и в целом внешнего вида, маркируется также и возраст (ср. *юна и свежа как персик*): *А ведь пудра не только тонирует и убирает блеск. Главное – пудра делает кожу бархатной. Как персик* (vk, 30.05.2016) [9]; *Если у вас сухая кожа, приятный матовый цвет лица, кожа как персик, прекрасно держится макияж <...>* (vk, 06.05.2015) [9]; *Тост мужа жене; <...> я пью за твои 20 – когда ты была сочная как персик!* (eastblackangel. livejournal.com eastblackangel, 2013) [9].

С помощью тюркизмов *курага*, *урюк* (сушеный абрикос с косточкой и без) в косметологии осмысливается состояние кожи со знаком минус в отличие от сравнения ее с персиком: *У кого есть склонность к «сушеной кураге» и кому сложно подобрать уход – берите на заметку, продается в аптеке* (botanovna_. Лайфстайл блог, 24.12.2020) [9]; *Вот наступит климакс, посмотрим, как ты запоёшь, когда начнёшь превращаться в курагу* (Екатерина Покусаева. Стилист, 20.07.2020) [9]; *Увлажняющая гелевая маска для лица ICE BABY от отеков с охлаждающим эффектом <...> чтобы не сморщиться, как урюк после солнышка* [Ольга. О бюджетных находках класса люкс, 2022) [9]. Как видно из приведенных фрагментов, интерпретационный потенциал слов-наименований фруктов передается сквозь призму современных тенденций: включение союза *как* позволяет говорить об устойчивости выражения, основанием для сравнения служит маркер возраста – кожа лица, контекстуальное окружение заполняется лексемами, связанными с косметическими процедурами или их отсутствием (*маска*, *уход*, *макияж* и т. п.).

Следует отметить, что одним из ракурсов репрезентации культурных императивов являются способы обозначений тенденций в моде и эстетики с помощью наименования фруктов и ягод, причем словарное значение несколько модифицируется. В. В. Виноградов отмечает появление в XIX в. нового значения слова *клубничка*, связанного со сладострастием, употребляемого с оттенком «едкой иронии» в романе «Мертвые души» Н. В. Гоголя, а также распространение и образование однокоренных слов с обозначенной семантикой – *клубничник*, *клубничизм*, *клубничист*, *клубничный* [2, с. 770–771]. Данное значение в языке сохранилось (см. [11, с. 192–193]), но появляется и новое осмысление, которое указывает на тенденции в моде, подчеркивая цветовую гамму: *Девушка-вишня более дерзкая и предпочитает одеваться в темные тона, а девушка-клубника – нежная и выбирает пастельные оттенки. Как одеться в стиле Tomato Girl* (KPIZ.ru).

Интересным представляется рекатегоризация слова *помидор* (*помидорка*), устойчивый образ которого содержит информацию о цвете лица (ср. *красный как помидор*) и алгоритме действий в случае неприятия кого-л. (*закидать / забросать тухлыми помидорами*). В зеркале новых тенденций в моде слово *помидорка* приобретает не просто субъективный суффикс, а гендерную соотнесенность: «*Девушка-помидорка*» – новая модная фишка, взорвавшая ТикТок и поднявшая продажи одежды по всему миру <...>. «*Девушка-помидорка*» – не конкретная личность, а собирательный образ модниц, живущих на берегу моря, чаще всего на юге Италии. <...> Их гардероб – метафорическое воплощение августа с его сочными цветами, загорелой кожей, веснушками и румянцем на щеках (VOICE от 21.08.2023). В таком же значении употребляются выражения *томатная девушка*, *девушка-помидор* (см. [4]).

Похожая ситуация происходит и со словом *лимон*: типичные ассоциации, связанные прежде всего со вкусом и цветом (кислый / желтый), интерпретируются в социокультурном контексте моды. В качестве иллюстрации приведем следующий пример: *Популярность „лимонной девушки“ говорит о том, что сейчас люди буквально помешаны на разнообразных эстетиках. Речь идет о дофаминовой, всепоглощающей красоте и бесконечно хорошем настроении. Чтобы стать частью «лимонного клуба», недостаточно просто одеться в желтые вещи («Лимонная» девушка. https://vk.com/wall-38584026_556620).*

В настоящее время лексический и словообразовательный потенциал еще одного аксиологически «переформатированного» слова – *кабачок* – наиболее ярко раскрывается на просторах интернет-источников, социальных сетей. Согласно словарным материалам «Новое в русской лексике», новообразование *кабачкошеринг*, появившееся на основе контаминации «кабачок (о → ø) + о + шеринг» (наряду с номинациями *фудшеринг*, *агрофудшеринг*²⁰²², *заготовкошеринг*²⁰²³), имеет два значения: (1) зафиксированное в 2022 г., «о раздаче лишних овощей, обмене ими. *Кабачкошеринг в экоцентре! Открываем сезон обменов. Приносите кабачки и патиссоны, яблочки и морковку, тыквы, картошку – будем меняться излишками урожая!* vk.com 13.09.2022»; (2) датированное 2023 г., «о мобильном пункте приема и раздачи кабачков. *ВкусВилл и каршеринг-сервис Ситидрайв запустили проект «Кабачкошеринг» <...>*» [10]. В мемах и демотиваторах, анекдотах данная лексема встречается с усеченным корнем и в некоторых случаях с изменением буквы «е» на «э» в части *шеринг* – *кабашэринг*: «*Нам нужен не Tinder, а приложение, которое будет сводить людей, имеющих кабачки, с людьми, которым нужны кабачки. И назвать это чем-то вроде «Кабаше(э)ринг».* Потом масштабируем это на картошку, рассадку, закатки. Но это уже после посевного раунда инвестиций, когда у нас будут первые сто соток юзеров»¹. В основу новообразований преимущественно положен стереотип об избытке этого овоща у многих людей летом. Собственно описываемая ситуация становится предметом непрерывного обсуждения. Схожее значение имеет слово *КабачокКроссинг* / *кабачоккроссинг*: *КабачокКроссинг: Новое движение правильного потребления! Лишние кабачки вы можете положить в корзину. Не хватает кабачков? Просто возьмите бесплатно* (см. рис. 1)².

Рисунок 1 – Кабачоккроссинг

¹ Пример взят с сайта «Анекдоты из России». Режим доступа: <https://www.anekdot.ru/id/1410816/>.

² Пример взят с сайта «Шутки и МЕМЫ про КАБАЧКИ 2024. Подборка» от 8 августа 2024 г. – URL: <https://dzen.ru/a/ZrTehns3i1obyLDm>.

В демотиваторах и мемах в равной степени обыгрываются наряду с количественным аспектом семейные и дружеские взаимоотношения. В качестве иллюстрации приведем два мема (рис. 2³, рис. 3⁴):

Как понять, что вы одиноки?

1. Дождитесь августа
2. Если никто не дал вам кабачок - вы одиноки

Рисунок 2

Рисунок 3

Согласно алгоритму, представленному на рисунке 2, существует особенный способ определения степени одиночества. Пресуппозитивной семантикой обладает лексема *кабачок*, включающая стереотип об августовском периоде, в течение которого на дачах созревает большое количество кабачков, и желаний дачников поделиться ими. Размышления участника мема (рис. 3) позволяют выявить то количество людей, которые поделились результатами своего труда (*мама, тетя Галя (тетигалиными), тесть*), а также их число, не позволяющее герою заснуть.

Несколько иная оценка появляется в газетном подкорпусе НКРЯ и социальных сетях НКРЯ. Во-первых, слово *кабачок* является гипонимом лексемы *овощ*, который, как отмечается в словаре пищевых метафор, «уподобляется человеку, лишенному возможности двигаться, выполнять физическую и умственную работу» (в сравнительном обороте *как овощ* или в выражении *превратить(ся) в овощ*) [11, с. 149–150], что отражается в некоторых контекстах: – *Клинических депрессий и так называемых суб-депрессий (это когда хочется сдохнуть во мраке, но вы еще не лежите лицом к стенке, как кабачок, а в состоянии сходить за хлебушком и проверить у ребенка уроки) вокруг нас с вами море* [Н. Астанина. Психология, 2019) [9]; *Это работает. И я признаю свою упорность на тему «до 1.5 лет отстаньте от ребёнка с горшком». Не отставайте. Мягко и ненавязчиво приучайте ходить в туалет даже годовалого кабачка* (Е. Тамарина. Безудержное Материнство Дом, 08.01.2019) [9]. Физическая и умственная ограниченность, как правило, связываются с болезнью или преклонным возрастом. В последнем фрагменте *кабачком* назван годовалый ребенок, у которого также диапазон движений в силу возраста ограничен, что в целом позволяет говорить о расширении денотативной сферы слова.

Во-вторых, лексема *кабачок* участвует в описаниях как внешнего вида человека и животных (примеры 1, 2), так и некоторых предметов (пример 3):

(1) *А руководит ими некий менеджер, долговязый мужчина, лицо как кабачок; то есть острая лысина и большой тупой подбородок, черные усики, редкие зубы* (clear-text. livejournal.com clear-text, 2013) [9];

³ Пример взят с сайта «Кабачки н-нада? Лучшие шутки и мемы про кабачки» от 26 августа 2023 г. – URL: <https://ngs.ru/text/entertainment/2023/08/26/72640832/>.

⁴ Пример взят с сайта «Шутки и МЕМЫ про КАБАЧКИ 2024. Подборка» от 8 августа 2024 г. – URL: <https://dzen.ru/a/ZrTehns3i1obyLDm>.

(2) *А тут семейство кабанов. Мелкие **прямо как кабачки**)* А рядом водохранилище (Александра sandra deу. Жизнь, 2017) [9]; *В отеле котик посидел пару часов в переноске, потом понял, что это вроде как уже конечная точка маршрута, и пошёл исследовать новую территорию* 😊 *Довольно **смелый кабачок** у нас **оказался*** (Cyprus Animals. telegram Cyprus Animals, 31.05.2022) [9];

(3) *Toyota Corolla 2007 модельного года распрощалась с прежней простотой и стала фактически уменьшенной копией Camry. <...> Corolla – одна из тех машин, которые издали нравятся гораздо меньше, чем вблизи. Визуально перетяжеленная корма с непропорционально маленькими колесами и узкие прорези задних окошек делают ее **похожей на распухший кабачок*** (Помолодевший бестселлер // РБК Daily, 16.04.2007) [9].

В-третьих, слово *кабачок* включается в описание характера человека. Например, британский политик высказывает мнение о том, что он предпочитает быть тыквой, а не кабачком. По мнению Дэвида Кэмерона, тыква имеет толстую кожицу, которая ассоциируется у него с силой, мощью. Политик не желает быть кабачком из-за тонкой кожицы, которая делает его уязвимым ко внешним факторам: *Дэвид, если бы Вы должны были выбирать кожицу какого-либо овоща взамен своей собственной, какой бы это был овощ и почему?». Кэмерон объяснил, что тыква ему нравится больше всего, так как из всех овощей у нее самая толстая корка. «Тыквы, которые я вырастил в этом году, имели фантастически толстую корку и были очень мощными», – дополнительно обосновал свой ответ Кэмерон. Участники конференции также узнали, что **кабачком** Кэмерон быть не хотел бы, так как кожица овоща слишком тонка, и поэтому он уязвим для вредителей* (Лидер британских консерваторов пожелал быть тыквой // Lenta.ru, 22.12.2006) [9].

Выводы. Таким образом, в рамках современной селфи-культуры типичные представления и стереотипы о человеке, отраженные в образных значениях пищевых продуктов (в частности овощей-фруктов), рекатегоризуются и получают новое «звучание», ракурс осмысления – в эстетических практиках и тенденциях моды (*девушка-вишня / клубничка / лимон / помидор(ка)*). Слово *кабачок* приобретает дополнительные смыслы, которые позволяют расширить его семантику за счет употребления слова для наименования и / или сопоставления определенных предметов, ситуаций, событий, возникающих в обществе. Сравнение с кабачком происходит на основе, во-первых, его внешних особенностей (формы, цвета и т. д.), во-вторых, условий его выращивания, хранения и применения. В связи с этим возникают определенные стереотипы, которые используются при создании мемов и демотиваторов, причем достигается комичность множества ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сборник научных трудов. – Калининград : БФУ им. И. Канта, 2023. – С. 5–8.
2. Виноградов В. В. История слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. – 1138 с.
3. Димитриева О. А. Гастрокоммуникация в современном обществе: неологизмы русского языка // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2022. – № 1. – С. 46–52. – DOI <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-1-46-52>.
4. Димитриева О. А., Гаврилова И. В. Кулинарно-гастрономические неологизмы: семантика, словообразование и функционирование [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14, № 4. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/62FLSK423.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).
5. Зарубина Н. Н. От дефицита к диете: повседневные практики питания в советских и постсоветских анекдотах // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 2(10). – С. 130–148.
6. Иванова А. Я. Сравнительный анализ эталона женской красоты в Китае и России // Человек. Общество. Инклюзия. – 2019. – № 2(38). – С. 76–83.
7. Ковишова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – Изд. 3-е. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
8. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры : учеб. пособие. – 3-е изд., стер. – М. : Флинта, 2018. – 180 с.

9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 15.05.2024).
10. Новое в русской лексике. Словарные материалы [Электронный ресурс]. – URL : <https://neolex.iling.spb.ru> (дата обращения 15.05.2024).
11. Словарь русской пищевой метафоры. – Том 1: Блюда и продукты питания / под ред. Е. А. Юриной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – 427 с.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Vtorichnaya interpretaciya mira kak sposob yazykovogo manipulirovaniya soznaniem // Manipulyacii i socium: yazyk, soznanie, kul'tura : sbornik nauchnyh trudov. – Kaliningrad : BFU im. I. Kanta, 2023. – S. 5–8.
2. Vinogradov V. V. Istoriya slov / otv. red. N. Yu. Shvedova. – M. : Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 1999. – 1138 s.
3. Dimitrieva O. A. Gastrokommunikaciya v sovremennom obshchestve: neologizmy russkogo yazyka // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika. – 2022. – № 1. – S. 46–52. – DOI <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-1-46-52>.
4. Dimitrieva O. A., Gavrilova I. V. Kulinaro-gastronomicheskie neologizmy: semantika, slovoobrazovanie i funkcionirovanie [Elektronnyj resurs] // Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya. – 2023. – T. 14, № 4. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/62FLSK423.pdf> (data obrashcheniya: 18.10.2024).
5. Zarubina N. N. Ot deficita k diete: povsednevnye praktiki pitaniya v sovetskikh i postsovetskikh anekdotah // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. – 2015. – № 2(10). – S. 130–148.
6. Ivanova A. Ya. Sravnitel'nyj analiz etalona zhenskoy krasoty v Kitae i Rossii // Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya. – 2019. – № 2(38). – S. 76–83.
7. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury. – Izd. 3-e. – M. : LENAND, 2016. – 456 s.
8. Maslova V. A., Pimenova M. V. Kody lingvokul'tury : ucheb. posobie. – 3-e izd., ster. – M. : Flinta, 2018. – 180 s.
9. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 15.05.2024).
10. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://neolex.iling.spb.ru> (data obrashcheniya 15.05.2024).
11. Slovar' russkoj pishchevoj metafory. – Том 1: Blyuda i produkty pitaniya / pod red. E. A. Yurinoj. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2015. – 427 s.

The article was contributed on November 1, 2024

Сведения об авторах

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; докторант Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>, olgaal_79@mail.ru

Андреева Диана Владимировна – студент факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0009-0003-6043-6041>, diandreeva2002@yandex.ru

Author Information

Dimitrieva, Olga Albertovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; Doctor's Degree Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>, olgaal_79@mail.ru

Andreeva, Diana Vladimirovna – Student of the Faculty of History, Philology, Management and Law, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0009-0003-6043-6041>, diandreeva2002@yandex.ru

*М. И. Журина***ОБРАЗ АНУРАДХАПУРЫ В ЦЕЙЛОНСКИХ РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА**

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается художественный образ города Анурадхапура (Республика Шри-Ланка) в произведениях русского писателя И. А. Бунина, приплывшего на остров Цейлон в марте 1911 года. Внимание к малоизученному аспекту литературного наследия писателя – изображению им города Анурадхапура в рассказах первой половины 20-х годов XX столетия «Третий класс» (1921 г.), «Город Царя Царей» (1924 г.) – определяет актуальность данного исследования и его научную новизну. Литературный образ древней сингальской столицы у Бунина топографически и топонимически достоверен, что подтверждает наличие названий архитектурных достопримечательностей (Бронзовый дворец, дагобы Дхупарама, Иссурумуния, Руанвели и Абхапары), городских улиц (Священная улица) и окрестностей в художественной ткани произведения «Город Царя Царей». Писатель применяет синхронный и диахронический аспекты описания, представляя историю города и его основания в контексте цейлонских сказаний о деяниях царей. Бунин стремится запечатлеть внешний облик Анурадхапуры, характеризуя контраст былого величия ее архитектурных сооружений и их теперешних останков, древнейших свидетельств роскошного изыщества и безупречности градостроительских решений. Разнообразный растительный и животный мир райского острова, символически воплощенный в потомке священного дерева Бо, раскидистой кроной привлекающего обезьянок, раскрывает семантику цветообозначений в поэтике городского пространства.

Ключевые слова: *город Анурадхапура, рассказы И. А. Бунина, «Третий класс», «Город Царя Царей», образ*

*М. I. Zhurina***THE IMAGE OF ANURADHAPURA IN THE CEYLON STORIES BY I. A. BUNIN**

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. This article examines the artistic image of the city of Anuradhapura (Republic of Sri Lanka) in the works of the Russian writer I. A. Bunin, who sailed to the island of Ceylon in March 1911. Attention to the studied aspect of the writer's literary heritage - his depiction of the city of Anuradhapura in the stories of the first half of the 1920s: "Third Class" (1921), "City of the King of Kings" (1924) – determines the relevance of this study and its scientific novelty. The literary image of the ancient Sinhalese capital by Bunin is topographically reliable, which confirms the presence of names of architectural landmarks (the Bronze Palace, Dagoba of Thuparama, the Issurumuniya, Ruanveli and Abhapari), city streets (Sacred Street) and the surrounding area in the artistic fabric of the work "City of the King of Kings". The writer applies synchronic and diachronic aspects of the description, presenting the history of the city and its foundation in the context of Ceylon legends about the deeds of the kings. Bunin strives to capture the appearance of Anuradhapura, characterizing the contrast of the former splendor of its architectural structures and their present remains, the oldest evidence of luxurious elegance and impeccable urban planning solutions. The diverse plant and animal world of the paradise island, symbolically embodied in the descendant of the sacred Bo tree, which attracts monkeys with its spreading crown, reveals the semantics of color meanings in the poetics of urban space.

Keywords: *the city of Anuradhapura, stories by I. A. Bunin, "Third Class", "City of the King of Kings", image*

Введение. Проблема освоения городского пространства в русской словесности не раз становилась предметом литературоведческого интереса. Н. П. Анциферов, являющийся первооткрывателем «петербургского текста» русской литературы и автором локального метода в литературоведении, одним из первых представляет опыт построения образа города в контексте литературных традиций, ставя вопрос об урбанистической проблематике [1]. М. М. Бахтин, обращаясь к образу города, раскрывает хронотопичность художественного мышления писателей с античных до Новых времен [2]. Ю. М. Лотман, описывая петербургскую пространственность в литературных произведениях, определяет город «как сложный семиотический механизм, генератор культуры» [9, с. 35], средоточие «текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [9, с. 35]. В. Н. Топоров на примере Петербурга рассматривает особенности города, относящиеся к природной, материально-культурной, духовно-культурной, исторической сферам, и обозначает критерии различения «петербургского текста» в отечественной словесности [13]. Эволюция художественного изображения города в прозе XIX века является в докторской диссертации В. Г. Фоменко [15]. Поэтика урбанизма повестей Ю. В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века анализируется в работе доктора филологических наук М. В. Селемневой [10]. Понятия «городского пространства», «городской среды» приравняются к «городскому пейзажу», поэтика и типология которого рассматриваются в прозе В. В. Набокова русского периода ученым-филологом О. Ю. Уиллис [14]. Иностранные города, художественно преломленные в произведениях русских писателей, воспринимаются в аспекте проблемы межкультурного диалога, имагологии как одного из самых перспективных направлений отечественного и зарубежного литературоведения [5]. Но несмотря на разнообразие исследовательских обращений к репрезентациям города как образа, локуса, темы, текста и метатекста в русской словесности, изучение индивидуально-авторской вариации пространства определенного города, специфика его изображения в литературном произведении в контексте поэтики творчества писателя и его биографии по-прежнему не теряет своего научного значения и новизны. В этой связи целью настоящей статьи является исследование образа города Анурадхапуры, его историко-культурной семантики в цейлонских рассказах И. А. Бунина.

Актуальность исследуемой проблемы определяется возможностью уточнения цейлонского мирообраза в творческой практике И. А. Бунина и малоизученностью художественного пространства иностранных городов в поэтике жанра рассказа, с учетом биографических и культурно-исторических реалий. Произведения И. А. Бунина воспринимались литературоведами как художественное отражение буддийского Востока [7], [12]. В 2007 году на сингальском языке был впервые опубликован 200-страничный сборник стихов и прозы И. А. Бунина, названный составителем и переводчиком книги Р. Д. Сена-сингхе цейлонским циклом [16]. Литературное наследие писателя стало для ученого-историка одним из источников репрезентации образа Цейлона, сформировавшегося в российском общественном сознании рубежа XIX – XX веков [11]. Однако своеобразие конкретных локусов города, в том числе и национально-специфичных, в художественном преломлении творческой индивидуальностью, особенности их интерпретации в структуре одного или ряда произведений писателя, ведущие к воссозданию городского пространства цейлонского мира в рецепции И. А. Бунина, вызывают необходимость дальнейшего рассмотрения и изучения. Публикация нами статьи «Образ Коломбо в прозаических произведениях И. А. Бунина» [6] обозначила перспективы подобного ракурса осмысления литературной практики классика отечественной словесности.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили бунинские рассказы, объединенные городом Анурадхапура. В работе нашли применение системно-структурный, историко-функциональный и описательный методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. По свидетельству дневниковых записей, И. А. Бунин вместе с В. Н. Муромцевой после трехнедельного плавания по Индийскому океану прибыл на Цейлон 2 (15) марта 1911 г. Двухнедельное нахождение на тропическом острове произвело сильнейшее впечатление на писателя, отразилось в его эпистолярном наследии, стихотворных и прозаических произведениях. В письме к старшему брату Юлию Алексеевичу Бунин передал уникальность, неповторимость ощущений, магический эффект от встречи с Цейлоном, который «так поразил и меня, и Веру, что были мы там положительно как в горячем сне. Ни на что не похоже – одуряюще хорошо, так что начинаешь верить, что здесь был Рай, и всем существом чувствуешь, что перенесен в древность, на землю первобытных богатств и роскоши» [8, с. 93]. Констатируя охватившее его ошеломление, писатель признается: «Ты знаешь, меня первое время ничто не поражает, но тут я ошалел» [8, с. 93]. Маршрут путешествия, воссозданный по дням в «Летописи жизни и творчества И. А. Бунина» [8] С. Н. Морозовым, начинался и завершался в Коломбо, вёл в глубь острова и возвращал обратно, проходя через такие города, как Канди, Нувара Элия, Анурадхапура. Каждый из них по-своему запомнился путешественнику и нашел художественное воплощение в его творческой практике, обрел новый словесный облик на русском языке.

Письма Бунина запечатлели культурно-исторический образ Анурадхапуры. Эпитет «древний» трижды повторяется в первом сравнительно лаконичном описании города. «Завтра едем в Anuradhapur’у, самый древний город и самые древние храмы на Цейлоне, древнюю столицу Сингалезов, – на север острова» [8, с. 94], – сообщал о своих планах писатель 7 (20) марта. Пребывание в величественном городе Царя Царей воспринимается как совершенно необыкновенное: «видели поистине чудеса» [8, с. 95], достойное самого взыскательного внимания. Такую оценку города разделил впоследствии и Кир Булычев, включивший путевой очерк «Анурадхапура. Восход на горе Шрипада» в научно-популярное произведение «7 из 37 чудес», изданное в 1980 году.

Город Анурадхапура с семантическим оттенком вероятности, предположительности образует художественное пространство рассказа «Третий класс» (1921 г.). Его автобиографичный герой-путешественник хочет приобрести билет на поезд в третьем классе «ну, скажем, в Анарадхапуру» [3, с. 47]. Однако кассир-англичанин настаивает на необходимости ехать первым классом. Стремление белого человека «сидеть рядом с цветным» [3, с. 48] кажется ему неприличным, возмутительным. С большим трудом путешественнику-гуманисту, желающему узнать особенности страны, познакомиться с жизнью ее обитателей, даже самых «презренных» с точки зрения европейцев, все-таки удается купить билет в вагон третьего класса до Анурадхапуры. Но на купе белого пассажира пишут: «Занято», и только, перебежав на остановке в четвертый класс, герой осуществляет задуманное. Рассказ развивает тему социальных контрастов, противопоставляя благополучных белых людей и «презренных» цветных, показывая противоестественность такого разделения. Выбор Анурадхапуры как конечной цели поездки представляется не случайным. Это древняя столица, ставшая архитектурным памятником мирового значения, свидетельство созидательного могущества, великолепия таланта этих ныне «презренных», незаслуженно и бесчеловечно притесняемых людей. В действительности, как свидетельствует запись в дневнике писателя, в вагоне третьего класса Бунин не приехал, а вернулся из Анурадхапуры в Коломбо в 2 ч. 20 мин. 9 (22) марта, а написанный в 1921 году рассказ «Третий класс» стал в некоторой степени итогом всего цейлонского вояжа его автора.

Монументальный образ Анурадхапуры как «величайшей святости буддийского мира» [3, с. 67], древнейшей сингальской столицы Цейлона, «возвеличенной пышным названием» [3, с. 69], становится центральным в рассказе «Город Царя Царей» (1924 г.). По типологии Ю. М. Лотмана, Анурадхапура должна быть отнесена к «концентрическим» городам, находящимся в центре страны, выступающим «посредником между землей и небом» [9, с. 31], окруженным мифами генетического плана. Центральное положение отмечается повествователем, представляющим по древним записям «огромную низменную страну, многолюдную, райски богатую, <...> и посреди нее – огромный и великолепный город, вокруг которого и над которым гигантски блещут золотом и белизной пирамидальные, куполообразные и колоколоподобные здания, более похожие на горы, чем на дела человеческих рук» [3, с. 71]. Поднимаются в небесную высоту дагобы Анурадхапуры, возвышаются столбы Бронзового дворца, подобного в дни своего великолепия небесной обители, потомок священного дерева Бо – бодхи – баньян, «под которым Будда познал Истину» [3, с. 70–71], на протяжении двух тысячелетий объединяет земной и небесный миры. История города и его основания излагается в поэтических сказаниях о деяниях царей: завоевателя рая Виджае, чудесно рожденном от женщины и льва, согласно буддийским летописям, помощник которого Анураджа увековечил свое имя возведением Анурадхапуры; благочестивом Тиссе, приветствовавшем первого буддийского апостола Махинду и его сестру, царевну Сангамиту, доставившую ветвь дерева Бо; самодержавном Ланни, чье царствование прославилось строительством Бронзового дворца. О возникновении сингальского государства рассказывают цейлонские мифы и легенды, события и персонажи которых сопоставлены с библейскими: Виджая, пришелец из Индии, объявляется Каином, захватившим владение Авеля – прародину человечества – рай, названный Львиным островом (Сингала) по имени рода завоевателя. «Синга постепенно превратилось в Сила, Силон; последнее название еще и теперь существует в английской транскрипции «Ceylon» (англичане произносят это слово – Силон)» [4, с. 305], – объясняет этимологию топонима Цейлон немецкий ученый К. Гюнтер, чью книгу «Цейлон: введение в мир тропиков», по утверждению П. Л. Вячеславова, использовал И. А. Бунин в работе над рассказом «Город Царя Царей».

Образ города Анурадхапуры раскрывается писателем в историческом освещении, открывая сингальский период развития страны, отраженный в ланкийской хронике Махамсамса. Изображая древнюю столицу, «целых две тысячи лет процветавшую на диво всему древнему Востоку» [3, с. 67], Бунин применяет синхронный и диахронический аспекты описания. Взгляд пораженного «чудовищными останками былой славы» [3, с. 67] путешественника начала XX века привлекают архитектурные памятники: каменная чаша столбов царского дворца Лога-Пазада, Бронзовой Обители, руины святилищ Упозад, первая из цейлонских дагоб – Дхупарама, хранившая ключицу Будды, дагоды Иссурумунья, Руанвели и Абхапары, когда-то «соперничавшая с пирамидой Хеопса» [3, с. 73]. Наблюдаемое «теперь» свидетельствует о былом великолепии, грандиозности и уникальности архитектурного облика города, заставляет вспомнить о царях, воздвигавших новые здания Анурадхапуры, почти равной по размерам Парижу 20-х годов XX столетия, не уступавшей Риму золотом и мрамором дворцов и храмов.

Наименования улиц и их характеристики введены в повествование путем контраста прошлого и настоящего в динамике городского пространства. Как и Гюнтер, Бунин ссылается на отзыв китайского путешественника, побывавшего в Анурадхапуре, «великолепном городе огромных размеров» [3, с. 71], в V веке: «Главные улицы его суть: Песочная, Речная, Царская и Лунная, малых же – без числа» [3, с. 71]. Формируя городскую среду, улица устанавливает связи между местами, отличается значительной протяженностью, многолюдностью, красочным декором: «На каждой главной улице помещается десять

тысяч больших и богатых домов в два и три этажа. Улицы эти усыпаны песком, – белым посередине, черным по бокам, – и украшены множеством триумфальных ворот в цветах и знаменах» [3, с. 71]. Единственная улица, пролегающая через Анурадхапуру в 10-е годы XX века, как и в прежние времена именуется Священной. Чередующиеся картины прошлого и настоящего в материально-культурной истории города создают его вневременной сакральный облик, неподвластный забвению.

Природно-ландшафтный мир, являющийся частью городского пространства, необыкновенно разнообразен. Писатель говорит об исключительном изобилии флоры и фауны райского острова, сосуществующих в гармонии и взаимодополнении. Растительный мир Цейлона «цветущий и благоухающий», «равного которому <...> нет на земле» [3, с. 68] служит приютом для множества птиц, пресмыкающихся, обезьян и других животных. «Пруды, заросшие лотосами, полные черепах и крокодилов, водоемы для омовения» [3, с. 73] соседствуют с руинами святилищ, покрыты чашей кустарника и травой древние дагобы, по плечам двухтысячелетней статуи Будды непрестанно «цветистой молнией мелькают хамелеоны» [3, с. 74]. «Дивный, необъятный вид <...> на океан окрестных джунглей, болот, рек и островами подымающиеся среди них скалистые возвышенности» [3, с. 74] открывается путешественнику с вершины дагобы Абхапары. Цикличность развития привела к тому, что возникшая на месте расчищенных джунглей Анурадхапура постепенно и естественно вернулась к ним, не утратив своей эстетической, культурно-исторической ценности. Растительное владычество, просветление и высшую мудрость символически воплощает отпрыск благословенного дерева Бо, самое древнее историческое дерево на планете, царственно раскинувшееся ветвями, привлекающее игривых обезьянок и дарующее «высокое блаженство быть осененным его листвою» [3, с. 71].

Величие достижений цивилизации, небесная мудрость и благословение закрепляются в цветовой характеристике. В описании города доминируют золотой и белый цвета, контаминирующие значения богатства, славы, красоты и чистоты, сияния и святости, тепла и радости. Это золотые кровли дворцов и храмов, золоченая зала Бронзового дворца, золотое солнце царского трона, золотой плуг царя Тисса; мрамор и белизна зданий, «белоснежные колокола ступ», «зонтик белого шелка – знак царской власти», белые слоны, слоновая кость трона, белый песок улиц. Инкрустации из драгоценных камней, жемчуг и самоцветы на стенах дворцовой залы, серебряная луна и перловые звезды на возглавии трона, природные ландшафты, изобилие растительного и животного мира передают многоцветье, торжественную нарядность, ослепительный блеск и изумительную красочность древней столицы.

Выводы. Таким образом, в интерпретации И. А. Бунина, город Анурадхапура предстает как средоточие святынь буддийского мира, величайший культурно-исторический памятник мирового значения. От упоминания Анурадхапуры как возможного пункта назначения в маршруте путешественника в рассказе «Третий класс» писатель в творческом освоении городского пространства обращается к воплощению ключевого образа древней столицы, организующего художественную структуру рассказа «Город Царя Царей». Контрастно сочетая картины былого великолепия прошлого и напоминающего о нем настоящего в истории Анурадхапуры, Бунин создает ощущение связи времен в едином потоке мироздания с его неуловимой таинственностью и непостижимой загадочностью. Город Анурадхапура, являющийся современным свидетельством удивительных достижений древних цивилизаций Востока, изображается писателем в гармоничном, вневременном единстве с природой как райское царство флоры и фауны, место обретения покоя, «великой тишины».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анциферов Н. П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / составление, подготовка текста, послесловие Д. С. Московской. – М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. – 584 с.
2. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. *Бунин И. А.* Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4 : Воды многие (1914–1926) ; Грамматика любви (1914–1926). – М. : Воскресенье, 2006. – 536 с.
4. *Гюнтер К.* Цейлон. Введение в мир тропиков: с 129 рис. в тексте и картой Цейлона / пер. Н. Холодковской ; под ред. проф. Н. А. Холодковского. – П. : Издание А. Ф. Девриена, 1914. – 367 с.
5. *Жданов С. С.* Пространство Германии в русской словесности конца XVIII – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. – Томск, 2019. – 34 с.
6. *Журина М. И.* Образ Коломбо в прозаических произведениях И. А. Бунина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 1(122). – С. 22–27.
7. *Ким Кен Тэ.* Тема Востока в творчестве И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – СПб., 1997. – 21 с.
8. *Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / сост. С. Н. Морозов.* – М. : ИМЛИ РАН, 2017. – 1184 с.
9. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII / отв. ред. Ю. М. Лотман. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. – С. 30–45.
10. *Селемеева М. В.* Художественный мир Ю. В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. – М., 2009. – 40 с.
11. *Сенасингхе Р. Д.* Образ Цейлона в восприятии русских путешественников, ученых и дипломатов во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – М., 2020. – 28 с.
12. *Смолянинова Е. Б.* Буддийский Восток в творчестве И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – СПб., 1997. – 26 с.
13. *Топоров В. Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII / отв. ред. Ю. М. Лотман. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. – С. 4–29.
14. *Уиллис О. Ю.* Поэтика городского пейзажа в прозе В. В. Набокова русского периода творчества : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – М., 2008. – 21 с.
15. *Фоменко В. Г.* Поэтика города: генезис, национальные векторы развития в художественной прозе XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08. – Донецк, 2020. – 49 с.
16. *Ivan Bunin. Brothers. The product of the Ceylon cycle. Transl. from Russian Ranjana Devamitra Senasinghe.* – Colombo : Surya Publishing House, 2007. (In Sinhala). – 200 p.

Статья поступила в редакцию 18.09.2024

REFERENCES

1. *Anciferov N. P.* Problemy urbanizma v russkoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnykh tradicij / sostavlenie, podgotovka teksta, posleslovie D. S. Moskovskoj. – M. : IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, 2009. – 584 s.
2. *Bahtin M. M.* Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s.
3. *Bunin I. A.* Polnoe sobranie sochinenij : v 13 t. T. 4 : Vody mnogie (1914–1926) ; Grammatika lyubvi (1914–1926). – M. : Voskresen'e, 2006. – 536 s.
4. *Gyunter K.* Cejlon. Vvedenie v mir tropikov: s 129 ris. v tekste i kartoj Cejlona / per. N. Holodkovskoj ; pod red. prof. N. A. Holodkovskogo. – P. : Izdanie A. F. Devriena, 1914. – 367 s.
5. *Zhdanov S. S.* Prostranstvo Germanii v russkoj slovesnosti konca XVIII – nachala XX veka : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01. – Tomsk, 2019. – 34 s.
6. *Zhurina M. I.* Obraz Kolombo v prozaicheskikh proizvedeniyah I. A. Bunina // Vestnik CHuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. YA. YAkovleva. – 2024. – № 1(122). – S. 22–27.
7. *Kim Ken Te.* Tema Vostoka v tvorchestve I. A. Bunina : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – SPb., 1997. – 21 s.
8. *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina. T. 2 (1910–1919) / sost. S. N. Morozov.* – M. : IMLI RAN, 2017. – 1184 s.

9. Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 664. Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam XVIII / otv. red. YU. M. Lotman. – Tartu : Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1984. – S. 30–45.
10. Selemeneva M. V. Hudozhestvennyj mir YU. V. Trifonova v kontekste gorodskoj prozy vtoroj poloviny XX veka : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01. – M., 2009. – 40 s.
11. Senasinghe R. D. Obraz Cejlona v vospriyatii russkih puteshestvennikov, uchenyh i diplomatov vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02. – M., 2020. – 28 s.
12. Smol'yaninova E. B. Buddijskij Vostok v tvorchestve I. A. Bunina : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – SPb., 1997. – 26 s.
13. Toporov V. N. Peterburg i peterburgskij tekst russkoj literatury (vvedenie v temu) // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 664. Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam XVIII / otv. red. YU. M. Lotman. – Tartu : Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1984. – S. 4–29.
14. Uillis O. YU. Poetika gorodskogo pejzazha v proze V. V. Nabokova russkogo perioda tvorchestva : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – M., 2008. – 21 s.
15. Fomenko V. G. Poetika goroda: genezis, nacional'nye vektory razvitiya v hudozhestvennoj proze XIX veka : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.08. – Doneck, 2020. – 49 s.
16. Ivan Bunin. Brothers. The product of the Ceylon cycle. Transl. from Russian Ranjana Devamitra Senasinghe. – Colombo : Surya Publishing House, 2007. (In Sinhala). – 200 p.

The article was contributed on September 18, 2024

Сведения об авторе

Журина Марина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-3302-328X>, ds52556@chebnet.com

Author Information

Zhurina, Marina Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-3302-328X>, ds52556@chebnet.com

Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева, Н. С. Кириллова

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПОКОЛЕНИЯ «Z» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению фонетических особенностей, свойственных англоязычным представителям поколения «Z». В работе рассмотрены такие звуковые параметры, как мелодические характеристики речи, паузы, громкость и скорость произнесения высказывания, окраска голоса и дикция говорящих, произношение дифтонгов и монофтонгов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что анализ особенностей в общении и взглядах на жизнь в рамках современного англоязычного медиадискурса позволяет выделить специфические черты языкового коммуникативного поведения представителей данного поколения, которые могут привести к изменениям в английском языке в ближайшем будущем.

В статье анализируются англоязычные видео, каналы журналистов и блогеров, подкасты и интервью, сайты, киберспортивный новостной портал и форум. В рамках работы для решения поставленных задач использованы: метод сплошной выборки, фонетическое портретирование, аудиторский и электроакустический анализы.

Результаты исследования показали, что в речи англоязычных представителей поколения «Z» отмечается стремление к использованию современной тенденции “uptalk”, вариативность интонации, выделенность смысловых центров и общее разнообразие мелодического рисунка. В речи медийных личностей отмечаются паузы хезитации (заполненные и незаполненные). Также следует сказать о том, что речь реализуется преимущественно в узком тональном диапазоне с использованием нижнего регистра голоса. Необходимо обратить внимание на такие фонетические явления, как «проглатывание» финальной части высказывания, «сглаживание» региональных черт в произношении, отсутствие акцентов, которые также характеризуют речь англоязычной молодежи современного поколения.

Ключевые слова: поколение «Z», образ поколения «Z», медиадискурс, фонетические средства

N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva, N. S. Kirillova

PHONETIC MEANS OF CREATING THE IMAGE OF GENERATION “Z” IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of phonetic features peculiar to English-speaking representatives of generation “Z”. The authors consider such phonetic parameters as melodic characteristics of speech, pauses in speech, volume and speed of utterance, peculiarities of voice coloring and diction of speakers, peculiarities of pronunciation of diphthongs and monophthongs.

The relevance of the study is due to the fact that the analysis of specific features in behavior, communication and views on life which are represented in the modern English-language media discourse will allow to see linguistic peculiarities and features of communicative behavior of generation “Z” representatives which may lead to changes in the English language in the near future.

The authors of the article analyze English-language videos, channels of journalists and bloggers, podcasts and interviews, websites, cybersport news portal and forum. The following methods of research were used in order to meet the objectives: continuous sampling method, method of phonetic portraiture, auditory analysis and electroacoustic analysis.

The analysis of the results showed that in the speech of English-speaking representatives of generation “Z” there is an aspiration to use the modern trend of “uptalk”, variability of intonation, highlighting of semantic centers and general diversity of melodic pattern. In speech there are pauses of hesitation, both filled and unfilled. It should also be noted that speech is realized mainly in a narrow tonal range using the lower register of the voice. It is necessary to note the tendency to “swallow” the final part of the utterance. It should also be noted that the representatives of generation “Z” tend to “smoothen” regional features in pronunciation that results in absence of accents.

Keywords: *Generation Z, image of Generation Z, media discourse, phonetic means*

Введение. Цель работы – изучить социально-психологические особенности поколения «Z» и описать фонетические средства создания данного образа.

Разделение на поколения было введено К. Мангеймом в ходе социологического анализа проблем, связанных с этим понятием [5]. В дальнейшем оно получило развитие в «теории поколений» У. Штрауса и Н. Хау [8].

Особенностью поколения «Z» является то, что они выросли в эпоху возникновения и широкого распространения гаджетов и Интернета, в период компьютеризации и активного развития социальных сетей, т. е. в окружении передовых цифровых устройств, смартфонов, VR-технологий и 3D-реальности. Молодые люди – это активные участники современного медиадискурса, для них медиаплощадка является местом для всесторонней самореализации, в том числе и языковой. Поэтому изменение их речи на всех уровнях может так или иначе отразиться на развитии языка в целом.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность работы обусловлена тем, что она направлена на изучение и описание образа поколения «Z» с фонетической точки зрения. Анализ специфики общения и взглядов молодежи на жизнь в рамках современного англоязычного медиадискурса позволяет выделить специфические черты и особенности коммуникативного поведения представителей данного поколения.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили англоязычные массмедиа: видеофрагмент из шоу GoodDay New York; каналы журналистов и блогеров; подкасты и интервью; сайт, сочетающий черты социальной сети и форума Reddit; киберспортивный новостной портал и форум HLTV (Half-Life Television). В рамках работы для решения поставленных нами задач использованы следующие методы: сплошная выборка с целью сбора фактического материала, фонетическое портретирование, аудиторский и электроакустический анализы, которые позволили определить качество голоса человека, его тембр, громкость и т. п.

Результаты исследования и их обсуждение. Американскими демографами Н. Хау и У. Штраусом в 1991 г. была создана «теория поколений» [8], согласно которой можно выделить сменяющие друг друга группы людей, родившихся в некоторый определенный промежуток времени. Поскольку представители этой группы выросли в одних и тех же условиях, находились под влиянием соответствующих факторов воспитания, то у них сформировались схожие ценности и особенности поведения, в том числе и коммуникативного.

Рассматриваемое нами поколение родилось между 1995 и 2010 гг. С детства они знакомы с мобильной связью, цифровыми технологиями, Интернетом и социальными сетями. Представители этого поколения также известны как первые «цифровые аборигены», т. е. молодые люди, которые активно пользуются смартфонами, планшетами, компьютерными играми и трехмерной реальностью [3]. Исследователи полагают, что они сначала научились пользоваться мобильными телефонами, а затем – ходить и разговаривать [6].

Главными особенностями поколения «Z», с точки зрения психолога Д. М. Твенге [7] и социолога Е. В. Шлегель [10], являются: тесная связь с гаджетами, клиповое мышление, скорость взросления, личная свобода, здоровый образ жизни, замкнутость, одиночество [10]. Поведение, общение и взгляды на жизнь молодежи отражаются в языке и культуре.

Медiateкст не существует автономно, на его формирование оказывают большое влияние как автор, так и его адресат. В этом проявляется диалогичность, когда обратная коммуникация оформляется в виде обмена высказываниями [2]. Она в свою очередь тесно связана с так называемой эвокативностью, под которой понимается «передача универсальных для субъектов коммуникации единиц знания или концептов с опорой на фоновые знания» [9, с. 123]. Экстралингвистическими факторами успешности интерпретации любого текста являются знание реципиентами специфики структуры разных типов текста, наличие опыта его восприятия, умение восстанавливать его глубинный смысл и связность и т. п. [4].

Англоязычный медиадискурс – это широко распространенный способ привлечения внимания к продуктам массовой культуры, актуальным общественно-политическим темам и формирования обособленной языковой среды, соответствующей целям и задачам текста, контекста, условности и социальной культуры, а также речи, обладающей своими лингвистическими признаками. В нашей работе мы остановимся на фонетических особенностях медиадискурса.

Фонетический анализ текста – это одна из основных составляющих лингвистики, которая позволяет подробно изучить звучащую сторону языка, помогает раскрыть все нюансы произношения звуков, использования определенной интонации, ритма и акцента, которые в совокупности составляют структуру данного уровня языка.

В рамках изучения фонетических средств в создании образа поколения «Z» в современном англоязычном медиадискурсе перед нами стояли следующие задачи:

- установить мелодические характеристики речи;
- выделить и охарактеризовать паузы;
- определить громкость и скорость произнесения высказывания, особенности окраски голоса и дикции говорящих;
- выявить специфику произношения дифтонгов и монофтонгов.

Проанализировав с помощью программы Speech Analyzer современные англоязычные интервью и подкасты, мы выявили, что чаще всего представители молодежи данной языковой культуры имеют средний тональный уровень. Так, из 16 рассматриваемых медийных личностей 10 человек обладают этой особенностью речи.

Нами отмечено, что преобладающее количество говорящих имеет широкий тональный диапазон. Данные, полученные на основе рассмотрения двух показателей, указывают на то, что молодые люди на достаточно хорошем уровне владеют способностью управлять тоном своего голоса и подстраивать его под конкретную ситуацию. Приведем несколько примеров этого явления.

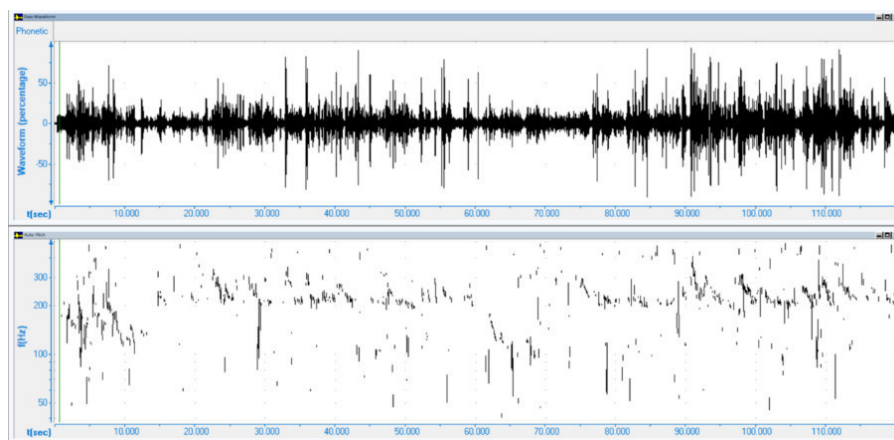

Рисунок 1 – Интонограмма фрагмента интервью американской актрисы Дженны Мари Ортеги

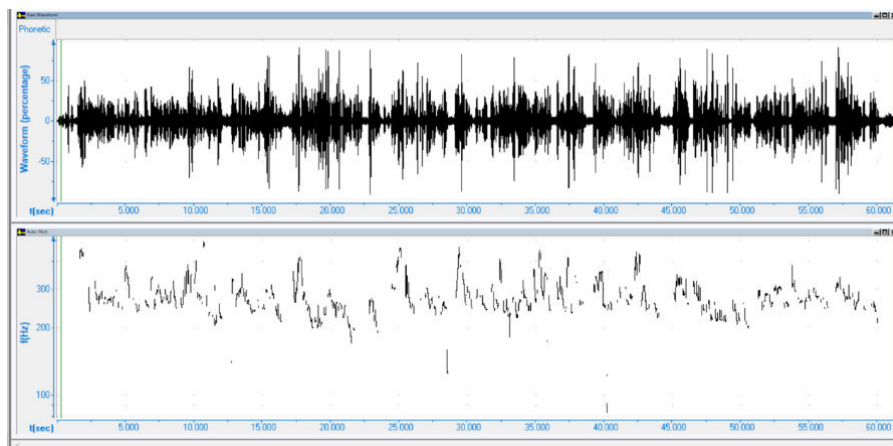

Рисунок 2 – Интонограмма фрагмента интервью американской актрисы Маккензи Фой

Анализ интонограммы позволяет установить уровень тона Дженны Мари Ортеги (рис. 1), который, как оказалось, ниже, чем у Маккензи Фой (рис. 2), при этом у обеих девушек отмечается широкий тональный диапазон.

Этот аспект прежде всего может быть показателем жизненной энергии и уверенности человека. Стабильные изменения ширины тонального диапазона свидетельствуют о повышенной эмоциональности, волнении говорящего, недостаточной критичности к себе. Однако следует с осторожностью относиться к подобной интерпретации, поскольку анализируемая особенность может быть специально использована человеком (в определенных целях) – как образ или некая форма привлечения внимания.

Обратимся к анализу следующей характеристики и определим специфику ее употребления представителями поколения «Z» – это тип ядерного тона. Выявлено, что наибольшее количество рассматриваемых нами личностей имеет нисходяще-восходящий (Fall-Rise) тип речи (9 человек).

Большинство говорящих (11 человек) обладают тенденцией, которая достаточно широко распространилась в последнее время в англоязычной устной речи – это стремление использовать интонацию “uptalk”, которую также называют “high rising termina” или “upspeak”. Особенностью данного интонационного рисунка является систематическая замена нисходящего тона (Low Fall) в конце высказывания, т. е. в позиции завершенности, на восходящий (Low Rise) или нисходяще-восходящий (Fall-Rise) [1, с. 168]. В качестве примера приведем фрагмент из интервью известной американской певицы Билли Айлиш:

I made an ↗ album / I did get two ↘ more ↗ grammys / yeah the documentary ↗ came out / the bond movie ↘ finally ↗ came out / I met the ↗ Royal family / I put out ↗ a book / I did an ↗ Amazon special / I put out a ↗ movie with Disney” [12] и др.

Рассматриваемое явление в последнее время стало маркером молодежной нормы, что подтверждается частотностью употребления этого типа интонации. Подобную вариацию произношения употребляют и девушки, и юноши, т. е. ее использование не зависит от половой принадлежности человека. С этой интонацией говорящие выражают такие эмоции и их проявления, как заинтересованность, неуверенность, одобрение, хвастовство, задор, а также взволнованность и убежденность.

В связи с широким распространением анализируемого явления среди англоязычной молодежи можно предположить, что тенденция к обращению к интонации “uptalk” окажет определенное влияние на интонационный рисунок языка в ближайшем будущем.

Далее рассмотрим громкость произношения и определим ее особенности, проанализировав речь говорящих. У большинства (11 человек) этот показатель находится на среднем уровне, однако он варьируется с частотными повышениями. Стоит отметить примечательную особенность – нами не встречено ни одного ведущего подкаста или тех, у кого брали интервью, с низкой громкостью говорения. Рассматриваемые известные личности работают в медиасфере, которая имеет определенные требования к их произносительным и коммуникативным способностям. Тихая речь препятствует развитию их успешной карьеры, поэтому говорящие пытаются заявить о себе, проявиться и сфокусировать внимание зрителей и слушателей на своей персоне путем изменения тона, в частности, его повышения. Это явление, характеризующее речь молодых людей, выступает одной из особенностей поколения «Z».

Анализ скорости произношения говорящих позволяет отметить, что молодежь обладает четкой и внятной дикцией. Вне зависимости от этого фактора восприятие речи не портится, всегда понятно, о чем говорится в том или ином подкасте / интервью.

Также следует обратить внимание на то, что определенная часть молодых людей умело варьирует быструю скорость произношения с замедлением (при необходимости выделения наиболее важных понятий, явлений, фактов). Именно поэтому итоговые результаты анализа выглядят следующим образом: медленная скорость речи характерна для 8 человек, средняя – для 4 человек, а быстрая – для 9 человек.

Например, звезда американских социальных сетей Блесив (Blesiv) произносит свой монолог в видеоблоге со сверхбыстрой скоростью, практически скороговоркой:

“Are y'all feeling confused just as much as I'm feeling confused because you read the title you saw the thumbnail yes trust me I don't know what my life has come to but honestly I'm not really mad about it like if anything I'm more excited than nervous because the whole right here like I literally sat in silence and I was like is this what life really has come to but honestly I'm not even gonna complain I'm gonna enjoy the moment and live life and if you don't know what I'm talking about today I hired a professional” [13].

Скорость речи говорящего связана прежде всего со спецификой анализируемого материала, а именно с тем, что нами исследованы медийные личности, у которых отмечается хорошая речевая подготовка, их деятельность тесно связана с работой с большим объемом информации при малом количестве времени на ее представление. Повышение этого показателя может быть также результатом того, что некоторые люди находятся под тем или иным давлением, в связи с этим нервничают, поэтому начинают говорить очень быстро.

Анализ речевых пауз показал, что они в большей степени средние (по длине), а сверхкраткие и длительные набрали равное количество проявлений (по 7 человек). Стоит отметить, что сверхкраткие паузы встречались и в речи ведущих подкастов (с учетом определенной подготовки, организованности и структурирования того, о чем они будут говорить), и у публичных персон, дающих интервью. Этот показатель не зависит от спонтанности речи, он просто существует как характерная черта поколения.

Частично отмечена тенденция заполнения пауз звуковыми комплексами. Так, у определенного количества медийных личностей (7 человек) нам удалось ее наблюдать, однако это не позволяет говорить нам о массовости данного явления, скорее это индивидуальные особенности каждого из них.

В речи рассматриваемых нами говорящих эмфатические паузы использовались ими для создания эмоциональной окрашенности высказывания. Приведем примеры из подкаста с участием Уилла Райана (Will Ryan) и Давида Каэро (David ‘Dogdog’ Caero), обсуждающих в формате диалога сервис для трансляции видео как в реальном времени, так и по запросу:

"That always happens like every time ... a new phone comes out my phone for whatever reason ... I would say the last four phones ... consistently gets slower and maybe ... I think ... there was a study or something about ... it maybe it's an update they released ... I don't know what it is but ... whenever like it's not ... my phone it's not that old well it..." [14].

Местами паузы в этом же диалоге заполнены звуковым комплексом "erm":

"Congrats that's awesome back when youtube 1st was starting if you got a sponsorship of any kind people were pissed at you like I don't know if you guys [erm] remember that time it was like 2000 and between 5 and I guess [erm] 9 and 10 [erm] I remember we all did this carl's jr deal i remember we made our own" [14].

Эти звуковые комплексы являются квазизвуками и не несут какого-либо смысла. Они используются говорящими для создания впечатления о непрерывающемся потоке речи, информируют слушающего о том, что высказывание не закончено. С их помощью в неподготовленной речи у человека появляется возможность подобрать те или иные слова, обдумать то, что он дальше будет говорить, скорректировать сказанное, добавить или исправить произнесенное.

Следующая характеристика, к анализу которой мы обратимся, – это монофтонгизация дифтонгов (процесс, при котором многие дифтонги не распадаются на два отдельных элемента). Эта тенденция набирает популярность среди молодежи и наблюдается у половины анализируемых говорящих. Так, Аса (Эйса) Баттерфилд, известный британский актер, в своем выступлении на телевизионном шоу в слове *gain* сокращает дифтонг [eɪ] до [ɪ]: *"Holds the world record again I gain all of these things off youtube it's amazing yeah and so there's a technique most people clap like this feudal thing but if you flex like this and then it starts to speed up" [11].*

Данное явление достаточно новое, однако, основываясь на опыте других языковых систем, где также происходили эти процессы, мы заключаем, что монофтонгизация дифтонгов вызвана тенденцией к возрастающей звучности.

Обратим внимание на такую особенность речи, которую нам удалось отметить у говорящих (5 человек), как элизия. Несмотря на то что наблюдаемую тенденцию можно считать неотъемлемой частью речи молодежи, анализ показывает, что эта фонетическая черта не является широко распространенной в этой социально-возрастной группе.

Все полученные результаты проведенного нами исследования говорят о том, что фонетические процессы в английском языке находятся в постоянном динамическом состоянии в настоящее время.

Выводы. Исследование фонетических особенностей говорящих позволяет выделить основную характеристику англоязычной речи представителей поколения «Z» – стремление к разговорности и спонтанности. Из этого вытекают специфические особенности их речи. Во-первых, следует отметить использование молодыми людьми современной интонации "uptalk", что приводит к широкому употреблению нисходяще-восходящего тона в конце высказывания в сочетании с высокой или средней ровной шкалой.

Представители поколения «Z» говорят с речевой скоростью выше средней. В спонтанной речи отмечается широкое использование небольших и средних пауз. Зачастую это паузы хезитации могут быть как заполнены различными звуками, так и не заполнены, т. е. сопровождаться молчанием. Также можно отметить употребление эмфатических пауз, которые реализуют эмоциональную окрашенность высказывания.

Речь англоязычных представителей поколения «Z» реализуется преимущественно в узком тональном диапазоне. Нами также выявлены: тенденция к «проглатыванию» финальной части высказывания; унифицированность просодической нормы, т. е. стремление к «сглаживанию» региональных черт в произношении и отсутствию акцентов, что может быть результатом глобализации и влияния английского языка на все его варианты в сторону нивелирования их специфических черт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г. С. Некоторые просодические особенности речи представителей современной британской молодежи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2020. – Т. 13, № 9. – С. 167–172.
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. – М. : КРАСАНД, 2010. – 160 с.
3. Коатс Дж. Поколения и стили обучения / пер. с англ. Л. Е. Колбачева. – М. : Межгосударственная ассоциация последиplomного образования, 2011. – 121 с.
4. Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю. Психолингвистические аспекты функционирования текста веб 2.0 // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 4(113). – С. 38–47.
5. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение, 1998. – № 2(30). – С. 7–47.
6. Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Психолог в школе, 2015. – № 8(20). – С. 92–97.
7. Твенге Дж. М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни, и что это значит для всех остальных. – М. : Рипол Классик, 2019. – 406 с.
8. Теория поколений Штрауса – Хау [Электронный ресурс] // Википедия. – URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.09.2024).
9. Уварова Е. А. Медиа́текст и медиа́дискурс: к проблеме соотношения понятий // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика, 2015. – № 5. – С. 122–128.
10. Шлегель Е. В. Поколение Z: типические черты и ценностные ориентации // Вестник Гуманитарного университета, 2022. – № 2(37). – С. 122–130.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

11. Asa Butterfield's Ultimate World Record Attempt! / The Graham Norton Show [Электронный ресурс] // YouTube. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=n9gbkxtSbUQ&t=3s> (дата обращения: 18.09.2024).
12. Billie Eilish: Same Interview, The Sixth Year / Vanity Fair [Электронный ресурс] // YouTube. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=55XJ1ObZKaM&t=1s> (дата обращения: 18.09.2024).
13. I Hired A Professional Cuddler For \$200 [Электронный ресурс] // YouTube. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=DvHR2ku_1Ik (дата обращения: 18.09.2024).
14. Off The Pill Podcast #4 (Ft. dogdog & itsHafu) – Top Hearthstone Players on Twitch Streaming [Электронный ресурс] // YouTube. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=MA_tpXl8qyw (дата обращения: 18.09.2024).

Статья поступила в редакцию 23.09.2024

REFERENCES

1. Abramova G. S. Nekotorye prosodicheskie osobennosti rechi predstavitelej sovremennoj britanskoj molodezhi // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov, 2020. – T. 13, № 9. – S. 167–172.
2. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstov: opyt issledovaniya sovremennoj anglijskoj mediarechi. – M. : KRASAND, 2010. – 160 s.
3. Koats Dzh. Pokoleniya i stili obucheniya / per. s angl. L. E. Kolbacheva. – M. : Mezghosudarstvennaya assotsiatsiya poslediplomnogo obrazovaniya, 2011. – 121 s.
4. Kormilina N. V., Shugaeva N. Yu. Psiholingvisticheskie aspekty funkcionirovaniya teksta veb 2.0 // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2021. – № 4(113). – S. 38–47.
5. Mangejm K. Problema pokolenij // Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. – № 2(30). – S. 7–47.
6. Sapa A. V. Pokolenie Z – pokolenie epohi FGOS // Psiholog v shkole, 2015. – № 8(20). – S. 92–97.
7. Tvenge Dzh. M. Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskij duh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym – i absolyutno ne gotovym ko vzrosloj zhizni, i chto eto znachit dlya vsekh ostal'nyh. – M. : Ripol Klassik, 2019. – 406 s.
8. Teoriya pokolenij Shtrausa – Hau [Elektronnyj resurs] // Vikipediya. – URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (data obrashcheniya: 18.09.2024).
9. Uvarova E. A. Mediatekst i mediadiskurs: k probleme sootnosheniya ponyatij // Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika, 2015. – № 5. – S. 122–128.
10. Shlegel' E. V. Pokolenie Z: tipicheskie cherty i cennostnye orientacii // Vestnik Gumanitarnogo universiteta, 2022. – № 2(37). – S. 122–130.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

11. Asa Butterfield's Ultimate World Record Attempt! / The Graham Norton Show [Elektronnyj resurs] // YouTube. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=n9gbkxtSbUQ&t=3s> (data obrashcheniya: 18.09.2024).

12. Billie Eilish: Same Interview, The Sixth Year / Vanity Fair [Elektronnyj resurs] // YouTube. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=55XJ1ObZKaM&t=1s> (data obrashcheniya: 18.09.2024).

13. I Hired A Professional Cuddler For \$200 [Elektronnyj resurs] // YouTube. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=DvHR2ku_11k (data obrashcheniya: 18.09.2024).

14. Off The Pill Podcast #4 (Ft. dogdog & itsHafu) – Top Hearthstone Players on Twitch Streaming [Elektronnyj resurs] // YouTube. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=MA_tpXl8qyw (data obrashcheniya: 18.09.2024).

The article was contributed on September 23, 2024

Сведения об авторах

Кормилина Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-7560-7531>, kormilina@yandex.ru

Шугаева Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-4613-9158>, nat-shugaeva@yandex.ru

Кириллова Наталья Станиславовна – студент факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0009-0004-6103-0892>, kirillova.01@bk.ru

Author Information

Kormilina, Natalia Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, kormilina@yandex.ru

Shugaeva, Natalya Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English Philology and Translation, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, nat-shugaeva@yandex.ru

Kirillova, Natalia Stanislavovna – Student of the Faculty of Foreign Languages, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0009-0004-6103-0892>, kirillova.01@bk.ru

УДК 811.163'373.2

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.008

И. В. Кузнецова

ОСМАНИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ, В ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В работе рассматриваются фразеологические единицы народов Южной Славии с компонентами – названиями таких деталей одежды и обуви, как воротник, подошва и пояс османского происхождения на фоне других языков. Вестиментарная лексика вошла в принимающие языки в период владычества Блистательной Порты и у славян Балкан настолько адаптировалась, что не воспринимается как чужеродная. Цель статьи – показать потенциал османизмов, называющих детали одежды и обуви, у балканских славян в составе фразеологических единиц. Южнославянские фразеологизмы взяты из словарных источников. Методы обработки материала – компонентный, сопоставительный, структурно-семантико-типологический. Османизмы, обозначающие детали одежды, демонстрируют разную фразеобразовательную активность, самая низкая у слова *воротник*. Большинство проанализированных фразеологических оборотов имеют пейоративное коннотативное значение. Фразеологизмы, характеризующие материальное положение и его изменение, являются стилистически нейтральными. У части фразеологических единиц с вестиментарным компонентом, называющим деталь, есть варианты с лексемами неориентального генезиса. При заимствовании у лексемы могут появиться новые значения, которых нет в языке-источнике и которые стали мотивационной базой жаргонных фразеологических оборотов. Анализ выявил как интернациональность мотивационных идей некоторых структурно-семантических моделей фразеологизмов с вестиментарными деталями, так и их идиоэтничность.

Ключевые слова: *заимствование, османизм, детали одежды и обуви, фразеология, южнославянские языки*

I. V. Kuznetsova

OSMANISMS DENOTING DETAILS OF CLOTHING IN SOUTH SLAVIC PHRASEOLOGY

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The work examines phraseological units of the peoples of South Slavia with components – names of such parts of clothing and shoes as collar, sole and belt of Ottoman origin against the background of other languages. Vestigial vocabulary entered the host languages during the reign of the Glorious Porte and was so adapted by the Slavs of the Balkans that it is not perceived as alien. The purpose of the article is to show the potential of osmanisms denoting details of clothes and shoes among the Balkan Slavs as part of phraseological units. South Slavic phraseological units are taken from dictionary sources. Methods of material processing are component, comparative, structural, semantic and typological. Osmanisms denoting details of clothing demonstrate different degrees of phraseological activity, the noun *collar* has the lowest one. Most of the analyzed phraseological phrases have a pejorative connotative meaning. Phraseological units characterizing the financial situation and its change are stylistically neutral. Some phraseological units with a vestigial component naming a detail have variants with lexemes of non-oriental genesis. When borrowing from a lexeme, new meanings may appear that are not present in the source language and which have become the motivational base of slang phraseological turns. The analysis revealed both the internationality of motivational ideas of some structural and semantic models of phraseological units with vestigial details, and idioethnicity.

Keywords: *loanwords, osmanisms, clothing and shoe details, phraseology, South Slavic languages*

Введение. Вестиментарные лексемы (лат. *vestimentum* ‘одежда’) не раз были в центре внимания фразеологов ([11], [18] и др.), в том числе и с ориентализмами – заимствованиями из языков стран Востока ([7], [8]). Значительно меньше работ с названиями деталей костюма. Так, на фразеоматериале белорусского языка рассмотрены культурные коннотации слова *каўнер* ‘воротник’ [9], уделено внимание характеристике *пояса* в традиционной культуре [6, с. 120–123]. Цель данной статьи – показать потенциал османизмов-наименований деталей одежды и обуви у балканских славян в составе фразеологических единиц (ФЕ).

Османизмы – это заимствования из турецкого литературного и разговорного языка (в том числе и как языка-посредника), а также его диалектов, на которых говорили на Балканском полуострове в период Османской империи, до основания Турецкой Республики в 1923 г., когда началось развитие турецкого языка как национального; заимствования из современного языка малочисленны, в основном это дополнительные значения у уже существующих слов, появившиеся в результате историко-политических событий [15, с. 21–22]. Турцизмы – заимствования из турецкого языка, которые в научных работах называются также ориентализмами и турецко-арабско-персидскими словами [3]; они «явились результатом пятивекового господства Оттоманской империи» [16, с. 100]. По устоявшейся традиции в лексикографии используется помета *тур.*, лишь относительно недавно появилась и другая – *osm. tur.* [19].

Актуальность исследуемой проблемы. «Наличие турцизмов – существенная черта словарей всех языков, входящих в балканский языковой союз», поэтому их изучение – одна из актуальных задач балканистики [14, с. 557], а названия деталей одежды не были отдельным объектом описания.

Материал и методы исследования. Южнославянские ФЕ взяты из источников: [2], [5], [10], [12], [13], [19]. Методы обработки материала – компонентный, сопоставительный, структурно-семантико-типологический.

Результаты исследования и их обсуждение. 1. Воротник. Для обозначения этой детали одежды в Южной Славии используется османизм *yaka* ‘воротник’: серб. *jaka* ‘воротник, вóрот’, макед. *jaka* ‘воротник, воротничок’, болг. *яка* – 1) ‘воротник, вóрот’, 2) разг. ‘пена, которая образуется при налипании пива в емкость (кружку, стакан и пр.)’¹, босн., хорв. *jaka* ‘воротник’. Слово встречается в тождественных по образности ФЕ: болг. *хващам / хвана (улавям / уловя, пипвам / пипна, дръпвам / дръпна, сграбчвам / сграбча)* някого за *яката* – ‘грубо, насильно заставляя / заставить кого-л. что-то делать’, ‘привлекать / привлечь кого-л. к ответственности за свои дела, заставляя / заставить отвечать за свои поступки и получить по заслугам’; серб. *ухватити (зграбити) за јаку* – 1) ‘строго привлечь к ответственности’, 2) ‘арестовать’; босн., хорв. *uhvatiti (šćepati, zgrabiti) za jaku* – 1) ‘поставить в тяжелое положение’, 2) ‘арестовать; посадить в тюрьму’², в которых прямое значение свободного словосочетания породило ФЕ с переносным.

¹ Заметим, что в сербском языке это значение передается синонимом-германизмом *крагна* – 1) ‘полоса из ткани или меха, пришиваемая либо пристегиваемая к вырезу в одежде для шеи, горловине’; 2) ‘пивная пена (в кружке)’ (< нем. *der Kragen* – 1) ‘вóрот, воротник, воротничок’; 2) ‘шея, горло (в основном в ФЕ; перен. = ‘голова’, ‘жизнь’)).

² Ср. с рус. *схватить за ворот (за воротник)* кого ‘настойчиво приступить с какими-л. требованиями, вынуждая к чему-л.’, *брать / взять (хватать / схватить)* кого-л. *за шиворот* (где *шиворот* – расшитый воротник боярской одежды, один из знаков достоинства вельможи, распространенный в Московской Руси XVII в. [4, с. 38]) ‘применять / применить силу к кому-л., силой заставляя / заставить, принуждать / принудить к чему-л.’, ‘поймать, схватить, застичь на месте преступления; синоним – *схватить* кого *за руку*’, а также с укр. *схопити за комір*; бел. *браць за каўнер*; в.-луж. *za kornar wzać (hrabnić) někoho / něchtó někoho za korna woznje (hrabnje)*; польск. *wziąć kogoś za kołnierz*; слов. *chytiti' niekoho za golier*; чеш. *chytit (uchopit, popadnout) koho za límec*; нем. *j-n am (beim) Kragen fassen (haben, packen, nehmen, kriegen)*.

Болг. *стяга ме / стегне ме яката около врата* семантизируется двояко: 1) ‘у меня большие неприятности, переживания, мне плохо в той ситуации, в которую я попал’, 2) ‘быть (находиться) в безвыходном, критическом положении, попасть в крайне сложную, безвыходную, критическую ситуацию (чаще когда надо за что-то отвечать, нести ответственность за что-л.)’; *държа го за яката* (букв. я держу его за воротник) ‘кто-л. будет наказан’³.

Эта деталь одежды в некоторых странах экс-Югославии обозначается также германизмом *крагна* (*kragna*), славянизмами *оковратник* (*okovratnik*) – 1) ‘воротник, воротничок’; 2) ‘галстук’; 3) ‘ошейник’ и *овратник* (*ovratnik*) – 1) ‘воротник’; 2) ‘галстук’, но только последняя лексема встречается в калькированных с английского языка терминах, обозначающих разные категории наемных работников: серб. *бити с белим овратником*; *бели овратници*; хорв., босн. *bijeli ovratnici*; *plavi ovratnici*; *zlatni ovratnici*; *ružičasti ovratnici*⁴. На базе ФЕ *bijeli ovratnik* образован применяемый в социологии, криминологии и СМИ оборот *kriminalitet bijelog ovratnika*, которому в русском языке соответствует конструкция *беловоротничковая преступность* ‘преступления в экономической сфере (налоговые, отмывание денег и пр.)’.

2. Подошва. В Болгарии эта часть обуви называется славянизмом и турцизмом, но лишь в единичном случае они взаимозаменяемы, образуя равнозначные варианты ФЕ, ассоциируясь со старым / жилистым мясом или блюдом, приготовленном из цельного куска мяса (чаще говядины), ставшим жестким из-за неправильного приготовления: *твърд като подметка* (*гъон* < осм.-тур. *gön* ‘дубленая подошвенная кожа; подошва, подметка’); *месо (иницел, пържолa и под.) като гъон*⁵. В Хорватии османизм *đon* относится как к мясному продукту (*[ispečena] junetina žilava (tvrda) kao đon od cipele*⁶), так и к другому черствому блюду: *Do sada pizza odlična ali u subotu 9.7.22. tijesto kao đon od cipele morali podgrijavati da bi omekšalo*⁷.

Слово является средством выражения негативной характеристики внешности человека: болг. диал. *сурат като гъон* (букв. морда как подошва) ‘о некрасивом, неприятном, отталкивающем лице’; хорв. диал. *ružna je ka moj đon*; *ružna kao đon od cipele* – ‘о некрасивой женщине’; физических состояний: макед. *ѓон-пијан* ‘мертвецки пьян’ = рус. *пьян как стелька* (в стельку); моральных качеств: болг. диал. *он и гъон са* (букв. он и подошва – целое) ‘о людях с одинаковыми недостатками’; хорв. штокав., кайкав. *boli (zaboli) đon* кога (za кога, što), босн. жарг. *boli me đon* ‘о безразличном человеке, которого никто и ничто не заботит, не волнует’, ирон. *njezan k(a)o djon*⁸ (букв. нежный как подошва) и межличностных отношений: болг. жарг. *спука ми се гъона* (букв. у меня лопнула подошва)

³ Ср. с в.-луж. *za kornar hić někomu / někomu za kornar dže*; нем. *j-n am (beim) Kragen haben*; *j-m geht es an den Kragen*.

⁴ Ср. с рус. *белые воротнички*, польск. *białe kołnierzyki* (< white-collar worker); *синие воротнички* (< blue-collar workers); *золотые воротнички* (< gold-collar workers); *розовые воротнички* (< pink-collar workers).

⁵ Ср. с рус. *мясо (говядина) как подошва (подметка)*; *бифштекс (антрекот, стейк) жёсткий (твёрдый) как подошва*; укр. *м'ясо [тверде (жорстке)] як підошва*; *стейк [жорсткий] як підошва*; бел. *цвёрды (цвярды) як падэшва*; словц. *mäso [tvrdé] ako podošva*; чеш. *maso je [tvrdé (tuhé)] jako podešev*; фр. *viande dure comme une semelle*.

⁶ Букв. [поджаренная] телятина жилистая (жесткая) как подошва башмака.

⁷ Букв. Пока что пицца отличная, но в субботу 9.7.22. тесто как подошва башмака, пришлось разогреть, чтобы размягчить [https://hr.revieweuro.com/zagreb/pancho-i-toro-774901].

⁸ У ФЕ есть вариант *njezan k(a)o oranak*, где образом сравнения является легкая крестьянская обувь из сыромятной кожи, охватывающая стопу и прикрепляемая к ноге ремешками. Оба варианта обычно относятся к носителю деревенского менталитета, что проявляется в целом спектре поступков и действий, свойственных сельским жителям, провинциалам, «деревенщине» (в пейоративном смысле слова): грубом отношении к окружающим, недостатке такта и толерантности, неотесанности в отношениях с женщинами, амбициях любым способом, всеми правдами и неправдами добиться успеха в городе.

‘испытывать большое давление, принуждение со стороны кого-л.’; *спуквам / спукам* (*спуках*) *гьона* някому ‘измучить, изнурить кого-л. непосильной работой’ = рус. *выжать* кого-л. *как лимон*; серб. *тврдо као ђон* ‘о жестком, непреклонном в своих решениях и поступках человеке’ = фр. *[a] dur comme une semelle*; босн., хорв. *ići* [на koga] *đonom* ‘безжалостно, без угрызений совести, агрессивно набрасываться на кого-л.’; босн. *udariti kome đon* ‘смерить взглядом; создать проблемы кому-л.’; *ivaliti đon* ‘напакостить кому-л.’ = рус. *подложить свинью*.

Кожа на лице человека сравнивается с подметкой из грубой и жесткой, обработанной специальным образом кожи крупного рогатого скота в черногор. *кожа му је на образу као ђон* с пояснением *тврда као у вола*; ФЕ зафиксирована в XIX в. [5, с. 237] и актуальна до сих пор. В сербском языке есть прилагательное *ђонообразан* ‘наглый, бессовестный, бесчестный’ (< *ђон* ‘подошва’ + *образ* ‘щека’, ‘лицо’, перен. ‘репутация, честь’, ‘стыд, совесть’). Образующие его существительные входят в состав ФЕ, пейоративно оценивающих человека и «манифестирующих семантическую модель ‘грубая кожа’ > ‘бесчестность’» [17, с. 92], бесстыдство и неотзывчивость: макед. *со образ како ђон*; серб. *имати образ као ђон*; *образ му је као ђонпара*; босн. *đon-obraz*; *imati obraz kao đon* (*od đona*); хорв. *штокав. đon obraz*; *imat obraz ko đon* – ‘о наглom, нахальном, бесцеремонном, неделикатном человеке’; ‘о бесстыдном, бессовестном, аморальном человеке’; ‘о бесчувственном, неотзывчивом человеке, которого ничем не проймешь’. Прилагательное *дебео* ‘толстый, грубый’ в составе серб. *образ је коме [дебео] као ђон*; *дебео му образ као ђон* усиливает признак толстокожести, а «в зависимость от толщины кожи ставятся способность человека к сочувствию, сопереживанию и сила эмоционального реагирования (имеются в виду эмоции, проявляющиеся при человеческом контакте)» [1, с. 18].

При заимствовании лексема может приобретать семантику, которой нет в языке-источнике. Так, у слова *đon* в Боснии появились жаргонные значения ‘шпаргалка, шпора’ и метон. спорт. ‘не по правилам поставленная нога (так, что видна подошва) против игрока соперника в футболе или удар ногой, поставленной таким образом’ (откуда спорт. жарг. *ivaliti đon* = в футболе: поставить подножку кому-л., что является тяжелым нарушением).

3. Пояс, ремень. Данный аксессуар в языках южных славян называется по-разному. Слово *каиш* (*kaiš*) < осм.-тур. *kauiş* ‘кожаный пояс, ремень’ содержится в интернациональной ФЕ⁹ с мотивационной моделью *затягивать / затянуть (подтягивать / подтянуть) пояс (поясá, ремень, ремни) [тууже (потуже)]*: макед. *стегне каиш*; *го стега каишот*; серб. *стегнути / стезати (притегнути / притезати) каиш* (*уз каиш*); босн. *stegnuti / stezati (pritegnuti / pritezati) kaiš*; хорв. *stegnuti / stezati (pritegnuti / pritezati) kajš* – ‘начать жить скромнее, экономить на всем в повседневной жизни (о человеке, группе лиц – налогоплательщиках, жителях страны, региона и пр.)’. «Выражение часто используется в контексте ситуаций, когда необходимо сократить расходы на определенные цели или в условиях экономического кризиса» [11, с. 189].

Болг. *стягам / стегна (свивам / свия) каиша* имеет значения ‘ограничивать себя в средствах’ и ‘голодать, недоедать’¹⁰, ‘терять силы из-за недостатка средств’, а у разг. *каишът се затяга*; *затягам / затегна каиша* развилась семантика ‘принимать строгие меры (как ответ, реакция на что-л.)’ = рус. *закручивать / закрутить гайки*. Два значения у ФЕ *затягане (стягане) на каиша* – разг. ‘принимать жесткие меры, наводить дисциплину’: *Разпуснал се е! Затягане на каиша трябва* (букв. Распустился! Требуется затянуть

⁹ Ср. с укр. *затягувати / затягнути паски; затягти пояс (ремінь) тугіше*; польск. *zaciśnąć pas*; слов. *utáhovať si opasok, pritiahnuť si remeň*; чеш. *utáhnout si / utahovat si opasek (pásek), utáhnout [si] / utahovat [si] (přitáhnout [si] / přitahovat [si]) řemen*; англ. *to tighten the belt*; нем. *den Gürtel schnallen; den Riemen enger (weiter) machen (schnallen); sich den Leibgurt (Riemen) enger ziehen (schnallen)*.

¹⁰ Это значение известно и немецкому языку.

гайки) и книжн. ‘экономить (ресурсы, финансы)’: *Политика на затыгане на каиша*. Необходимость ограничить себя в чем-л., сократить расходы дала жизнь болг. разг. *ратягам / затегна (стягам / стегна) [си] каиша* ‘худеть / похудеть, слабеть / ослабеть’: – *Какво става с тебе? Затегнал си каиша. Поне десет килограма си хвърлил*¹¹). Болг. *затыгам / затегна (стягам / стегна) каиша* на някого = рус. кого-л. *заставлять / заставить затынуть пояс [потуже]*; чеш. *utáhnout někomu řemen*. При изменении материального положения в лучшую сторону употребляют ФЕ *отпускам (отпуцам) / отпусна (разпуцам / разпусна) [си] каиша* ‘жить / зажить в достатке, в свое удовольствие; перестать экономить на еде’¹².

Свободное словосочетание стало основой переносных значений ФЕ болг. *смъквам / смъкна каиш от гърба* на някого; серб. *скинути / скидати (сећи, дерати) некоме каише с леђа* – 1) ‘подвергать кого-л. жестоким мучениям, истязаниям, пыткам’¹³; 2) ‘безжалостно эксплуатировать, притеснять кого-л.; мучить, истязать ради своей выгоды; жылы тянуть из кого-л.’¹⁴. Сербская ФЕ семантизируется и как ‘сильно ударить; избить кого-л.’. Значение ‘пороть / выпороть кого-л. ремнем’ отмечено у серб. *женити кога каишем*, босн. *ženiti koga kaišem*; ‘обмануть, обжулить кого-л.’ – у серб. *ударити некоме каиш*, босн. *udariti kome kaiš; udariti kome kajasu*¹⁵.

Идиоэтничны болг. *опъвам (тегля) каиша* ‘выполнять тяжелую работу, трудиться из всех сил; везти весь воз на себе’; *отвързвам / отвържа каиш от коляно; навивам / навия (опасвам / опаща) каиш на коляно* – ‘о холостяке: становиться / стать женихом; ходить в женихах’; *жилав като каиш* – 1) ‘жесткий, жилистый (о мясе старого животного, птицы, блюда из него)’, 2) ‘сильный, здоровый, выносливый (о мужчине)’¹⁶; *изпечен като каиш* ‘о крепком, здоровом мужчине’; диал. *вия се (извивам се) като каиш* ‘легко гнуться, изгибаться (о теле человека)’; босн. *kaiš će ti (ti) suditi* (букв. ремень тебя (его) будет судить) ‘угроза физического наказания провинившемуся ребенку’; кулинар. *(iz)rezati na kaiše* (букв. резать (изрезать) на ремни) ‘нарезать тончайшее пресное тесто – юфку – на узкие длинные полоски’.

В образовании болгарских ФЕ участвует и османизм *колан (kolan) < осм.-тур. kolan* – ‘ремень, пояс’; ‘чересседельник’¹⁷; ‘подпруга’¹⁸: *стягам / стегна (затыгам / затегна) колана [до последната дупка]* – 1) ‘экономить на всем’ = рус. *затынуть ремень (ремни) [на последнюю дырку]*; 2) диал. ‘недоедать, долго голодать’ = рус. *положить зубы на полку; разпускам / распусна (отпускам / отпусна) колана* ‘жить / зажить в достатке’; диал. *отпускам (отпуцам) / отпусна колана [с още една дупка]* – 1) ‘много есть / съесть, наесться / наестся, переедать / переест’¹⁹; 2) ‘перестать экономить на еде, начать баловать себя’; 3) ‘позволить себе отдых после напряженного труда, расслабиться’.

Слово зафиксировано также в серб. *попуцали му сви колани* (букв. лопнули все его ремни); босн. *poricali su kome svi kolani* – ‘потерять всякую надежду’; *stegli su koga kolani* (букв. затынулись у кого ремни) ‘у кого-то большие проблемы, заботы’.

¹¹ Букв. Что с тобой? Ты похудел. Ты сбросил не менее десяти килограммов.

¹² Ср. с польск. *poruszczać pasa*; нем. *den Gürtel umbinden (abnehmen)*.

¹³ Ср. с рус. *ремни из спины чьей, у кого выкраивать (резать / вырезать, драть)*; укр. *дерти ремні зі шкіри*; хорв. *guliti komu remenje s leđa; remenje s koga zderati (saderati)*; чеш. *řemeny tahat (dřít) z koho*.

¹⁴ Ср. с рус. *ремешки кроить из чужой спины*; кашуб. *z cężë skôrë řem'en'e krajac* (букв. из чужой кожи резать ремни); польск. *drzeć z kogoś pasu*; чеш. *řemeny tahat (dřít) z koho*.

¹⁵ *Kajasa* – 1) ‘кожаная завязка, тонкий и узкий кожаный ремешок’, 2) ‘ремни, которые надеваются на голову запряженной лошади и служат для управления ею; поводья, подпруга, вожжи’; 3) ‘португеза’; 4) ‘длинная и узкая полоса земли’ (< осм.-тур. *kayasa* ‘ремень (на передней части седла); веревка из верблюжьей шерсти’).

¹⁶ Синоним – диал. *жилав като [волски] ремък* с образом сравнения ‘ремень из кожи вола’.

¹⁷ Часть конской сбруи – ремень, протянутый от одной оглобли к другой через седельку.

¹⁸ Широкий ремень, затягиваемый под брюхом лошади или осла для укрепления седла, в т. ч. вьючного.

¹⁹ Синоним – диал. *отпускам (отпуцам) / отпусна ремъка на никулденската ([на] никулската) дупка*, где первое прилагательное – производное от *Никулден* ‘день св. Николая’ – христианский праздник, когда чтят Святого Николая – покровителя моряков и рыбаков (06.12.) и традиционно готовят блюда из рыбы.

Выводы. У названий вестиментарных деталей османо-турецкого происхождения разный фразеомобразующий потенциал в Южной Славии. Такая часть одежды, как воротник, в болгарской лексике и фразеологии представлена только ориентализмом *яка*; в странах бывшей Югославии она обозначена тремя словами, но германизм вообще не встречается в ФЕ, славянизм употребляется с начала XXI в. в кальках с английского, указывающих на статус и положение человека в обществе. В целом этот вестиментарный элемент фразеологически не активен. У некоторых ФЕ есть лексические варианты: макед. *стегне ремен*; серб. *стегнути / стезати ремен*; хорв. *stegnuti / stezati (pritegnuti / pritezati) remen (pojas)* – ‘экономить’; серб. *стезати се у појасу* ‘меньше есть из-за экономии или бедности’; болг. *стягам / стегна (затягам / затегна) [си] пояса*; диал. *стягам / стегна (постягам / постегна) ремька* ‘недоедать, голодать’. В Болгарии османизм и славянизм, обозначающие подметку, вариативны лишь при сравнении с ней мяса и блюд из него. В составе ФЕ название этой части обуви ориентального происхождения связано только с пейоративными коннотациями. При заимствовании у лексемы могут появиться новые значения, отсутствующие в языке-источнике и мотивирующие возникновение жаргонных ФЕ. Анализ выявил как интернациональность некоторых мотивационных идей ФЕ с вестиментарными деталями, так и их идиоэтничность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е. Л., Седакова И. А. Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения // Известия РАН. Сер. лит.-ры и языка. – 2012. – Т. 71, № 6. – С. 12–24.
2. Болгарско-русский фразеологический словарь / сост. А. К. Кошелев, М. А. Леонидова. – М.: Русский язык, София: Наука и искусство, 1974. – 635 с.
3. Вѣтов В. Лексикология на българския език. – Велико Търново: Абагар, 1998. – 424 с.
4. Свтушенко Н. М., Райська Л. Г., Сеніна В. К. Українсько-російські фразеологічні паралелі як вияв національної специфіки мов // Сучасні проблеми вивчення фольклору та літератури у вищих та середніх навчальних закладах. – Мелітополь; Київ, 1996. – С. 36–39.
5. Караџић В. Народне српске пословице. – Цетинь, 1836. – 362 с.
6. Ковинова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. – М.: ЛЕНАНД, 2019 – 400 с.
7. Кузнецова И. В. Ориентализмы тематической группы «верхняя одежда» в южнославянской фразеологии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 3(124). – С. 24–32. – DOI 10.37972/chgpru.2024.124.3.003.
8. Кузнецова И. В. Турцизм *çorap* в фразеологии южных славян // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 2(123). – С. 27–31. – DOI 10.37972/chgpru.2024.123.2.003.
9. Ляшчынская В. А. Фразеалагізмы з кампанентам каўнер – рэпрэзентанты касцюмна-рэчавага кода культуры беларусаў // Духоўная спадчына Усходняга Палесся. – Гомель: Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны, 2018. – Р. 196–201.
10. Макаријоска Л., Павлевска-Георгиевска Б. Прилози за македонската фразеологија. – Скопје, 2020. – 309 с.
11. Наджим К. Х. Идиомы из поля «Одежда» как экспрессивное средство характеристики экономических проблем в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1(51). – С. 186–191.
12. Речник на българския език. Электронно списание. – Т. 1–15. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 22.08.2024).
13. Речник српскохрватскога књижевног језика. – Књ. 1–6. – Нови Сад: Матица српска – Загреб: Матица хрватска, 1967–1976.
14. Седакова И. А. Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме // Славянский альманах. – М.: Индрик, 2014. – С. 553–562.
15. Стаменов М. Съдбата на турцизмите в българския език и в българската култура. – София: Изток-Запад, 2011. – 870 с.
16. Стоянова Н. И. Турцизмы во фразеологизмах болгарского языка // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 1: Естественные науки. 2007. – № 6. – С. 100–105.
17. Якушкина Е. И. Анатомия стыда (этическая семантика соматизмов в славянских языках) // Славянский вестник. – Вып. 1. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 96–105.
18. Benzon I. Pridruživanje frazema s komponentom naziva za odjeću konceptualnim poljima (na građi njemačkog i hrvatskog jezika) // Fluminensia: časopis za filološka istraživanja. – 2006. – God. 18, br. 2. – S. 85–114.

19. Šehović A., Haverić Đ. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika [Elektronski izvor]. El. knjiga. – Sarajevo : Filozofski fakultet, 2017. – 269 s.

Статья поступила в редакцию 28.08.2024

REFERENCES

1. Berezovich E. L., Sedakova I. A. Slavyanske somatizmy «kozha» i «shkura» i ih vtorichnye znacheniya // Izvestiya RAN. Ser. lit-ry i yazyka. – 2012. – T. 71, № 6. – S. 12–24.
2. Bolgarsko-russkij frazeologicheskij slovar' / sost. A. K. Koshelev, M. A. Leonidova. – M. : Russkij yazyk, Sofiya : Nauka i izkustvo, 1974. – 635 s.
3. V"tov V. Leksikologiya na b"lgarskiy ezik. – Veliko T"rnovo : Abagar, 1998. – 424 s.
4. Cvtushenko N. M., Rajs'ka L. G., Senina V. K. Ukraïns'ko-rosijs'ki frazeologichni paraleli yak viyav nacional'noi specifiky mov // Suchasni problemi vivchennya fol'kloru ta literaturi u vishchih ta serednih navchal'nih zakladah. – Melitopol' ; Kiïv, 1996. – S. 36–39.
5. Karauih V. Narodne srpske poslovice. – Cetin', 1836. – 362 s.
6. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok : antroponimicheskij kod kul'tury. – M. : LENAND, 2019 – 400 s.
7. Kuznecova I. V. Orientalizmy tematicheskoj grupy «verhnyaya odezhda» v yuzhnoslavyanskoj frazeologii // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2024. – № 3(124). – S. 24–32. – DOI 10.37972/chgpu.2024.124.3.003.
8. Kuznecova I. V. Turcizm çorap v frazeologii yuzhnyh slavyan // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2024. – № 2(123). – S. 27–31. – DOI 10.37972/chgpu.2024.123.2.003.
9. Lyashchynskaya V. A. Frazealogizmy z kampanentam kažner – reprezentanty kascymna-rechavaga koda kul'tury belarusaj // Duhožnaya spadchyna Uskhodnyaga Palessya. – Gomel' : Gomel'ski dzyaržhaŭny ŭniversitet imya F. Skaryny, 2018. – P. 196–201.
10. Makarijoska L., Pavlevska-Georgievska B. Prilozi za makedonskata frazeologija. – Skopje, 2020. – 309 s.
11. Nadzhim K. H. Idiomy iz polya «Odezhda» kak ekspressivnoe sredstvo harakteristiki ekonomicheskikh problem v sovremenom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. – 2015. – № 1(51). – S. 186–191.
12. Rechnik na b"lgarskiy ezik. Elektronno spisanie. – T. 1–15. – [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://ibl.bas.bg/rbe/> (data obrashcheniya: 22.08.2024).
13. Rechnik srpskohrvatskoga književnog jezika. – Knj. 1–6. – Novi Sad : Matica srpska – Zagreb : Matica hrvatska, 1967–1976.
14. Sedakova I. A. Balkanizmy i turcizmy: novye podhody k probleme // Slavyanskij al'manah. – M. : Indrik, 2014. – S. 553–562.
15. Stamenov M. S"dbata na turcizmite v b"lgarskiy ezik i v b"lgarskata kultura. – Sofiya : Iz-tok-Zapad, 2011. – 870 s.
16. Stoyanova N. I. Turcizmy vo frazeologizmah bolgarskogo yazyka // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Estestvennye nauki. 2007. – № 6. – S. 100–105.
17. Yakushkina E. I. Anatomija styda (eticheskaya semantika somatizmov v slavyanskij yazykah) // Slavyanskij vestnik. – Vyp. 1. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. – S. 96–105.
18. Benzon I. Pridruživanje frazema s komponentom naziva za odjeću konceptualnim poljima (na gradi njemačkog i hrvatskog jezika) // Fluminensia: časopis za filološka istraživanja. – 2006. – God. 18, br. 2. – S. 85–114.
19. Šehović A., Haverić Đ. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika [Elektronski izvor]. El. knjiga. – Sarajevo : Filozofski fakultet, 2017. – 269 s.

The article was contributed on August 28, 2024

Сведения об авторе

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной психологии, социальной педагогики и начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>, irinak47@yandex.ru

Author Information

Kuznetsova, Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Professional Psychology, Social Pedagogy and Primary Education, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>, irinak47@yandex.ru

УДК 811.163'373.2

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.009

И. В. Кузнецова, М. С. Хмелевский

АРАБИЗМ РАКИЯ В ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом-арабизмом *ракия*, обозначающим крепкий традиционный алкогольный напиток, ставший национальным символом и визитной карточкой стран Южной Славии, с целью выявления аналогичного и различного во фразеологической картине мира соседних народов. Лексема вошла в языки южных славян через посредство турецкого языка периода Османской империи. Новизна работы заключается в том, что южнославянские фразеологизмы и паремии с компонентом *ракия* не были предметом сопоставления. Описываемые устойчивые единицы частотны в повседневной и художественной речи славянских народов Балкан. Методы обработки материала – компонентный, сопоставительный, сплошной выборки из разных источников, записи современной разговорной речи, включая сленг и жаргон. В статье даны культурологические и историко-этимологические комментарии к фразеологизмам и паремиям, а также при необходимости к их компонентам. Хотя *ракия* стала концептуально значимой для всех славянских народов на Балканах, рассмотренные примеры показывают в основном идиоэтничность фразеологизмов с этим компонентом, причем в составе оборотов употребляется родовое наименование этого крепкого национального напитка, а названия его видов не стали фразеомобразующими, несмотря на их многообразие.

Ключевые слова: *фразеология, языки южных славян, арабизм, ракия*

I. V. Kuznetsova, M. S. Khmelevskiy

ARABISM RAKIA IN SOUTH SLAVIC PHRASEOLOGY

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines phraseological units with the Arabism *rakia*, denoting a strong traditional alcoholic drink that has become a national symbol and special feature of the countries of South Slavia, in order to identify the similar and the different in the phraseological picture of the world of neighboring peoples. The lexeme entered the languages of the Southern Slavs through the Turkish language of the Ottoman Empire period. The novelty of the work lies in the fact that South Slavic phraseological units and paroemias with the *rakia* component have not yet been analyzed comparatively. The described stable units are frequent in the everyday and artistic speech of the Slavic peoples of the Balkans. The methods of processing the material are component, comparative, continuous sampling from different sources, recordings of modern colloquial speech, including slang and jargon. The article provides cultural, historical and etymological comments on phraseological units and paroemias, as well as, if necessary, their components. Although *rakia* has become conceptually significant for all Slavic peoples in the Balkans, the examples considered show mainly the idioethnicity of phraseological units with this component, and the generic name of this national strong drink is used as part of the turns, and the names of the types of *rakia* have not become phraseological, despite their diversity.

Keywords: *phraseology, languages of the South Slavs, Arabism, rakia*

Введение. Хмельные напитки в составе фразеологических единиц (ФЕ) привлекали внимание многих лингвистов. Так, в плане сопоставления рассматриваются ФЕ со словом *вино* ([2], [6, с. 247–249]), анализируются русские и украинские пословицы с компонентами – названиями напитков, среди которых *вино* и *пиво* [9], русские и китайские фразеологизмы с номинациями алкогольных напитков [7]. Уделяется внимание изучению лексемы *буза* (юж.-слав. *боза*) как образной составляющей русских и южнославянских ФЕ [5, с. 267–271], концептуальному для украинской культуры понятию *горілка* (*горилка*, *горелка*) как компоненту устойчивых выражений [10, с. 115–118], а также алкоголю в составе структурно однотипных английских, немецких, украинских и русских ФЕ [8], в том числе и *ракии* как элементу компаративных фразеологизмов [4, с. 475–476]. Цель этой статьи – описать ФЕ с лексемой *ракия* для выявления аналогичного и различного во фразеологической картине мира соседствующих южнославянских народов Балкан. К ФЕ мы относим паремии и другие устойчивые словесные комплексы (согласно широкому пониманию фразеологии).

Актуальность исследуемой проблемы. Южнославянские ФЕ с компонентом *ракия* до сих пор не анализировались в сопоставительном плане. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в практике фразео- и паремиографии при сопоставлении многоязычных словарей и лингвокультурологических комментариев.

Материал и методы исследования. Примеры для анализа взяты из словарей ([3], [12], [13], [14], [15]). В работе нашли применение следующие методы обработки материала – компонентный, сопоставительный, сплошной выборки из разных источников, записи современной разговорной речи, включая сленг и жаргон.

Результаты исследования и их обсуждение. Арабизм *ракия* проник в южнославянские языки через посредство турецкого периода Блистательной Порты (< тур. *raki* [16, с. 530] < араб. عرق *ara* – 1) ‘пот, испарина’; 2) ‘крепкий спиртной напиток, род водки’). Алкогольный напиток крепостью 40–70 градусов, ставший концептуальным этно-символом для южных славян, изготавливается дистилляцией разных ферментированных плодов, ягод, трав или меда¹ в специальном аппарате, называемом *казан* (перифрастические названия – *hepi mašina*, *vesela mašina*, *veseli stroj*). В его верхней части находится емкость для браги (с краником внизу, откуда тонкой струей вытекает *prvijenac* ‘первый напиток на выходе, первач’ или *rakija* ‘дистиллированный настоявшийся после второй прогонки крепкий напиток’), а под ней – *ложииште*, где горят дрова. Сам процесс приготовления ракии (серб., босн. *rešenje*) отражен в устойчивом выражении *Док пече, дотле и тече* (букв. Пока печется, до тех пор и течет / сочится) с лексикографическим комментарием: «Обично је, да се сваки чоек, који дође на казан, почасту ракијом; зато у ђакојујех, који немају много, овакови гости попију све» [3, с. 68] (букв. Обычно каждого человека / мужчину, который пришел к казану, угощают ракией; поэтому у молодых и неопытных, каковых немного, такие гости выпивают все). Приведем еще примеры с компонентами

¹ См. названия видов ракии в странах экс-Югославии и Болгарии: *loza* (*lozovača*), *grozdovača*, болг. *гроздовина* (*гроздова*, *гроздовка*, *грозданка*), макед. *гроздова ракија* – из винограда, *dunja* (*dunjovača*), *дюлева ракия* – айвы, *kruška* (*kruškovača*), *крушова ракия* – груш, *stokovača*, *kajsija* (*kajsiјovača*), *кайсиева ракия* – абрикосов, *trešnjevača*, *черешова ракия* – черешни, *смокинова ракия* – инжира, *breskva* (*breskova*) – персиков, *drena* (*drenovača*) – кизила, *oskoriša* – рябины, *dud* – шелковицы, *oračovača* – молодого зеленого грецкого ореха, *trava* (*travarica*), *билкова ракия* – разных трав, *джанкова ракия* – из алычи, *гюловица* (*гюловка*, *гюлова ракия*) – из лепестков роз, *анасонлика* – с добавлением аниса и т. д. Без перевода всем славянам понятно, из чего делается *šljiva* (*šljivovica*), *сливовица* (*сливова*), *jabuka* (*jabukovača*), *ябълкова ракия*, *malina* (*malinovača*), *medovača*, *липовица*, *мускатова* и *плодова ракия*. Следует отметить, что турецкий напиток *raki*, попавший на южнославянскую почву в виде реалии, изготавливается исключительно из винограда или с добавлением аниса, тогда как славяне – народы Балканского полуострова – применяют данное заимствование из турецкого языка намного шире.

казан и *ракија*: серб., босн. *кад казан пође* (букв. когда казан запустится) ‘когда ракия начнет течь’; *питу на казану* (букв. пить из казана) ‘пить ракию около аппарата для перегонки ракии’; *ићи на казан, спасти на казан* (букв. идти к казану, упасть на казан) ‘есть у казана, вместе питаться’ [13, с. 625].

Велика роль традиционного крепкого алкогольного напитка в южнославянских семейных обрядах. Так, выражение *блага (сладка) ракия* в Болгарии и в целом на славянских Балканах ассоциируется с позитивной символикой чего-либо приятного и расслабляющего. Оно является и свадебным термином, который культурно-исторически обусловлен тем, что подслащенной теплой ракией угощали у молодоженов после брачной ночи родителей невесты и гостей, если избранница оказалась девственницей [12]. «Если же невеста оказывалась “нечестной”, ее родителям вместо теплой и подслащенной ракии несли холодную несладкую и подносили ее с хулительными песнопениями» [11, с. 393]. Болг. *На българина чаша винце, я ракийца* (букв. Для болгарина бокал вина, стакан ракии), связанное с обычаем угощать домашним вином и ракией, которые держат для гостей в каждом доме, «намекает на гостеприимство болгар» [1]. Сербы на самобытный праздник *Слава*² приглашают словами *Дођите на чашу ракије!* (букв. Приходите на рюмку ракии!) ‘заходите в гости’ – ср. с рус. *Давай посидим!*

В зимние праздники в Болгарии и Македонии традиционна *грейна ракия* – горячая, со специями, цедрой апельсина, подслащенная сахаром, медом; ее нагревали на открытом огне в специальной медной емкости с длинной ручкой. Сербы называют «кувану» ракию (вскипяченную с сахаром) *grejana rakija*, или *šumadijski čaj*³. Выражения *Hajto na grejani rakiju!* *Hajto na šumadijski čaj!* употребляются в сербском и боснийском языках как междометия в значении ‘Пойдем посидим?!, Давай согреемся?!’. Предлагая данный напиток, южные славяне спрашивают: *Želiš rakiju ili šumadijski čaj?* (букв. Ты хочешь обычную ракию или шумадийский чай?).

Применение ракии в народной медицине дало жизнь серб. *Ракија је лек*⁴ (букв. Ракия – это лекарство). Ракию пьют по значимым поводам, при решении серьезных вопросов; напиток способствует ведению душевных бесед, что мотивировало появление поговорок *Bez rakije razgovora nema* и *Pivo za masu, rakija za definiciju* (букв. Пиво для массы (тела), ракия для понимания).

Ракия бывает двух видов: 1) мягкая (серб. *мека ракија*; хорв. *teka rakija*) получает-ся после первой перегонки с невысоким содержанием алкоголя (от 5 до 30 %), 2) крепкая (серб. *љута ракија*) – после повторного «перепекания» мягкой.

Ракия – эталон прозрачности (серб. *бистра вода, као ракија* (букв. прозрачная вода, как ракия)) и вкуса (болг. диал. *вода като ракия* ‘приятная на вкус вода’); сама же она

² Семейный праздник, именины всего рода в честь своего святого покровителя.

³ В Шумади (область в центральной Сербии) зимой довольно холодно, и жители издавна там согревались горячей ракией, так называемым *шумадийским чаем*. Перифраза распространилась по всем южнославянским языкам. Она широко используется применительно к любому горячительному напитку, употребляемому для согревания «души и тела» – ср. слов. *Tatranský čaj* в том же значении (Татры – горный массив в Словакии). ФЕ возникли в высокогорной местности, где даже летом требуется согреться вследствие особых климатических условий.

⁴ Горячую ракию пьют и как лекарство, используют ее и в качестве растирки при простудных заболеваниях, болевых ощущениях. *Стомаклија* (от *стомак* – ‘желудок’; разг. ‘живот’) – вид ракии, которой в Сербии лечат болезни живота, *лицира* – ракия, настоянная на горьких корнях одноименного растения (рус. горечавка желтая), считается полезной для органов дыхания, желудочно-кишечного тракта, кровеносных сосудов, повышения аппетита; *траварица* настаивается на разных смесях лечебных трав, излечивает желудочные боли; *ораховача*, которая благодаря высокому содержанию йода рекомендуется также для лечения болезней щитовидной железы и т. д. Использовали ракию и как антисептик, ср. болг. *Върна се задъхан и се залови да промива раната със силна ракия* (букв. Он вернулся задыхающийся и начал промывать рану крепкой ракией) [К. Петканов. Златна земя].

сравнивается со слезой: болг. *Ракия (гроздовица) е бистра като слъза* – ср. с рус. *самогон чистый как слеза [(невинного) младенца], водка (водочка) чистая как слеза [ребенка]*. У боснийцев есть паремия *Sa ovom rakijom možeš abdest⁵ uzimati* (букв. Этой ракией можешь омовение совершать) ‘о плохом качестве ракии’; в комментарии поясняется, что если ракия слишком мягкая, некрепкая, то ее редко кто пьет; с другой стороны, вода, которой совершается абдест, должна быть очень чистой, «добродетельной», поэтому с ней и сравнивают ракию [15]. Болг. *слаба ракия* – метафора человека слабого, бесхарактерного или не имеющего веса, влияния, способностей, а также противника, которого легко одолеть, или чего-л. несущественного, незначительного, маловажного. Босн., серб. *pitka rakija* в прямом значении – ‘ракия, которая легко пьется, некрепкая’, в переносном – ‘человек без принципов, с которым легко общаться’: *Ova žena je za mene kao pitka rakija* (букв. Эта женщина для меня как некрепкая ракия).

В XV веке балканские славяне попали под власть Османской Порты. Тогда же в Боснии возникла рифмованная паремия *Mi hoćemo tursku vjeru primit(i), al(i) volimo rakiju pit(i) i nećemo žene krit(i)* (букв. Мы хотим турецкую веру принять, но любим ракию пить и не хотим женщин укрывать), отражающая желание боснийцев добровольно принять ислам, но в то же время сохранить привычный уклад жизни. Серб. *Ako ћеш да се осветиш Турчину, моли Бога, да почне пити ракију; ако ћеш да се осветиш Србину, моли Бога, да оде у Хајдуке⁶* поясняется так: «жер Турчин кад почне пити, он пије док не пропадне са свим; а Србин како оде у хајдуке, већ је кућу своју раскућио, а и глава му је готово на коцу»⁷ [3, с. 9]. В архаичных пословицах – босн. *Da zna kadija⁸ sta je rakija mjesto čitaba⁹ (knjige) pod jastukom bi drz(a)o bardak¹⁰* (букв. Если бы знал кадия, что такое ракия, вместо китаба (книг) под подушкой бы держал большой стакан), серб. *Da zna kadija, што је ракија, он би мјесто ћитапа држао бардак под главом* – с иронией подчеркивается прелесть опьянения. Ср. также с серб. *Da zna kadija kakva је ракија, не би био кadiја већ бекрија* (букв. Если бы знал кадия, какова ракия, был бы не судьей, а кутилой / пьяницей).

В современной Боснии расхожим является оборот с общеславянским пейоративным глаголом *Jebeš čovjeka bez rakije i Bosanca bez čakije¹¹* (букв. К черту мужчину без ракии и боснийца без карманного ножа), означающее, что настоящим мужчиной нельзя считать того, кто не любит выпить и не носит нож. Любителями ракии считают и цыган: в Герцеговине на рубеже XIX–XX вв. зафиксировано сравнение *mrzak kao ciganinu rakija* (букв. противен как цыгану ракия) ‘очень приятна, очень нравится’.

Хорв. диал. *Rakija je Ciganica* (букв. Ракия – цыганочка) отмечает, что алкоголь обманчив, а боснийская паремия гласит: *Dinar¹² rakija – tri meze¹³* (букв. Динар за ракию –

⁵ Абдест (< перс. *abdest*, от *ab* ‘вода’, *dest* ‘рука’) – омовение рук, шеи, лба, всей головы и ног, совершаемое мусульманами перед молитвой, чтением Корана и входом в мечеть.

⁶ Букв. Если хочешь отомстить турку, проси Бога, чтобы он начал пить ракию, если хочешь отомстить сербу, проси Бога, чтобы он пошел в гайдуки, где *гайдуки* – угнетенные крестьяне в султанской Турции, боровшиеся против османов.

⁷ Потому что турок, когда начнет выпивать, он пьет до тех пор, пока не потеряет все, что имеет в жизни (не скатится на дно), а серб, когда пойдет в гайдуки, потеряет свой дом (домашнее хозяйство), и голова у него почти на плахе (букв. бревне).

⁸ Духовное лицо, исполнявшее обязанности судьи в Османской империи.

⁹ У боснийских мусульман арабизм *kitāb* (= книга; священная книга, писание; письмо; документ; юридический акт, распоряжение; договор, соглашение; судебное постановление и пр.) сузил объем своего значения до семантики ‘книга (особенно религиозная)’.

¹⁰ Сосуд, бутылка для напитка (< осм.-турк. *bardak*, *bārdān* < перс. *bārdān* – мешок для хранения; посуда; кружка, бокал, стакан из толстого стекла, емкость для вина).

¹¹ От тур. *çaki* ‘складной / карманный нож’.

¹² Динар – денежная единица, монета.

три за закуски), т. е. надо в три раза больше закусывать, чтобы быстро не напиться. Следствием неумеренного потребления горячительного является похмелье: серб. *Ko rakiју вечера, воду доручкује*; босн., хорв. *Ko večera rakije, doručkuје vode* (букв. Кто ужинает ракией – завтракает водой). Выражение подчеркивает тяжесть этого недомогания: после сильного опьянения, длительного пьянства наступает обезвоживание организма, поэтому человек чувствует большую жажду.

Непомерные возлияния нарушают общественный порядок: босн. *Od te rakije boli glava cijeli komšilik* (букв. От этой ракии голова болит у всех соседей) ‘об очень плохой ракии, после принятия которой пьяный изводит своим поведением всю округу’. Серб. *Јечам трче, а ракија виче* (букв. Ячмень бежит, а ракия кричит) имеет следующее пояснение: «т. ј. урањен коњ трчи, а пијан чоек виче» (букв. Откормленный конь бежит, а пьяный кричит / орет) [3, с. 115] – ср. с хорв. *Ječam trči, a rakija viče* (букв. Скачу на коне, а ракия кричит); *Vino viče, rakija skače* (букв. Вино кричит, ракия прыгает / скачет). В состоянии алкогольного опьянения человек не контролирует свои поступки: макед. *Rakija не знае за кадија* (букв. Ракия не знает судью) = рус. *пьяному море по колено*; серб. *Не зна ракија, што је кадија* (букв. Ракия не знает, кто такой судья) ‘пьяный не думает, что с ним случится, не отвечает за свои поступки’. В основе ФЕ лежит метонимия *ракия – пьяный человек, пьяница*.

Паремии отмечают негативное влияние спиртного на интеллект: серб. *ракија попила коме памет (мозак, главу)* (букв. ракия выпила у кого ум (разум, голову); хорв. *rakija (piće) popila (popilo) komu pamet* – ‘о спившемся человеке’. Рифмованная пословица босн. *Oj rakijo rako¹⁴, ja te volim jako, a ti mene rako u jarak polako* (букв. Ой, ракия-рако я тебя люблю сильно, а ты меня, рако, в яму медленно [отправляешь]) в духе черного юмора говорит о пьянице, любящем ракию, а она опускает его в яму, т. е. в могилу. Горького пьяницу, для которого ракия – основной смысл жизни, характеризуют босн. *Rakija – majka* (= рус. *водка – мать родная*), серб. *Бити одан пићу* (букв. Быть преданным [крепкому] напитку). К выпившему ракию из слив (*иливовицу*) относится босн. шутол. *Okičen šljivovom granom* (букв. Опутан сливовой веткой). Серб. *Удара из њега вино (или ракија), као из мјешине* (букв. Вылетает из него вино (или ракия) как из бурдюка) употребляют в ситуации, когда хотят сказать, что алкоголь кого-то «не берет».

В шутовой боснийской пословице *Od rakije nema bolje žene – po tri dana ona ljulja mene* (букв. Нет лучшей женщины, чем ракия, – по три дня она меня качает / укачивает), ставшей прецедентным текстом в разговорном языке, женщина метафорически сравнивается с эффектом действия крепкого алкоголя. Босн. *Žene su kao rakija, što su starije to su bolje* (букв. Женщины как ракия: чем они старше, тем лучше) – это перефразирование французского изречения, в котором женщина сравнивается с вином¹⁵.

В языках южных славян фиксируются и национально-специфические ФЕ. Так, болгарам известно устойчивое выражение *пил / изпил съм си ракията* – 1) ‘пришел конец кому-л., пришел чей-л. конец’; 2) ‘потерять невинность’; оборот, содержащий «формулу невозможности»: диал. *Кога мачка ракия пропие* (букв. Когда кошка начнет пить ракию) ‘никогда’; пожелание говорящему замолчать – *Кога на мачка ракийка, тогава на тебе лакардийка¹⁶*. Пословица, широко распространенная в речи жителей мусульманской Боснии,

¹³ Меза – ‘холодная закуска к алкоголю (разные виды сыра, копчености, хлеб, оливки и пр.)’ (< тур. *meze* < перс. مزه ‘вкус, закуска’).

¹⁴ Диминутив от *ракия*.

¹⁵ Ср. рус. *Мужчины как хороший коньяк – с возрастом становятся только выдержаннее, крепче и благороднее*.

¹⁶ Диминутив от простореч. *лакърдия, лакардия* (< тур. *lâkirdi*) ‘слово, байка, [бабушкины] сказки, обещания и под.’.

Kakav gazda – takva i rakija (букв. Каков хозяин – такова и ракия) характеризует человека, заботящегося о своей репутации, стремящегося все делать как можно лучше (ср. рус. *каков хозяин – таков и дом*). В Черногории зафиксирована паремия *Сир, који плаче, и ракија која скаче ваља* (букв. Сыр / творог, который плачет, и ракия, которая скачет, хороши / подходят / в самый раз) с комментарием «т. ј. сир мастан, а ракија, из које скачу истре, кад се уочи у чашу» (букв. т. е. сыр / творог жирный и ракия, которая брызжет, когда ее наливают в стакан) [3, с. 295], а также выражение *Тешко ко бригу ракијом разгони* (букв. Тяжело / трудно как заботу / тревогу ракией разгонять) ‘всем тяжело, если ракией проблемы заливать’.

Выводы. Ракия – местный крепкий горячительный напиток, почитаемый балканскими славянами как этносимвол, стал концептуально значимым, что нашло отражение во фразеологии, но еще в большей мере – в паремиологии. В количественном плане преобладают боснийские пословицы со словом *ракия*. Рассмотренные примеры показывают в основном специфичность ФЕ с этим компонентом у разных южнославянских народов Балкан, причем в составе данных устойчивых выражений употребляется родовое наименование этого национального крепкого напитка, а названия разновидностей *ракии* не стали фразеобразующими, несмотря на их многообразие, за исключением единичного болг. *Гроздовица е бистра като сълза*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барболова З. Другите народи през погледа на българите според устойчивите словосъчетания в българския език. Електронно списание LiterNet. – 2013. – № 2(159).
2. Винихина М. М. «Не хлебом единым»: сербские фразеологизмы с компонентом *вино* и их русские соответствия // Молодежный филологический вестник. – Вып. 3. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 26–28.
3. Караџић В. Народне српске пословице. – Цетињ, 1836. – 362 с.
4. Кузнецова И. В. Названия восточных сладостей и напитков в составе устойчивых сравнений некоторых южнославянских народов (на фоне других языков) // *Slavia*. – 2022. – Т. 91, № 4. – Р. 467–479.
5. Кузнецова И. В. Ориентализмы тематической группы «Напитки» в боснийской фразеологии (на фоне фразеологии других народов) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2021. – Vol. 66, № 2. – Р. 261–273. – DOI 10.1556/060.2022.00046.
6. Логинова П. Г. Лингвокультурный концепт «вино» и его отражение в языках романской группы // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2016. – № 2. – С. 244–250.
7. Ма Л. Национально-культурная маркированность русских и китайских фразеологизмов с номинациями алкогольных напитков // Вестник НГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 117–130. – DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-117-130.
8. Мізін К. І. Особливості валоризації концепту «алкоголь» у германських і східнослов'янських лінгвокультурах (на матеріалі усталених порівнянь англійської, німецької, української та російської мов) // Мовознавство. – 2011. – № 2. – С. 57–68.
9. Романова Т. Н., Козлова К. В. Этнокультурная специфика русских и украинских пословиц с компонентами – названиями напитков // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры. – Чебоксары : ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2020. – С. 61–67.
10. Савченко А. В., Хмелевский М. С. «Культура питья» и её отражение в украинском языке: лексике, фразеологии и паремиологии // *Językoznawstwo*. – 2018. – № 1(12). – S. 109–121.
11. Толстой Н. И. Водка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – Т. 1. – М. : Международные отношения, 1995. – С. 392–394.
12. Речник на българския език. Електронно списание. – Т. 1–15. – [Электронный ресурс]. – URL : <https://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 05.10.2024).
13. Речник српскохрватског књижевног језика. – Књ. 2. – Нови Сад : Матица српска – Загреб : Матица хрватска, 1967. – 867 с.
14. Fink Arsovski Ž., Kovačević B., Hrnjak A. Bibliografija hrvatske frazeologije s frazeobibliografskim rječnikom. – Zagreb : Knjigra, 2023. – 1193 s.
15. Lukić Z. Poslovice u Bosni i Hercegovini. – 2001. – 91 s. – [Электронный ресурс]. – URL : <https://zlatkolukic.com/wp-content/uploads/2017/06/12.Poslovice.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).
16. Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo : Svjetlost, 1966. – 662 s.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024

REFERENCES

1. Barbolova Z. Drugite narodi prez pogleda na b"lgarite spored ustojchivite slovos" chetaniya v b"lgarskiya ezik. Elektronno spisanie LiterNet. – 2013. – № 2(159).
2. Vinihina M. M. «Ne hlebom edinyim»: serbskie frazeologizmy s komponentom vino i ih russkie sootvetstviya // Molodezhnyy filologicheskij vestnik. – Vyp. 3. – Gomel' : GGU im. F. Skoriny, 2023. – S. 26–28.
3. Karadžić V. Narodne srpske poslovice. – Cetinje, 1836. – 362 s.
4. Kuznecova I. V. Nazvaniya vostochnykh sladostej i napitkov v sostave ustojchivykh sravnenij nekotorykh yuzhnoslavjanskikh narodov (na fone drugih yazykov) // Slavia. – 2022. – T. 91, № 4. – P. 467–479.
5. Kuznecova I. V. Orientalizmy tematičeskoj gruppy «Napitki» v bosnijskoj frazeologiji (na fone frazeologiji drugih narodov) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2021. – Vol. 66, № 2. – P. 261–273. – DOI 10.1556/060.2022.00046.
6. Loginova P. G. Lingvokul'turnyj koncept «vino» i ego otryazhenie v yazykah romanskoj gruppy // Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya». – 2016. – № 2. – S. 244–250.
7. Ma L. Nacional'no-kul'turnaya markirovannost' russkikh i kitajskih frazeologizmov s nominacijami alkogol'nykh napitkov // Vestnik NGU, Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikacija. – 2023. – T. 21, № 1. – S. 117–130. – DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-117-130.
8. Mizin K. I. Osoblivosti valorizacii konceptu «alkogol'» u germanskikh i skhidnoslov'janskikh lingvokul'turakh (na materialii ustalenykh porivnyan' anglijs'koj, nimec'koj, ukraïns'koj ta rosijs'koj mov) // Movoznavstvo. – 2011. – № 2. – S. 57–68.
9. Romanova T. N., Kozlova K. V. Etnokul'turnaya specifičika russkikh i ukrainskikh poslovic s komponentami – nazvaniyami napitkov // Čteniya, posvyashchennye dnyam slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury. – Cheboksary : CHGU im. I. N. Ul'yanova, 2020. – S. 61–67.
10. Savchenko A. V., Hmelevskij M. S. «Kul'tura pitiya» i eyo otryazhenie v ukrainskom yazyke: leksike, frazeologii i paremiologii // Językoznawstwo. – 2018. – № 1(12). – S. 109–121.
11. Tolstoj N. I. Vodka // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'. – T. 1. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. – S. 392–394.
12. Rečnik na b"lgarskiya ezik. Elektronno spisanie. – T. 1–15. – [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://ibl.bas.bg/rbe/> (data obrashcheniya: 05.10.2024).
13. Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika. – Knj. 2. – Novi Sad : Matica srpska – Zagreb : Matica hrvatska, 1967. – 867 s.
14. Fink Arsovski Ž., Kovačević V., Hrnjak A. Bibliografija hrvatske frazeologije s frazeobibliografskim rječnikom. – Zagreb : Knjigra, 2023. – 1193 s.
15. Lukić Z. Poslovice u Bosni i Hercegovini. – 2001. – 91 s. – [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://zlatkolukic.com/wp-content/uploads/2017/06/12.Poslovici1.pdf> (data obrashcheniya: 15.02.2024).
16. Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo : Svjetlost, 1966. – 662 s.

The article was contributed on October 18, 2024

Сведения об авторах

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной психологии, социальной педагогики и начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>, irinak47@yandex.ru

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1980-5453>, chmelevskij@mail.ru

Author Information

Kuznetsova, Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Professional Psychology, Social Pedagogy and Primary Education, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>, irinak47@yandex.ru

Khmelevsky, Mikhail Sergeevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1980-5453>, chmelevskij@mail.ru

УДК 81.161.1'22'42:82-14Гумилев

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.010

Е. Г. Луговская

ТОПОЛОГИЯ ЛИРИЧЕСКОГО В СИНЕРГЕТИКЕ ТЕКСТА Н. ГУМИЛЕВА «ЖИРАФ»

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Молдова*

Аннотация. Синергетика как междисциплинарное направление изучения природных явлений и процессов предлагает свой терминологический и методологический аппарат для описания любых самоорганизующихся систем. Одновременно встает вопрос о формировании метаязыка науки в целом, который обеспечил бы прозрачность и понятность специальных результатов. Все больше ученых социогуманитарной сферы обращается для решения этой задачи к теории и методологии математики, ее языку. Топология в рамках этой науки указывает на исследование идеи непрерывности в условиях общего гомеоморфизма и порожденного ею понятия топологического инварианта, которые органично проецируются на описание пространства языка / речи. На основании синергетического подхода реализована попытка наблюдения текста из сфер языкового и лингвокультурологического, семиотического и системного, что определяет актуальность работы. Материалом для исследования выступает поэтический текст Н. Гумилева «Жираф». Используются методы комплексного лингвостилистического, герменевтического и риторического анализов, а также лингвокультурологический, семиотический, синергетический подходы к рассмотрению и интерпретации текста. Доказано, что топология лирического в поэтическом тексте выступает определяющей, а образ реализован в стихе тремя ипостасями (Я, Ты, Оно), где Жираф – синекдоха Космоса внешнего и внутреннего как места, времени, причины и условия диалога лирических Я и Ты.

Ключевые слова: синергетический анализ, знак, модель знаковой системы, иконичность, индексальность, символичность знака, топология, поэтический текст, лирическое, фигура и фон, Н. Гумилев

Е. G. Lugovskaya

TOPOLOGY OF THE LYRICAL IN THE POETIC TEXT “GIRAFFE” OF N. GUMILEV

Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Abstract. Synergetics is an interdisciplinary direction in natural phenomena research and processes based on the principles of self-organization of systems. Synergetics offers its own terminological and methodological apparatus for describing any self-organizing systems. At the same time, the question arises about the metalanguage of science as a whole, which would ensure the transparency and comprehensibility of proficient scientific results. More and more researchers in the socio-humanitarian sphere are turning to the theory and methodology of mathematics and its language to solve this problem. Topology is a mathematical term indicating the elucidation of the idea of continuity within the framework of a homeomorphism like the general idea, and the concept of topological invariant generated by homeomorphism is organically projected onto the description of the space of language/speech. The relevance of this study is determined by the attempt to observe the text from the spheres of linguistic and linguoculturological, semiotic and systemic based on a synergetic approach to the text as an open collection of elements, using the concept of topology. The research material is the poetic text “Giraffe” by N. Gumilev. The author uses complex linguo-stylistic analysis, hermeneutic and rhetorical analysis elements, and linguoculturological, semiotic, and synergetic approaches to study and interpret the text. The topology of the

lyrical is assertive for the poetic text. The lyrical hero is discovered in the verse by its three hypostases – lyrical I, lyrical You and lyrical It, where the Giraffe – is a synecdoche of the external and internal Cosmos as a place, time, reason and circumstances of the dialogue between the lyrical I and You.

Keywords: *synergetic analysis, sign, model of the sign system, iconicity, indexality, symbolisity of the sign, topology, poetic text, lyrical, figure and background, N. Gumilev*

Введение. Постнеклассический тип научной рациональности [18] обеспечивает особое взаимодействие гуманитарных, технических, естественных и социальных наук – сегодня от исследователя требуется не только глубокое специальное знание, но и серьезная междисциплинарная компетентность. Последняя все больше понимается как способность интегрировать полученный опыт из сферы своей профессиональной деятельности в научные теории, предлагающие единые основания для описания механизмов возникновения любых новаций. Так, синергетический подход ([3], [4], [8], [9]) к решению исследовательских задач как актуальная и работающая данность современного филологического знания, теоретических и практических вопросов системности языка, текста ([19], [21]) оказался востребованным в силу человекоразмерности данной сферы как интегративной области научного познания [20], состоящей в способности учитывать антропный характер процессов обучения и речемыслительной деятельности и указывающей на то, что «некоторые свойства исследователя так или иначе встроены в научный результат» [15, с. 85].

С этой точки зрения в исследовании можно рассмотреть реализацию для текста 7 основных принципов синергетики (по В. Буданову): «Два структурных принципа Бытия: I – гомеостатичность, II – иерархичность. Они характеризуют фазу «порядка», стабильного функционирования системы, ее жесткую онтологию, прозрачность и простоту описания. Пять принципов Становления: III – нелинейность, IV – неустойчивость, V – незамкнутость, VI – динамическая иерархичность, VII – наблюдаемость. Они характеризуют фазу трансформации, обновления системы, прохождения ею последовательных этапов: путем гибели старого порядка, хаоса испытаний альтернатив и, наконец, рождения нового порядка» [9, с. 50].

Исходя из приведенных положений о тексте в рамках синергетического подхода «как природного объекта, подчиняющегося универсальным законам организации и самоорганизации» [5, с. 66], обратимся к анализу того, как выделенные принципы реализуются в поэтическом произведении.

Бытие текста характеризуется гомеостатичностью как диссипативная (рассеивающая энергию) «структура, далекая от равновесия, которая умирает без постоянной прокачки вещества и энергии через систему» [9 с. 52]. Произведение, особенно поэтическое, живет до тех пор, пока есть интерпретатор, способный через текст и с помощью него получить или передать экспрессивность и эмоциональность.

«Иерархичность реализуется тем, что всякий раз элементы, связываясь в структуру, передают ей часть своих функций, степеней свободы, которые теперь выражаются от лица коллектива всей системы, причем на уровне элементов этих понятий могло и не быть» [9, с. 52]. В системе языка это отражается отношениями манифестации, а в тексте – как целостность и / или связанность.

Нелинейность текста как продукта и объекта речемыслительной деятельности обеспечивается, «с одной стороны, “свободой” выбора автора, который отражается и в концептуальном пространстве текста, и в его эстетической составляющей, а с другой – “свободой” интерпретации читателя» [5, с. 66].

Понимание текста как незамкнутой открытой системы обусловлено его способностью взаимодействовать с окружением. Однако возникает вопрос: что же можно с полной

уверенностью считать его окружением, если и автор и читатель – это в большей степени его элементы? Открытость системы текста можно утверждать только в том случае, если мы рассматриваем его как постоянно трансформирующийся знак (семиотическую систему), открывающийся разнообразными сторонами его автору и читателю в коммуникации с ним.

Неустойчивость текста как системы ярче всего реализуется в непредсказуемости поэтического произведения, когда в силу случайных интуиций, внешне реализованных как абсолютно устойчивые и нормативные или, напротив, деформированные, ненормативные, возникает момент бифуркации и открываются новые смыслы, и более невозможно вернуться к прежним.

Эмерджентность (динамическая иерархичность) текста как сложного знака, формально-содержательная специфика которого не складывается как простая совокупность особенностей структуры и наполнения его элементов, выступает, по мнению Т. В. Жеребило, как «приращение смысла, возникающее в процессе функционирования языковых, в частности лексических единиц в тексте» [13].

Эмерджентность и наблюдаемость рассматриваемой системы «включают принципы дополнительности и соответствия, кольцевой коммуникативности и относительности к средствам наблюдения, запуская процесс диалога внутреннего наблюдателя и метанаблюдателя <...>. Принцип наблюдаемости подчеркивает ограниченность и относительность наших представлений о системе в конечном эксперименте» [9, с. 64], что означает неизбежность разночтений и вариативность интерпретаций текста.

Целью исследования является изучение топологического пространства поэтического текста как множества его элементов с выделенной структурой, формирующей его смыслы. Рассмотрение способов организации текста (его топологии) с разных точек зрения (языковой, семиотической, психологической) позволяет описывать его как произвольное множество элементов, определяемых той или иной смысловой базой.

Актуальность исследуемой проблемы. В связи с вышесказанным подчеркнем, что некоторые фрагменты понимания стихотворения Н. Гумилева «Жираф», предлагаемые в этой статье в рамках синергетического анализа поэтического текста, пересекаются с соотносимыми / противоречащими им из работ других исследователей ([7], [10], [12], [17]), о чем, безусловно, стоит сказать, ссылаясь и / или упоминая этот факт. Вместе с тем отметим, что в настоящей работе представлена попытка наблюдения текста из сферы языкового и лингвокультурологического, семиотического и системного в большей степени, нежели литературного, что обуславливает своеобразие относительности и актуальности наблюдения.

Материал и методы исследования. Заявляя основным подходом исследования синергичность, мы тем не менее вполне отдаем себе отчет в том, что для разговора о ее функционировании в языке, тексте по-прежнему верны сказанные еще в далеком 2006 г. слова В. Буданова в адрес ученых в области гуманитарной сферы о том, что ими «используется стихийный тезаурус синергетической картины мира, допускающий слишком большой произвол метафоризации» [8, с. 16].

В нашей работе внимание акцентировано на элементах системы лексико-семантических и ассоциативных связей, структурирующих синергетическое поле текста, его визуальную и звуковую образность и обеспечивающих смысловую многомерность (в частности, интертекстуальность) стихотворения и целостность представления о реальности лирического героя, отраженной в нем (семиотичность).

В большей степени нас интересует не качество этих связей, а их системность, обеспечиваемая соположенностью элементов, поэтому в исследовании используется понятие *топология*, которое «в отечественной гуманитарной литературе <...> употребляется в качестве оператора особенности места, о котором идет речь. Однако его применение далеко от естественнонаучной строгости, которая при экстраполяции на гуманитарный объект

утрачивается. Топология не покрывается и тем более не сводится к ландшафту, географии топографии, особенности места. <...> В гуманитарном дискурсе топология отсылает к более строгому значению, которое обретается онтологическим ее прочтением» [16, с. 136].

Мы предлагаем рассматривать понятие топологической структуры (топологии) текста в максимальном его приближении к математической интерпретации.

Текст как целостный конструкт, отвечающий принципам синергетики, можно соотнести с понятием множества как «любой совокупности определенных и различных между собой объектов, рассматриваемых как единое целое. Природа таких объектов может быть совершенно любой. Это могут быть числа, функции, книги, молекулы, высказывания, сами множества» [2]. Это явление в математике изучается в рамках теории множеств, которая выступает фундаментом ряда «точных» дисциплин, в том числе общей (теоретико-множественной) топологии, к понятиям и конструктам которой мы апеллируем при рассмотрении целостности произведения. В таком понимании текст как множество с выделенной топологией – это пространство с его определенными точками. Его топологическая структура при таком прочтении организована элементами, которые представляют собой открытые множества [11, с. 18], каждый элемент которых входит в них вместе с некоторой окрестностью точки, в качестве которой может выступить любой текст (в самом широком значении этого понятия).

Она может быть задана «посредством описания некоторой ее части, достаточной для восстановления всей структуры. Базой топологии называется некоторый набор открытых множеств, такой, что всякое непустое открытое множество представимо в виде объединения множеств из этого набора» [11, с. 28], что в условиях интерпретации текста можно представить как смысловую базу, которая задана этим текстом, а ее компоненты рассматриваются как их основание окрестности (ассоциативно-семантические поля, лексико-семантические переклички и т. п.).

Топологическое пространство поэтического текста в настоящем исследовании рассматривается как особым образом организованная совокупность ее элементов, порождаемых определенной смысловой базой. Последняя в свою очередь может задавать одну и ту же топологию, что, с одной стороны, обуславливает возможность схватывания смысла при неоднородности базы наблюдений, с другой – обеспечивает вариативность интерпретаций при соотносимых вводных, в связи с чем уместным оказывается привлечение к трактовке психологического феномена «фигура – фон» [1].

Кроме того, анализируя поэтический текст как самоорганизующуюся систему, мы обращаем отдельное внимание на знаковую природу этой системности, которая позволяет маркировать связи и зависимости через понятия иконичности, индексальности и символичности, и для подтверждения этой природы используем материализованные в тексте языковые элементы и категории – все вместе это и позволяет говорить о синергетическом подходе.

Материалом для исследования выступает стихотворение Н. Гумилева «Жираф».

Результаты исследования и их обсуждение.

Топология лирического. Как указывает М. А. Дударева, представляя свое апофатическое прочтение рассматриваемого текста, «стихотворение Гумилева “Жираф” многие исследователи анализировали преимущественно в контексте африканской темы и в неразрывной связи с образами, топографией Африки в творчестве акмеиста. Конечно, это правомерно, поскольку образ *жирафа* эмблематичен (это животное является символом Африки и ключом к разгадке полного тайн континента)» [12, с. 100]. В этом наблюдении для нас важно замечание об эмблематичности образа описываемого животного (африканская тема не является предметом нашего обсуждения). Природа эмблемы – условно-символическая: символическая, поскольку в ее основании лежит метафора, условный договор о связи материализованной формы знака и референта, а условная, потому что потенция иконичности

(см. об этом [14]) в таком знаке очень слаба. В нашей интерпретации образ *жирафа* восходит к символической знаковой системе воображаемого мира, что соотносится с литературоведческой точкой зрения на то, что «в стихотворении представлены два топоса – дано пространство собственно героя и загадочный, волшебный, далекий мир Африки» [12, с. 100].

В связи с тем что мы имеем дело с поэтическим произведением, *жираф*, рассматриваемый как знак, должен быть соотнесен со соответствующей моделью лирического героя как субъекта высказывания. Чтобы выявить эту взаимосвязь, вычленим элементы, реализующие субъектность данного образа: это и собственно Я-персонаж («я вижу», «Я знаю», «И как я <...> расскажу» (= не расскажу)), и объектность его эмоционального Другого, выраженного через позицию Ты («Послушай» (своеобразный аппеллятив)), которое привязано не собственно к аудиальному каналу восприятия, а связано с актуализацией, выделенностью, направленностью внимания: «ты слишком долго вдыхала тяжелый туман, Ты верить не хочешь <...> Ты плачешь». Субъектное и объектное в стихотворении объединяются в образе жирафа, который как бы проходит сквозь эти категории в тексте, и в качестве этой третьей составляющей в стихотворении выступает лирическое Оно.

Смысловая база пространства-времени. В этом представлении *жираф* закреплён как выделенный элемент множества, фигура на фоне, и, хотя при этом он лексически реализован как движущийся предмет, его физические действия не дают данных о том или ином перемещении в пространстве / времени, они только описывают его определённую функциональность. *Жираф* (бегущий как летящий, плывущий, прячущийся) в каком-то смысле вечен в своем пребывании в мире сказки таинственных стран и одновременно абсолютно материализован, он здесь абсолютно живой, реальный объект, и его локализация обозначена озером Чад [10]. Примечательно в этой связи использование лексемы *озеро* – значение этого слова содержит сему ограниченности (водоем, заполненный в пределах озерной чаши / ложа водой и не имеющий непосредственного соединения с морем / океаном), отъединенности, своеобразной завершенности и выделенности на фоне.

Лирическое Ты, напротив, на видимом лексическом уровне восприятия рассматривается как локализованное в одном положении («колени обняв» – максимально закрытая, компактная поза). Вместе с тем мы не можем определить ни точку пространства, ни точку времени, в котором находится это Ты. Лексема *сегодня* одновременно выступает показателем времени и акта внимания лирического Я (*сегодня, я вижу – я вижу сегодня*). Развитие экзистенции лирического Ты поддерживается его действиями: «взгляд» (как и жест, сопровождающий речь, всегда направлен), «слишком долго вдыхала», «плачешь». Их длительность подкреплена действием *вдыхать* (глаголом несовершенного вида) для подчеркивания этого признака – слишком (очень) долго. Надо отметить, что этот показатель не только указывает на степень проявления этого признака процесса, но и синтагматически обуславливает причинно-следственную связь между вдыханием тумана и верой в дождь. Последняя представлена через отрицательные дефиниции – «верить не хочешь во что-нибудь, кроме». Такое определение веры в дождь позволяет рассматривать неоднозначность этого процесса как причину грусти и действия *плачешь*.

В этой связи дополнительно нужно отметить то, что интуитивно мы, конечно, воспринимаем положение лирического Ты как позу сидящего, но это никак не обозначено словом. Этот образ не имеет материальной прикрепленности ни к месту, ни ко времени, он принадлежит дождю (туману) как фону своего бытия и в какой-то степени проступает на нем на протяжении всего стихотворения до акта «Ты плачешь».

Смысловая база «фигура и фон». В произведении происходит переворачивание миров бытия (см., например, о царстве света и царстве тумана и дождя в [12]): реальный мир, где лирическое Ты мыслится находящимся в точке конкретного пространства и времени, становится пространством без определенной локализации – место существования этого

образа в стихотворении обозначено лексемой *дождь*, а время практически бесконечно. С одной стороны, используется временной маркер *сегодня*, с другой – «*сегодня <...> особенно грустен <...> взгляд*», т. е. он постоянен, не существует сам по себе. Как мы указывали ранее, взгляд обязательно имеет направленность – потенциальную (*пустой, холодный взгляд*) или актуальную (*бросить взгляд на ...*), а слово *сегодня* характеризуется выраженностью степени качества.

Постепенно точка реального пространства и времени – «*сидящая*» (место) Ты *сегодня* – выделенная как фигура на фоне бытия дождя (несмотря на то что означивание описываемого состоит только в предпоследней строфе, звуковой план – шум дождя и его верная спутница грусть, размеренность стихового ритма – позволяет с первых строк стихотворения ощущать его присутствие), распространяется и раскрывается.

Жираф, перемещающийся по воображаемому (вымышленному, несмотря на несоотнесенность с африканскими реалиями, см., напр.: [7]) миру озера Чад, становится неподвижной точкой – так огромные пространства Африки, озеро с веселыми сказками таинственных стран и тропическими лесами сворачивается в единую фигуру.

Ее трансформация маркирована призывом к вниманию («*Послушай*») и обусловлена спецификой способа представления модифицированных элементов. Разворачивание картины *жирафа на озере Чад* происходит в вымышленном мире лирического героя и реализуется диалогом Я + Ты, накладываясь на объективную реальность.

Однако изображаемое оказывается условно объективным. Лирическое Ты оказывается в плену иллюзии дождя, потому что именно туда устремлен грустный взгляд – это то, на что обращает внимание этот образ (связь через лексему *влага*, опосредованно через *озеро, грот, с тяжелым туманом*). Именно поэтому лирическое Я обращается к лирическому Ты апеллятивом «*Послушай*», а не *посмотри / смотри*, поскольку *слушать* в русском языке можно, например, *сердце*. Рационально-логические объяснения тяготеют к визуализации и, следовательно, чаще требуют использования лексемы *смотри* (хотя *заглянуть в сердце* тоже можно, такая одномоментность взгляда не коррелирует с вечностью обращенности своего слуха к сердцу (стук которого также хорошо ложится на темпоритм стиха, однако это другая топология)).

Топология ассоциативно-семантических связей. Смысловая база символа Жираф. Детализированность описания лирического Ты первого катрена позволяет принимать его как точку внимания героя, но глагол *послушай* переключает внимание на пространство воображаемого мира и жирафа как его символа (воплощение фаллического, маскулинного в дополнение к обозначению *воды* как женской стихии и озера) и максимально конкретизирует этот образ. Подобное переключение не просто увлекает за собой лирическое Ты, оно в каком-то смысле подменяет его. Ассоциативно-семантическое поле характеристик *жирафа* абсолютно применимо к анализируемому образу: изысканность, грациозная стройность, нега, образ *луны*, опосредованный сравнением узора на шкуре животного с лунными бликами на воде, *чудеса, закат, тайна ночи* (черная дева как ночь, которая вместе с молодым вождем относятся к окрестностям точки образа *жирафа* через конструкт Африка) и *страсть, тропический (волшебный) сад*, снова *стройность, запах, немыслимость* – и это настоящая Песнь Песен своей любимой.

Связность образа Ты со сказочным жирафом для лирического Я закреплена уже в первом катрене: *Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд* (лирическое Ты) *И руки особенно тонки* (ассонанс О подчеркивает не только тонкость, но и длительность, далекость и смешивает продолженность / незакрепленность референциального Ты с денотативным компонентом *длинная шея жирафа*), *колени обняв* – поза грусти, задумчивости, но это семантика лирического Ты, а его форма с аллитерацией сонорных (носовых и плавных) актуализирует гибкость и плавность движений животного.

Денотативность символа *жирафа* осознается в целом комплексе формально-языковых средств, который оказывается максимально материализован по разным каналам восприятия.

По звуковому – самым ритмом стихотворения: пятистопный амфибрахий вызывает образ иноходи (именно такой способ передвижения отличает жирафа).

По визуальному – по поэтическому тексту разливается видимый образ пятнистой шкуры животного: *волшебный узор* (рисунок, являющийся сочетанием линий, красок, теней); *Дробясь* (утрачивая целостность, расчлняясь, распадаясь) *и качаясь* (двигаясь из стороны в сторону / то поднимаясь, то опускаясь) *на влаге широких озер* (мерцание, игра света и тени); *подобен цветным* (ассоциативно-семантическая связь с разноцветьем) *парусам корабля* (представления о способности парусов трепетать (колебаться, дрожать, и одновременно испытывать физическую или внутреннюю дрожь, сильное волнение от каких-н. переживаний – для образа Ты) на ветру); *прячется* (семантика мерцания – проявлен / скрыт, есть / нет) *в мраморный* (с пятнами, разводами) *грот* (аллитерация с вибрантом (дрожь, трепет, мерцание) *пр мр гр* – снова звуковой канал восприятия).

По условно кинестетическому каналу – через передачу двигательной активности жирафа: *И бег его плавен, как радостный птичий полет* (плавностью передвижения и упоминанием полета, который тоже может быть подобно охарактеризован, передается высота, вытянутость, стройность, направленность вверх [шеи] животного). Стоит обратить внимание на звуковое сопровождение этого образа аллитерацией сонорных. В целом плавность как характеристика символа жирафа не только указывает на его высокий рост (покачивание головой на длинной шее, нерезкие движения для удержания равновесия) и направленность вверх как признаки проявления маскулинности, но и содержит потенцию плавности воды как проявления феминности.

Спрятав жирафа «в мраморный грот», лирический герой сворачивает его образ в точку внимания и в четвертом катрене сталкивает два мира – символическую реальность с *чудесами земли, веселыми сказками таинственных стран* и индексальную (действительность лирического Ты как реальность вечного дождя). В этом же катрене Ты и Я означаются через знаки девы и вождя, внутри которых происходит их переворачивание, а затем и слияние. Звуковой образ *девы* аппроксимирован жирафу (черная дева), а звуковой образ *вождя* – воде (через аллитерацию сонорных в эпитете *молодой* и рифмовки с *дождя*, инициали *во*).

Смысловая база образа воды (для топологии феминности) обеспечивает целостность героя, репрезентируемого тремя ипостасями – 1) лирическое Я связано с концептом озера, потому что именно этот образ называет *озеро Чад* и таким образом дает ему существовать; 2) состояние лирического Ты характеризуется действием *вдыхать туман* и *верить в дождь*; 3) лирическое Я–Ты проявляется через образ *жирафа*, который отражается (это иконическая проекция) «на *влаге широких озер*».

Ассоциативно-символический образ *черной девы* отсылает нас к Черной Мадонне (согласно иносказательному прочтению Песни песней прообразом Богоматери можно считать возлюбленную царя Соломона, которая говорит о себе: «Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня...»¹ (Песн. 1:5)). Образ *молодого вождя* реализован сложным символом страсти, т. к. мы имеем дело не с самим объектом, а только с его молодой *страстью* (это максимально узкое понимание сильно выраженного чувства, любви с преобладанием влечения и широкое – страдания или способности к душевному и телесному переживанию как усилия преодоления, накала и напряжения души, подъема человека через свое преодоление [6, с. 159]).

¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Черная_мадонна.

Смысловая база образа дождя (для топологии маскулинности). В этом же катрене – он наиболее информационно насыщен – денотатируется дождь, шум которого аллитерирован фрикативными и аффрикатами, в том числе свистяще-шипящими звуками с начала стихотворения. Отметим наличие элемента если не переворачивания, то трансформации – указанная аллитерация оказывается привязана сразу к двум ипостасям лирического образа: это и *изысканный жираф* ... на озере *Чад* – в данном случае работает композиционная функция звукописи; *дождь* – здесь на первый план выходит выразительно-изобразительная (Щ как шум дождя) функция, создающая впечатление равномерности, своеобразной бесстрастности (отсутствия напряжения души) того фона, которому принадлежит фигура лирического Ты.

В этом отношении резко выделяется собственно говорение лирического героя, усиленное аллитерацией *тр / пр*, имитирующей речь, с одной стороны, и указывающей на материализованность (см., напр., [17]) подобного акта (как и образа *жирафа*, который *бродит, грациозно строен, шкуру его украшает узор, в радостном полете, прячется в мраморный грот*) в отличие от остального, маркированного апеллятивом «*Послушай*» и имеющего отношение не к речевому акту, но диалогу душ, сердец, сознаний (в этом контексте свистяще-шумящий фон можно рассматривать как показатель неговорения, своеобразной наполненной смыслами и чувствами тишины).

Строка «*Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...*» содержит указание на все значимые характеристики фона бытия лирического героя в трех его ипостасях – неуместность говорения (аллитерация сочетаний с вибрантом – это лирическое Я), шум дождя (аллитерация свистящих – это лирическое Ты), плавность символического мира жирафа (ассонанс А, аллитерация сонорных (плавных и носовых) – это лирическое Оно).

Обращение лирического Я к лирическому Ты в последнем катрене, с одной стороны, возвращает нас к образу *дождя* метонимическим способом «*Ты плачешь*» (плач, слеза – дождинка, дождь), с другой – показывает динамику лирического Ты, локализуя этот образ и убирая его с позиции фона на позицию фигуры (превращая в деталь), благодаря чему грусть (в глазах) как бы проливается через точку топологического пространства (плакать – проливать слезы, слезинки – дождинки). Теперь лирическое Я может увести лирическое Ты в далекий мир, который становится, таким образом, единственно существующим для них – происходит единение мужского и женского. Мир дождя сжимается в точку, проливается слезами и очищает душу (катарсис) лирического Ты, отравленную тяжелым туманом.

Интересно словоупотребление *тропический сад* – в нем можно отметить смешение узуального приведенного словосочетания и понятия *райский сад*. Этот образ в целом снова возвращает нас к Песне Песней (Поднимись *ветер* с севера и принеси с юга, *повей на сад мой, – и польются ароматы его!* – Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его [Песнь песней Соломона 4:16 Синодальный перевод]), в связи с чем становится понятно использование запаха немислимых трав и изображения того ветра, который, наполняя «*цветные паруса корабля*», заставил трепетать лирическое Ты и, вероятно, разогнал «*тяжелый туман*», который так «*долго вдыхала*» лирическое Ты. Возможно, что и тонкий, изысканный стройный жираф, мерцающий одновременно и женским, и мужским, соотносим с образом *серны* или *молодого (молодого! вождя) оленя* как возлюбленным из Песни Песней (Жительница садов! товарищи внимают голосу твоему, дай и мне *послушать* (апеллятив «*Послушай*») его. Беги, возлюбленный мой; будь подобен *серне* или *молодому оленю* на горах бальзамических!) [Песня Песней 8 глава. Синодальный перевод].

Топология лексико-грамматического представления лирического героя. Языковая несуразность первой строки стихотворения сразу бросается в глаза – повтор «*особенно*

грустен» и «особенно тонки» при общем для них обстоятельстве времени *сегодня* делает взгляд и руки деятельностными субъектами, охарактеризованными по действию с помощью кратких прилагательных с семантикой непостоянства признака, при этом значение наречия *особенно* возводит этот признак в его уникальность. Возможное усиление его качества для прилагательного *тонки* в словосочетании очень + прилагательное с семантикой высшей степени качества (ср.: взгляд очень грустен / руки очень тонки), оформленное в тексте с помощью наречия *особенно*, приобретает черты алогизма при соотношении этого предикативного центра с обстоятельством *сегодня*. Однако, если проанализировать повтор *особенно* + *составное именное сказуемое* как фигуру хиазма, то можно (и нужно) рассматривать фрагмент «*И руки особенно тонки*» как первую часть редуцированной сложноподчиненной конструкции со значением условия (несмотря на то что придаточная часть присоединяется с помощью союза *когда* (руки особенно тонки, [когда ты сидишь], обняв колени), фрагмент понимается и в значении «если ты сидишь, обняв колени, то твои руки кажутся особенно тонкими» – это прочтение согласуется с пониманием постоянства пребывания в дожде, своеобразной вневременностью). Это снимает алогичность и грамматическую несуразность, но не объясняет причин опущения части высказывания, из-за чего может создаться впечатление неверного использования деепричастного оборота по чеховскому типу (*проезжая мимо станции, у меня слетела шляпа*). Грамматически деепричастие *обняв* должно употребляться при личном глаголе, который мы восстановили – *сидишь*, но семантически оно связано со словом *руки*, и именно эта зависимость заставляет воспринимать оборот как относящийся к какому-то другому пропущенному глаголу, которое бы характеризовало функциональность рук при дополнительном действии *обняв*. Если мы попробуем восстановить такое описание, то столкнемся с трудностью по той причине, что объятие коленей для рук не может быть дополнительным действием, оно основное.

Смещая акцент с лирического Ты в его позе грусти вначале на взгляд, а затем на руки, используя хиазм (крестообразное изменение последовательности грамматических элементов «составное именное сказуемое + подлежащее» (*грустен взгляд*) vs «подлежащее + составное именное сказуемое» (*руки тонки*) в параллельных рядах слов) и повтор обстоятельства образа действия *особенно*, лирическое Я (которое все это видит – *я вижу*) представляет лирическое Ты через метонимический перенос (синекдоху). Обращение «*Послушай*» в таком контексте значимо только как выделение еще не упомянутого (взгляд – визуальный, руки – тактильный) канала восприятия для лирического Ты в их с лирическим Я диалоге именно для того, чтобы заявить этот самый диалог, который ведется сразу по всем шести измерениям (по Дж. Пристли) – длина (*далеко, далеко*), ширина (*озеро*), жираф (*высота*), сфера внимания и материального действия (*я вижу*), сфера памяти (*я знаю веселые сказки*), сфера воображения (*и как я тебе расскажу* – невыразимость).

Еще к топологии звукописи. Кольцевой повтор обращения лирического Я к лирическому Ты в конце стихотворения превращает дождь как причину грусти с его фоном в яркий тропический ливень (можно проследить движение голоса и шума в стихах «... *далёко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф*»), начинающийся сочной каплей – *далёко* (ЛК), меняющий интенсивность – то резкий (ЗР ЧЗС), то глухой (КН, ДТ), то тарабанищий (БР), заканчивающийся почти воздушным, растворившимся Ф, начинающийся далеко в небе – О (громом), перекачивающийся от Ы до А (средний ряд – от нижнего до верхнего подъема), впитанный травами тропического сада (А – средний ряд нижний подъем). Ливень воображаемого мира становится катарсисом («*Ты плачешь?*») для лирического Ты, и теперь эти ипостаси (лирическое Я и лирическое Ты) не просто слышат в унисон некое лирическое Оно (*жираф*), они сливаются с ним и друг с другом в единое «*далёко, на озере Чад Изысканный бродит жираф*».

Топология метонимического представления лирического героя. Образ *жирафа* проявлен, вербализован, отсюда аллитерация Р в его описании. Плавность и неясность, некая стертость, напротив, характеризуют лирическое Ты аллитерацией сонорных ЛМН, которая оказывается невыделенной на фоне шума дождя. Оказывается, что материализован именно мир жирафа, а не грустного дождя, поэтому лирическое Я и уводит лирическое Ты из иллюзорной действительности дождя в материализованную, осязаемую (страстную) реальность животного. Оно появляется только в последней строчке, когда синекдохический образ *руки* более не означает лирическое Ты, которое плачет – «Ты плачешь?» (ведь руки плакать не могут).

Синекдоха представления лирического Ты подсказывает, что и остальные ипостаси героя также описаны через деталь: лирическое Я – через свойства его психического (перцепцию, апперцепцию и интроспекцию) («я вижу», «я знаю», «И как я <...> расскажу»), а третья – символическая ипостась лирического героя – через формальные характеристики образа *жирафа* (стройность, пятнистая шкура, плавность движений). В таком прочтении референтом последней ипостаси лирического героя выступает то пространство, деталью на котором выступает жираф.

Теперь, если собрать воедино все характеристики локализации, к которой прикреплен жираф, то, распространяясь концентрически от точки озера Чад, мы сможем объять весь реальный и воображаемый миры: *озеро Чад* (имя собственное, которое индексирует отнесенность к конкретному месту), *широкие озера* (множественное число, хотя речь шла вначале только об одном), моря (в ассоциативно-семантическом поле *паруса корабля*), небеса (в ассоциативно-семантическом поле *птичий полет*), *земля*, *мраморный грот* (в ассоциативно-семантическом поле подземное царство), а также сфера воображения (*таинственные страны*, *тропический* (как райский) *сад*).

Жираф – это синекдоха Космоса внешнего и внутреннего как места (*озеро Чад* как конкретная и одновременно вымышленная точка), времени (*сегодня* и *всегда* (для жирафа)), причины (*я вижу*) и условия (*послушай*) диалога лирических Я и Ты.

Выводы. Таким образом, лирический герой стихотворения представлен как сложный знак, в котором есть потенции иконического, индексального и символического представления. В стихотворении он реализован тремя своими ипостасями.

Лирическое Я – собственно герой, который эксплицируется средствами «я вижу», «я знаю», «И как я <...> расскажу» и апелляциями «Послушай», «Ты плачешь?» (иконичность Я подтверждается точностью его идентификации, где Я=Я).

Лирическое Ты – «твой взгляд, и руки», «колени», «ты слишком долго вдыхала тяжелый туман», «Ты верить не хочешь» (реализовано индексально, связь с туманом (невыразимость), дождем (грусть как эмоциональное дождя), Ты указывает на Я).

Лирическое Оно как связь между лирическим Я и Ты, эксплицированное образом *жирафа* (реализовано символически – через метафору высокого роста, особого шага и пятнистого окраса и пр., где Оно оказывается пространством взаимодействия Я + Ты).

Топология лирического для поэтического текста выступает определяющей, хотя недостаточной для комплексного системного анализа текста, но именно понимание природы и сущности образной системы в стихотворении Н. Гумилева «Жираф» выступает источником определения разных смысловых баз (пространства-времени, «фигуры и фона», образа *воды*, *дождя*, символа Жираф), задающих одну и ту же топологию (лирического, феминности, маскулинности; ассоциативно-семантических связей, метонимического и лексико-грамматического представления героя), что и обеспечивает синергетическое прочтение текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В. М. Симфоническая мощь сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2011. – № 2. – С. 9–20.
2. Арбузов П. В., Гуде С. В., Герасименко В. Н., Медянцева Д. В. Высшая математики для юристов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 442 с. – [Электронный ресурс] – URL : <https://posobie-mii.narod.ru/HTML.htm> (дата обращения: 07.09.2024).
3. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М. : ИФ РАН, 1999. – 203 с.
4. Аршинов В. И., Войцехович В. Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. – М., 2000. – С. 107–120.
5. Асратян З. Д. Синергетические аспекты художественного текста // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – № 11. – С. 65–69.
6. Бабалаева М. В. Страдание в контексте духовного роста личности // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 2. – С. 158–165.
7. Баскер М. «Далекое озеро Чад» Николая Гумилева (к эволюции акмеистической поэтики) // Гумилевские чтения. – 1996. – СПб. : Изд-во гуманитарного университета профсоюзов. – С. 125–137.
8. Буданов В. Г. Методология и принципы синергетики // Філософія освіти. – 2006. – № 1(3). – С. 143–172.
9. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. – Изд. 3-е, доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2009. – 240 с.
10. Видуригит И. Стихотворение «Жираф» и африканская тема Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Николай Гумилев. – URL: <https://gumilev.ru/about/50/> (дата обращения: 07.09.2024).
11. Виро О. Я., Иванов О. А., Нецветаев Н. Ю., Харламов В. М. Элементарная топология. – М. : МЦНМО, 2010. – 352 с.
12. Дударева М. А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н. С. Гумилева (на примере стихотворения «Жираф») // Наследие веков. – 2020. – № 1(21). – С. 98–104.
13. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2016. – 610 с.
14. Луговская Е. Г. Плерональный архетип знака // Интегральная философия. – 2024. – № 14. – С. 117–143.
15. Маркова Л. А. Субъект как наблюдатель // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 85–94.
16. Савчук В. В. Топологическая рефлексия. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 416 с.
17. Соколова Д. В. Лирический герой Н. С. Гумилева: воин, путешественник, маг или эстет? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2011. – № 3. – С. 63–69.
18. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // в кн.: Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб. : Издательский дом «Мир», – 2009. – С. 249–295.
19. Dombrován T. Linguistic synergetics: origin, key concepts and application. Writings in Romance-Germanic Philology. – 2016. – P. 95–107. – DOI 10.18524/2307-4604.2016.2(37).93771.
20. Hall B., Howard K. A Synergistic Approach: Conducting Mixed Methods Research With Typological and Systemic Design Considerations. Journal of Mixed Methods Research. – 2008. – № 2(3). – P. 248–269. – DOI 10.1177/1558689808314622.
21. Köhler R., Burghard B. Rieger. Synergetic Linguistics. Contributions to Quantitative Linguistics. – Springer, Dordrecht. – DOI 10.1007/978-94-011-1769-24.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024

REFERENCES

1. Allahverdov V. M. Simfonicheskaya moshch' soznaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya. – 2011. – № 2. – S. 9–20.
2. Arbuzov P. V., Gude S. V., Gerasimenko V. N., Medyanchev D. V. Vysshaya matematiki dlya yuristov. – Rostov-na-Donu : Feniks, 2007. – 442 s. – [Elektronnyj resurs] – URL : <https://posobie-mii.narod.ru/HTML.htm> (data obrashcheniya: 07.09.2024).
3. Arshinov V. I. Sinergetika kak fenomen postneklassicheskoy nauki. – M. : IF RAN, 1999. – 203 s.
4. Arshinov V. I., Vojcekhovich V. E. Sinergeticheskoe znanie: mezhdu set'yu i principami // Sinergeticheskaya paradigma. – M., 2000. – S. 107–120.
5. Asratyan Z. D. Sinergeticheskie aspekty hudozhestvennogo teksta // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 11. – S. 65–69.
6. Babalaeva M. V. Stradanie v kontekste duhovnogo rosta lichnosti // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2007. – № 2. – S. 158–165.
7. Basker M. «Dalekoe ozero Chad» Nikolaya Gumileva (k evolyucii akmeisticheskoy poetiki) // Gumilevskie chteniya. – 1996. – SPb. : Izd-vo gumanitarnogo universiteta profsoyuzov. – S. 125–137.

8. Budanov V. G. Metodologiya i principy sinergetiki // *Filosofiya osviti*. – 2006. – № 1(3). – S. 143–172.
9. Budanov V. G. Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoj nauke i v obrazovanii. – Izd. 3-e, dop. – M. : Izd-vo LKI, 2009. – 240 s.
10. Vidugirite I. Stihotvorenje «Zhiraḥ» i afrikanskaya tema N. Gumileva [Elektronnyj resurs] // Nikolaj Gumilev. – URL: <https://gumilev.ru/about/50/> (data obrashcheniya: 07.09.2024).
11. Viro O. Ya., Ivanov O. A., Necvetaev N. Yu., Harlamov V. M. Elementarnaya topologiya. – M. : MCNMO, 2010. – 352 s.
12. Dudareva M. A. Apofatika russkogo yazyka i kul'tury v tvorchestve N. S. Gumileva (na primere stihotvorenija «Zhiraḥ») // *Nasledie vekov*. – 2020. – № 1(21). – S. 98–104.
13. Zhrebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatij. Izd. 6-e, ispr. i dop. – Nazran' : Piligrim, 2016. – 610 s.
14. Lugovskaya E. G. Pleronal'nyj arhetip znaka // *Integral'naya filosofiya*. – 2024. – № 14. – S. 117–143.
15. Markova L. A. Sub"ekt kak nablyudatel' // *Voprosy filosofii*. – 2011. – № 4. – S. 85–94.
16. Savchuk V. V. Topologicheskaya refleksiya. – M. : «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2012. – 416 s.
17. Sokolova D. V. Liricheskij geroj N. S. Gumileva: voin, puteshestvennik, mag ili estet? // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. – 2011. – № 3. – S. 63–69.
18. Stepin V. S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya // v kn.: *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura*. – SPb. : Izdatel'skij dom «Mir», – 2009. – S. 249–295.
19. Dombrovan T. Linguistic synergetics: origin, key concepts and application. *Writings in Romance-Germanic Philology*. – 2016. – P. 95–107. – DOI 10.18524/2307-4604.2016.2(37).93771.
20. Hall B., Howard K. A Synergistic Approach: Conducting Mixed Methods Research With Typological and Systemic Design Considerations. *Journal of Mixed Methods Research*. – 2008. – № 2(3). – P. 248–269. – DOI 10.1177/1558689808314622.
21. Köhler R., Burghard B. Rieger. *Synergetic Linguistics. Contributions to Quantitative Linguistics*. – Springer, Dordrecht. – DOI 10.1007/978-94-011-1769-24.

The article was contributed on September 19, 2024

Сведения об авторе

Луговская Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова, <https://orcid.org/0000-0001-7348-2248>, lugowska@spsu.ru

Author Information

Lugovskaya, Elena Grigoryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Cross-Cultural Communication, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova, <https://orcid.org/0000-0001-7348-2248>, lugowska@spsu.ru

УДК [811.161.1+811.581.11]’73

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.011

Е. К. Николаева, Гэ Бай

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *КОЛОКОЛ* В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые выражения русского и китайского языков, в которых содержится лексема *колокол* – один из частотных компонентов во фразеологии с «музыкальными мотивами», обладающий большим лингвокультурологическим потенциалом. Анализ фразеологического материала двух языков позволил показать как общее, так и различное, выявить национальную специфику фразеологизмов с образом *колокола*, что является целью данной статьи. Актуальность работы обусловлена перспективностью исследований фразеологии в целом и отсутствием сравнительного описания рассматриваемой группы фразеологических единиц русского и китайского языков. Использование методов лингвокультурологического и сопоставительного анализов позволил авторам прийти к выводам, что одно и то же слово может порождать различные ассоциации, иметь специфический набор коннотативных признаков, что обусловлено особенностями в культуре и менталитете наций. Наибольшее число совпадений обнаружено в группе фразеологизмов, связанных с речевой деятельностью, где *колокол* может характеризовать как акустико-физиологическую, так и содержательную сторону речи. В целом в китайском языке образная составляющая семантики фразеологизмов с анализируемым компонентом шире, чем в русском – лексема может обозначать богатство, настоящее искусство, любовь, ум и старость.

Ключевые слова: *фразеологизм, лингвокультурология, колокол, образ, ассоциативные признаки, ментальность, русский язык, китайский язык*

Е. К. Nikolaeva, G. Bay

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE *BELL* COMPONENT IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUOCULTURES

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines phraseological units in the Russian and Chinese languages, which contain the word *bell* – one of the frequent components in phraseology with “musical motifs”, which has great linguistic and cultural potential. The comparison of the phraseological material of the two languages made it possible to show both the common and the different in the two linguistic cultures, to identify the national specifics of phraseological units with the *bell* component, which is the purpose of this article. The relevance of the work is due to the prospects of linguistic and cultural studies of phraseology in general and the lack of a comparative description of this group of phraseological units in two linguistic studies. The use of methods of linguistic and cultural analysis and comparative analysis allowed the authors to conclude that the same reality can generate different associations between Russians and Chinese, have a different set of associative features due to the difference in culture and mentality of the nations. The largest number of coincidences was found in the group of phraseological units associated with speech activity, where the bell can characterize both the acoustic-physiological and the meaningful side of speech. In general, in Chinese phraseology, the figurative component of the semantics of phraseological units with the *bell* component is wider than in Russian: the lexeme can act as a symbol of wealth, real art, love, intelligence and old age.

Keywords: *phraseological unit, linguoculture, bell, image, associative features, mentality, Russian, Chinese*

Введение. Лингвокультурология – одна из наиболее активно разрабатываемых в наше время научных дисциплин. В сфере особого внимания ученых этой области изучения языка находятся устойчивые выражения с образно-метафорическим, символическим, эталонным значением, которые составляют фразеологические единицы (ФЕ) в целом. Об интересе к музыкальным мотивам во фразеологии свидетельствует сборник, в котором представлены доклады лингвистов из разных стран [15]. Семантика «колокольности» во ФЕ изучена многими исследователями (см. работы [5], [7, с. 241–242], [7, с. 203, 207–209], [8], [14, с. 53–55]). В Китае эти устойчивые выражения рассмотрены в меньшей степени [17]. Цель статьи – показать общее во фразеологизмах с компонентом *колокол* и их национально-культурную специфику в русском и китайском языках, которая проявляется прежде всего в образной составляющей семантики этих ФЕ.

Актуальность исследуемой проблемы. Фразеологический состав языка играет особую роль в трансляции, по выражению В. Н. Телии, «культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового» [12, с. 231], поэтому на современном этапе развития науки о языке особо востребовано изучение национальной специфики ФЕ, их роли в репрезентации культуры народа. Перспективность лингвокультурологических исследований фразеологии в целом и отсутствие сопоставительного анализа фразеологизмов с компонентом *колокол* в русском и китайском языках определили актуальность и новизну нашей работы.

Материал и методы исследования. Устойчивые словосочетания (идиомы и сравнения в русском языке) с компонентом *колокол* извлечены методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского ([9], [10]) и китайского ([4], [16]) языков. В основу исследования положен лингвокультурологический метод, позволяющий в полной мере описать семантику ФЕ, выделить культурный компонент их значения и показать роль этих устойчивых выражений в формировании языковой картины мира. Для выявления национально-культурной специфики рассматриваемой группы фразеологизмов использован сопоставительный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, «при исследовании национально-культурной специфики ФЕ в рамках сопоставительного подхода целесообразным представляется исключительно обращение к плану содержания, так как план выражения у единиц разных языков различен по определению» [1, с. 260]. При этом основные различия между языками проявляются не в актуальном значении устойчивых выражений, а в их образной составляющей, которая является «средством закрепления этнического мировидения» [13, с. 293], т. е. отражает национальную культуру, особенности языкового сознания и менталитета.

В рассматриваемых языках лексема *колокол* имеет несколько значений. Если в русском языке их связь, основанная на метафорическом переносе, с прямой семантикой ‘металлическое (из меди или из медного сплава) изделие в виде полого усеченного конуса с подвешенным внутри него для звона стержнем-языком’ очевидна, то в китайском языке она прослеживается не столь явно. Интегрирующая сема, позволяющая говорить о полисемии слова, в ряде случаев уже не ощущается носителями языка, в результате чего образуются омонимы. В современных китайских словарях отмечаются следующие значения слова 钟: 1) древний музыкальный инструмент; 2) колокольный звон; 3) напоминающий по форме колокол сосуд для вина в древности; 4) часы; 5) определенный период времени; 6) сосредоточенность, целеустремленность, выражение концентрации сильных чувств, таких, как любовь, привязанность; 6) древняя единица измерения емкости; 7) фамилия¹. Исследование фразеологизмов с учетом культурного компонента их семантики позволяет в ряде случаев выявить эту распавшуюся связь между всеми значениями анализируемого слова.

¹ https://www.chazidian.com/r_zi_zd949F/; <https://www.guoxuemi.com/zidian/949F.html>.

Наибольшее количество ФЕ с компонентом *колокол* построено на ассоциациях, связанных со звучанием музыкального инструмента, и входит в фразеосемантическую группу (ФСГ) «Речевая деятельность», где выделяется 2 подгруппы: 1) «Внешняя (акустическо-физиологическая) сторона речи»; 2) «Содержательная сторона речи».

Так, громкость звучания отражена во фразеологизмах: рус. (*громкий, мощный, могучий*) как колокол; *звенеть (зудеть)* как колокол (*колоколом*); сибир. *колоколить во все колокола*; кит. 声如洪钟 (букв. звучит как большой колокол²) ‘о громко и ясно звучащей речи, пении’; рус. *петь как колокола* ‘о мощном мелодично звучащем пении церковного хора’; кит. 洪(黄)钟大吕 (букв. раздается из хун-чжуна³ как Да Люй⁴) ‘о торжественной, возвышенной, гармоничной музыке или звонком, торжественном голосе’.

Во второй подгруппе также отмечаются совпадения – и в русском, и в китайском языках есть ФЕ, имеющие следующие значения: 1) ‘разглашать сведения, делать повсеместно известным’: рус. *раззвонить во все колокола*; *чужой человек что соборный колокол* ‘чужие люди не умеют хранить тайн, разглашают домашние секреты’ – кит. 鼓钟于宫, 声闻于外 (букв. во дворце звучат барабаны и колокола, и этот звук слышен снаружи); 2) ‘обманывать’: рус. *лить колокола* ‘врать, распускать сплетни, лживые слухи’; обл. *слить колокол* ‘солгать, рассказать что-л. неправдоподобное’ – кит. 撞木钟 (букв. бить в деревянные колокола) ‘обманывать людей, морочить людям голову’⁵. Несмотря на общность значений, в основе образов этих фразеологизмов лежат разные представления, обусловленные культурно-языковыми различиями. Внутренняя форма китайской ФЕ прозрачна: колокола не изготавливались из дерева, т. к. оно при ударе не издавало громкого («колокольного») звука. Внутренняя форма русского фразеологизма не совсем понятна: в ней отражен способ изготовления колоколов – литье. В соответствии с народной этимологией, в основе ФЕ лежит суеверный обычай литейщиков распускать слухи, небылицы во время отливки церковных колоколов: «считалось, что чем невероятнее будет слух или небылица и чем больше народа ему поверит, тем звонче, красивее по тону будет новый колокол». В основе оборота тем самым – аналогия потока речи и текучей жидкости. Глагол *лить* ‘течь, литься’ развивает устойчивую связь со значением ‘лгать, говорить неправду’, он становится олицетворением болтовни, пустословия (ср. *лить пули, лить пушки*) [2, с. 321–322]. Образ идиомы *слить колокол* возник в результате переосмысления самого процесса производства металлического изделия: *слить* на профессиональном арго литейщиков значит ‘соединить посредством литья, смешать одно вещество с другим’ [5, с. 391].

В рассматриваемых культурах есть ФЕ, характеризующие внешность человека. Однако если в русском языке в основе образа лежит форма колокола, представляющая собой усеченный конус (*фигура колоколом*), фасон одежды, что передается творительным сравнения (*юбка (пальто, платье) колоколом*), то в китайском этот образ используется для характеристики внешности и состояния старого человека: 钟鸣漏尽 (букв. Колокол уже прозвенел, и [протекающие] водяные часы перестают капать) ‘о старом и слабом человеке, достигшем преклонных лет’; 龙钟老态 (букв. Лун Чжун стар = Дракон-колокол стар) ‘старый и хрупкий, не способный легко двигаться’. Ассоциации со старостью, как представляется, вызваны тем, что дракон является символом не только императорской власти, могущества, процветания, но и долголетия, а колокол – один из древнейших атрибутов

² Буквальный перевод китайских ФЕ выполнен автором Бай Гэ.

³ 洪钟 (букв. хун-чжун, или хуан-чжун) – вид громко звучащего колокола; ср. «Когда начинает звонить ‘сумеречный колокол’ (хунь-чжун), послушник оповещает настоятеля одним ударом в барабан» [6, с. 245].

⁴ 大吕 (букв. Да Люй) – одна из ступеней китайского хроматического звукоряда.

⁵ Следует отметить, что это китайское выражение 撞木钟 имеет второе значение ‘заниматься бесполезным делом’, которое отсутствует в русских ФЕ с «колокольной» семантикой.

китайской культуры⁶. По форме это металлическое изделие (правильнее было бы сказать – они, т. к. в Китае существует 9 типов разных колоколов) значительно отличается от европейского – оно часто напоминает цилиндр, а не конус. В форме китайского колокола изготавливались древние сосуды для спиртного, что нашло отражение во ФЕ: 尧舜千钟 (букв. Яо и Шунь тысяча колоколов), где 钟 (колокол) – ‘старинная посуда для спиртного’, а 尧舜 (букв. Яо и Шунь) – два мудрых императора в древней истории Китая и легендах. Значение фразеологизма – ‘люди много пьют как Яо и Шунь’. Образ сосуда используется в выражении 二缶钟惑 (букв. два сосуда, глиняная амфора Фоу и колокол в замешательстве), т. е. невозможно различить емкость двух сосудов – «缶» (глиняная посуда, керамика) и 钟 (колокол) – ‘о сложности (невозможности) отличить добро от зла’.

В ФСГ «Состояние» русские ФЕ передают преимущественно чувства беспокойства, испуга, т. к. сигнальный инструмент (колокол) исторически использовался для объявления тревоги и сбора войск: *бить во все колокола; ударить во все колокола*. Часто это состояние передается устойчивым сравнением *как колокол: Сердце бухало в груди, как колокол, кровь стучала в висках*.⁷ В китайской культуре колокол также использовался с целью предупреждения людей о чем-л., однако фразеологически значимой в рассматриваемой группе оказалась семантика выражения сильных чувств, таких как любовь, привязанность: 情有独钟 (букв. Любовь является единственным колоколом) ‘о сильной любви, привязанности к кому-л., чему-л. одному, единственному’; 一见钟情⁸ (букв. С первого взгляда сильно полюбить) ‘о любви с первого взгляда’.

Гораздо шире, чем в русской, в китайской фразеологии используется образ *колокола* для характеристики поведения человека, черт его характера: 毁钟为铎 (букв. Уничтожить колокол, превратив его в колокольчик) ‘о глупом поведении’; 现钟不打 (букв. Колокола готовы и не звонят (т. е. не используются, как должно)) ‘о глупом поведении’. 拨不响的琴弦, 敲不响的钟 (букв. Струны, которые не звенят, колокола, которые не звонят) ‘о тупом, оцепеневшем и невосприимчивом к указаниям человеке’.

Колокол в китайской национальной культуре – символ богатства и власти [21, с. 4], поэтому во фразеологии широко представлены ФЕ, описывающие богатую жизнь: 钟鸣鼎食 (букв. Колокол звонит, еда в треножнике)⁹ ‘о роскошной жизни’. Если семья ест под звон колоколов, да еще и из треножника, то она считается очень богатой: 钟鼎人家 (букв. В семье есть колокол и треножник). Сочетание этих двух символов власти и богатства отражены во ФЕ: 五鼎万钟 (букв. Пять треножников и десять тысяч колоколов) ‘о человеке, занимающем высокую должность и имеющем высокую зарплату’; 鸣钟列鼎 (букв. Звонить в колокол перед расставленными в ряд треножниками) ‘о роскошной жизни высокопоставленных чиновников’; 钟鼎之家 (букв. Колокола и треножники двора) ‘о богатой знати’.

⁶ В выражении, возможно, используется образ конкретного колокола, находящегося в Музее большого колокола (大钟寺). Это огромный колокол, высотой 2,5 м, покрытый узорами из драконов, парящих сквозь воду и облака – всего 22 дракона (в связи с чем и получено данное название) [<http://beijing.roadplanner.ru/big/bigkod.html>].

⁷ Н. Дежнев. В концертном исполнении (1993). – [Электронный ресурс]. – URL : Национальный корпус русского языка (дата обращения: 20.08.24).

⁸ Здесь два иероглифа, один из которых используется для обозначения *колокола* как древнего инструмента, передают значение глагола ‘сильно полюбить’. В образной составляющей семантики ФЕ, возможно, отражаются представления о громком ударе колокола, резком и внезапном, как любовь с первого взгляда.

⁹ Треножник (сосуд специфической формы на трех ножках; первоначально в Китае использовался для приготовления пищи, а позднее стал ритуальным предметом и атрибутом власти) также приобрел символическое значение роскоши, богатства и материального благополучия, что получило отражение во многих устойчивых выражениях китайского языка [см. подробнее 11, с. 315–320].

Высокая ценность колокола в китайской культуре отразилась во ФЕ 黄钟瓦缶 (釜) (букв. Желтый колокол и глиняная амфора)¹⁰ с семантикой ‘есть разные люди’, т. е. в жизни встречаются люди – хорошие и плохие, красивые и некрасивые и т. д.

Как пишет Сюй Цянь, в Китае колокол нашел самое разнообразное применение: кроме музыкальной и сакрально-ритуальной функций, в буддийском храме он использовался в качестве часов – для объявления времени [21, с. 4]. Этот образ закрепился в выражениях:

1) 晨钟暮鼓 (букв. Утром бить в колокол, а вечером – в барабан) ‘о доходящих до сознания и сердца словах’. Метафора основана на том, что звон колоколов, раздававшийся на заре со специальных «колокольных башен», заставлял людей просыпаться по утрам.

2) 三分钟热度 (букв. Три колокола страсти), где 钟 (колокол – ‘часы, минуты’). ФЕ употребляется, когда говорят о кратковременности увлечений кого-л.¹¹

Выводы. Проведенный анализ показал, что лексема *колокол* обладает большим лингвокультурологическим потенциалом, в основе которого – культурные и бытовые представления об этом музыкальном и ритуальном инструменте, определяющие набор ассоциаций, которые формируют образные составляющие семантики ФЕ с этим словом. Так как колокол является прежде всего звуковым устройством, выполняющим сигнальную, ритуальную и музыкальную функции, то сходство представлений в рассматриваемых культурах связано с мощью, громкостью и силой звука, издаваемого этим инструментом. Однако в большей степени в анализируемых ФЕ проявляется их национальная специфика – в китайском языке образное содержание этого компонента значительно шире и разнообразнее, чем в русском: *колокол* может выступать в качестве символа богатства, власти, настоящего искусства, любви, ума, старости, что обусловлено его большей представленностью в истории, культуре и повседневной жизни этого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М. : Знак, 2008. – 657 с.
2. Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М. : Астрель : АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
3. Вэнчан Т. Художественные особенности китайской амфоры-фоу с драконами // Новые горизонты – 2018. – Минск : БНТУ, 2018. – Т. 2. – С. 106–107.
4. Готлиб О. М., Хуан М. Китайско-русский фразеологический словарь : = 汉俄成语词典 – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
5. Ковинова М. Л. Идиомы и паремии с «колокольной» семантикой: образы и смыслы // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. Серия. Лингвокультурологические исследования. – М. : Гнозис, 2019. – С. 387–404.
6. Кабанов А. М. Чаньский ритуал // Этика и ритуал в традиционном Китае. – М. : Гл. ред. восточной лит-ры изд-ва «Наука», 1988. – С. 236–256.
7. Кузнецова И. В. Культовые строения в устойчивых сравнениях славян // Проблемы фразеологической и лексической семантики. – М. : ИТИ Технологии, 2004. – С. 237–243.
8. Куницына О. М., Первозванский Р. И. Репрезентация концептов «колокол» и «звон» в русских, немецких и французских фразеологизмах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 9(864). – С. 74–79. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_74.

¹⁰ Желтый колокол (названный так, потому что желтый цвет символизирует императорскую власть) – первый и самый важный из 12 колоколов в 12-ступенном хроматическом звукоряде, лежащем в основе музыкальной теории традиционного Китая, который «настраивал весь церемониальный оркестр на символический “тон Вселенной”» [15, с. 228], является символом музыкального искусства высшего качества, противопоставляется амфоре-фоу, первоначально представлявшей собой глиняный сосуд для вина, по которому на застольях люди стучали, отбивая ритм для аккомпанемента пению, благодаря чему впоследствии она стала музыкальным инструментом [3].

¹¹ Подробно о том, как музыкальный инструмент превратился в часы, см. https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5MDIxMzQ3Mw==&mid=2651499167&idx=1&sn=4e69d2db7550e24cdfbfadc440a57fef&chksm=bdb63e918ac1b787ac9add03ea4d805bcf7e54f19ed5dc00ec1d9d605e7abd422ea21bd103df&scene=27.

9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
11. Снеткова Д. А., Соктоева О. Ц. Китайский треножник и его отражение в языке и культуре Китая // Россия – Китай: история и культура. – Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2018. – С. 315–320.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
13. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 512 с.
14. Чэнь Цзэкан. Традиционные ударные инструменты и их роль в исторической ретроспективе и современной музыкальной культуре Китая // Художественное образование и наука. – 2019. – № 4. – С. 146–156. – DOI 10.34684/hon.201904018.
15. Frazeologické štúdie, Hudobné motívy vo frazeológii. – Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 2014. – 373 s.
16. 温端政主编.中国谚语大辞典.上海: 上海辞书出版社, 2011, 1261 页 (Словарь китайских пословиц/яньюй (谚语) / Под ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай : Шанхайский словарь, 2011. – 1261 с.).
17. 黄欣.汉语音乐类成语语义建构研究[D].中国海洋大学, 2014, 39 页 (Хуан Синь. Исследование семантической структуры китайских музыкальных идиом : диссертация. – Китайский океанологический ун-т, 2014. – 39 с.).
18. 徐潜主编.中国古代音乐.吉林文史出版社, 2014, 187 页 (Древняя китайская музыка / Под ред. Сюй Цянь. – Чанчунь : Цилиньское изд-во литературы и истории, 2014. – 187 с.).

Статья поступила в редакцию 27.08.2024

REFERENCES

1. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Aspekty teorii frazeologii. – M. : Znack, 2008. – 657 s.
2. Biriĥ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar'. – M. : Astrel' : AST: Lyuks, 2005. – 926 s.
3. Venchan T. Hudozhestvennye osobennosti kitajskoj amfory-fou s drakonami // Novye gorizonty – 2018. – Minsk : BNTU, 2018. – T. 2. – S. 106–107.
4. Gotlib O. M., Huain M. Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar' : = 汉俄成语词典 – Irkutsk : Izd-vo IGU, 2019. – 596 s.
5. Kovshova M. L. Idiomy i paremii s «kolokol'noj» semantikoj: obrazy i smysly // Logicheskij analiz yazyka. Ponyatie very v raznyh yazykah i kul'turah. Seriya. Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. – M. : Gnozis, 2019. – S. 387–404.
6. Kabanov A. M. Chan'skij ritual // Etika i ritual v tradicionnom Kitae. – M. : Gl. red. vostochnoj lit-ry izd-va «Nauka», 1988. – S. 236–256.
7. Kuznecova I. V. Kul'tovye stroeniya v ustojchivyh sravneniyah slavyan // Problemy frazeologicheskij i leksicheskij semantiki. – M. : ITI Tekhnologii, 2004. – S. 237–243.
8. Kunicyna O. M., Pervozvanskij R. I. Reprezentacija konceptov «kolokol» i «zvon» v russkij, nemeckij i francuzskij frazeologizmah // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2022. – № 9(864). – S. 74–79. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_74.
9. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkij narodnyh sravnenij – M. : ZAO «OLMA Media Grupp», 2008. – 800 s.
10. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkij pogovorok. – M. : ZAO «OLMA Media Grupp», 2007. – 784 s.
11. Snetkova D. A., Soktoeva O. C. Kitajskij trenochnik i ego otrazhenie v yazyke i kul'ture Kitaya // Rossiya – Kitaj: istoriya i kul'tura. – Kazan' : Akademiya nauk Respubliki Tatarstan, 2018. – S. 315–320.
12. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. – M. : Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. – 288 s.
13. Tolstoj N. I. Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike. – M. : Yazyki russkoj kul'tury, 1995. – 512 s.
14. Chen' Czekan. Tradicionnye udarnye instrumenty i ih rol' v istoricheskij retrospektive i sovremennoj muzykal'noj kul'ture Kitaya // Hudozhestvennoe obrazovanie i nauka. – 2019. – № 4. – S. 146–156. – DOI 10.34684/hon.201904018.
15. Frazeologické štúdie, Hudobné motívy vo frazeológii. – Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 2014. – 373 s.
16. 温端政主编.中国谚语大辞典.上海: 上海辞书出版社, 2011, 1261 页 (Slovar' kitajskih po-slovic/yan'yuy (谚语) / Pod red. Ven' Duan'chzhen. – Shanhaj : Shanhajskij slovar', 2011. – 1261 s.).

17. 黄欣.汉语音乐类成语语义建构研究[D].中国海洋大学, 2014, 39 页 (Huan Sin'. Issledovanie semanticheskoy struktury kitajskih muzykal'nyh idiom : dissertaciya. – Kitajskij okeanologičeskij un-t, 2014. – 39 s.).
18. 徐潜主编.中国古代音乐.吉林文史出版社, 2014, 187 页 (Drevnyaya kitajskaya muzyka / Pod red. Syuj Cyan'. – Chanchun' : Czilin'skoe izd-vo literatury i istorii, 2014. – 187 s.).

The article was contributed on August 27, 2024

Сведения об авторах

Николаева Елена Каировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2449-3490>, elena_kairovna@mail.ru

Бай Гэ – магистрант 2 курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, st082354@student.spbu.ru

Author Information

Nikolaeva, Elena Kairovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-2449-3490>, elena_kairovna@mail.ru

Baj, Ge – Second-year Master's Degree Student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, st082354@student.spbu.ru

УДК 811.161.1'27

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.012

М. Е. Петухова, Е. А. Кожемякова, И. А. Симулина

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

*Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения критериев, по которым можно было бы установить, является ли тот или иной человек носителем языка, а также вопросу выявления языковых признаков речи людей вне зависимости от уровня их образования. Актуальность работы обусловлена отсутствием единого подхода к обнаружению языковых характеристик речи носителя языка. Исследование осуществлялось на материале, собранном при проведении собеседования с претендентами. В результате нами выделены следующие лингвистические маркеры: 1) фонетический, 2) грамматический, 3) лексико-семантический, 4) лингвокультурологический, которые не только демонстрируют уровень владения языком, но и показывают принадлежность человека к определенной культурно-языковой общности.

Ключевые слова: лингвистический маркер, носитель языка, системные ошибки, языковая картина мира

M. E. Petukhova, E. A. Kozhemyakova, I. A. Simulina

IDENTIFICATION OF LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF A NATIVE SPEAKER

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of determining the criteria by which it would be possible to determine whether a particular person is a native speaker, as well as the issue of identifying linguistic features of people's speech, regardless of their level of education. The relevance of the work is due to the lack of a unified approach to detecting the linguistic characteristics of native speaker's speech. The study was carried out on material collected during interviews with applicants. As a result, the authors have identified the following linguistic markers: 1) phonetic, 2) grammatical, 3) lexical-semantic, 4) linguocultural, which not only demonstrate the level of language proficiency, but also show a person's belonging to a certain cultural and linguistic community.

Keywords: linguistic marker, native speaker, systemic errors, linguistic image of the world

Введение. В Российской Федерации несколько лет действовала упрощенная система получения гражданства, основанная на признании заявителя носителем русского языка (НРЯ). В связи с этим возник вопрос, связанный с технологией получения этого статуса. Нуждалось в детальной разработке и методическом обосновании единых подходов само понятие «носитель языка». На наш взгляд, в связи с отсутствием однозначных критериев, необходимых для признания иностранного гражданина НРЯ, размытости и возможности различных толкований этого понятия, требований к уровню владения языком, закрепленных в законодательстве страны (приказ ФМС России № 379 от 26.05.2014 г.), в последние годы на государственном уровне отказались от данной терминологической трактовки. Однако проблема на уровне языка, связанная с этим процессом, остается актуальной и требует определенного разрешения.

Целью настоящей статьи является выявление лингвистических маркеров речи, характеризующих человека как носителя языка.

Актуальность исследуемой проблемы. Несмотря на возрастающий интерес к рассматриваемому вопросу, понятие «носитель языка» не получило исчерпывающего определения и достаточного обоснования в научной литературе. Кроме того, критерии, по которым следует оценить, является ли тот или иной претендент НРЯ, и способы выявления признаков «носительства» не разработаны в полной мере.

Материал и методы исследования. В исследовании использован метод сравнительного лексикографического анализа с целью выявления наиболее полного и точного определения понятия «носитель языка» путем обращения к толковым словарям и научной литературе.

Объектом исследования послужили результаты прохождения собеседования с соискателями на признание их НРЯ. В качестве заданий при проведении дискуссии с претендентами предлагались оригинальные авторские разработки, а также специально составленная система оценки их ответов. Методика разработки практического материала и анализа результатов собеседования на выявление лингвистических маркеров носителя языка опиралась на традиционные принципы лингводидактического тестирования, охватывающего разные виды речевой деятельности и уровни языковой системы.

Результаты исследования и их обсуждение. Общие требования к уровню владения языком для признания мигранта его носителем прописаны в приказе ФМС России № 379 от 26.05.2014 г., в котором отражено следующее: в ходе собеседования (когда данная процедура применялась) определяется способность иностранного гражданина «понимать и уметь интерпретировать неадаптированные тексты, обладающие подтекстовыми и концептуальными смыслами, свободно воспринимая особенности речи говорящих, интерпретируя фразеологизмы, известные высказывания и скрытые смыслы»; «уметь продемонстрировать полное знание языковой системы и свободное владение средствами выразительности языка» [7, с. 5].

Безусловно, перечисленным требованиям может соответствовать только тот носитель языка, который владеет им на достаточно высоком уровне. Очевидно, что и люди, для которых русский язык является родным, имеют разный объем знаний и умений, в связи с чем возникает потребность в более детальном изучении анализируемого явления.

Анализ словарных статей, описывающих рассматриваемое понятие, не дает полной картины, которая позволила бы установить четкие границы в определении этого статуса. По словарю Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, «носитель языка» – это «представитель какой-либо социокультурной и языковой общности, владеющий нормами языка, активно использующий данный язык (обычно являющийся для него родным) в различных бытовых, социокультурных, профессиональных и др. сферах общения» [1, с. 163]. Отметим, что в этом определении не уточняется, на каком уровне тот или иной человек должен владеть нормами языка. Кроме того, иностранец, находясь в неродной для него среде, вынужден активно использовать и применять необходимый языковой материал в различных бытовых, социокультурных, профессиональных и других областях коммуникации.

В словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило понятие «носитель языка» имеет 2 основных значения: «1) индивид, владеющий данным языком, как родным; 2) отдельный человек, социальная группа, народ, пользующиеся тем или иным языком» [4, с. 223]. Данное определение, на наш взгляд, носит обобщенный характер.

Кембриджский словарь английского языка содержит следующую словарную статью: *носитель языка* – это «человек, который говорит на конкретном языке с малолетства, а не выучил его в более позднем возрасте, либо уже будучи взрослым» [9]. Однако у многих могут возникнуть вопросы, связанные с пониманием и определением понятия «малолетний возраст».

В научной литературе рассматриваемый термин анализируется в связи с понятием «языковая личность», развитость которой Г. И. Богин (в рамках лингводидактики) предлагает оценивать по 5 критериям: 1) правильность (степень владения языковой нормой), 2) интериоризация (скорость речи, зависящая от степени сформированности внутренних структур психики, связанных с речевыми действиями на данном языке), 3) насыщенность (объем словарного запаса и разнообразие синтаксических конструкций), адекватный выбор (точность выбора языковых единиц), адекватный синтез (адекватность речевых действий в дискурсе) [3, с. 9–10]. Выделенные ученым характеристики, на наш взгляд, слишком широки для решения поставленной задачи.

Например, применительно к технологии установления факта «носительства» языка не совсем понятно, какова «точка его отсчета», тот минимальный порог, который должна преодолеть в развитии языковая личность, чтобы получить этот статус, и где начинается собственно процесс совершенствования ее умений, который может продолжаться бесконечно. Неясно, насколько правильной и точной должна быть речь иностранца (ошибки возможны и у людей данной языковой общности, в частности у русских, что зависит от уровня их образованности), быстрой (психологические особенности оказывают влияние на темп речи), какой словарный запас считается минимально достаточным для носителей языка, всегда ли адекватно их речевое поведение.

Существует точка зрения, согласно которой носителями языка следует признавать людей, которые обладают достаточно хорошим знанием русского языка на четвертом сертификационном уровне (ТРКИ–IV, соответствующий C2) [8, с. 4]. Несмотря на то что этот уровень определяется как «свободное владение языком», это не означает, что иностранный гражданин и человек данной культурно-языковой общности (НРЯ) имеют одинаковые в количественном и качественном отношении знания и умения.

В исследованиях по социолингвистике [10] утверждается, что понятие «родной язык» включает в себя 3 аспекта: языковая компетенция (уровень владения языком), языковое наследие (традиции семьи и сообщества) и языковая принадлежность (идентификация с каким-л. языком). Рассматриваемое явление представляет собой частичное объединение этих трех аспектов. Поэтому использование термина «носитель языка» исключительно в отношении уровня владения некорректно, поскольку определение включает в себя понятия языкового наследия и языковой принадлежности.

На наш взгляд, следует выделить 4 лингвистических маркера, которые позволяют установить, является ли человек носителем данного языка: 1) фонетический, 2) грамматический, 3) лексико-семантический, 4) лингвокультурологический.

Рассматривая подробнее каждый из них, проанализируем ошибки, допускаемые иностранцами на том или ином языковом уровне. Отсутствие подобных нарушений свидетельствует о том, что субъект является носителем языка.

Фонетический маркер. Он включает в себя 2 процесса: произношение и восприятие чужой речи на слух.

Произношение – очень яркий показатель «носительства» языка. Наличие акцента позволяет нам определить инофона. Однако чистота произносительных возможностей должна определяться на основании соблюдения говорящим системных языковых требований. На процесс произношения может влиять место рождения и проживания человека – диалектные особенности, а также длительное его нахождение в иноязычной среде (особенно это касается интонирования речи). К орфоэпическим ошибкам, которые могут быть свойственны и носителям языка, следует отнести особенности редукции безударных гласных (оканье, сильное аканье, яканье и т. п.). Эти территориальные процессы приводят к тому, что при произношении нарушаются нормы литературного языка, однако основные фонетические законы иностранец будет соблюдать в любом случае.

Более того, определенные отхождения от акцентологических правил тоже могут выступить маркером носителя. Например, неправильные с точки зрения нормы произношения, как *звОнит* (при нормативном *звонИт*), *вклЮчит* (при нормативном *включИт*), *средствА* (при нормативном *средства*), *местостЕй* (при нормативном *местностей*) и т. п., свойственны носителям языка, потому что реализуют существующие в языке модели (по аналогии с подвижным ударением в глаголах: *просИть* – *прОсит*, *лечИть* – *лЕчит*, *курИть* – *кУрит* или в различных формах существительных: *мЕсто* – *местА*, *нОвость* – *новостЕй*). В целом подобные ошибки не нарушают систему языка.

Неправильная постановка ударений, не имеющих аналогов в русском языке, сигнализирует о том, что перед нами инофон. Например, рассмотренный нами глагол *включить* в императиве не вызывает трудностей в постановке ударения у НРЯ (*включИте*), в то время как многие проходящие собеседование иностранцы ошибочно произносят *вклЮчите*. Показательны также следующие нарушения норм: *зарабОток*, *выучИте*, *деЯтели* и т. п.

Что касается восприятия чужой речи, то носитель языка понимает и нечеткую дикцию, и неправильное интонирование, и тихую речь, отчасти угадывая слова, на что не способен тот, для кого язык не является родным.

При проведении собеседования в качестве одного из заданий нами предложен видеофрагмент интервью с определенной известной личностью (например, с Е. Мироновым, С. Маковецким, Е. Симоновой, Н. Павловой, Ю. Вяземским, А. Реввой и др.). Эти люди обладают разной артикуляцией и произносительными особенностями. Наличие эмоционально-выразительного ударения, разный темп речи собеседников, паузы, недостаточно четкая дикция, которая нормальна для повседневного общения, не позволяли иностранцам понять содержание отрывка в полном объеме, что отражено в ответах тестируемых.

Грамматический маркер. В данном случае показателем носителя языка может стать не безошибочное формообразование, а отсутствие именно системных нарушений в речи. Коммуникативно незначимые ошибки оказывают влияние на языковую систему, несмотря на понимание значения этого высказывания. Необходимо отличать случаи нарушения грамматических норм, которые не соблюдают иногда и носители, особенно имеющие невысокий уровень образования, от системных ошибок (например, в речи представителей Средней Азии часто наблюдается неправильное согласование по роду, поскольку в их языках данная категория отсутствует).

Системные грамматические нарушения нагляднее отражаются в письменной форме, потому что устная речь предполагает большую свободу. Иностранцами выполнены письменные задания (отвечали на вопросы, связанные с особенностями проблематики предъявленного текста) после просмотра видеофрагмента. Важным моментом является то, что восприятие интервью требует понимания разговорной речи, на что способны носители языка. Наличие огромного количества эллиптических и неполных предложений различного типа, слов-обращений, повторов слов, разрыва предложений вставными конструкциями, ослабления и нарушения форм синтаксической связи между частями высказывания и т. п. – все это отличает неподготовленную речь.

При оценивании грамматической правильности ответа обращено внимание на коммуникативно незначимые ошибки, которые не приводят к нарушению взаимодействия субъектов общения. Явными показателями речи иностранца явились неправильное построение падежного или предложно-падежного управления (*делаю данный момент* – вместо *делаю в данный момент*, *отвечаю вопрос* – *отвечаю на вопрос*, *ходил в школе* – *ходил в школу*, *пишу ручки* – *пишу ручкой*), ошибки в согласовании по роду / числу (*мой сестра*, *незнакомый люди*), в образовании форм глагола (*рисоваю*), в выборе глагола движения (*каждый день шел на работу*, *а в воскресенье не шел*) и др. Отметим, что перечисленные языковые явления, характерные для речи иностранцев, нарушают грамматическую систему русского языка.

Лексико-семантический маркер. Показателем того, что человек является НРЯ, является способность верно и полно понимать смысл текстов и высказываний. На наш взгляд, одним из критериев может стать не просто следование лексическим нормам языка, но и умение воспринимать элементы языковой игры, под которой «понимается определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [5, с. 65]. Данный прием используется для того, чтобы осознанно выводить слова за пределы их обычного употребления; они подвергаются тем или иным преобразованиям, с помощью которых в конечном итоге создается эффект необычности высказывания.

При проведении собеседования соискателю предложен небольшой по объему текст, построенный на основе языковой игры. Необходимо было устно объяснить, что обозначает та или иная фраза и на чем строится ее комический эффект. Выполняя задание, носители языка понимают, что ситуация юмора создается путем актуализации разных значений многозначного слова, в результате совмещения которых происходит неожиданный смысловой сдвиг. Например, в предложении *«Когда ты заболела прошлой весной, я желал тебе поскорее поправиться, но ты меня не так поняла»* актуализируются следующие значения слова *поправиться*: ‘восстановить здоровье, выздороветь’ и ‘пополнить’. Для НРЯ это задание не представляет особой сложности, т. к. ими осознается, что это шуточное выражение, а его комизм достигается совмещением двух значений глагола *поправиться*. Следующая фраза *«Плохо, когда близкие недалекие»* наполняется смыслом только в том случае, если человек понимает, в каком значении использовано слово *недалекие* (‘глупые, ограниченные’).

Лингвокультурологический маркер. Носители языка обладают схожей языковой картиной мира. Нам наш язык и его категории кажутся естественными, в то время как для инофона многое непонятно и нелогично. Разница в мировосприятии представителей двух языковых общностей хорошо заметна при чтении неадаптированных фольклорных текстов. Особенно показательным в этом плане обращение к сказкам, которые понятны и детям-носителям, но трудны для восприятия взрослыми неносителями [6, с. 161]. Таким образом, лингвокультурологический маркер определяет достаточный уровень фоновых знаний, необходимый для наиболее полного понимания текста.

Данный маркер тесно связан с **ассоциативным потенциалом** слова или выражения, который доступен только представителям определенной культурно-языковой общности. Этот критерий позволяет определить наличие у человека определенного языкового наследия (традиций). Наличие фоновых знаний, необходимых для носителей языка, позволяют проверить задания на толкование фразеологизмов или пословиц, которые «отражают национальную культуру нерасчлененно» [2, с. 13], например: Объясните значение фразеологизма *«язык хорошо подвешен»*, приведите примеры употребления этого фразеологизма. Правильным признавалось любое высказывание, верно раскрывающее смысл – ‘умение свободно говорить, легко формулировать свои мысли’. Отметим важность определения степени знакомства соискателя с предложенным прецедентным текстом. Нами отмечалось, что порой и НРЯ не обладают достаточными знаниями в области фразеологии, но для собеседования выбираются такие выражения, которые все же знакомы большому количеству людей.

Кроме перечисленных нами лингвистических маркеров, стоит обратить внимание и на экстралингвистический параметр. Характер реакции на практические задания и привлекаемые языковые единицы также может послужить показателем носителя языка.

Адекватность реагирования – это маркер носителя языка и в том случае, если языковое упражнение вызывает затруднение при его выполнении. Тем самым определить, является ли претендент НРЯ, возможно комплексно, учитывая все перечисленные маркеры.

Выводы. Таким образом, нами выявлено несколько маркеров, которые позволяют выявить НРЯ: фонетический, грамматический, лексико-семантический, лингвокультурологический. При этом важно учитывать и экстралингвистический критерий.

Как правило, носителя языка отличает его произношение, которое подчиняется основным фонетическим законам той или иной языковой системы. При выполнении письменных и устных заданий определяющим является лексико-семантический маркер, поскольку именно их понимание и умение сформулировать свою мысль оцениваются наиболее высоко. Грамматический маркер играет важную роль при наличии большого количества системных ошибок, приводящих к нарушению структуры высказывания. Являясь представителями определенного культурно-языкового сообщества, носители языка знакомы с определенным корпусом прецедентных текстов, значимых для данной культуры (фразеологизмами, пословицами, поговорками и т. п.). Они способны уловить элементарную языковую игру и на интуитивном уровне определить, в чем она заключается. Носителя языка отличает и речевое поведение в не совсем привычной ему обстановке. Скорость и характер реакций, проявление определенных эмоций на ту или иную ситуацию являются показателями «носительства».

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М., 2009. – 448 с.
2. Бакина И. Н., Аль-Сарма Фирес. Русские и арабские пословицы и поговорки в лингвокультурологическом аспекте // Сопоставительное изучение разнотипных языков: научный и методический аспекты: Материалы научно-практической конференции. Том 1. – Чебоксары, 2006. – С. 13–15.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. – Л., 1984. – 38 с.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
5. Иванова А. М., Кожмякова Е. А., Коропченко А. А., Обжогин А. А., Петухова М. Е., Симулина И. А. Инновационные подходы в лингводидактике. Методические рекомендации для учителей русского языка и литературы / Ответ. ред. Г. Е. Корнилов. – Чебоксары, 2017. – 120 с.
6. Павлова Т. Н. Работа с текстами разных стилей и жанров как один из аспектов деятельности преподавателя РКИ (из опыта преподавания дисциплины «Лингвострановедение» на курсах профессиональной переподготовки) // Язык и слово. Сборник научных трудов. – Чебоксары, 2021. – С. 160–162.
7. Приказ ФМС РФ от 26.05.2014 N 379 «Об утверждении требований к специалистам, входящим в состав комиссии по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка, правил проведения собеседования комиссией по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка с иностранным гражданином или лицом без гражданства, требований к форме заявления о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка и требований к форме решения комиссии по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка». – [Электронный ресурс]. – URL : <https://minjust.consultant.ru/documents/10246> (дата обращения: 08.09.2024).
8. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвертый сертификационный уровень. Общее владение / Г. Н. Аверьянова и др. – М. ; СПб., 2000 – 108 с.
9. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Cambridge University Press “Native Speaker”. – [Электронный ресурс]. – URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/native-speaker> (дата обращения: 08.09.2024).
10. Leung C., Harris R., Rampton B. The Idealized Native Speaker, Reified Ethnicities, and Classroom Realities // TESOL Quarterly. Language and Identity. – Autumn, 1997. – Vol. 31, No. 3. – P. 543–560. – [Электронный ресурс]. – URL : https://www.researchgate.net/publication/264671868_The_Idealised_Native_Speaker_Reified_Ethnicities_and_Classroom_Realities (дата обращения: 08.09.2024).

Статья поступила в редакцию 17.09.2024

REFERENCES

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam)*. – M., 2009. – 448 s.
2. Bakina I. N., Al'-Sarma Fires. *Russkie i arabskie poslovice i pogovorki v lingvokul'turologicheskom aspekte // Sopostavitel'noe izuchenie raznotipnyh yazykov: auchnyj i metodicheskij aspekty: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. Tom 1.* – Cheboksary, 2006. – S. 13–15.
3. Bogin G. I. *Model' yazykovoj lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. – L., 1984.* – 38 s.
4. Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop.* – Nazran' : Piligrim, 2010. – 486 s.
5. Ivanova A. M., Kozhemyakova E. A., Koropchenko A. A., Obzhogin A. A., Petuhova M. E., Simulina I. A. *Innovacionnye podhody v lingvodidaktike. Metodicheskie rekomendacii dlya uchitelej russkogo yazyka i literatury / Otvet. red. G. E. Kornilov.* – Cheboksary, 2017. – 120 s.
6. Pavlova T. N. *Rabota s tekstami raznyh stilej i zhanrov kak odin iz aspektov deyatel'nosti prepodavatelya RKI (iz opyta prepodavaniya discipliny «Lingvostranovedenie» na kursah professional'noj perepodgotovki) // Yazyk i slovo. Sbornik nauchnyh trudov.* – Cheboksary, 2021. – S. 160–162.
7. *Prikaz FMS RF ot 26.05.2014 N 379 «Ob utverzhdenii trebovanij k specialistam, vkhodyashchim v sostav komissii po priznaniyu inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka, pravil provedeniya sobesedovaniya komissiej po priznaniyu inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka s inostrannym grazhdaninom ili licom bez grazhdanstva, trebovanij k forme zayavleniya o priznanii inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka i trebovanij k forme resheniya komissii po priznaniyu inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka o priznanii inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka».* – [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://minjust.consultant.ru/documents/10246> (data obrashcheniya: 08.09.2024).
8. *Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Chetvertyj sertifikacionnyj uroven'. Obshchee vladenie / G. N. Aver'yanova i dr. – M. ; SPb., 2000 – 108 s.*
9. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Cambridge University Press “Native Speaker”.* – [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/native-speaker> (data obrashcheniya: 08.09.2024).
10. Leung C., Harris R., Rampton B. *The Idealized Native Speaker, Reified Ethnicities, and Classroom Realities // TESOL Quarterly. Language and Identity.* – Autumn, 1997. – Vol. 31, No. 3. – P. 543–560. – [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.researchgate.net/publication/264671868_The_Idealised_Native_Speaker_Reified_Ethnicities_and_Classroom_Realities (data obrashcheniya: 08.09.2024).

The article was contributed on September 17, 2024

Сведения об авторах

Петухова Мария Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0009-0008-9073-0731>, petuhovame@yandex.ru

Кожемыкова Екатерина Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0009-0003-2450-9450>, ekozhemyakova@yandex.ru

Симулина Ирина Алексеевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0009-0002-0909-419X>, arin7.7@yandex.ru

Author Information

Petukhova, Maria Evgenyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0009-0008-9073-0731>, petuhova-me@yandex.ru

Kozhemyakova, Ekaterina Arkadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0009-0003-2450-9450>, ekozhemyakova@yandex.ru

Simulina, Irina Alekseevna – Senior Lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0009-0002-0909-419X>, arin7.7@yandex.ru

УДК 811.161.1'221'42:070(086)(470)

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.013

А. А. Распопов, С. С. Хромов

**СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ РОССИЙСКИХ НОВЫХ МЕДИА
(НА ПРИМЕРЕ КОРОТКИХ ВЕРТИКАЛЬНЫХ ВИДЕО)**

Московский политехнический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В настоящее время поликодовые тексты широко распространены в сфере ме-
диакommunikации, при этом наблюдается усложнение алгоритма взаимодействия разных кодов
в процессе смыслопорождения. Подобного рода тексты, создаваемые современными российскими
СМИ, синсемантичны, поскольку в их основе лежит сразу несколько знаковых систем. В данной
статье анализируются так называемые короткие вертикальные видео с точки зрения взаимодей-
ствия вербального, иконического и мелодического компонентов и их воздействия на содержание
сообщения. Актуальность работы обусловлена отсутствием отечественных исследований влияния
креолизации на формальные и содержательные особенности поликодовых текстов (видеороликов
вертикального формата). Цель исследования – выявить соотношение разнородных вербальных
и невербальных элементов коротких вертикальных видео и описать, как их взаимное влияние
рождает глубинный, непосредственно не наблюдаемый смысл. Материалом для исследования вы-
ступают 100 роликов пяти федеральных российских СМИ, для анализа которых применяются ме-
тоды количественного и качественного контент-анализа. Авторы приходят к выводу о неполноте
понятия «креолизованный текст» для характеристики подобного рода поликодовых образований
и необходимости введения термина «синергетический знак», вербальные и невербальные элемен-
ты которого синсемантичны по отношению друг к другу. Результаты исследования помогут опи-
сывать данные сложные поликодовые образования и декодировать их содержание.

Ключевые слова: поликодовый текст, мультимодальный текст, новые медиа, вертикаль-
ные видео, креолизация, синергетический смысл текста, синергетический знак, русский язык

A. A. Raspopov, S. S. Khromov

**SYNERGETIC POTENTIAL
OF POLYCODE TEXTS OF RUSSIAN NEW MEDIA
(USING THE EXAMPLE OF SHORT VERTICAL VIDEOS)**

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

Abstract. Today, polycode texts dominate the field of media communication, while the mechanics
of interaction between different codes in the process of meaning generation are becoming more compli-
cated. Thus, many polycode texts of modern Russian media are inherently synsemantic, and they are
based on several sign systems at once, while none of them can be called dominant. Looking at a polycode
text as a text with illustrations, that is, a text in which the verbal series is primary, seems somewhat sim-
plified. This article examines exactly such a format of the Russian media – short vertical videos – from
the point of view of the interaction of the verbal, iconic and melodic components and their influence on
the content of the message. The relevance of the article is due to the lack of the Russian studies of the ef-
fect of creolization on the formal and substantive features of polycode texts of Russian media distributed
in the format of short vertical videos. The purpose of the study is to identify the ratio of heterogeneous
verbal and non-verbal elements of vertical videos and describe how their mutual influence contributes to
a deep, not directly observable meaning of education. The research material consists of 100 videos from
five federal Russian media, which are studied using methods of quantitative and qualitative content analysis.

As a result of the study, the authors conclude that the concept of the *creolized text* is incomplete to describe this type of polycode texts and the need to introduce the term “synergetic sign”, the verbal and non-verbal elements of which are synsemantic in relation to each other. The results of the study will help to describe these complex polycode formations and decode their contents.

Keywords: *polycode text, multimodal text, new media, vertical videos, creolization, synergetic meaning of the text, synergetic sign, Russian language*

Введение. Развитие общества сегодня ознаменовано все расширяющейся ролью коммуникационных технологий, формирующих определенный образ жизни каждого из нас, если не сказать больше – нового человека. Цифровизация, затрагивающая все сферы социума – от искусства до банкинга, как отмечают исследователи А. Г. Качкаева и С. А. Шомова, «оцифровывает» и человека, меняя его мышление. Речь идет, например, о появлении «трансактивной памяти», когда люди начинают опираться на эту способность сознания друг друга, «эффекта гугла», при котором алгоритм и скорость поиска становятся важнее запоминания фактов, «рассеянности внимания», связанной с «феноменом многозадачности», когда необходимость перемещения в сетевых потоках тренирует восприятие [13, С. 15–18].

По мнению исследователя А.-М. Ариас, развитие технологий явилось результатом того, что современный образ мышления построен на активном использовании поликодовых комбинаций в процессе общения и взаимодействия [3]. Л. С. Большакова считает, что особенно заметно это проявляется в медиакommunikации и компьютерно-опосредованной коммуникации [6, с. 20]. В этих сферах развитие цифровых технологий привело к доминированию смешанных текстов, фактура которых состоит из вербальных и невербальных единиц. В связи с этим, по мнению Х. Штекля, невозможно исследовать текст, опираясь лишь на его категории и не учитывая явление многомерности [22].

Для описания таких текстов зарубежные исследователи чаще всего прибегают к термину «мультимодальный текст» [2, с. 77]. Г. Кресс, отмечая, что согласованного определения «мультимодальности» не существует, пишет, что данный феномен оспаривает тезис западной культуры о том, что язык «способен выразить любой аспект человеческого существования» [10, с. 78]. Развивая свою мысль, исследователь приходит к выводу, что «то, что до сих пор делалось с помощью речи или письма, будет делаться с помощью других семиотических средств» – «если раньше язык рассматривался как ресурс, который предлагает «метаязык» с его «метаформами», то теперь другие модусы берут на себя роль обеспечения «метаформами», специфичными для конкретных модусов» [10, с. 79]. Эти модусы, по Г. Крессу, при коммуникации образуют модальные ансамбли, в дизайне которых проявляется принцип взаимодополняемости. При этом «смысл в целом возникает из вклада каждой части в ее взаимодействие со всеми другими частями», т. е. каждый модус имеет определенное значение, поэтому мультимодальный текст не может быть верно прочитан вне совокупности его элементов [10, с. 85].

Исследователи при описании комбинированных текстов редко апеллируют к термину «мультимодальный текст», чаще всего используются определения «креолизованный», «интегративный», «интерсемиотический», «семиотически осложненный», «поликодовый» и др. Наиболее употребительными являются понятия «креолизованный текст» и «поликодовый текст». Как пишет О. И. Максименко, в отечественной лингвистике определение «поликодовый» начал использоваться сравнительно недавно, до этого момента исследователи при описании смешанных текстов использовали понятие «креолизованный» [12, с. 97].

Авторы термина Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов определяют креолизованные тексты как «тексты, фактура которых состоит из двух негетерогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели

естественный язык)» [19, с. 180]. В качестве примеров таких текстов исследователи приводят кинотексты, тексты телевидения и радиовещания, плакаты, рекламные постеры и др. Однако ряд ученых отмечает, что данное понятие не в полной мере раскрывает суть проблемы, с одной стороны, как пишет А. Г. Сонин, вызывая ненужные ассоциации с креолизованными языками, с другой – подразумевая процесс некоей «креолизации» исходных вербальных текстов, которая не всегда существует. Объясняя свою мысль, исследователь пишет о нелинейном характере производства смешанных текстов: например, при создании рекламы слово может подбираться под изобразительный ряд, и, наоборот, изобразительный ряд может обыгрывать слово, при этом автор не всегда сам может с уверенностью сказать, какая форма легла в основу смыслопорождения [17, с. 117].

Л. С. Большакова решает проблему неполноты термина «креолизованный текст», относя их к дикодовым текстам, т. е. к гомогенным образованиям, включающим коды двух знаковых систем, отмечая, что их исследование сводилось «к отдельным наблюдениям за применением изображения в рекламе, афише, о роли подписи под фотоизображениями в прессе и карикатурами» [6, с. 21]. Более сложные образования она относит к «поликодовым текстам». А. А. Бернацкая также считает, что для обозначения негомогенных, синкретических текстов, образованных разными знаковыми системами при условии их взаимной синсемантии, предпочтительнее использовать термины «поликодовый» / «полисемический» текст, а термин «креолизация» исследователь предлагает употреблять для описания факта участия в его создании разных семиотик и обозначения степени этого участия. Для номинации невербальных знаков А. А. Бернацкая использует термины «иконический» / «визуальный компонент», «авербальный знак» [5].

А. Г. Сонин называет поликодовыми «тексты, возникшие на основе взаимодействия в едином графическом и смысловом пространстве гетерогенных составляющих»: вербального текста, изображения и знаков иной природы [17, с. 117].

Е. Е. Анисимова в свою очередь определяет их как текст, в котором передаваемая информация закодирована семиотически разнородными компонентами, т. е. вербальными и невербальными средствами, которые вместе представляют собой определенную структуру, отличающуюся проявлением взаимозависимости составляющих ее частей в содержательном и формальном аспектах [1, с. 17].

По мнению З. И. Трубиной, поликодовый текст предполагает взаимодействие в одном сообщении двух разноплановых частей, в том числе вербальной и невербальной, которые в рамках представленного контекста и формы реализации текста не могут функционировать отдельно друг от друга [20, с. 163].

Схожим образом подобного рода тексты определяют Ю. А. Евграфова и О. И. Максименко, подчеркивая, что они обладают особенной структурой, в которой определенным способом совмещены языковые устные и письменные носители смысла с неязыковыми [7].

Исследователи классифицируют поликодовые тексты по тому, какими органами чувств они воспринимаются, а также по соотношению вербальной и невербальной части. Так, А. Ханнеке выделяет два типа связи вербальной и невербальной части поликодового текста: отношения дополнения (одна часть второстепенна по отношению к другой) и отношения зависимости (части находятся в зависимости друг от друга) [21]. О. М. Куница пишет, что в поликодовых текстах с отношением дополнения «вербальная и визуальная часть могут существовать и быть понятыми отдельно» [11, с. 75]. Данный подход соотносится с мнением И. В. Вашуниной, А. А. Нистратова и Е. Ф. Тарасова, понимающими креолизацию в том числе просто как «добавление к вербальному тексту иллюстрации» [9, с. 115]. В таких поликодовых текстах изображение лишь иллюстрирует вербальную часть или же она лишь комментирует / интерпретирует изображение. Стоит отметить,

что данная классификация идет вразрез с подходом тех исследователей, которые рассматривают поликодовые тексты как синсемантические образования, т. е. структуры, выражающие высказывание в сочетании частей.

А. Г. Сонин дифференцирует вербальные поликодовые тексты, предназначенные только для зрительного восприятия (к ним относятся, например, комиксы или журнальные статьи), и мультимодальные поликодовые тексты, скрепляя в этом понятии термины западной и отечественной лингвистики. Первые, по мнению исследователя, представляют собой единый поток информации, который воспринимается сразу несколькими модальностями, сенсорными каналами, например визуальным и аудиальным (к подобным текстам можно отнести, например, видеоклипы, рекламные ролики) [18].

Е. Е. Анисимова различает тексты с нулевой креолизацией (без изображения / изображение не имеет значения для организации текста), с частичной креолизацией (вербальная часть относительно автономна, изображение играет факультативную роль в организации текста), полной креолизацией (вербальная и иконическая часть тесно связаны и взаимодействуют друг с другом) [1, с. 15].

Согласно концепции А. В. Сенцовой, существует пять видов поликодовых текстов в зависимости от типа корреляции:

1. Тексты с взаимозависимой корреляцией, в которых как вербальный, так и невербальный компоненты настолько взаимосвязаны, что не могут существовать изолированно.
2. Тексты с невербально-доминирующей корреляцией.
3. Тексты с оппозиционной корреляцией, представляющие собой поликодовые тексты различных жанров, в которых вследствие противоречия между содержанием, отраженным вербальными и невербальными средствами, может возникать комический эффект.
4. Тексты с взаимодополняющей корреляцией.
5. Тексты с вербально-доминирующей корреляцией [16, с. 10].

Таким образом, опираясь на классификацию поликодовых текстов, приводимых исследователями, можно выделить следующие типы связей между их частями: 1) доминирование иконического (визуального) компонента; 2) доминирование вербального компонента (основной смысл заключен в письменном / звучащем тексте); 3) вербальная часть, которая описывает ситуацию, не воплощенную иконическим элементом, вследствие чего возникает комический эффект; 4) тексты с полной креолизацией, в которых разные части находятся в отношениях взаимной зависимости, а смысл образования рождается из синергии всех частей.

Актуальность исследуемой проблемы. Сегодня взгляд на поликодовый текст как текст, в котором первичен вербальный ряд, кажется несколько упрощенным. Так, многие из таких текстов современных российских СМИ преимущественно синсемантически, а в их основе лежит сразу несколько знаковых систем, при этом ни одну из них нельзя назвать доминирующей в процессе смыслопорождения.

В связи с этим возникает трудность их восприятия: актуализация их разнородных частей происходит в контексте всего образования (статьи, клипа, комикса). Например, фоновых знаний читателя может быть недостаточно, чтобы верно трактовать заголовок статьи, опубликованной в электронном СМИ, – нужно прочитать ее целиком, проанализировать все иллюстрации, ознакомиться с инфографикой, чтобы понять смысл заглавия.

Примечательно, что именно в массмедийных текстах, по мнению В. Г. Костомарова, обращение к неязыковым выразительным средствам приобретает больший вес, чем в любых иных [8]. Р. Барт также отмечает, что тексты, используемые в массовой коммуникации, наиболее интересны для анализа, поскольку в них «возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков» [4, с. 124].

К сложным поликодовым синсемантическим образованиям относится сравнительно новый медиаформат – короткие вертикальные видео. Все 10 наиболее просматриваемых российских СМИ, которые фигурировали в рейтинге сервиса LiveInternet.ru в июле 2024 г., обращаются к подобному формату. Несмотря на то что некоторые из этих СМИ изначально выкладывали видеоролики в TikTok, после приостановки деятельности сервиса в России в марте 2022 г. основной площадкой для размещения коротких вертикальных видео стала площадка в VK.

Материал и методы исследования. В рамках данного исследования проанализированы 100 клипов пяти федеральных российских СМИ, опубликованных на платформе (в апреле 2024 г.): информационного агентства «РИА Новости», газет «Аргументы и факты», «Известия» и «Комсомольская правда», интернет-издания «Лента.ру». В статье использованы методы контент-анализа: количественного (определение числа роликов, в которых доминирует тот или иной компонент поликодового текста), и качественного (выявление взаимоотношения разнородных элементов видео и их взаимное влияние на формируемый смысл).

Результаты исследования и их обсуждение. В структуре проанализированных клипов можно выделить три компонента: 1) вербальный, 2) иконический, 3) мелодический, которые находятся в различных соотношениях друг с другом. При этом 30 видео из общего количества роликов содержат только два из них – собственно текст и визуализацию.

Вербальный компонент в этих видеороликах представлен звучащим текстом, произносимым диктором и / или героем в кадре, субтитрами, помещенными поверх видеоряда, а также подписью, находящейся под роликом в формате подзаголовка, который содержит более подробную информацию. Субтитрирование, характерное для большинства видео, публикуемых российскими СМИ, связано с тем, что они часто просматриваются аудиторией без звука, например, во время поездки в метро. В то же время наличие текста в виде заголовка обусловлено типологической особенностью платформы. Дело в том, что главная страница приложения представляет собой бесконечную ленту рекомендаций, которую для каждого пользователя индивидуально формирует нейросеть, основываясь на его реакциях на предлагаемый контент.

В связи с этим в качестве ключевой типологической особенности коротких вертикальных видео можно выделить его клиповый характер. Научное сообщество сходится во мнении, что данный формат является инструментом формирования клипового мышления, определяемое Т. В. Семеновских как «процесс отражения множества свойств объектов, без учета связей между ними», который «характеризуется фрагментарностью, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между клипами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [15]. Другими словами, при просмотре таких видеороликов его целостное восприятие отходит на второй план, зритель воспринимает информацию на основе поверхностных образов, заключенных в заданный платформой хронометраж, которые тут же заменяются новыми. Для того чтобы видео посмотрело большое количество людей, он должен с первых секунд захватывать зрителя (в том числе с помощью заголовка), говорить с ним на языке простых образов, а также обладать понятной / уже знакомой зрителю структурой.

Иконический компонент коротких вертикальных видео представлен самим видеорядом / слайд-шоу, а также анимациями, помещенными поверх него. Мелодический – представлен музыкальными вставками (звучками), дополняющими происходящее в кадре, а также соответствующими подложками – треками, сопровождающими весь видеоряд / его часть.

Эти элементы находятся в разной корреляции друг с другом. Так, 15 из 20 анализируемых видеороликов интернет-издания «Лента.ру» представляют собой клипы, в которых иконический элемент доминирует над вербальным и мелодическим.

Тематика короткого вертикального видеоконтента, публикуемого этим СМИ, в большой степени соотносится с контентом, который создается и загружается на платформе VK Клипы. В частности, в профиле «Ленты.ру» популярны преимущественно юмористические клипы про животных, например, ролик с заголовком «Очень талантливый хороший мальчик», в котором изображена собака, которая пытается открыть дверь, чтобы впустить в дом кота, сидящего за ней. Видео сопровождается веселой музыкальной композицией без слов, которая, как и его текст, факультативна – основной смысл несет в себе невербальный компонент. К поликодовым текстам с визуально-доминирующей корреляцией также относятся видеоролики «Этот парень точно понял физику!» и «Песик сам вытирает мордочку после того, как попил!», в которых восклицательный заголовок поясняет происходящее в кадре, служит средством привлечения внимания зрителя, просматривающего ленту рекомендаций.

Стоит отметить, что и в развлекательных роликах других СМИ, посвященных животным, природным явлениям, экстремальным видам спорта, детям и т. п., невербальный компонент доминирует над вербальным. Так, 8 из 20 проанализированных видео «Комсомольской правды», опубликованных на платформе VK Клипы, представляют собой клипы, которые отражают вышеуказанную тематику и корреляцию. Например, ролик с заголовком «Весна – сакура зацвела. ТОП ВИДЕО» представляет собой кадры цветущей сакуры, содержащие анимационную вставку с надписью «Япония», обозначающую локацию съемки. Видеоряд сопровождается спокойной музыкальной композицией. При этом его содержание может быть понятно и без мелодического, и без вербального компонентов. То же самое касается ролика «Самый счастливый пес. ТОП ВИДЕО» – вербальный элемент здесь лишь дополняет, поясняет визуальную часть. Отметим, что заголовки видео этого издания, содержащие словосочетание «ТОП ВИДЕО», призваны привлекать внимание читателя, например, обнаружившего ролики в потоке рекомендаций.

Из 100 коротких вертикальных видео, проанализированных в ходе исследования, 33 представляют собой развлекательные клипы с доминирующим иконическим компонентом.

Нам удалось выделить 17 роликов развлекательной тематики с оппозиционной корреляцией. Чаще всего такие видео публиковались информационным агентством «РИА Новости» (13 из 20 рассмотренных клипов). Особенностью таких видеороликов является то, что в них из-за противоречия между содержанием, выраженным вербальным и невербальными компонентами, возникает комический эффект. Например, ролик с заголовком «КОГДА НЕ УСПЕЛ ПОХУДЕТЬ К ЛЕТУ» (рис. 1), в котором панда пытается влезть в дыру в пластиковой пещере на детской площадке. Подпись под видео имеет следующее содержание: «Пытаемся втиснуться в любимые джинсы». В данном клипе заголовок и текст находятся в оппозиции к изображаемому – журналист использует ее как сатирический прием.

Другим примером видео с аналогичной корреляцией является ролик информационного агентства с заголовком «УМЫВАЛЬНИК ДЛЯ КОТА», в котором кот облизывает пальцы мужчины, который потом вытирает животному глаза. Подпись под видео выглядит следующим образом: «Когда приручил человека». Вербальный компонент описывает ситуацию, не воплощенную иконическим элементом, вследствие чего возникает комический эффект. Авторы ролика прибегают к использованию оппозиционной корреляции, выраженной в подборе заголовков и подписей, юмористически обыгрывающих видеоряд для того, чтобы повысить кликабельность контента.

Рисунок 1 – Скриншот из ролика «РИА Новости»¹

Несмотря на стремление создателей коротких вертикальных видео соответствовать формату платформы, на которой иконический компонент доминирует над другими, некоторые ролики стоит назвать «газетными», поскольку в таких видео вербальный компонент довлеет над иконическим, а журналисты стремятся уместить в текст больше актуальной информации. Речь идет, например, о ролике «Комсомольской правды» с заголовком «Что нужно знать о Юрии Гагарине? КУЛЬТУРНЫЙ МИНИМУМ ЗА 1 МИНУТУ» (рис. 2). Это видео представляет собой поликодовый текст с вербально-доминирующей корреляцией: визуализация, представленная слайд-шоу из фотографий Ю. А. Гагарина, факультативна, при этом вербальный компонент (звучащий текст о судьбе космонавта и дублирующие его субтитры) несет в себе основной смысл.

Похожим образом построен ролик газеты «Аргументы и Факты» с заголовком «Уничтожили гаубицы ВСУ». Для видео характерна автономность вербальной части, ее независимость от иконической. Визуальная составляющая (съемка с дрона уничтожения гаубиц) вторична, она лишь иллюстрирует письменный текст, наложенный поверх видеоряда – о том, где и когда произошло уничтожение гаубиц, кто принимал участие в операции, какие гаубицы были уничтожены.

¹ Когда не успел похудеть к лету [Электронный ресурс] // Клип «РИА Новости» на платформе vk.com. 14.04.2024. – URL : https://vk.com/clips/ria?z=clip-15755094_456421872 (дата обращения: 10.12.2024).

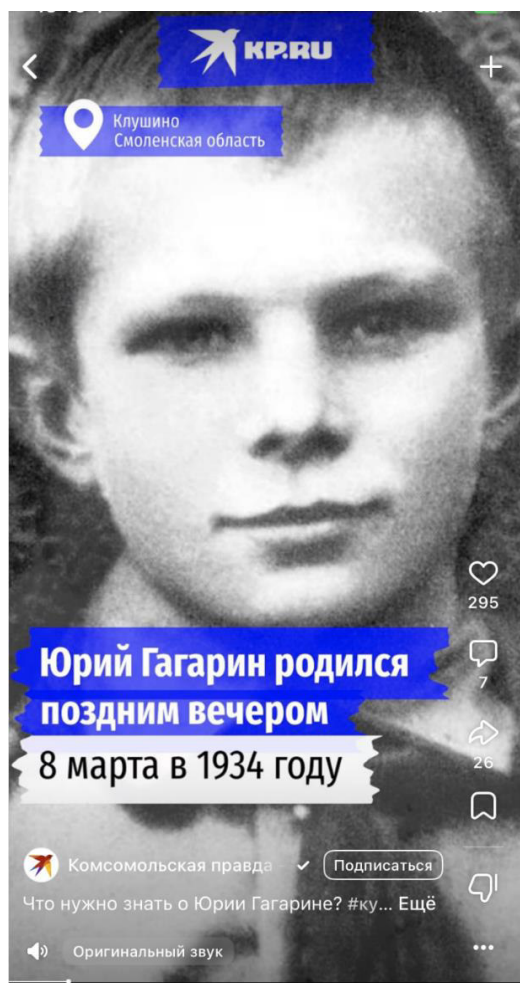

Рисунок 2 – Скриншот из ролика «Комсомольской правды» («Что нужно знать о Юрии Гагарине? КУЛЬТУРНЫЙ МИНИМУМ ЗА 1 МИНУТУ»)²

Еще один поликодовый текст с вербально-доминирующей корреляцией – видео газеты «Известия» «“ЛЖИВАЯ ТВАРЬ ПОЛУЧИЛА ПО ЗАСЛУГАМ” – ЭКС-КАНДИДАТА В ДЕПУТАТЫ ТВЕРИ ЗАДЕРЖАЛИ ЗА УБИЙСТВО» (рис. 3). Примечательно, что заголовок ролика более экспрессивен (использование цитаты преступника), чем текст новостной заметки на эту тему, опубликованный на сайте издания. Вероятно, это сделано с целью привлечения внимания к видео.

Из 100 коротких вертикальных роликов СМИ, проанализированных в ходе этого исследования, 14 видео представляют собой клипы преимущественно с вербальным компонентом. Небольшой процент подобных видео, созданных изначально печатными СМИ, может говорить о том, что контентмейкеры этих изданий редко пытаются делать ролики на новостные сюжеты, подстраиваясь под более легкий, развлекательный формат клипов, доминирующих на платформе.

² Что нужно знать о Юрии Гагарине? КУЛЬТУРНЫЙ МИНИМУМ ЗА 1 МИНУТУ [Электронный ресурс] // Клип «Комсомольской правды» на платформе vk.com. 12.04.2024. – URL : https://m.vk.com/clips/kpru/feed/clip-15722194_456283378 (дата обращения: 10.12.2024).

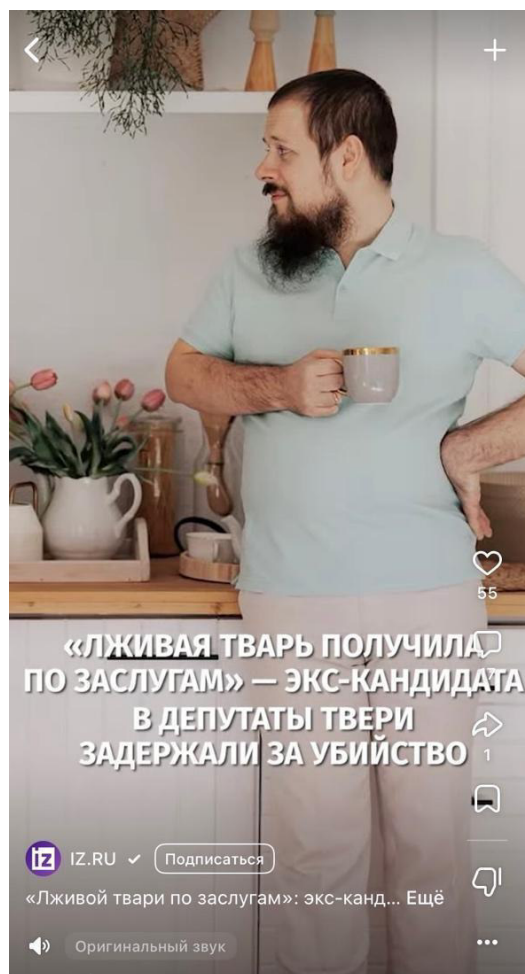

Рисунок 3 – Скриншот из ролика газеты «Известия»³

5 роликов из 100 исследованных представляют собой поликодовые тексты со взаимодополняющей корреляцией. Примером подобного видео выступает ролик издания «Аргументы и Факты» («Анна Ковальчук на выставке-форуме “Россия”»). В данном случае невербальный (кадры выступления актрисы с песней) и вербальный компоненты (заголовки, текст под видео и всплывающий поверх него материал, в котором рассказывается о выставке) являются относительно самостоятельными элементами, дополняющими друг друга, при этом их взаимодействие усиливает общее значение, передающееся посредством каждой составляющей.

Последний тип корреляции, выявленный в ходе анализа, представляет собой корреляцию, при которой смысл видео лежит в плоскости взаимной зависимости различных компонентов поликодового текста, которые не могут существовать изолированно. Е. Ю. Муратова, рассматривая поэтические тексты, прибегала к термину «синергетический текст», который она определила так – это «текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий

³ «ЛЖИВАЯ ТВАРЬ ПОЛУЧИЛА ПО ЗАСЛУГАМ» – ЭКС-КАНДИДАТА В ДЕПУТАТЫ ТВЕРИ ЗАДЕРЖАЛИ ЗА УБИЙСТВО [Электронный ресурс] // Клип «Известий» на платформе vk.com. 21.04.2024. – URL : https://vk.com/clip-27532693_456320160?c=1 (дата обращения: 10.12.2024).

собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов» [14, с. 55]. При этом его синергетическое содержание, по мнению исследователя, представляет собой «глубинный, трансцендентный смысл, не вытекающий из словарных значений лексем» [14, с. 55]. Несмотря на то что Е. Ю. Муратова анализировала поэтические тексты, в контексте рассмотрения коротких вертикальных видео со взаимозависимой корреляцией также представляется возможным использовать понятие «синергетический». Расширяя пространство этого термина, данный вид поликодового образования верным будет назвать «синергетическим знаком», т. е. знаком, состоящим из компонентов разных кодов, тесное взаимодействие которых рождает глубинный, непосредственно не наблюдаемый смысл. Примером такого знака является видео интернет-издания «Лента.ру» с заголовком «Вы знаете, кому отправить это видео» (рис. 4), на котором один снежный барс трогает лапу второго, не обращающего на него внимание, а потом прыгает на него, чтобы завлечь в игру. Иконический компонент взаимодействует с мелодическим – видеоряд сопровождается расслабляющей музыкальной композицией. Глубинный смысл ролика рождается в ходе взаимодействия трех его элементов – мема «вы знаете, кому это отправить», вынесенного в заголовок, который вписывает ролик в контекст трендов VK Клипов, где он стал популярным, и видеоряда, смысл которого непонятен без музыкальной подложки и текста.

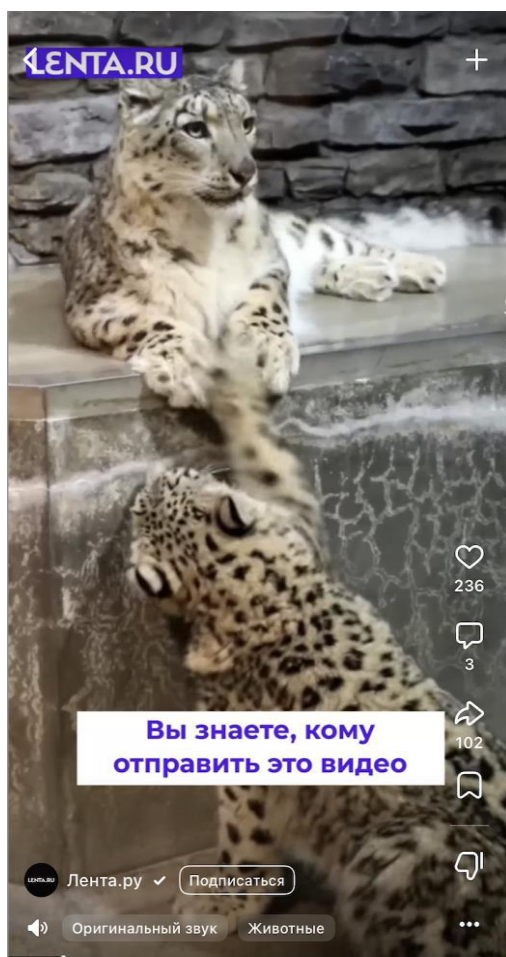

Рисунок 4 – Скриншот из ролика издания «Лента.ру»⁴

⁴ Вы знаете, кому отправить это видео [Электронный ресурс] // Клип «Ленты.ру» на платформе vk.com. 22.04.2024. – URL : https://vk.com/clip-67991642_456294960?c=1 (дата обращения: 10.12.2024).

Другим примером синергетического знака выступает ролик газеты «Известия» «ВРАЖЕСКИЙ ДРОН ИЗ КАНАЛИЗАЦИОННЫХ ТРУБ СБИЛИ НА ЗАПОРОЖЬЕ». Без обращения к вербальному компоненту – тексту, всплывающему поверх видеоряда, непонятно, что за устройство представлено в ролике. Кадры позволяют определить, что имеется в виду под словосочетанием «дрон из канализационных труб». Кроме того, синергетический смысл поликодового образования проявляется при анализе его вербального компонента. Этот текст оценочен, он содержит следующие обороты: «ВСУшные “ИЛОНЫМАСКИ”», «ТАКЖЕ ПОСТАВИЛИ НА СВОЕ “ТВОРЕНИЕ” ДВИГАТЕЛЬ ОТ БЕНЗОПИЛЫ», в синергии которых рождается эмоция – насмешка над оружием украинской армии, которую авторы ролика пытались донести до зрителя.

Выводы. Исследованный формат новых медиа обладает большим интеграционным и синергетическим потенциалом. Российские СМИ адаптируют свои видеоролики под требования платформы VK как на содержательном уровне, так и на уровне структуры поликодового текста, используя мемы и трендовые заходы. Анализируемые тексты представляют собой сложные синсемантические образования с вербальным, иконическим и мелодическим компонентами, которые находятся во взаимосвязи друг с другом. Для описания этих роликов предлагается ввести понятие «синергетического знака», определяемого как знак, который состоит из компонентов разных кодов, поэтому их тесное взаимодействие рождает глубинный, непосредственно не наблюдаемый смысл. Авторы предполагают публикацию следующей статьи, в которой будет рассмотрен вербальный компонент медиатекстов в российских новых СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов. – М. : ТЕЗАРУС, 2013. – 75 с.
2. Антонникова А. С. Трактовки феноменов «поликодовый текст» и «мультимодальный текст» в работах зарубежных и отечественных исследователей // Журнал филологических исследований. – 2023. – № 2. – Том 8. – С. 76–81.
3. Ариас А.-М. Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) // Известия СПбГЭУ. – 2011. – № 6. – С. 91–108.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – 615 с.
5. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск : Красноярский университет, 2000. – Вып. 3(11). – С. 104–110.
6. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. – 2008. – № 4. – С. 19–24.
7. Евграфова Ю. А., Максименко О. И. Симулякр в статике и динамике экранного пространства текста (тематическое исследование поликодовых мультимодальных текстов Интернета) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 831–841.
8. Костомаров В. Г. Тексты в масс-медиа // Журналистика и культура русской речи. – 2004. – № 2. – С. 12.
9. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / отв. ред. И. В. Васькина. Ред. колл.: Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. – М. : Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.
10. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 77–100.
11. Куницына О. М. Особенности построения и восприятия поликодовых текстов в современной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 9(838). – С. 69–82.
12. Максименко О. И. Поликодовый vs креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2012. – № 2. – С. 93–102.
13. Мультимедийная журналистика: учебник для вузов / под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 413 с.
14. Муратова Е. Ю. Синергетический анализ поликодового текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – № 2. – С. 53–57.

15. Семеновских Т. В. «Клиповое мышление» – феномен современности [Электронный ресурс] // Оптиматальные коммуникации (ОК). – URL: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208> (дата обращения: 03.09.2024).
16. Сенцова В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматики (I сертификационный уровень) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 – М., 2018. – 184 с.
17. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. – 2005. – № 6. – С. 115–123.
18. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.02.19 – М., 2006. – 46 с.
19. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М. : АН СССР : Ин-т языкознания, 1990. – С. 180–190.
20. Трубина З. И. Лингводидактический потенциал креолизованных текстов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2019. – № 3. – С. 163–174.
21. Hennecke A. Multimodale Texte und ihre Bedeutung für die Übersetzungspraxis. – 2015. – Vol. 8(1). – P. 202–232.
22. Stöckl H. Sprache-Bild-Texte lesen. Bausteine zur Methodik einer Grundkompetenz. – Bildlinguistik. Berlin : Erich-Schmidt, 2010. – P. 43–70.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024

REFERENCES

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovannykh tekstov) : ucheb. posobie dlya studentov fak. inostr. yaz. vuzov. – М. : TEZARUS, 2013. – 75 s.
2. Antonnikova A. S. Traktovki fenomenov «polikodovyy tekst» i «mul'timodal'nyy tekst» v rabotah zarubezhnykh i otechestvennykh issledovateley // Zhurnal filologicheskikh issledovaniy. – 2023. – № 2. – Tom 8. – S. 76–81.
3. Arias A.-M. Polikodovyy tekst kak semiotiko-semanticheskoe i esteticheskoe znakovoe edinstvo (na primere nemeckoy karikatury) // Izvestiya SPbGEU. – 2011. – № 6. – S. 91–108.
4. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. – М. : Progress, 1989. – 615 s.
5. Bernackaya A. A. K probleme «kreolizatsii» teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Rechevoe obshchenie: specializirovannyi vestnik. – Krasnoyarsk : Krasnoyarskiy universitet, 2000. – Vyp. 3(11). – S. 104–110.
6. Bol'shakova L. S. O soderzhanii ponyatiya «polikodovyy tekst» // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitnyi vypusk. – 2008. – № 4. – S. 19–24.
7. Evgrafova Yu. A., Maksimenko O. I. Simulyakr v statike i dinamike ekrannogo prostranstva teksta (tematicheskoe issledovanie polikodovykh mul'timodal'nykh tekstov Interneta) // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2018. – T. 9. – № 4. – S. 831–841.
8. Kostomarov V. G. Teksty v mass-media // Zhurnalistika i kul'tura russkoj rechi. – 2004. – № 2. – S. 12.
9. Kreolizovannyi tekst: Smyslovoe vospriyatie. Kollektivnaya monografiya / otv. red. I. V. Vashunina. Red. koll.: E. F. Tarasov, A. A. Nistratov, M. O. Matveev. – М. : Institut yazykoznaniya RAN, 2020. – 206 s.
10. Kress G. Social'naya semiotika i vyzovy mul'timodal'nosti // Politicheskaya nauka. — 2016. – № 3. – S. 77–100.
11. Kunicyna O. M. Osobennosti postroeniya i vospriyatiya polikodovykh tekstov v sovremennoj kommunikatsii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2020. – № 9(838). – S. 69–82.
12. Maksimenko O. I. Polikodovyy vs kreolizovannyi tekst: problema terminologii // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika». – 2012. – № 2. – S. 93–102.
13. Mul'timedijnaya zhurnalistika: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. A. G. Kachkaevoy, S. A. SHomovoy. – М. : Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. – 413 s.
14. Muratova E. Yu. Sinergeticheskij analiz polikodovogo teksta // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2012. – № 2. – S. 53–57.
15. Semenovskikh T. V. «Klipovoe myshlenie» – fenomen sovremennosti [Elektronnyy resurs] // Optimal'nye kommunikatsii (OK). – URL: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208> (data obrashcheniya: 03.09.2024).
16. Sencova V. A. Polikodovye teksty kak sredstvo obucheniya ital'yanskikh uchashchihsya russkoj grammatike (I sertifikatsionnyy uroven') : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.02 – М., 2018. – 184 s.
17. Sonin A. G. Eksperimental'noe issledovanie polikodovykh tekstov: osnovnye napravleniya // Voprosy yazykoznaniya. – 2005. – № 6. – S. 115–123.
18. Sonin A. G. Modelirovaniye mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov : avtoref. dis. ... dok. filol. nauk : 10.02.19 – М., 2006. – 46 s.
19. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ih kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. – М. : AN SSSR : In-t yazykoznaniya, 1990. – S. 180–190.

20. Trubina Z. I. Lingvodidakticheskij potencial kreolizovannyh tekstov // Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. – 2019. – № 3. – S. 163–174.
21. Hennecke A. Multimodale Texte und ihre Bedeutung für die Übersetzungspraxis. – 2015. – Vol. 8(1). – P. 202–232.
22. Stöckl H. Sprache-Bild-Texte lesen. Bausteine zur Methodik einer Grundkompetenz. – Bildlinguistik. Berlin : Erich-Schmidt, 2010. – P. 43–70.

The article was contributed on September 4, 2024

Сведения об авторах

Распопов Артем Андреевич – аспирант, ассистент кафедры русского языка и истории литературы Московского политехнического университета, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0002-6077-5839>, raspopov.tema@gmail.com

Хромов Сергей Сергеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и истории литературы Московского политехнического университета, г. Москва, Россия, chelovek653@mail.ru

Author Information

Raspopov, Artyom Andreevich – Post-graduate Student, Assistant of the Department of Russian Language and Literary History, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0002-6077-5839>, raspopov.tema@gmail.com

Khromov, Sergey Sergeevich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literary History, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia, chelovek653@mail.ru

Н. А. Родина

**ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРОЗВИЩЕ КАК КОМПОНЕНТ
КОНЦЕПТА «РОССИЙСКИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ»***Военный университет им. князя Александра Невского, г. Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли прозвища в наполнении концепта «русский военный служащий». В настоящее время когнитивный метод, широко применяемый в лингвистике, находит отражение в военной ономастике, которая в связи с возрастающим интересом к защитникам Отечества и постепенному раскрытию границ рассматриваемого социума для гуманитарных наук становится перспективным направлением изучения языковой личности русского военного служащего. Языковым материалом послужила картотека прозвищ, собранных с помощью анкетирования и прямого интервьюирования представителей этого объединения людей. За основу структуры модели концепта «русский военный служащий» взяты мотивирующие признаки существующего концепта «воин», при этом в процессе их детального соотнесения с картотеккой автором выделяются новые коннотации. В результате исследования установлены основные когнитивные характеристики прозвищ, отраженные в восприятии россиян, которые имеют определенное представление военного служащего. По количественным данным вхождения в состав концепта они располагаются в убывающем порядке следующим образом: патриот, командир, суровый, сильный, несокрушимый, профессионал, умный, забота, ловкий, воинственный, герой, быстрый, охота, способный совершить чудо, отважный, боец, победа, защитник, позитивный, целеустремленный, преданный, культурный, оруженосец. Материал статьи может быть использован в лингвистических спецкурсах гражданских и военных вузов.

Ключевые слова: языковая личность, русский военный служащий, концепт, имя собственное, прозвище, мотивирующий признак, количественно-качественный анализ

N. A. Rodina

**INDIVIDUAL NICKNAME AS A COMPONENT
OF THE CONCEPT OF “RUSSIAN SERVICEMAN”***Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the place of the nickname in filling of the concept of “Russian serviceman”. Currently, the cognitive method, widely used in linguistics, is reflected in military onomastics, which, due to the increasing interest in defenders of the Fatherland and the gradual opening of the boundaries of military society for the humanities, is becoming a promising direction for studying the linguistic personality of a Russian serviceman. The linguistic material was a card index of nicknames collected by the method of questioning and direct interviewing representatives of the military society. The structure of the model of the “Russian serviceman” concept is based on the motivating features of the existing concept “warrior” and supplemented by the author in the process of detailed correlation with the card index. As a result of the study, the main cognitive characteristics of nicknames were established, reflected in the perception of Russians representing serviceman. According to the quantitative characteristics of inclusion in the concept, they are arranged in descending order as follows: patriot, commander, stern, strong, indestructible, professional, smart, caring, fishing, militant, hero, quick, hunting, capable of performing a miracle, brave, fighter, victory, defender, positive, purposeful, devoted, cultured, squire. The material of the article can be used in linguistic special courses of civil and military universities.

Keywords: *language personality, Russian serviceman, concept, proper name, nickname, motivating feature, quantitative and qualitative analysis*

Введение. Предметом наших изысканий выступила роль современных прозвищ как компонентов формирования концепта «российский военнослужащий».

Следует отметить возрастающий научный интерес к языковому аспекту бытования военного социума страны. Например, Р. А. Сайфутдинов определяет место и роль военного сленга в развитии армейской субкультуры [11]. В русле когнитивной ономастики, позволяющей глубоко подойти к вопросу лексического значения имен собственных, выполнена работа Е. В. Кургузовой, посвященная анализу названий военных операций Красной Армии периода Великой Отечественной войны [6].

В целом значение имени собственного с позиций когнитивной лингвистики рассматривается Е. В. Бодровой [1], а категория прозвищ как объекта когнитивной ономастики – Т. А. Сироткиной [12]. Особенности применения подобного подхода при изучении региональной ономастики описывает А. С. Щербак [15]. Исследователь М. М. Исупова пишет об использовании ассоциативного эксперимента в лингвистическом исследовании [4].

Кроме того, небезынтесны лингвистические работы, касающиеся описываемого вопроса, на материале других языков. Например, в английском военном дискурсе Т. А. Бурковой анализируются социокультурные особенности антропонимических прозвищ [2]. А. В. Титовой в качестве социумно-прецедентного феномена военной субкультуры исследуются прозвища военачальников [13].

В связи с возрастанием количества научных трудов, посвященных разностороннему описанию представителя военного социума, необходимым стало выделение концепта «военнослужащий», что обусловлено сужением границ выделенного ранее военного понятия «воин», во-первых, по национальному (русский), во-вторых, по временному (современный), в-третьих, по профессиональному (кадровые офицеры и курсанты) критериям.

Цель исследования заключается в выявлении мотивирующих признаков индивидуальных неформальных антропонимов, их группировке, сопоставлении с имеющимися признаками, разработанными М. В. Пименовой и А. Б. Бодриковым [8], количественном анализе.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящей работы обусловлена как широким применением когнитивного подхода в лингвистических исследованиях, так и с социальным запросом на изучение различных аспектов деятельности личности российского военнослужащего. Так, например, О. В. Шевченко рассматривает особенности проявления межкультурной коммуникации в военной сфере российского общества [14]. Исследователь В. А. Митрахович выявляет научно-педагогические характеристики военного социума [7], а социально-философские аспекты его бытования затрагивают В. Ю. Закиров [3] и А. М. Кривенко [4].

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужила картотека, насчитывающая 496 прозвищ, собранных с помощью анкетирования и прямого интервьюирования военнослужащих г. Смоленска, г. Санкт-Петербурга и г. Москвы. В работе использованы общенаучные методы исследования, а также описательный и лингвостатистический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В жизни человека и общества имена собственные играют важную роль – они называют субъекты и объекты, в связи с чем происходит непрерывное накопление и трансляция информации об их свойствах. Уникальность ономастических единиц как хранителей значения заключается в их способности индивидуализировать элементы действительности, а также ввиду высокого уровня коннотативности применимости для таксономии [9].

Подобные единицы кода изучаются в русле когнитивной ономастики, которая рассматривает имена собственные как формы, семантическая составляющая которых накапливается в результате жизненного цикла лица или объекта в реальном мире. Глубина содержательной наполняемости онима постоянно обогащается новыми смыслами и коннотациями, что в совокупности оказывает влияние на широту его функционирования.

Ономастическая составляющая языковой личности российского военнослужащего, помимо хремотонимов, эргонимов, топонимов и хрононимов, включает в себя официальные и неофициальные антропонимы, называющие офицеров и солдат. Так, например, прозвища используются при социализации, становлении самосознания человека в детстве и юности, а также в процессе профессионализации взрослых военнослужащих.

Изучение ономастического пространства и анализа особенностей функционирования имен собственных в отечественном военном социуме способствует раскрытию определенных параметров данной области лингвокультуры. Отображая языковую картину мира личности российского солдата или офицера, имена собственные способствуют взаимодействию концептуального содержания ономастического поля военного социума и русского языка [10]. Анализ структуры рассматриваемого концепта на материале известных военных прозвищ позволит выявить когнитивные особенности бытования имен собственных, являющихся одним из проявлений языковой личности российского военнослужащего.

С целью распределения данных антропонимов внутри концепта проанализированы прозвища из картотеки, собранной с помощью анкетирования и прямого интервьюирования российских военнослужащих и насчитывающей 760 единиц. Исключены внешностные, отыменные и отфамильные прозвища, семантика которых содержит признаки (особенности лица, комплекции, имени или фамилии), присущие любому человеку, в том числе гражданскому, и получена картотека из 496 онимов. Далее за основу структуры модели концепта «воин» в отношении современного российского военнослужащего из исследования, проведенного М. В. Пименовой и А. Б. Бодриковым, нами взяты следующие мотивирующие признаки: (боевой) клич, ратник / оборонитель / тот, кто воюет, покорение, охота, целеустремленный (человек), военный, освободитель, боец, (военно) служащий, солдат, (опытный) в военном деле, ратник / оборонитель / тот, кто воюет, герой, защитник, храбрец / смелый человек, победитель, оруженосец, мужественный / доблестный (человек), пример для подражания, ответственный (человек), целеустремленный (человек), отдающий долг стране, готовый к самопожертвованию / совершающий подвиг, участник войны, патриот / преданный / верный (Родине / Отечеству / народу) [8]. В процессе детального соотнесения прозвищ с вышеуказанными признаками в структуре выделены новые элементы.

В результате анализа картотеки в соответствии с мотивирующими признаками нами выделено 23 группы мотивирующих признаков. Подробнее рассмотрим выявленные прозвища с точки зрения их объединения в зависимости от определенных семантических особенностей.

Наиболее частотны мотивирующие признаки «патриот», вычлененный нами, и «начальник / командир» (по 9,7 %). Это свидетельствует о стремлении российского военнослужащего, во-первых, показать любовь к Родине, во-вторых, дать подчиненным необходимые указания, а также продвинуться вверх по карьерной лестнице. В первом случае мотивирующий признак представлен в прозвищах, демонстрирующих самоидентификацию носителя через наименование объекта в зависимости от места жительства / рождения или этнической принадлежности. Так, например, в неофициальных антропонимах используются омонимичные гидронимы *Волга*, *Дон*, *Жигуль*, *Тобол*, ойконимы *Пенза*, *Самара*, *Томск*, инсулонимы *Курилы* и *Крым* и традиционное русское имя *Иван*. Что касается отражения в прозвищах принадлежности военнослужащего к этническим группам, населяющим Российскую Федерацию, то, очевидно, что респонденты гордятся своим происхождением.

В группе «начальник / командир» мотивирующий признак содержится в нескольких подгруппах прозвищ. Так, наименование *Строгий*, образованное от качественного прилагательного, демонстрирует одно из ключевых качеств начальника, позволяющее контролировать подчиненных. Подгруппа, включающая прозвища *Бригадир, Король, Минфин, Президент, Путин, Султан, Царь* и *Хан*, связывает лидерские качества военнослужащего с названиями известных гражданских званий начальников / подразделений, представителей власти. Третью подгруппу составляют наименования, коррелирующие с обозначениями должностей командиров: *Майор, Десятник, Сержант*.

Следующий по частотности мотивирующий признак – «суровый / смертоносный» (8 %). К нему относятся такие прозвища, как *Бабай, Вий, Гадюка, Дракула, Дьябло, Кащей, Лихо, Мороз, Чёрт*. Известно, что гадюка является одной из самых ядовитых змей. Фантазийные персонажи *Бабай, Бес, Вий, Дракула, Дьябло, Кащей, Лихо, (Дед) Мороз* и *Чёрт* с юных лет знакомы носителям культуры нашей страны своей способностью прямо или опосредованно нанести человеку серьезные / смертельные повреждения. Следует отметить, что только прозвище *Гадюка* образовано от апеллятива, остальные наименования коррелируют с мифонимами и именами литературных персонажей.

Далее следуют мотивирующие признаки «сильный» и «несокрушимый» (по 7,3 %). Примерами прозвищ из первого являются *Бугай, Конь, Бык, Жеребец, Корень, Лазер, Мамонт, Медведь* и *Паровоз*. Очевидно, что носители данных имен ассоциируются у товарищей с животными, считающимися народными символами силы (конем и жеребцом, быком, мамонтом, медведем).

Из растительного мира с такой же семантикой выступает корень, сила которого позволяет устоять дереву при значительном воздействии воды или ветра. Лазер и паровоз символизируют научно-техническую мощь – о силе человека, которая сравнивается со способностью разрезать любой материал и механическим способом передвигаться по железнодорожному полотну.

В группу «несокрушимый», являющейся оригинальным авторским изысканием, входят такие наименования, как *Бессмертный, Булат, Дерево, Дуб, Гора, Камень, Канат, Кулак* и *Памятник*, которые демонстрируют стойкость человека. В прозвищах используются описательные корреляты (бессмертный), а также апеллятивы, обозначающие крепкие материалы (булатная сталь, дерево и дуб, камень) и объекты, сделанные из них (памятник и гора).

Четвертыми по частотности являются мотивирующие признаки «профессионал» и «умный / мудрый» (по 6,5 %). О высочайшем уровне работы военнослужащих можно судить по таким прозвищам, как *Акинфеев, Ален Делон, Паваротти, Пушкин, Сартр, Федерер, Фет*. Все они соотносятся с именами и фамилиями реальных «мастеров» своего дела (футбола, лицедейства, оперного пения, литературы, тенниса и др.). Так, Игорь Владимирович Акинфеев – российский футболист, вратарь, действующий капитан команды ЦСКА; Ален Делон – французский актер театра и кино, номинант и лауреат кинопремий; Лучано Паваротти – итальянский оперный певец (тенор), один из самых выдающихся оперных певцов XX в.; Александр Сергеевич Пушкин – великий русский поэт, драматург и прозаик, литературный критик и теоретик литературы, историк, публицист, журналист, редактор и издатель; Жан-Поль Сартр – один из самых известных французских философов XX в., представитель атеистического экзистенциализма, писатель, драматург и эссеист; Роджер Федерер – швейцарский теннисист, бывшая первая ракетка мира в одиночном разряде; Афанасий Афанасиевич Фет – русский поэт-лирик, прозаик, мемуарист и переводчик, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Об уровне интеллектуального развития или житейской мудрости носителя свидетельствуют, например, прозвища *Учёный* (человек, внесший вклад в науку, являющийся

высококвалифицированным специалистом в какой-либо научной области), *Гиг* (от термина гигабайт – единицы измерения объема информации в памяти компьютера), *Голова* (эта часть тела животного или человека считается самой важной, поскольку в ней находится мозг, отвечающий за работу центральной нервной системы), *Ворон* (птица, которая является символом интеллекта и мудрости во многих культурах), *Нестор* (коррелят – имя древнерусского летописца, одного из авторов «Повести временных лет», имеющей фундаментальное значение для славянской культуры), *Эйнштейн* (Альберт Эйнштейн – швейцарский, немецкий и американский физик-теоретик и общественный деятель-гуманист, один из основателей современной теоретической физики), *Хокинг* (Стивен Уильям Хокинг – британский физик-теоретик, космолог, астрофизик и писатель, первым изложивший космологическую теорию, в которой были объединены представления общей теории относительности и квантовой механики), *Илон Маск* (Илон Рив Маск – современный американский предприниматель и инженер, занимающийся исследованием искусственного интеллекта, космоса, а также производством электротранспорта).

По 5,7 % единиц картотеки обладают признаками «забота» и «хитрый / ловкий». Первую группу составляют такие прозвища, как *Батька*, *Родной*, *Бабушка*, *Батька*, *Батя*, вызывающие ассоциации с членами семьи, которые традиционно ухаживают за нуждающимися в помощи родственниками. Также интересны наименования *Няня* и *Спонсор*, которые коррелируют с апеллятивами, обозначающими сторонних персон, способствующих поддержанию благополучия человека.

Поскольку хитрость и ловкость представляют собой исконно связанные качества героев различных культур, а российского военнослужащего, как известно, отличает смекалка, мы выделили общую для этих признаков группу. К ней относятся такие наименования, как *Лис* и *Щука* (символы хитрости среди животных), *Цыган* (представители этой этнической группы часто воспринимаются как люди, живущие вне закона) и *Шулер* (под шулерством понимается использование нечестных приемов в азартной игре), *Танцор* (люди, профессионально занимающиеся танцами, для успешного и безопасного исполнения хореографических элементов должны обладать хорошей физической подготовкой), *Бельчонок* и *Кот* (обозначения животных, традиционно символизирующих ловкость).

Шестой по популярности (4,8 %) мотивирующий признак – «воинственный». Примерами прозвищ, составляющих его, являются *Бунт*, *Буйный*, *Гунн*, *Панк*, *Псих* и *Терминатор*. Так, описательное наименование *Буйный* коррелирует с прилагательным, синонимичным названию выделенной группы. Психом называют неуравновешенного и агрессивного человека. Апеллятив бунт обозначает массовую неприемлемость народом существующего режима, выражающееся в физической форме. Нападение воинственных гуннов на причерноморских гóтов послужило толчком для Великого переселения народов. Субкультура панков зачастую воспринимается обывателями как сообщество воинственных музыкантов, в том числе в связи с агрессивной манерой исполнения музыки. И, очевидно, персонаж культового американского одноименного боевика *Терминатор* представляет собой воплощение воинственности, поскольку так называли роботов, созданных для истребления человечества.

По 4 % единиц картотеки содержится в группах «быстрый» и «герой». Помимо силы и ловкости, российский военнослужащий обладает быстротой, т. к. от скорости его реакции зависит благополучие как его самого, так и товарищей по работе. Примерами прозвищ, содержащих данный признак, являются *Ампер* (апеллятив – физический термин, обозначающий единицу измерения силы тока), *Бодрый* и *Шустрый* (синоним активный), *Рысь* (коррелят – спортивный термин, обозначающий аллюр, при котором лошадь передвигается со средней скоростью), *Волчок* (апеллятив – название детской игрушки, вращающейся с большой скоростью).

О героических качествах свидетельствуют следующие наименования: *Звезда* («Золотая звезда» – отличительный знак к званию Героя Советского Союза и России), *Невский* (Александр Невский – выдающийся государственный деятель и полководец Древней Руси), *Бонд*, *Максимус* и *Рэмбо* (корреляты – имена и фамилии главных действующих героев остросюжетных художественных фильмов).

Следующие мотивирующие признаки составляют прозвища, набравшие по 3,2 %: «охота» и «способный совершить чудо» (выделено автором). К первой группе относятся такие онимы, как *Кондор*, *Сокол* и *Сыч* (апеллятивы – названия хищных птиц), *Хантер* (от англ. hunter – охотник). Во вторую группу входят наименования, свидетельствующие о способности военнотружущего совершать практически невозможные действия: *Лазарь* (согласно Евангелию от Иоанна, Лазаря из Вифании Иисус Христос воскресил через четыре дня после смерти), *Леший* (коррелят – мифическое существо) и *Хоббит* (апеллятив – фантастическое существо из легендария Дж. Р. Р. Толкина), *Сказка* (литературный термин, называющий эпическое произведение, зачастую с волшебным сюжетом).

Девятыми по численности (по 2,4 %) являются группы «ратник / боец / солдат», «смелый / храбрый / отважный» и «победа». О принадлежности к вооруженным силам в целом свидетельствуют такие прозвища, как *Десантура* (собрательное нарицательное обозначение военнотружущих воздушно-десантных войск), *Казак* (военные формирования, несшие пограничную службу на Руси в XIV–XV вв.), *Старый Солдат* (солдат – человек, поступивший на службу в армию). Доблесть, необходимую каждому воину, отражают наименования *Лев* (символ храбрости), *Муж* (в значении «мужчина» существительное муж употребляется как поэтизм), *Космонавт* (представителям этой профессии, помимо исключительного здоровья и высокоразвитого интеллекта, свойственна смелость для длительного нахождения за пределами Земли).

Что касается «победы», которая, как писал Булат Окуджава, нам нужна «одна на всех», то этот мотивирующий признак присутствует в прозвищах *Олимп* (победа в Олимпийских играх – мечта каждого спортсмена), *Лавр* (лавровый венок – символ славы, победы или мира с античных времен), *Оскар* (образован от названия золотой статуэтки, которой награждают победители престижной американской премии за достижения в области кинематографа).

На десятом месте с 1,6 % находятся группы «защитник / оборонитель» (например, *Крыша*, *Забор*), «целеустремленный» (*Баран*, *Чёрный танк*) и «позитивный» (выделена автором). Так, крыша и забор обеспечивают защиту человеческому жилищу. Баран и танк являются символами упрямства в животном и техническом мирах соответственно. Кроме того, любому военнотружущему, чтобы преодолеть тяготы войны, необходимо иметь чувство юмора и позитивный взгляд на мир в целом, о чем свидетельствует народное признание поэмы А. Т. Твардовского «Василий Теркин». Примерами идентификаторов, содержащих признак «позитивный», мы считаем *Веселуху* (коррелят – разговорный синоним обозначения веселья), *Юморист* (апеллятив – обозначение человека, любящего шутить).

Наименьшее количество прозвищ (по 0,8 %) отмечается в следующих группах. Примером наименований, содержащих признак «преданный», является *Фанат*, поскольку данное прозвище образовано от апеллятива, обозначающего убежденного сторонника или последователя чего-либо или кого-либо. Оним *Джентльмен* обладает признаком «культурный», поскольку он обозначает образованного, воспитанного и уравновешенного мужчину. Последняя группа объединяет прозвища, характеризующие носителей как «оруженосцев». Например, *Штык* коррелирует с обозначением штатного холодного колющего оружия, примыкаемого к стволу винтовки или автомата. Следует отметить, что группы «преданный» и «культурный» выделены нами в ходе исследования.

Выводы. Изучение языковой личности ономатета (имянарекателя) с точки зрения содержания в прозвищах мотивирующих признаков, составляющих концепт «российский

военнослужащий», позволяет унифицировать общие представления о его личности: патриотизме, ответственности, профессионализме, мужестве, героизме, эмпатии, высоком уровне как физического, так и интеллектуального развития, необходимого в военной науке.

Прозвище представляет собой неотъемлемую часть неформальной коммуникации солдата. В результате анализа фрагмента структуры концепта «русский военнослужащий» на материале наименований выделены определенные количественно-качественные особенности, отраженные в мотивирующих признаках. Они составляют 23 группы, что свидетельствует об их большем разнообразии по сравнению со структурой понятия «воин». При этом наиболее многочисленную группу образуют прозвища, характеризующие военнослужащего как патриота / командира.

В качестве мотивирующих признаков выделяются такие личностные качества русского солдата, как сила, стойкость и смелость, профессионализм, мудрость, заботливость, хитрость, ловкость и воинственность, героизм, активность и обороноспособность, позитивность, преданность и целеустремленность, а также способность совершить чудо. Выявленные признаки прозвища образованы как от апеллятивов, обозначающих объекты живой и неживой природы и обладающих соответствующими семами, так и от других имен собственных. Настоящие когнитивные характеристики отражают широкий спектр функциональных проявлений современных представлений о русском воине.

Представленная методология может быть применена при рассмотрении других групп ономастического поля военного социума в когнитивном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрова Е. В. Значение имени собственного с позиций когнитивной лингвистики // Нижневартковский филологический вестник. – 2017. – № 2. – С. 24–31.
2. Буркова Т. А., Хуливахтов Б. С. Социокультурные особенности антропонимических прозвищ как класса неофициальных онимов в английском военном дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. – 2022. – № 2(61). – С. 5–14. – DOI 10.37724/RSU.2022.61.2.001. – EDN HJEP0E.
3. Закиров В. Ю. Мировоззрение личности офицера российской армии в условиях кризиса идентичности социума (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. – М., 2015. – 159 с.
4. Исупова М. М. Новое в когнитивной ономастике: к вопросу об использовании ассоциативного эксперимента в лингвистическом исследовании // Инновации и инвестиции. – 2014. – № 12. – С. 211–214.
5. Кривенко А. М. Приоритеты развития военной организации Российской Федерации в современных условиях // Вестник Академии военных наук. – 2016. – № 3(56). – С. 38–45.
6. Кургузова Е. В. Названия военных операций в системе ономастической периферии (на материале названий военных операций Красной Армии периода Великой Отечественной войны) // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 4(44). – С. 132–141.
7. Митрахович В. А. Научно-педагогические характеристики военного социума // Образование и наука. Известия УрО РАО. – 2009. – № 7(64). – С. 95–103.
8. Пименова М. В., Бодриков А. Б. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта воин) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – № 21(4). – С. 1131–1138.
9. Робустова В. В. К когнитивной ономастике // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 41–49.
10. Родина Н. А. Ономастическая составляющая языковой личности русского военнослужащего // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2021. – № 1. – С. 51–60.
11. Сайфутдинов Р. А. Военный сленг в контексте современной российской армейской субкультуры : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. – Саранск, 2011. – 154 с.
12. Сироткина Т. А. Прозвища как объект когнитивной ономастики // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 207–210.
13. Титова А. В. Прозвища военачальников как социумно-прецедентный феномен военной субкультуры // Вестник Московского информационно-технологического университета. – 2022. – № 4. – С. 83–88. – DOI 10.52470/2619046X_2022_4_83. – EDN JJKWGC.
14. Шевченко О. В. Особенности проявления межкультурной коммуникации в военной сфере русского социума // Столкновение VS сближение цивилизаций : коллективная монография. – Казань, 2020. – С. 357–374.
15. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики. – Тамбов, 2012. – 319 с.

Статья поступила в редакцию 29.08.2024

REFERENCES

1. Bodrova E. V. Znachenie imeni sobstvennogo s pozicij kognitivnoj lingvistiki // Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik. – 2017. – № 2. – S. 24–31.
2. Burkova T. A., Hushvahtov B. S. Sociokul'turnye osobennosti antroponimicheskikh prozvisch kak klassa neoficial'nyh onimov v anglijskom voennom diskurse // Inostrannye yazyki v vysshej shkole. – 2022. – № 2(61). – S. 5–14. – DOI 10.37724/RSU.2022.61.2.001. – EDN HJEPOE.
3. Zakirov V. Yu. Mirovozzrenie lichnosti oficera rossijskoj armii v usloviyah krizisa identichnosti sociuma (social'no-filosofskij analiz) : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. – M., 2015. – 159 s.
4. Isupova M. M. Novoe v kognitivnoj onomastike: k voprosu ob ispol'zovanii associativnogo eksperimenta v lingvisticheskom issledovanii // Innovacii i investicii. – 2014. – № 12. – S. 211–214.
5. Krivenko A. M. Prioritety razvitiya voennoj organizacii Rossijskoj Federacii v sovremennyh usloviyah // Vestnik Akademii voennyh nauk. – 2016. – № 3(56). – S. 38–45.
6. Kurguzova E. V. Nazvaniya voennyh operacij v sisteme onomasticheskoy periferii (na materiale nazvanij voennyh operacij Krasnoj Armii perioda Velikoj Otechestvennoj vojny) // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 4(44). – S. 132–141.
7. Mitrahovich V. A. Nauchno-pedagogicheskie harakteristiki voennogo sociuma // Obrazovanie i nauka. Izvestiya UrO RAO. – 2009. – № 7(64). – S. 95–103.
8. Pimenova M. V., Bodrikov A. B. Militarnye koncepty v russkoj yazykovoj kartine mira (na primere koncepta voin) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 21(4). – S. 1131–1138.
9. Robustova V. V. K kognitivnoj onomastike // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika I mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2014. – № 1. – S. 41–49.
10. Rodina N. A. Onomasticheskaya sostavlyayushchaya yazykovoj lichnosti rossijskogo voennosluzhashchego // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya. – 2021. – № 1. – S. 51–60.
11. Sajfutdinov R. A. Voennyj sleng v kontekste sovremennoj rossijskoj armejskoj subkul'tury : dis. ... kand. kul'turologii : 24.00.01. – Saransk, 2011. – 154 s.
12. Sirotkina T. A. Prozvishcha kak ob"ekt kognitivnoj onomastiki // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2018. – № 34. – S. 207–210.
13. Titova A. V. Prozvishcha voenachal'nikov kak sociumno-precedentnyj fenomen voennoj subkul'tury // Vestnik Moskovskogo informacionno-tekhnologicheskogo universiteta. – 2022. – № 4. – S. 83–88. – DOI 10.52470/2619046X_2022_4_83. – EDN JJKWGC.
14. Shevchenko O. V. Osobennosti proyavleniya mezhkul'turnoj kommunikacii v voennoj sfere rossijskogo sociuma // Stolknovenie VS sblizhenie civilizacij : kollektivnaya monografiya. – Kazan', 2020. – S. 357–374.
15. Shcherbak A. S. Kognitivnye osnovy regional'noj onomastiki. – Tambov, 2012. – 319 s.

The article was contributed on August 29, 2024

Сведения об авторе

Родина Надежда Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Военного университета им. князя Александра Невского, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, esperance84@mail.ru.

Author Information

Rodina, Nadezhda Andreevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, esperance84@mail.ru

*Е. И. Селиверстова, И Чжао***СЕМАНТИКА НЕСООТВЕТСТВИЯ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ:
ПРИЧИНЫ ОБМАНУТЫХ ОЖИДАНИЙ***Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Нарушение неписаного закона здравого смысла – одна из актуальных для паремиологии тем, развиваемых во многих единицах, показывающих ситуацию несоответствия между предполагаемым действием / поступком и конечным положением дел. Отразившиеся в паремиях представления о том, каковы причины возможных несоответствий, до сих пор предметом отдельного анализа не становились. В статье рассматривается около 200 пословиц, извлеченных из базовых паремийных источников. Применяемый метод лингвокультурологического анализа позволяет выявить случаи несоответствия того, что субъектом задумывается / планируется, тому, чем высказанное им намерение завершается, и как это расценивается носителями русского языка и культуры. Многие из представленных в паремиях случаев сомнительны с позиций человеческой логики – в основном в части причин, которые помешали реализации намеченного, и теперь подаются субъектом в качестве серьезных и будто бы внушающих доверие. В результате анализа выделены 4 основные группы пословиц в зависимости от того, каков характер называемых причин. Спектр подобных факторов достаточно широк – от нехватки денег, объективно способной помешать реализации цели, и отсутствия соответствующих условий и обстоятельств, без которых любые мечтания выглядят попросту смехотворными, до нерадивости и просто лени, которыми оправдывается бездельность. Подобные случаи несоответствия между намерением субъекта и отсутствием ожидаемого результата оформлены в шутливо-иронической манере, а тот, кто характеризуется в подобной паремии, удостоивается имплицитно выраженной негативной оценки, поскольку часто истинные причины подменяются отговорками.

Ключевые слова: *русские пословицы, несоответствие, желание, ожидание, результат деятельности, ирония*

*E. I. Seliverstova, Yi Zhao***SEMANTICS OF INCONSISTENCY IN RUSSIAN PROVERBS:
REASONS FOR FAILED EXPECTATIONS***Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. Violation of the unwritten law of common sense is one of the topical themes for proverbs, developed in many units, showing the situation of discrepancy between the expected action or deed and the final state of affairs. The ideas reflected in proverbs about the reasons for possible discrepancies have not been analyzed separately so far. The article deals with about 200 proverbs extracted from basic paremia sources. The applied method of linguistic and cultural analysis makes it possible to identify cases of inconsistency between what the subject is thinking or planning and what his/her intention ends up with, and how it is regarded by native speakers of the Russian language and culture. Many of the cases presented in the proverbs are doubtful from the point of view of ordinary human logic – mainly in the part of the reasons that prevented the realization of the planned thing and are presented by the subject as serious and seemingly credible. As a result of the analysis, 4 main groups of proverbs were singled out depending on the nature of the reasons named. The range of the named factors is quite wide – from lack of money, which can really prevent the realization of the goal, and lack of appropriate conditions and circumstances,

without which any dreams look simply ridiculous, to carelessness and simple laziness, by which they try to justify inactivity. Such cases of inconsistency between the subject's intention and the lack of the expected result are framed in a jokingly ironic manner, and the one who is characterized by such a paremia is given an implicitly expressed negative evaluation, since the true reasons are often replaced by excuses.

Keywords: *Russian proverb, mismatching, desire, expectation, result of activity, irony*

Введение. В русском языке существует немало пословиц об ожидании человеком чего-либо хорошего, о питающих его надеждах и испытываемых желаниях. Последнее, согласно Словарю русского языка А. П. Евгеньевой, представляет собой внутреннее стремление, влечение к осуществлению чего-л., к обладанию чем-л. [11, с. 475]. Данное понятие характеризует намерение человека к реализации своих способностей и талантов, к улучшению жизни для себя и своих близких и т. п. Желание понимают как целенаправленное, опредмеченное стремление, выражающееся в постановке цели [10, с. 489]. К сожалению, оно не всегда реализуется, т. к. возможность его исполнения определяется целым рядом факторов – как свойствами самого субъекта (способностями, характером, физической силой, подготовленностью / неподготовленностью, отсутствием навыков в каком-л. виде деятельности и т. п.; ср.: *Задор берет, да мочи нет; Зуй (Кулик) до воды охоч, а плавать не умеет*), так и внешними обстоятельствами – непогодой, помехами со стороны других людей, вмешательством непредвиденного и пр.; ср.: *Думал сено косить, ан дождь; Ел бы пирог, да в печи сжег; Сказал бы словечко, да волк недалечко* и др. Направленным действиям, роли намерения психологи придают особое значение, поскольку именно целевые установки и соответствующее поведение определяют в конечном итоге возможный результат.

Если желания не исполняются, люди обычно испытывают огорчение или даже разочарование, которое в свою очередь имеет следующее определение – это «чувство неудовлетворенности по поводу чего-л. несбывшегося, неудавшегося, не оправдавшего себя» [7, с. 527]. Ученые отмечают и психологическое состояние, называемое фрустрацией, которое возникает в результате несоответствия желаний возможностям, которыми человек располагает. Оно имеет место в тех случаях, когда субъект встречает «непреодолимые препятствия на пути к удовлетворению какой-л. жизненной потребности» [13, с. 43], в процессе достижения цели и решения соответствующих задач. Фрустрация, согласно Н. Д. Левитову, выражается «в характерных особенностях переживаний и поведения», связанных с объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями [5, с. 120]. Невыполнимые и невыполненные желания – это тяжелая ноша. Как пишет С. Шикера, это, «медленная, но верная отравка, гангрена души» [С. Шикера. Стень (1998) // «Волга», 2009]¹. Между тем в таких языковых единицах, как пословицы, вербализация представления об отсутствии ожидаемого результата служит иным целям – она направлена преимущественно на показ / представление некоего субъекта, чьи действия привлекают внимание как не соответствующие общепринятым, распространенным моделям поведения.

В паремиологических единицах (далее – ПЕ) как элементах антропоцентрического склада, призванных характеризовать в первую очередь человека – во всем спектре его характеристик, немалое место отводится отражению его деятельности с учетом степени ее успешности / напрасности приложенных усилий. Пословицы, содержащие ситуации несостоявшегося, предполагавшегося, но нереализованного действия, поступка, составляют значительный массив (ср.: *Звали на честь, а посадили на печь; Ладил баба в Ладозу, а попала в Тихвин; Ехал к Фоме, а заехал к куме; Рано оседлали, да поздно поскакали* и др.).

¹ Пример заимствован из Национального корпуса русского языка. – URL: www.ruscorpora.ru

При этом очевидно большое разнообразие в проявлениях несоответствия между, с одной стороны, вербализованными в ПЕ намерением / желанием субъекта, начинаемым действием и, с другой – конечным результатом. Причины, приводящие к появлению этих несоответствий, как и характеристики, вытекающие из наблюдаемой нелогичности в чьих-либо поступках и поведении, весьма многообразны.

Цель данной работы состоит в выявлении в паремиях рассогласованности между намерением / желанием субъекта и результатом его деятельности и вытекающей из представленных обстоятельств оценки говорящими возникающей ситуации и ее участников.

Актуальность исследуемой проблемы. В настоящее время в отечественном языкознании не представлены исследования, содержащие результаты изучения паремий о желании / намерении осуществить что-л., об усилиях в этом направлении и отсутствии реализации намеченного. В пословицах этой тематической группы на первый план часто выступает семантика несоответствия, отсутствия чего-л. Это является знаковым, поскольку специфика ситуации находит отражение в характеристике субъекта, который и подлежит оценке, т. к. его намерения (определенные планы) нередко не продуманы, несерьезны, нереальны.

Материал и методы исследования. При отборе материала используются метод направленной выборки из собраний пословиц В. И. Даля [3], В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой [7], В. П. Аникина [1], вербализующих семантику соответствия / несоответствия желаниям, намерениям, ожиданиям, получаемым в ходе деятельности результатов. Используется лингвокультурологический анализ, состоящий в выявлении культурно-маркированных ситуаций, дающих основание для выведения суждения о характеризируемом субъекте и его оценки.

Результаты исследования и их обсуждение. Референтами пословиц и поговорок являются наблюдаемые в жизни события и явления реальной действительности [9, с. 48], которые в результате обобщения становятся вербализаторами неких «эталонных» отношений, которые далее распадаются на различные ситуации и характеризуют в речи определенное лицо. Во многих из них представлены случаи нарушения обычной человеческой логики – именно они становятся основанием для выведения паремийного смысла. Ср.: *Звал гостей, а накупил костей* – намерению принять должным образом гостей никак не соответствует проявляемая скупость; *Пошел по шерсть – вернулся стриженный* – в данной ПЕ не соотносимы цель (приобретение) и неожиданный для нее результат (утрата)², ситуация парадоксальная: человека лишили того, к чему он был устремлен. Многочисленные логико-структурные паремийные схемы, включая и случаи допускаемых людьми логических «ошибок», представлены в виде классификации в трудах Г. Л. Пермякова, показавшего общее в логическом построении ПЕ у носителей разных языков: оно кроется в характере отношений между вещами в реальной жизни [9, с. 21].

Покажем на примерах некоторые из ситуаций, позволяющих говорить о несоответствии намерения / желания субъекта и предпринимаемого им действия конечному результату, а также типичные обстоятельства, называемые в качестве причины, ведущей к появлению нелогичности. При этом констатация несоответствия в ПЕ часто позволяет обнаружить также и «неявные» (надтекстовые и «затекстовые») уровни информации – преимущественно это оценка лица, характеризуемого с помощью данной ПЕ [12, с. 387].

1. В паремиях вербализуется *мнимая готовность к совершению действия*, которая, однако, заведомо невозможна по объективным причинам. Одной из таких причин часто является отсутствие денег, препятствующее осуществлению покупки, что дает повод для насмешливого отношения к подобной ситуации: *Купил бы село, да в кармане голод*;

² О волосатости как признаке богатства (см. подробнее в работе И. В. Кузнецовой [4]).

Завел бы вотчину, да купило покорчило; Купила бы я, прикупила (накупила), да купило притупило. Ср. поговорку *купило притупило (притупилось)* у кого-л. – ‘Прост. Шутл-ирон. У кого-л. не хватает средств для покупки чего-л.’ [6, с. 342], «купило» воспринимается как ‘способность купить’. Частота вербализации этой идеи свидетельствует о ее важности. ПЕ не просто констатируют нехватку денег, которая лишает субъекта возможности покупки чего бы то ни было, а скорее иронизирует над необоснованными амбициями того, кто, возможно, не осознает реального положения вещей – отсутствия денежных средств.

Эта тема продолжается в ПЕ о еде и угощении: *Купил бы сало, да денег не стало; Съел бы пирога, да мука дорога; Купила бы собака печень, да купить нечем* и др.

Пословица «*Рад бы дружку пирожка, да у самого ни куска*», с одной стороны, может использоваться в прямом смысле – как своего рода извинение перед гостем за скудное угощение, но скорее – оно характеризует иные ситуации, когда субъект может на словах выражать готовность поделиться с другими, зная при этом, что делиться ему в действительности нечем. Эта ПЕ также может характеризовать двуличного / хвастливого человека.

Нельзя не отметить значительное количество паремий, в которых для передачи семантики несоответствия намерения (готовности) и реального положения вещей используются синтаксические структуры сложносочиненного предложения, где желаемое вербализуется с помощью глагола в сослагательном наклонении (*перешел бы, купил бы, пряла бы* и т. д.), а иногда с его пропуском, как в ПЕ: *Рад бы душой* (поесть или угостить другого), *да хлеб чужой*. Противительный союз отделяет вторую часть, где выражается причина несостоявшегося действия, нереализованного намерения³.

Отсутствие средств (ср.: *животы коротки* у кого. ‘Волог. О крайней бедности, жизни впроголодь’ [6, с. 230]) как причина недоступности хорошей жизни – достойной одежды, возможности покупок – отражено и в ПЕ: *Купил бы городки, да животы коротки; И рад бы в корольки* (т. е. вырядиться), *да животы коротки; Справил бы однорядку с корольки, да животики коротки (однорядка* – ‘старинная мужская одежда, однобортный кафтан без воротника’ [8, с. 366], *а с корольки* – с дорогими пуговицами, застежками). Ср. поговорку «*Не велик королек, да дорог*» – речь идет о серебре, золоте, которые выплавили [3, с. 52].

2. Вторую значительную группу паремий образуют единицы, в которых **говорящий оправдывает невыполнение необходимого действия**, вербализуемого как твердое намерение, отсутствием возможности его реализации, но выискивает для этого причину, которая кажется смехотворной – по сути это отговорка: *И рад бы перешел, да броду не нашел* – ‘о простом решении проблемы’, фигурально представленной как переход речки вброд, по мелкому месту. Подобное действие не требует особых усилий – лишь нежелание действовать / леность служит реальной причиной отказа от его выполнения. Подобная модель поведения приложима, безусловно, и к другим ситуациям. Ср. близкую ПЕ «*Идти было за реку, да путь завьязл*» (занесен снегом или чем-л. иным; заглох), т. е. как будто невозможен.

В ПЕ «*Идти было в Вятку, да лаптей нет*» названное оправдание вряд ли может рассматриваться как серьезное, поскольку лапти как самая простая самодельная обувь была практически доступна всем деревенским жителям. Паремия содержит намек на скрываемое нежелание – при демонстрации иллюзорной готовности идти.

В ироничной ПЕ «*Рада бы пряла, да лень напала*» выражается порицание нерадивой пряхе, которая попросту ленится и только делает вид, что могла бы работать. Ср. также «*Хочется есть, да не хочется лезть*». Еще более курьезна пословица, в которой говорится о предельной степени лени – *Проглотить-то хочется, да разжевать лень*. Интересна

³ Н. С. Валгина отмечает, что противительное и сопоставительное значения часто осложняются добавочными оттенками – в том числе оттенком несоответствия [2, с. 285].

и парадоксальная единица «*Рад бы радостью, да охоты нет*», в которой готовность и чуть ли не энтузиазм к совершению чего-л. (*рад бы*) отрицается отсутствием желания (*охоты нет*).

Для русской паремиологии в целом достаточно типичен показ ситуаций, когда выполнению нужного, полезного действия «препятствуют» весьма сомнительные факторы, недостойные серьезного к ним отношения. Ср.: *Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто* – ‘о лентяе, не выполняющем необходимую работу по смехотворной причине’. Как видим, в ПЕ нередко сам субъект предстает как виновный в неосуществлении намеренного действия – этому препятствуют его собственная лень и отсутствие желания.

3. Значительный разряд составляют поговорки, в которых указывается на **объективно отсутствующую возможность к осуществлению желаемого и даже необходимого действия**. Ироничны пословицы о визитах: *Хотелось бы попасть в гости, но не зовут; И сел бы и съел бы, кабы в гости позвали; Идти было в гости, да никто не зовет*. Нереальной видится и желанная для девушки и очень выгодная партия, поскольку мужчина не собирается на ней жениться: *Рада бы Машиа за попа, да поп не берет*.

Нельзя не заметить, что в поговорках с аналогичным логическим построением предполагаемые действия – это те, которые субъект с готовностью бы совершил, они более чем приятны, о совершении некоторых можно только мечтать. Тем сильнее звучит мотив несоответствия желаемому реальным жизненным обстоятельствам. Ср. ПЕ о возможном кладе «*И рукою бы взял, да клад не дается*», в которой речь идет скорее о несбыточных мечтаниях человека.

Пословица «*И много за морем грибов, да не по нашему кузову*» может трактоваться в двух планах. С одной стороны, ее содержание укладывается в логико-семантическую модель «мнимое желание $\leftarrow \rightarrow$ нежелание (отговорка)»: речь идет о несоответствии корзины тому обилию грибов, которое сулит заморский лес. С другой стороны, речь идет о недоступности чего-л. желанного – этому препятствует объективное обстоятельство *за морем*. Ср. ПЕ «*За морем телушка полушка, да перевоз дорог*» – ‘дороговизна перевоза лишает предмет привлекательности’. Имеются и иные поговорки о несоответствии желания возможности с подобным построением: *И видит собака молоко, да в кувшине глубоко* (не достать); *Видит кот молоко, да рыло коротко*; *Видит око, да зуб неймет* и др. Сопоставление доступного и недоступного в русских ПЕ встречается неоднократно, ср.: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*.

4. В отдельную группу можно отнести ПЕ, в которых **в качестве причины**, препятствующей реализации намерения, желания, **названы особенности человека**, которые зависят исключительно от него самого, определяются его характером, а не внешними обстоятельствами.

Многие из этих ПЕ многоплановы: поговорку «*Поел бы репки, да зубы редки*» можно использовать для характеристики старого человека, которому уже не по зубам твердый, жесткий овощ. Более актуальным является акцентирование на невозможности, расширяющее спектр характеризующих ситуаций, причем подобные выражения могут служить надуманным оправданием, позволяющим «сохранить лицо» перед другими. Ср. фразу «*Как зелен нынче виноград!*» из басни И. А. Крылова «Лисица и виноград», которая произносится лисицей в самооправдание, т. к. она не сумела заполучить эти плоды.

Своего рода оправданием служит ПЕ «*И рад бы спел, да голос несмел*» с вариантами трактовки: ‘о робком, не смеющем выступать на первый план, лидировать’ или ‘о том, кто не смеет, боится возражать (боится) человеку выше себя по положению’ и т. д. В пословице «*И рад бы поборо, да подмяли*» в качестве ложно объективного фактора названа собственная слабость, которая, как представляется, должна была изначально помешать появлению надежды одержать верх.

Без знания традиции пачкать дегтем ворота дома той девушки, которая считается опозоренной (ср. поговорку *дегтем расписать* – т. е. вымазать ворота кому-л.), было бы непонятно, почему у нее нет перспективы выйти замуж: *И рада б идти (замуж), да зад в дегтю* (*деготь* – ‘темный смолистый жидкий продукт’ [7, с. 137], практически несмываемый).

Выводы. Пословицы как единицы, свидетельствующие о проявлении здравого смысла носителями русской культуры (в оценке обстоятельств, ситуаций и их участников) отражают несоответствие между намерением / готовностью субъекта, начинаемым им действием и конечным положением дел, часто состоящим в отсутствии какого бы то ни было результата. Обзор ПЕ позволил выявить особенности построения паремий по весьма востребованным моделям и типы несоответствий, отмеченные особой частотой вербализации и оформлением в ироническом ключе. Преимущественно это единицы, допускающие различные трактовки и имплицитно выражающие негативную оценку показываемого подхода к реализации намеченного. Как показывает анализ ПЕ, особого внимания говорящих удостоиваются ситуации, когда обобщенным субъектом руководят далекие от вербализованных намерения. В этих единицах много курьезного в части формулировки причин, которые помешали исполнению намеченного, в чем, несомненно, проявляется не только юмор носителей русского языка и культуры, но и крайне негативное отношение к поиску отговорок вместо совершения необходимых действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки. – М. : Худ. лит., 1988. – 431 с.
2. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис : учебник. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003. – 416 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2020. – 984 с.
4. Кузнецова И. В. Мифологические корни устойчивых сравнений // Славяноведение. – 2005. – № 2. – С. 99–109.
5. Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. – 1967. – № 6. – С. 118–129.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. – М. : Олма медиа групп, 2010. – 1024 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – 27-е изд., испр. – М. : Мир и образование. 2020. – 736 с.
9. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1988. – 236 с.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Серия: Мастера психологии. – СПб. : Питер Ком, 1998. – 688 с.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 1. – 696 с.
12. Сурикова О. Д. Аномалия как отрицаемая ценность (на материале паремий с предлогом и приставкой *без*) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2015. – С. 387–402.
13. Ювченко М. С. Психологические особенности юношеского периода // Наука и образование: новое время. Научно-методический журнал. – 2019. – № 2(15). – С. 42–46.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024

REFERENCES

1. Anikin V. P. Russkie poslovice i pogovorki. – M. : Hud. lit., 1988. – 431 s.
2. Valgina N. S. Sovremennij russkij yazyk: Sintaksis : uchebnik. – 4-e izd., ispr. – M. : Vyssh. shk., 2003. – 416 s.
3. Dal' V. I. Poslovice russkogo naroda. – M. : AL'FA-KNIGA, 2020. – 984 s.
4. Kuznecova I. V. Mifologicheskie korni ustojchivyh sravnenij // Slavyanovedenie. – 2005. – № 2. – S. 99–109.

5. Levitov N. D. Frustratsiya kak odin iz vidov psichicheskikh sostoyanij // Voprosy psichologii. – 1967. – № 6. – S. 118–129.
6. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok. – M. : OLMA Media Grupp, 2007. – 784 s.
7. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Bol'shoj slovar' russkikh poslovic. – M. : Olma media grupp, 2010. – 1024 s.
8. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – 27-e izd., ispr. – M. : Mir i obrazovanie. 2020. – 736 s.
9. Permyakov G. L. Osnovy strukturnoj paremiologii. – M. : Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1988. – 236 s.
10. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psichologii. Seriya: Mastera psichologii. – SPb. : Piter Kom, 1998. – 688 s.
11. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. – 3-e izd., stereotip. – M. : Russkij yazyk, 1985–1988. – T. 1. – 696 s.
12. Surikova O. D. Anomaliya kak otricaemaya cennost' (na materiale paremij s predlogom i pristavkoj bez) // Kategoriya ocenki i sistema cennostej v yazyke i kul'ture / otv. red. S. M. Tolstaya. – M. : Indrik, 2015. – S. 387–402.
13. Yuvchenko M. S. Psichologicheskie osobennosti yunosheskogo perioda // Nauka i obrazovanie: novoe vremya. Nauchno-metodicheskij zhurnal. – 2019. – № 2(15). – S. 42–46.

The article was contributed on November 21, 2024

Сведения об авторах

Селиверстова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>, e.seliverstova@spbu.ru

Чжао И – аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, <http://orcid.org/0009-0008-7197-0799>, st091267@student.spbu.ru

Author Information

Seliverstova, Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language for the Faculties Teaching Humanities and Natural Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>, e.seliverstova@spbu.ru

Zhao, Yi – Post-graduate Student of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching It, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, <http://orcid.org/0009-0008-7197-0799>, st091267@student.spbu.ru

УДК [811.161.1+811.581]’373.72’373.4

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.016

У Айхуэй

**ФРАЗЕООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗООНИМОВ *ТИГР* И *ЛОШАДЬ*
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ:
ОБРАЗНОСТЬ, СИМВОЛИКА, СЕМАНТИКА**

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Зоонимы, обладая фразеобразующим потенциалом, способствуют раскрытию этнической специфики восприятия окружающего мира. Являясь одним из символов, формирующих представление о национальной картине мира, они содержат в себе определенный культурный код, наделяющий компоненты паремий смыслообразующей значимостью. В статье представлен сопоставительный анализ китайских и русских фразеологизмов и паремий с компонентами-зоонимами *马* (*лошадь / конь*), *老虎* (*тигр*) с целью выявления символического значения образов данных животных в контексте двух лингвокультур, чем и объясняется её актуальность. Доказана взаимосвязь компонентов-зоонимов, лежащих в основе паремий, с определенными историческими закономерностями, раскрывающими специфику их трактовки. Различные методы анализа, применяемые в ходе изучения китайских и русских языковых единиц, извлеченных с помощью сплошной выборки из лексикографических источников, обеспечили возможность проведения комплексного исследования. Рассмотрены семантические характеристики фразеологизмов и дана их лингвокультурологическая интерпретация с учетом особенностей культурного фона. Анализ материала показал, что зооним *老虎* (*тигр*) – национально-маркированный символ, встречающийся в китайских устойчивых выражениях. Являясь самым частотным компонентом чэньюйев, он выступает в них символом власти, могущества, скрытого дара, нереализованного таланта и ассоциируется с опасностью и риском и представляет для китайцев особую значимость. Обнаруженная схожесть в восприятии *лошади* как символа благополучия, успешности и победы в мировоззрении представителей двух народов говорит о зоониме *马* (*лошадь / конь*) как об интернациональном символе.

Ключевые слова: *фразеологизм, пословица, русская лингвокультура, китайская лингвокультура, зоонимы «тигр» и «лошадь»*

Wu Aihui

**PHRASE-FORMING POTENTIAL OF ZOONYMS *TIGER* AND *HORSE*
IN RUSSIAN AND CHINESE: IMAGERY, SYMBOLISM, SEMANTICS**

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. Zoonyms contribute to the discovery of the ethnic specificity of the perception of the world. They contain a certain cultural code giving meaning-forming significance to the paremia components. The article is devoted to the comparative analysis of Chinese and Russian phraseological units and paremias with zoonyms *马* (*horse*), *老虎* (*tiger*). The aim is to identify the symbolic meaning of the images of these animals in the context of two linguistic cultures. The relationship between the zoonyms that are in the base of paremias with certain historical patterns revealing the specificity of their interpretation is proven. Various methods of analysis are used to study Chinese and Russian units extracted from lexicographic sources by the method of continuous sampling and provide the opportunity to conduct a comprehensive study. The semantic characteristics of phraseological units are considered and their linguocultural interpretation is given. The analysis of the material shows the zoonym tiger is a nationally marked

symbol, found in Chinese collocations. Being the most frequent component of *chengyu*, it acts as a symbol of power, might, unrealized talent, it is associated with danger and risk. The discovered similarity in the perception of a horse as a symbol of prosperity, success and victory in the world view of representatives of the two peoples proves the zoonym horse is an international symbol.

Keywords: *phraseological unit, proverb, Russian linguistic culture, Chinese linguistic culture, zoonyms "tiger" and "horse"*

Введение. Понятия *образ* и *символ* находятся в центре внимания исследователей в области философии, семиотики, психологии, мифопоэтики, филологии и т. п. Вопрос их соотносительности по-разному решается учеными, однако все сходятся в том, что «человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков, а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [13, с. 38]. При этом если знак, как правило, лишь указывает на определенный объект окружающего мира, то символ мотивирован общими представлениями и не может быть понят без необходимого культурного контекста. В этой связи его часто соотносят с образом, который в сознании человека наглядно отображает объекты действительности, но сам «символ олицетворяет культурный опыт целого народа, а не отдельного индивида и выступает как высшая форма знания» [20, с. 4].

Одними из таких символов, дающими представление о культурно-исторических традициях народа, считаются устойчивые единицы различных классов¹ с компонентами-зоонимами, поскольку зооморфный код в языке является базовым кодом культуры и «занимает ключевую роль в познании общества, природы и человека» [7, с. 215]. Специфика мышления людей позволяет выявлять антропоморфные, зооморфные и объективные характеристики, из которых складывается определенная картина мира, исходящая из особенностей восприятия окружающей действительности.

Паремии, включающие в свой состав компоненты-зоонимы, характеризуют восприятие мира человеком в лингвокультурном и семантическом аспекте, помогают сформировать представление об этнической специфике того или иного народа в экспрессивной и оценочной форме, дают возможность проследить ассоциативную взаимосвязь животного мира с человеческим. Как в пословицах, так и во фразеологизмах образные представления, как и понятия, выраженные в их лексических компонентах, «можно дифференцировать по роли в формировании пословичного плана содержания на ключевые (занимающие центральное место) и нейтральные (периферийные), по их специфичности в языковой картине мира на этно-национально-культурно маркированные и общие для разных лингвокультур (интернациональные или универсальные)» [9, с. 241]. Наибольший интерес с точки зрения понимания особенностей символического значения компонентов паремий представляют именно этно-национально-культурно маркированные устойчивые единицы.

Цель исследования – выявить символическое значение компонентов-зоонимов 马 (лошадь / конь) и 老虎 (тигр) в китайском и русском языках, проанализировав их фразеобразующий потенциал.

Актуальность исследуемой проблемы. Сопоставительное изучение языковой и культурной семантики позволяет не только выявить символическое значение животных, которым поклоняются в той или иной стране, но и определить их эмоционально-оценочный фон и этноспецифическое наполнение. Особое внимание в этом ключе должно

¹ Мы понимаем фразеологию в широком смысле, относя к ней различные классы устойчивых единиц: фразеологические единицы (идиомы, фразеологические сочетания, фразеологические выражения), паремии (пословицы, поговорки, загадки, приметы и пр.), устойчивые сравнения, крылатые единицы.

уделяться зооморфным образам и их интерпретации в связи с культурными реалиями, при этом их семантический анализ позволит «расширить осмысление системы взаимодействия человеческой цивилизации и природы, определить аксиологические ориентиры культуры, существовавшие на разных этапах ее развития, и углубить понимание особенностей функционирования языкового сознания» [7, с. 216].

К анализу образов *тигра* и *лошади* на примере китайского паремиологического материала обращались многие исследователи. Так, У. Н. Решетнева в диссертационной работе «Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок» [16], рассматривая компоненты-зоонимы в составе пословиц и поговорок, акцентирует внимание на этноспецифическом в паремиологическом фонде китайского фольклора и видит в них источник отражения исторической действительности. В задачу исследователя входит выявление предметно-образного состава китайских паремий, определение специфики использования в них художественных средств. Ф. Н. Дуалет в статье «Лингвокультурологические и семантические свойства фразеологических единиц с зооморфными компонентами (на материале китайского языка)» [7] обращается к концептуальному анализу китайских фразеологизмов, в том числе с зоонимом *лошадь*, и выявляет характеристики, заключенные в образе животного для выражения человеческих качеств. Хо Бинжун и Ян Хайюнь в статье «Культурные коннотации слова “тигр” в китайском лингвокультурном пространстве» [21] рассматривают образ *тигра* с целью выявления амбивалентной оценки компонента-зоонима. На основе китайского паремиологического фонда авторы исследования определяют характер человека, отыскивая в его внешности черты сходства с тигром. Таким образом, можно заключить, что сопоставительного анализа китайских и русских паремий с компонентами-зоонимами *тигр* и *лошадь* с целью выявления их символической этноспецифики не проводилось.

Актуальность настоящего исследования объясняется тем, что впервые предпринята попытка определить символическое значение компонентов-зоонимов, входящих в состав фразеологизмов и паремий китайского и русского языков, на основании лингвокультурологического анализа.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили китайские и русские паремии, извлеченные с помощью сплошной выборки из лексикографических источников («Китайско-русский фразеологический словарь» О. М. Готлиба, Хуаин Му [6], «Большой словарь русских народных сравнений» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [12], «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [18], «Фразеологический словарь русского языка» А. Н. Тихонова [17], «Фразеологический словарь русского литературного языка» под редакцией А. И. Федорова [19]) и паремиологических изданий («Китайские пословицы и поговорки», составитель Л. А. Введенская [10]). В ходе работы использовались дефиниционный анализ, дающий необходимую для дальнейшего изучения лингвокультурологическую информацию, семантический анализ, интерпретативный, описательный и сопоставительный методы. Источниковая база темы разнопланова и многообразна, что обеспечивает основу для проведения комплексного исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследования китайского паремиологического материала позволяют заключить, что образы животных имеют особое значение для культуры страны. Это объясняется определенными историческими закономерностями: «<...> в Китае животные являлись важным источником пищи, объектом поклонения, орудием войны и играли жизненно важную роль в жизни и производстве» [1, с. 30]. Анализ китайских пословиц и поговорок позволил У. Н. Решетневой выявить, что «самыми популярными образами животных являются звери (домашние – 34,4 % и дикие – 23,8 %)» [16, с. 109].

Образ животного в китайской паремиологии достаточно прост, он отражает «его характерные внешние черты, повадки, особенности поведения», что «придает особую живость и экспрессивность» всему выражению и наполняет «его содержание дополнительными нюансами» [5, с. 26]. На основании конкретного образного наполнения, когда его сигнификативное значение достигает максимальной обобщенности, рождается символ, выражающий определенный абстрактный смысл, связанный с культурно-историческими и языковыми традициями.

Национально-культурную специфику китайского мировоззрения передают паремии с зоонимом 老虎 (букв. *тигр*), который занимает первое место по частотности использования в устойчивых выражениях [8, с. 112]. Тигр является символом защиты дома и его обитателей, покровителем брака и деторождения. Считаясь третьим из зверей китайского двенадцатилетнего лунно-солнечного календаря, это животное олицетворяет могущество и процветание, а значит, здоровье и саму жизнь. Его изображения, найденные археологами, свидетельствуют, что тигр, наравне с драконом, был тотемом для китайцев еще в древнем мире. Интерес к образу этого животного объясняется в первую очередь тем, что в Китае, как и других странах Азии, сосредоточен ареал его обитания. Тигр считался беспощадным и свирепым, о чем свидетельствует чэньюй (в китайском языке – устойчивый оборот, чаще всего состоящий из четырёх иероглифов – прим. У А.) – 谈虎色变 (букв. *Говоря о тигре, меняться в лице*) [6, с. 408]. Значение фразеологизма обусловлено таящейся в животном опасностью: страх перед ним заставляет трепетать при одном упоминании. Не сумев приручить тигра, китайцы стали ему поклоняться и почитать его, что просматривается в изображениях животного, на котором восседали маги и императоры. О приближенности тигра к символу власти говорит пословица 伴君如伴虎 – букв. *Быть возле императора – все равно, что спать с тигром* [10, с. 42]. Сравнение, положенное в основу паремии, подчеркивает сходство первого лица государства и царя зверей. С одной стороны, это почетно, но с другой – опасно, поскольку не знаешь, чего можно ожидать от такого соседства. На лбу животного «часто можно было видеть иероглиф “царь”, изображенный в письменности в виде трех полосок, как у тигра» [22, с. 284], на щитах он становился символом доблести и отличия.

В проанализированном китайском паремиологическом материале *тигр* чаще выступает символом силы и могущества, ассоциируется с опасностью и риском. Так, в чэньюйе 暴虎冯河 (букв. *Голыми руками ловить тигра, пересекать реки вброд*) [6, с. 32] говорится о безрассудной храбрости, поскольку справиться с сильным животным сложно, а выражение 狐假虎威 (букв. *Лиса пользуется могуществом тигра*) [6, с. 182] подчеркивает, что тигр олицетворяет могущественную поддержку, его авторитетом можно запугивать, опираясь на чужую силу. В следующей паремии 虎口逃生 (букв. *Спаслись из пасти тигра*) [6, с. 184], основанной на метафоре, прослеживается символика грозящей опасности: пасть животного олицетворяет сложную ситуацию, из которой удалось выйти живым, спастись от неминуемой гибели.

Символом силы зооним 老虎 (букв. *тигр*) выступает в чэньюйях 虎背熊腰 (букв. *Спина тигра, поясница медведя*) [6, с. 184] и 虎争龙斗 (букв. *Тигры борются, драконы сражаются*) [6, с. 184]. В первой фразеологической единице (далее – ФЕ) подчеркивается богатырское телосложение человека, а вторая обозначает жаркую схватку, бескомпромиссную борьбу, поскольку здесь соединяются два образа, выступавшие в истории Китая с древних времен символами императорской власти и могущества. При помощи компонента *крылья*, употребленного в чэньюйе 如虎添翼 (букв. *Словно тигру добавили крылья*) [6, с. 364], усиливается символическое значение мощи животного: силе придали еще одну силу, прибавили духа, смелости, чем окрылили и подарили надежду. О сильных соперниках

идет речь в паремии *两虎相斗* (букв. Два **тигра** дерутся между собой) [6, с. 262], а выражение *虎头蛇尾* (букв. Голова **тигра**, хвост змеи) [6, с. 184] подразумевает успешное начало дела, т. к. тигр – умное животное, и плохой конец с учетом приземленности образа змеи и конечной части ее тела.

Символом скрытого дара, нереализованного таланта зооним *老虎* (букв. тигр) выступает в паремии *卧虎藏龙* (букв. Спрятавшийся дракон, спящий **тигр**) [6, с. 54], поскольку используемые в конструкции характеристики животных (*спрятавшийся, спящий*) указывают на отсутствие динамики, свойственной норову этих почитаемых в Китае животных.

В русской культурной традиции образ *тигра* обусловлен влиянием восточной культуры, поэтому встречается нечасто, преимущественно в геральдике городов Дальнего Востока и литературных произведениях. Зооним *тигр* входит в состав устойчивых сравнений вместе с его просторечным вариантом (*тигра*) и наименованием самки (*тигрица*) [12, с. 682]. Приведенные в словаре примеры с компонентами *тигр / тигрица* являются эквивалентными. На наш взгляд, они не обладают высокой образностью, а основное символическое значение раскрывается за счет глагольных форм, входящих в устойчивое сравнение и ассоциирующихся с повадками и характеристиками тигра. Например, *вцепиться в горло как тигр* [12, с. 682], *кидаться как тигра* [12, с. 682], *сражаться (драться, бороться) как тигр* [12, с. 682], *драться как тигрица* [12, с. 682]. В этих сравнениях животное является символом храбрости, мужества, отваги. Однако многие из устойчивых оборотов с зоонимом *тигр* получают помету неодобрительно, что говорит о неприятии поведения, свойственного животному, русским сознанием: *перегрызться как тигры* [12, с. 682], *бросаться / броситься (набрасываться / наброситься) тигром (как тигр)* [12, с. 682], *злой как тигра* [12, с. 682], *ходить как тигра* [12, с. 682] и др.

Образная природа компонента *тигр*, входящего в состав русских устойчивых сравнений, неоднородна. Символом свободолюбия животное выступает в единице *метаться (ходить) [из угла в угол] как тигр в клетке (по клетке)* [12, с. 682], поскольку нахождение в замкнутом пространстве претит его натуре. Символическое значение зоркости просматривается в устойчивом сравнении *следить (наблюдать) как тигр* [12, с. 682], которое используется для характеристики человека, внимательно наблюдающего за кем-либо. *Тигр* как символ алчности определяется в устойчивом сравнении *глаза [завидующие] как у тигра* [12, с. 682]. Возможно, это вызвано повадкой животного отобрать лучший кусок добычи.

Зооним *马* (букв. лошадь / конь) занимает по частоте второе место после зоонима *老虎* (букв. тигр), что объясняется особой значимостью животного, прирученного более 5000 лет назад на северо-востоке Китая [8, с. 112]. Почтение ему оказывалось со времен правления династии Шан (около 1600–1100 до н. э.): лошадей хоронили вместе с хозяевами, а в период существования династии Западного Чжоу (1045 г. до н. э. – 771 г. до н. э.) мощь войска оценивалась числом этих животных, запряженных в колесницы. Это стало одной из предпосылок восприятия *лошади* в качестве символа власти, благополучия и чести, поскольку животное использовалось не только для перевозок, но и олицетворяло силу государства, являясь орудием завоеваний и способствуя победам. Стоит отметить, что символическое значение лошади для китайцев просматривается уже в графическом изображении самого иероглифа: «Логограмма “лошадь” 马 (mǎ) несет в себе много значений с позитивной коннотацией, среди которых скорость, сила, здоровье, свобода духа, настойчивость и талант» [11, с. 71]. Этот знак может выступать составной частью в сложных иероглифах, образующих семантическое поле «война».

Номинация представлена в устойчивых единицах китайского языка синонимичным рядом *马* лошадь, *跑马* скакун, *劣马* кляча, *骏马* рысак, *公马* жеребец.

Как символ благополучия и успешности 马 (букв. лошадь / конь) выступает во многих паремиях. Например, 骑肥马, 衣轻裘 (*Ездить на сытых конях, носить дорогие одежды*) [6, с. 68], т. е. жить в роскоши; о благополучной жизни говорит выражение 肥马轻裘 (*Сытая лошадь, легкая шуба*) [6, с. 127]; стремительную карьеру и быстрое достижение поставленных целей обещает чэньюй 天马行空 (*Волишебный конь фэйхуан вознесся и достиг*) [6, с. 125] (飛黃 fēihuáng миф. Фэйхуан – чудесный конь с рогами на спине, живущий 1000 лет; также обр. в знач.: богатырь, храбрец [3]), а возможность выдвинуться благодаря чужим заслугам подчеркивает фразеологизм 马到成功 (*Следуя за скакуном, получить имя*) [6, с. 144]. Еще один символический смысл, связанный с образом лошади – это стремительность и желание двигаться вперед, развиваться. О людях, обладающих огромной энергией и желанием к постоянному развитию, чья жизнь очень активна, говорят, например, выражения 马不停蹄 (*Конь не останавливает копыт*) [6, с. 272–273] и 万马奔腾 (*Десять тысяч коней несутся вскачь*) [6, с. 434]. С образом коня в представлении китайцев ассоциируется стремительность, строптивость, неудержимое желание достигать цели и напористость, которая подчеркивается фразеологизмами 野马难驯 (*букв. Дикого жеребца не укротить*) [6, с. 216], 渴骥奔泉 (*букв. Мучимый жаждой скакун несутся к роднику*) [6, с. 233]. Стоит отметить, что энергичность, связанная с образом лошади, никак не зависит от возраста. Адъектив 老 (*букв. старый*), встречающийся в чэньюях 老马恋栈 (*букв. Старый конь любит свое стойло*) [6, с. 251–252]; 老马识途 (*букв. Старый конь знает дорогу*) [6, с. 252]; 老骥伏枥 (*букв. Старый рысак клонится к яслям*) [6, с. 251], подчеркивает опытность человека, а заключенная в выражениях метафоричность говорит о желании продолжать дело, которое он хорошо знает, и стремлении к новым свершениям.

С другой стороны, лошадь в отобранном китайском паремиологическом материале выступает в качестве символа силы человека, находящегося на войне, и мощи государства в целом. Фразеологизмы с зоонимом 马 (*букв. конь*) отмечают стремление действовать в одиночку и обходиться своими силами, причем значимость коня приравнивается к ценности оружия (单枪匹马 – *букв. Одна пика, один конь* [6, с. 96]), подчеркивают готовность к боевым действиям, участие в которых возможно только при условии сытости лошади (洗兵牧马 – *букв. Подготовить оружие, накормить коней* [6, с. 259]), а грозный, сосредоточенный вид и уверенность в своих силах усиливается компонентом 骑, 踩 (*букв. гарцевать*) в чэньюе 盘马弯弓 (*Гарцевать на лошади и натягивать лук* [6, с. 311]). Образ торопящегося коня раскрывает поспешность приготовления к боевым действиям и занятость военными делами (戎马倥偬 – *Боевой конь спешит, торопится* [6, с. 362]), а метонимичный перенос с использованием числительного 一 (只) (*букв. один*) в сочетании с зоонимом 马 (*букв. конь*) и компонентом 轮子 (*букв. колесо*) рождает образ разбитой армии с плохим снаряжением (匹马只轮 – *букв. Один конь да одно колесо* [6, с. 318]). При этом образ лошади может являться символом окончания военных действий и возвращения к мирной жизни (归马放牛 – *букв. Вернуть лошадей, освободить быков* [6, с. 165]).

Значимость лошади в представлении китайцев подчеркивается и фразеологизмом 马革裹尸 – *букв. Труп завернут в лошадиную шкуру* [6, с. 273]: так говорят о воине, героически погибшем в бою. Однако пословица 马背上可得天下, 而不能治天下 (*букв. На коне можно завоевать Поднебесную, но управлять ею с коня нельзя*) [10, с. 7] предупреждает о том, что могущество коня не абсолютно, поскольку с его помощью можно лишь получить власть над Китаем, который олицетворяет компонент 普天之下 (*букв. Поднебесная*), но подчинить ее окончательно невозможно.

Преимущественно схожее символическое значение приобретает компонент-зооним *лошадь / конь*, включенный в состав русских ФЕ, что тоже объясняется национально-культурной спецификой: «В славянской культуре он занимает особо важное место, являясь одним из самых почитаемых в славянской традиции животных» [2, с. 218]. В русском сознании конь предстает сильным, быстрым и свободолюбивым животным. С одной стороны, человека восхищает его грация, а с другой – конь становится незаменимым помощником в хозяйстве, верным другом на полях сражений и быстрым средством передвижения [4, с. 115–116].

Чаще всего в сознании русского народа *лошадь* выступает символом работы и успеха. Так, фразеологизмы *рабочая лошадка*, *ломовая лошадь*, *конь не валялся* ([18, с. 205]) передают разную степень вовлеченности человека в процесс труда. Адъективы *рабочая* и *ломовая*, употребленные в первой и второй ФЕ, позволяют подчеркнуть усердность работы и ее сложность, поскольку речь идет об особой породе лошадей, отличающейся тяжеловесностью и большой силой и использующейся преимущественно для перевозки груза. Выражение *конь не валялся* ([18, с. 205]), наоборот, говорит о том, что к работе еще не приступали. Значение ФЕ обусловлено повадками животного, которое может валяться в пыли, луже или траве, чтобы избавиться от насекомых или освежиться, т. е. будучи не привлеченной к сельскохозяйственным работам.

В русской традиции *конь* часто выступает символом успеха, победы, что объясняется как грациозным и статным внешним видом животного, так и его участием в военных действиях. Об этом свидетельствуют упоминания в тексте Библии, где о лошади говорится по отношению к войне: «Их запрягали в боевые колесницы. <...> Благодаря своему крайне важному значению для исхода битвы конь стал символом военной силы и национальной безопасности» [15, с. 545].

Несмотря на то что в выражениях *быть на коне* ([17, с. 116]), *въехать на белом коне*, *сесть / садиться на своего любимого конька* ([17, с. 405]), *делать / сделать ход конем* ([19, с. 145]) компонент *конь* является зависимым по отношению к главному глагольному, именно его роль становится основополагающей на лексическом уровне и способствует правильному восприятию культурологической информации. Например, ФЕ *въехать на белом коне* имеет значение ‘завершить дело с триумфом’. Стоит отметить неслучайность употребления колоратива *белый* – белые лошади в природе встречаются реже лошадей других мастей, поэтому именно их выбирали полководцы-победители для торжественного въезда в город. *Белая лошадь* в русской традиции считается символом жизни и света, а в фольклоре животное наделялось магической силой, поскольку «белый (золотой) конь был атрибутом Господа Бога» в христианском вероучении [14, с. 591]. Положение по отношению к коню в антонимичных выражениях *быть на коне* ([17, с. 116]) и *быть под конем* ([19, с. 289]) указывает на выгодность / невыгодность положения, в котором находится человек, т. е. на ситуацию успеха / неуспеха. Происхождение фразеологизмов *сесть / садиться на своего любимого конька* ([18, с. 405]), *делать / сделать ход конем* ([19, с. 145]) не связано с военными действиями, но тоже говорят о ситуации успеха. Ироничное выражение *делать / сделать ход конем* пришло в русскую речь из игры в шахматы, оно имеет значение ‘использовать хитрый и эффективный прием для достижения какой-либо цели’ [19, с. 145], а шутивное выражение *сесть / садиться на своего любимого конька*, т. е. ‘начинать говорить, рассуждать, распространяться на излюбленную тему’ [18, с. 405], происходит от детского развлечения ездить верхом на палочке с лошадиной головой и предположительно является калькой французского выражения *c'est son dada* или английского оборота *it is his hobby horse* (‘это его любимая лошадка’).

Если *лошадь* выступает как отрицательный символ глупости и лживости, то в русских паремиях в качестве компонента-зоонима используются синонимы *мерин*, *кляча*, *кобыла*:

врет как сивый мерин ([17, с. 146]) и глуп как сивый мерин ([17, с. 146]), бред сивой кобылы, старая кляча. Частотно используемый колоратив *сивый* дает возможность понять, что лошади сизо-серой масти меньше ценились на Руси, поскольку считались старыми и не приносящими пользы: «Сивый = седой (холодный, ‘неплодородный’ свет, относящийся к старости). В древнерусском *сивъ*, сивый – темно-серый с сединою» [2, с. 221].

Выводы. Таким образом, зооморфный код в языке выступает одним из базовых для определения менталитета и языкового сознания народа. Компоненты-зоонимы, входящие в состав паремий, позволяют обнаружить символическое значение тех или иных животных, обладающих определенной значимостью в мировосприятии представителей различных народностей. Зооморфные и объективные характеристики, заключенные в языковых единицах, отражают свойства человеческого мышления и способствуют расширению представления о культуре народа в целом.

Образ *тигра* в китайских чэньюйях выступает в качестве символа силы и могущества и ассоциируется с опасностью и риском, реже встречается ассоциация с *тигром* как символом скрытого дара. В русских устойчивых сравнениях компонент-зооним *тигр* носит амбивалентный характер. С одной стороны, он выступает символом храбрости, мужества и свободолюбия, однако, с другой – приобретает отрицательную коннотацию и ассоциируется со злостью, яростью, алчностью.

На основании анализа китайского и русского паремиологического материала можно заключить, что представление о лошади в культурах двух народностей оказывается схожим. Конь выступает символом благополучия и успешности, однако если в китайских паремиях акцентируется внимание на возможности двигаться вперед и развиваться, то в русских устойчивых выражениях конь ассоциируется с уже достигнутым успехом. Кроме того, в русских фразеологизмах зооним *конь* выступает символом работы, что не отмечается в китайских чэньюйях. Объединяет восприятие животного в обеих культурах – символизация коня как окончания военных действий и одержания победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багана Ж., Михайлова Ю. С. Фаунонимическая лексика в системе языка и ее национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 24(119), вып. 12. – С. 84–93.
2. Бекмурзаева Ф. Ш. Мифосимволическая составляющая анималистического концепта *лошадь* / *конь* в русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 22(1). – С. 216–223.
3. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/chi_rus/276790/%E9%A3%9B%E9%BB%83 (дата обращения: 23.08.2024).
4. Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
5. Вастьянова О. А. Лингвокультурологические особенности английских, китайских и русских пословиц и поговорок с лексемами, описывающими животных // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 23–26.
6. Готлиб О. М., Хуан М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
7. Даулет Ф. Н. Лингвокультурологические и семантические свойства фразеологических единиц с зооморфными компонентами (на материале китайского языка) [Электронный ресурс] // Litera. – 2019. – № 6. – URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31168 (дата обращения: 02.09.2024).
8. Иванищева О. Н., Мэнцзе Лян. Мир животных сквозь призму народной мудрости: сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о коне / лошади / олене // Человек. Культура. Образование. – 2021. – № 3(41). – С. 106–123.
9. Иванов Е. И., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 3. – С. 232–248.
10. Китайские пословицы, поговорки / сост. Л. А. Введенская. – Ростов-на-Дону : Ростовское книжное издательство, 1959. – 119 с.

11. Ладыгина А. А., Адилханян Н. Л. Анализ социокультурной символики лошади в Китае // Современные наука и образование: достижения и перспективы развития : Материалы национальной научно-практической конференции: в 2-х ч. Ч. 2. – Керчь : Керченский государственный морской технологический университет, 2021. – С. 70–75.
12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
13. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.
14. Петрухин В. Я. Конь // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. / Институт славяноведения РАН; Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2 : Д (Давать) – Я (Ящерица). – М. : Международные отношения, 2014. – С. 590–594.
15. Райкен Л., Уилхойт Дж., Лонгман Т. Словарь библейских образов / пер. Б. А. Скороходов, О. А. Рыбакова. – СПб. : Библия для всех, 2005.
16. Решетнева У. Н. Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09. – Омск, 2006. – 202 с.
17. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – 336 с.
18. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.
19. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А. И. Федорова. – М. : Топиал, 1995. – 608 с.
20. Харитонова Е. Ю. Трактровка понятия «символ» в лингвистике [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – 2014. – № 1. – С. 1–8. – URL : www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 02.09.2024).
21. Хо Б., Ян Х. Культурные коннотации слова «тигр» в китайском лингвокультурном пространстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 8-2(71). – С. 85–89.
22. Шереметьева Н. В. Образ тигра в культуре Китая // Современная научная мысль. – 2022. – № 4. – С. 283–287.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024

REFERENCES

1. Bagana Zh., Mihajlova Yu. S. Faunonimicheskaya leksika v sisteme yazyka i ee nacional'no-kul'turnaya specifika (na materiale leksicheskikh edinic «loshad'», «kon'», «svin'ya» v russkom, anglijskom i nemeckom yazykah) // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2011. – № 24(119), vyp. 12. – S. 84–93.
2. Bekmurzaeva F. Sh. Mifosimvolicheskaya sostavlyayushchaya animalisticheskogo koncepta loshad' / kon' v russkoj yazykovoj kartine mira // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 22(1). – S. 216–223.
3. Bol'shoy kitajsko-russkij slovar' [Elektronnyj resurs]. – URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/chi_rus/276790/%E9%A3%9B%E9%BB%83 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
4. Brileva I. S., Vol'skaya N. P., Gudkov D. B. Russkoe kul'turnoe prostranstvo : lingvokul'turologicheskij slovar'. – M. : Gnozis, 2004. – 318 s.
5. Vast'yanova O. A. Lingvokul'turologicheskie osobennosti anglijskikh, kitajskikh i russkikh poslovic i pogovorok s leksemami, opisyyvayushchimi zhivotnyh // Trudy molodyh uchenykh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 11. – S. 23–26.
6. Gotlib O. M., Huain Mu. Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Okolo 3500 vyrazhenij. – 2-e izd., stereotip. – Irkutsk : Izd-vo IGU, 2019. – 596 s.
7. Daulet F. N. Lingvokul'turologicheskie i semanticheskie svojstva frazeologicheskikh edinic s zoomorfnymi komponentami (na materiale kitajskogo yazyka) [Elektronnyj resurs] // Litera. – 2019. – № 6. – URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31168 (data obrashcheniya: 02.09.2024).
8. Ivanishcheva O. N., Mencze Lyan. Mir zhivotnyh skvoz' prizmu narodnoj mudrosti: сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о коне / лошади / олене // Человек. Культ. Образование. – 2021. – № 3(41). – С. 106–123.
9. Ivanov E. I., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu. Semanticheskij analiz tuvinskih poslovic: modeli, obrazy, ponyatiya (na evropejskom paremiologicheskom fone) // Novye issledovaniya Tuvy. – 2021. – № 3. – С. 232–248.
10. Kitajskie poslovice, pogovorki / sost. L. A. Vvedenskaya. – Rostov-na-Donu : Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 119 s.
11. Ladygina A. A., Adilhanyan N. L. Analiz sociokul'turnoj simboliki loshadi v Kitae // Sovremennye nauka i obrazovanie: dostizheniya i perspektivy razvitiya : Materialy nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-h ch. Ch. 2. – Kerch' : Kerchenskij gosudarstvennyj morskoy tekhnologicheskij universitet, 2021. – S. 70–75.

12. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkih narodnyh sravnenij. – M. : ZAO «OLMA Media Grupp», 2008. – 800 s.
13. Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov // Semiotika. – M. : Raduga, 1983. – S. 37–89.
14. Petruhin V. Ya. Kon' // Slavyanskije drevnosti : Etnolingvisticheskiy slovar' : V 5 t. / Institut slavyanovedeniya RAN; Pod obshchej red. N. I. Tolstogo. T. 2 : D (Davat') – Ya (Yashcherica). – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014. – S. 590–594.
15. Rajken L., Uilhojt Dzh., Longman T. Slovar' biblejskih obrazov / per. B. A. Skorohodov, O. A. Rybakova. – SPb. : Bibliya dlya vsekh, 2005.
16. Reshetneva U. N. Etnopoetika kitajskih poslovic i pogovorok : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.09. – Omsk, 2006. – 202 s.
17. Frazеologicheskiy slovar' russkogo yazyka / sost. A. N. Tihonov (ruk. avt. kol.), A. G. Lomov, L. A. Lomova. – M. : Rus. yaz. – Media, 2003. – 336 s.
18. Frazеologicheskiy slovar' russkogo yazyka / L. A. Vojnova, V. P. Zhukov, A. I. Molotkov, A. I. Fedorov; Pod red. A. I. Molotkova. – 4-e izd., stereotip. – M. : Rus. yaz., 1987. – 543 s.
19. Frazеologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII–XX vv. / pod red. A. I. Fedorova. – M. : Topikal, 1995. – 608 s.
20. Haritonova E. Yu. Traktovka ponyatiya «simvol» v lingvistike [Elektronnyj resurs] // Elektronnyj zhurnal «Vestnik MGOU». – 2014. – № 1. – S. 1–8. – URL : www.evestnik-mgou.ru (data obrashcheniya: 02.09.2024).
21. Ho B., Yan H. Kul'turnye konnotatsii slova «tigr» v kitajskom lingvokul'turnom prostranstve // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2022. – № 8-2(71). – S. 85–89.
22. Sheremet'eva N. V. Obraz tigra v kul'ture Kitaya // Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2022. – № 4. – S. 283–287.

The article was contributed on September 12, 2024

Сведения об авторе

У Айхуэй – аспирант филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0008-8769-2316>, wuaihui123@gmail.com

Author Information

Wu, Aihui – Post-graduate Student of the Faculty of Philology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0008-8769-2316>, wuaihui123@gmail.com

УДК 811.112.22'371-13

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.017

А. И. Хлопова

МЕТОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ *FREUNDSCHAFT* (ДРУЖБА))

*Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье устанавливается содержание базовой ценности *Freundschaft* (дружба) в немецкой лингвокультуре. Наполнение понятия определяется с помощью различных взаимоверифицирующих методов. Исследование строится на основе анализа данных двух свободных ассоциативных экспериментов, проведенных автором статьи с носителями немецкой лингвокультуры в 2019 г. и 2024 г. Возраст респондентов варьируется от 17 до 25 лет. По условиям эксперимента они должны были реагировать первым пришедшим на ум понятием на предложенные слова-стимулы, одним из которых выступила анализируемая базовая ценность *Freundschaft* (дружба). Полученные результаты верифицируются с помощью субъективного шкалирования, а также уточняющего вопроса. Установлено, что понятие *Freundschaft* (дружба) имеет высокую значимость для респондентов. Ассоциативное поле рассматриваемой ценности пересекается с другими, что свидетельствует о глубоком личностном осмыслении исследуемого слова. Кроме того, полученные данные указывают на относительную стабильность базовой ценности *Freundschaft* (дружба) среди немецких респондентов, что подтверждает высокий индекс ее стабильности.

Ключевые слова: базовые ценности, дружба, немецкая лингвокультура, трансформация, методы

A. I. Khlopova

METHODS FOR REVEALING THE CONTENT OF BASIC VALUES (USING THE EXAMPLE OF THE BASIC VALUE *FREUNDSCHAFT* (FRIENDSHIP))

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The article uses various psycholinguistic methods to reveal the content of the basic value *Freundschaft* (friendship) in the German linguistic culture. The relevance of this study is determined, first of all, by the use of various mutually verifying research methods that allow us to most accurately determine the psychologically relevant content of the basic value under study. The study is based on the analysis of the data from two free associative experiments conducted by the author of the article with native speakers of German linguistic culture in 2019 and 2024. The age of the respondents ranged from 17 to 25 years. According to the conditions of the experiment, respondents had to respond to the proposed stimulus words with the first word that came to mind. One of the stimulus words was the word *Freundschaft* (friendship). The obtained results are verified by the method of subjective scaling, as well as a clarifying question. As a result, it was found that *Freundschaft* (friendship) is of high importance to the respondents. The associative field of the value *Freundschaft* (friendship) intersects with the associative fields of other values, which indicates a deep personal understanding of the value under study by the respondents. In addition, the data obtained indicate the relative stability of the basic value under study among the German respondents, which confirms the high index of value stability.

Keywords: basic values, friendship, German linguistic culture, transformation, methods

Введение. Многие ученые из разных областей знаний занимаются исследованием базовых ценностей, отмечая при этом значительную роль языка, поскольку он является

не просто средством коммуникации, он позволяет определить мировоззрение, «несет на себе отпечаток материально-духовной жизнедеятельности определенной этнической общности» [2]. Базовые ценности входят в число этнических констант, которые получают реальное существование только через усвоение их содержания индивидами в процессе конкретной деятельности, в частности речевой, поэтому язык является естественным репрезентантом их содержания и трансформации. По словам А. А. Леонтьева, речевое действие – это единица деятельности, частный случай действия, входящего в состав акта деятельности [3]. В таком случае соотношение стимул–реакция следует рассматривать, вслед за исследователем, как речевое действие.

Психолингвисты (В. А. Пищальникова, И. А. Бубнова, Н. И. Степыкин и др.) полагают, что именно свободный ассоциативный эксперимент, проведенный с носителями конкретной лингвокультуры, позволяет наиболее точно определить содержание национально-специфичных понятий, в том числе базовых ценностей. Однако, на наш взгляд, любой метод нуждается в разного рода верификациях, которые позволят уточнить изменения эмоционально-оценочного компонента, с которого начинает формироваться содержание самой ценности.

На сегодняшний день ученые выделяют различные ценности в качестве базовых ([1], [8], [9], [10], [11]). К таким наиболее значимым понятиям практически любого народа относится «дружба». Для молодых людей она представляется важной еще и потому, что является неформальным институтом для социализации этой возрастной группы [4]. Несмотря на то что дружба воспринимается в качестве наиболее важной «социальной и нравственной ценности, она считается ценностью очень редкой» [5].

Целью статьи является рассмотрение содержания ценности *Freundschaft* (дружба) в немецкой лингвокультуре. Для ее реализации автор решает следующие задачи:

- обращение к данным двух свободных ассоциативных экспериментов;
- сопоставление полученных данных между собой;
- определение индекса устойчивости исследуемой базовой ценности в немецкой лингвокультуре;
- верификация данных с помощью метода субъективного шкалирования, а также уточняющего вопроса.

Актуальность исследуемой проблемы. На данный момент существует незначительное количество научных работ, посвященных исследованию базовой ценности «дружба», т. к. она воспринимается как «не заслуживающая пристального внимания, но сегодня ученые признают, что дружба – один из важнейших факторов, влияющих на социальное благополучие» [7, с. 453], а потому этот феномен требует детального рассмотрения. Актуальность настоящей работы определяется также использованием различных взаимоверифицирующих методов исследования, которые позволяют наиболее точно определить психологическое содержание базовой ценности.

Материал и методы исследования. Теоретико-методологической базой работы выступает теория речевой деятельности А. А. Леонтьева [3]. Материал для исследования – данные двух экспериментов (2019 г. и 2024 г.). Респонденты – носители немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 25 лет, студенты и школьники старших классов, проживающие в городах Баден-Баден, Берлин, Фрайбург, Фехта, Франкфурт-на-Майне, Потсдам. Всего в эксперименте приняли участие по 200 человек в 2019 г. и в 2024 г. По условиям эксперимента респонденты должны были реагировать первым пришедшим на ум словом на предложенные слова-стимулы. Одним из них выступила лексема *Freundschaft* (дружба).

Результаты исследования и их обсуждение.

Данные лексикографических источников.

Согласно толковому словарю немецкого языка Duden слово *Freundschaft* (дружба) определяется как “*auf gegenseitiger Zuneigung beruhendes Verhältnis von Menschen zueinander*”

(отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности) [8]. Отметим, что в словарях ранних лет издания содержится информация о том, что в основе подобных взаимоотношений лежат симпатия, привязанность, доверие.

Данные свободного ассоциативного эксперимента 2019 г.

Всего в ходе эксперимента получено по 200 реакций, которые предлагается распределить в соответствии с моделью ассоциативного значения [6] для более детального анализа содержания базовой ценности *Freundschaft* (дружба):

Понятия: *Bindung* (связь), *Zuneigung* (симпатия) – всего 2 реакции.

Реакции-понятия соответствуют словарному значению лексемы *Freundschaft* (дружба), а также одному из выделенных компонентов семантики – отношения, основанные на взаимной симпатии, привязанности, доверии, верности, товариществе.

Представления:

Чувства, на которых строится дружба, и реализация иных ценностей: *Liebe* (любовь) – 31, *Vertrauen* (доверие) – 20, *Familie* (семья) – 14, *Zusammenhalt* (сплоченность) – 11, *Glück* (счастье) – 7, *verlassen können* (возможность положиться) – 2, *Ehrlichkeit* (честность), *Hilfe* (помощь), *hilfsbereit* (готовый помочь), *Leben* (жизнь), *Rückhalt* (поддержка, опора), *Treue* (верность), *etwas Ufer* (немного берега), *Unterstützung* (поддержка) – по 1. Всего 93 реакции.

Разновидность дружеских отношений: *Freunde* (друзья) – 16, *Freund* (друг) – 12, *Ela* (Эла), *Freundinnen* (подруги), *Jenny* (Дженни), *Kumpel* (товарищ), *Semra* (Земра) – по 1. Всего 33 реакции.

Совместное проведение свободного времени: *Freizeit* (свободное время) – 8, *Barstammgäste* (постоянные клиенты в баре) – 1. Всего 9 реакций.

Начало и укрепление дружеских отношений: *beginnen* (начинать), *besorgen* (хранить), *starten* (начинать), *unternehmen* (начинать) – всего 4 реакции.

Время существования дружеских отношений: *Kindheit* (детство) – всего 1 реакция.

Одиночество: *Verlassenheit* (одиночество) – всего 1 реакция.

Большое количество реакций-представлений (70 % от общего числа) позволяет выделить дополнительные признаки: ‘чувства, на которых строится дружба, и реализация иных ценностей’, ‘разновидность дружеских отношений’, ‘совместное проведение свободного времени’, ‘начало и укрепление дружеских отношений’, ‘время существования дружеских отношений’, ‘одиночество’.

Наиболее значимым в количественном плане является признак ‘чувства, на которых строится дружба, и реализация иных ценностей’ – 46,5 % от общего числа реакций. Последние, как и в случае лексической сочетаемости, проанализированной выше, представляют собой чувства, которые лежат в основе ценности *Freundschaft* (дружба). По мнению респондентов, дружеские отношения базируются на взаимопомощи, верности, честности и т. д. В то же время они сами являются ценностями, поскольку пересекаются между собой и создают другие.

В качестве конкретной реализации базовой ценности *Freundschaft* (дружба) респонденты называют имена собственные (друзей и подруг).

Единичная реакция *Kindheit* (детство), на основе которой выделяется признак ‘время существования дружеских отношений’, позволяет говорить о том, что такая ценность как *Freundschaft* (дружба) берет начало именно в этот период времени. Считается, что самые крепкие дружеские отношения зарождаются в детские годы и продолжают существовать всю жизнь. В то же время можно предположить, что исследуемая ценность представляет особую важность именно для респондентов в возрасте от 17 до 25 лет. Для людей более старшего возраста ее заменяют такие понятия как *семья*, *работа* и т. д. Однако такое предположение требует верификации.

В качестве антонимичного понятия *Freundschaft* (дружба) респонденты называют *Verlassenheit* (одиночество).

Эмоционально-оценочные реакции:

– положительные: *wichtig* (важно) – 32, *gut* (хорошо) – 6, *schön* (прекрасно) – 6, *Spaß* (удовольствие) – 5, *bedeutend* (значительно), *fröhlich* (радостно), *grundlegend* (основополагающее), *lustig* (весело), *nah* (близко), *notwendig* (необходимо) – по 1. Всего 55 реакций;

– отрицательные: *kein Interesse* (неинтересно) – всего 1 реакция.

Эмоционально-оценочные реакции характеризуют базовую ценность *Freundschaft* (дружба) как особенно важную в жизни респондентов. Она также приносит удовольствие, веселье, радость и другие позитивные чувства. Положительные реакции составляют 22,5 % от общего количества.

Данные свободного ассоциативного эксперимента 2024 г.

Понятия: *Verbindung* (связь) – всего 12 реакций.

Эта понятийная реакция соответствует словарному значению слова и представляет 6 % от их общего количества.

Представления:

Чувства, на которых строится дружба, и реализация иных ценностей: *Familie* (семья) – 17, *Vertrauen* (доверие) – 14, *Loyalität* (лояльность) – 11, *Verbundenheit* (тесная связь) – 11, *Zusammenhalt* (поддержка) – 10, *Liebe* (любовь) – 6, *Freude* (радость) – 5, *Frieden* (мир) – 4, *Ehrlichkeit* (честность) – 3, *Treue* (верность) – 2, *die selbst gewählte Familie* (семья, выбранная самостоятельно), *Füreinander* (друг за друга), *Glück* (счастье), *helfen* (помогать), *Hilfe* (помощь), *Lächeln* (улыбка), *Lachen* (смех), *Zuverlässigkeit* (надежность) – по 1. Всего 91 реакция.

Близость: *Seele* (душа), *Umarmung* (объятия), *vertraut* (близкий) – всего 3 реакции.

Разновидность дружеских отношений: *Partnerschaft* (партнерство) – 10, *Anna* (Анна), *beste Freundin* (лучшая подруга), *Cathi* (Кати), *Diana* (Диана), *Mädchen* (девочки), *Nicole* (Николь), *Simon* (Симон) – по 1. Всего 17 реакций.

Совместное проведение свободного времени: *Freizeit* (свободное время) – 3, *Bier* (пиво), *Kaffeetrinken* (пить кофе), *spielen* (играть) – по 1. Всего 6 реакций.

Время существования дружеских отношений: *beständig* (постоянный, стойкий), *Beständigkeit* (постоянство, стабильность), *Kindheit* (детство), *lebenslang* (на протяжении всей жизни) – всего 4 реакции.

Дружба как наивысшая ценность: *Lebensinhalt* (смысл жизни), *lebensnotwendig* (необходимо для жизни), *Lebensqualität* (качество жизни), *Sinn* (смысл), *Sonne* (солнце), *überlebenswichtig* (жизненно необходимый) – всего 6 реакций.

Вражда, предательство, разочарование в дружеских отношениях: *Verrat* (предательство) – всего 1 реакция.

Как и в эксперименте 2019 г., наиболее значимо в количественном плане представлен дополнительный признак ‘чувства, на которых строится дружба, и реализация иных ценностей’ – 45,5 % от общего числа реакций. При этом они также качественно сопоставимы. Реакции, относящиеся к данному признаку, указывают на качества, необходимые для существования дружеских отношений: поддержка, доверие, верность и т. д. При этом важную роль играет семья (8,5 % от общего количества реакций), поскольку именно в семейных отношениях реализуются дружеские.

8,5 % реакций объединены признаком ‘разновидность дружеских отношений’. При этом 5 % представляет собой реакция *Partnerschaft* (партнерство). Предположим, что в данном случае речь идет о рабочих отношениях между коллегами и друзьями, но отсутствует указание, как в случае реакции на слова-стимулы *Familie* (семья) и *Liebe* (любовь), на отношения, близкие незарегистрированному браку. Остальные реакции, как и в эксперименте 2019 г., представляют собой имена конкретных друзей респондентов.

Признак 'близость' объединяет в себе реакции, которые образуют еще одну ценность, важную для реализации дружбы.

Признак 'совместное проведение свободного времени' количественно и качественно сопоставим с тем же признаком в эксперименте 2019 г.

2 % реакций репрезентируют признак 'время существования дружеских отношений'. Однако в отличие от 2019 г. он также указывает на длительность, долгосрочность дружбы.

3 % реакций представляют дружбу как наивысшую ценность. Она воспринимается респондентами как смысл жизни, нечто жизненно необходимое, без чего невозможно существование в целом. Полагаем, что объединенные в дружбе иные чувства, такие как любовь, семья, мир, доверие, честность, взаимопомощь, не только представляют ее как наивысшую ценность, но в целом позволяют еще раз подчеркнуть ее важность и базисность для жизни человека. Реализация сосуществования ценностей определяет комфорт индивида в обществе.

Эмоционально-оценочные реакции:

– положительные: *wichtig* (важно) – 32, *angenehm* (приятный), *bereichernd* (обогащающий), *das wichtigste* (самое главное), *essentiell* (незаменимый), *gut* (хорошо), *ja* (да), *schadet nicht* (не повредит), *schön* (прекрасна), *Spaß* (удовольствие), *warm* (теплый), *wertvoll* (ценный), *wundervoll* (удивительна) – по 1. Всего 44 реакции.

– отрицательные: *schwer* (тяжело), *schwierig* (сложно), *unecht* (ненастоящая) – всего 3 реакции.

22 % от общего количества реакций положительные, как и в эксперименте 2019 г., подчеркивают важность рассматриваемой базовой ценности.

Культурные реакции: *der Herr der Ringe* (властелин колец) – всего 1 реакция.

Эта реакция связана с всемирно известным фильмом, одной из центральных тем которого является дружба между Фродо и Сэмом, которая помогает главному герою совершать подвиги.

Сопоставление полученных данных двух ассоциативных экспериментов указывает на высокую значимость исследуемой базовой ценности для респондентов. Небольшое количество понятийных и отсутствие формальных реакций, а также значительное число разнообразных реакций-представлений свидетельствуют о присвоенности дружбы респондентами. Эмоционально-оценочные реакции, представленные преимущественно положительно, также подтверждают эту идею. Следует отметить, что данные двух ассоциативных экспериментов сопоставимы, что указывает на стабильность исследуемой базовой ценности среди немецких респондентов. Ассоциативное поле понятия *Freundschaft* (дружба) пересекается с другими, что свидетельствует о глубоком личностном осмыслении анализируемой ценности опрашиваемыми.

Индекс устойчивости базовых ценностей.

Для верификации полученных данных мы обращаемся к другим видам эксперимента, позволяющим уточнить психологически актуальное содержание базовых ценностей.

Как было отмечено выше, на основе анализа реакций респондентов, данных с разницей в 5 лет, можно выявить индекс устойчивости понятия *Freundschaft* (дружба). Выявим для этого реакции, которые остались неизменными.

Ядерные реакции, представленные в двух экспериментах, сопоставимы в количественном и качественном плане. Отличие составляют понятия *Freunde* (друзья) – 16 и *Freund* (друг) – 12, которые не были даны респондентами в эксперименте 2024 г. Ядерные реакции *Verbindung* (связь) – 12, *Loyalität* (лояльность) – 11, *Verbundenheit* (тесная связь) – 11, *Partnerschaft* (партнерство) – 10, *Zusammenhalt* (поддержка) – 10, *Liebe* (любовь) – 6, *Freude* (радость) – 5, *Frieden* (мир) – 4 не были указаны опрашиваемыми в эксперименте 2019 г.

В количественном плане эти реакции несколько расходятся. Особенно значимым является снижение количества понятий *Liebe* (любовь) с 31 до 6 реакций. Остальные количественные различия менее значимы: число понятий *Vertrauen* (доверие) снизилось с 20 до 14 реакций, *Zusammenhalt* (сплоченность) – с 11 до 10, *Freizeit* (свободное время) – с 8 до 3, *Glück* (счастье) – с 7 до 1, *gut* (хорошо) – с 6 до 1, *schön* (прекрасно) – с 6 до 1, *Spaß* (удовольствие) – с 5 до 1.

Незначительно увеличилось количество реакций *Familie* (семья) с 14 до 17, *Ehrlichkeit* (честность) – с 1 до 3, *Treue* (верность) – с 1 до 2.

Результаты эксперимента свидетельствуют об относительной сохранности ценности *Freundschaft* (дружба), которая признается опрошенными респондентами как значимая, что подтверждается также тем фактом, что ассоциативное поле понятия пересекается с другими чувствами (любовь, доверие, семья, счастье).

Индекс сохранности измеряется следующим образом:

Количество разнообразных реакций 2019 г. следует разделить на количество реакций, которые сохранились в эксперименте 2024 г.: $42 / 14 = 3$.

Индекс сохранности, равный более 1, позволяет говорить о стабильности исследуемой ценности, а также о ее высокой значимости для опрошенных.

Верификация результатов ассоциативного эксперимента методом субъективного шкалирования.

Метод субъективного шкалирования – один из приемов трансформации качественных характеристик слова в числовую переменную.

В анкете респондентов просили оценить степень эмоциональности слова *Freundschaft* (дружба) и дать ему оценку от 1 до 5, где 1 – неэмоционально, 5 – эмоционально. Согласно результатам шкалирования все опрашиваемые находят анализируемое слово-стимул эмоциональным (средняя оценка – 3,8) и положительным (средняя оценка – 3,4).

Уточняющий опрос.

Для дополнительной проверки результатов эксперимента проведен опрос, в котором респонденты должны были ответить на вопрос «Что такое дружба?». Состав опрашиваемых оставался прежним.

Распределим ответы в соответствии с уже выделенными при анализе данных свободного ассоциативного эксперимента интегративными признаками. Всего от респондентов получено 30 определений слова *Freundschaft* (дружба), однако в них выделяется несколько оснований предикации, поэтому один ответ может соответствовать нескольким интегративным признакам.

Реализация иных ценностей (35 %):

1. *Freundschaft hat für mich eine ähnliche Bedeutung wie Familie* / Для меня дружба имеет такое же значение, как и семья.

2. *Zumindest sehr enge Freundschaft ist wie Familie, nur dass man nicht miteinander verwandt ist* / Как минимум очень близкая дружба – это как семья, единственное, что люди не родственники друг другу.

3. *Vertrauen ist sehr wichtig innerhalb einer Freundschaft. Dabei muss man sich nicht oft persönlich sehen, um eng miteinander befreundet zu sein* / Доверие очень важно в дружбе. Чтобы быть близкими друзьями, не обязательно часто видеться лично.

4. *Freundschaft ist die Beziehung zwischen Menschen. Sie basiert auf Vertrauen* / Дружба – это отношение между людьми. Оно основано на доверии.

5. *Vertrauensmenschen und Personen auf die man immer zählen kann* / Люди, которым можно доверять и на которых всегда можно рассчитывать.

6. *Freunde sind die Familie, die man sich aussuchen kann* / Друзья – это семья, которую вы можете выбрать.

7. *Vertrauen* / Доверие.

8. *Menschen, denen ich vertrauen kann* / Люди, которым я могу доверять.

9. *Fast die Familie* / Почти семья.

10. *Menschen, die ich liebe* / Люди, которых я люблю.

11. *Liebe und Vertrauen* / Любовь и доверие.

Люди (19 %):

1. *Meine Freunde* / Мои друзья.

2. *Leute, mit denen ich mich gut verstehe* / Люди, с которыми я хорошо лажу.

3. *Menschen, denen ich vertrauen kann* / Люди, которым я могу доверять.

4. *Menschen, mit denen ich mich gut verstehe und gemeinsame Werte teile* / Люди, с которыми я хорошо лажу и разделяю общие ценности.

5. *Leute, die ich von klein auf kenne* / Люди, которых я знаю с детства.

6. Многоуровневый социальный конструкт.

Дружба как наивысшая ценность (16 %):

1. *Freundschaft hat für mich eine ähnliche Bedeutung wie Familie* / Для меня дружба имеет такое же значение, как и семья.

2. *Für mich haben nur wenige das Privileg, Freund/in genannt zu werden* / Для меня лишь немногие имеют честь называться друзьями.

3. *Wichtig* / Важно.

4. *Ist für mich wichtig* / Важно для меня.

5. *Gute Freunde – Sinn des Lebens* / Хорошие друзья – смысл жизни.

Поддержка (9 %):

1. *In einer engen Freundschaft unterstützt man sich gegenseitig* / В тесной дружбе вы поддерживаете друг друга.

2. *Freundschaft bedeutet, gemeinsam durch schöne und schwere Zeiten zu gehen und das Leben gegenseitig zu bereichern* / Дружба означает вместе пережить хорошие и трудные времена и обогатить жизнь друг друга.

3. *Menschen, mit denen man gern zusammen ist* / Люди, рядом с которыми вам нравится находиться.

Сходство мировоззрений (6 %):

1. *Freunde kann man frei wählen. Meist kommt es durch Ähnlichkeiten des Charakters, der Interessen und des Mindset zu einer Freundschaft* / Вы можете свободно выбирать друзей. Дружба обычно возникает благодаря сходству характеров, интересов и мировоззрения.

2. *Menschen mit denen ich mich gut verstehe und gemeinsame Werte teile* / Люди, с которыми я хорошо лажу и разделяю общие ценности.

Близость (3 %):

1. *Freundschaft kann sehr innig und tiefgründig sein* / Дружба может быть очень интимной и глубокой.

Время существования дружеских отношений (3 %):

1. *Leute, die ich von klein auf kenne* / Люди, которых я знаю с детства.

Эмоциональная оценка (9 %):

– **положительная:**

1. *Freude* / Радость.

2. *Menschen, die füreinander da sind und Spaß miteinander haben* / Люди, которые есть друг для друга и которые весело проводят время вместе.

– **отрицательная:**

1. *Ich brauche es nicht* / Мне это не нужно.

Согласно преобладающему количеству ответов респондентов (35 % от общего числа)

понятие *Freundschaft* (дружба) тесно связано с другими ценностями. Результаты эксперимента подтверждает гипотезу о том, что ассоциативные поля базовых ценностей пересекаются, а потому они способствуют реализации других. По мнению респондентов, дружба основывается на таких ценностях, как доверие и любовь. Опрашиваемые считают друзей второй семьей, что также можно отметить, анализируя определения слова *Familie* (семья).

19 % от общего количества ответов представляют исследуемую ценность как социальный конструкт. Это прежде всего люди, с которыми респонденты имеют хорошие отношения, которые готовы помочь, которым можно доверять.

Значительное количество опрошенных (16 % от общего числа) рассматривают дружбу как базовую ценность, сопоставляя ее со значимостью понятия семья, и видят в ней смысл жизни. По мнению респондентов, друзья – это люди, которые не только приходят на помощь в нужную минуту, но и с которыми они имеют общие интересы и взгляды на мир.

Выводы. Полученные в ходе эксперимента результаты свидетельствуют о высокой значимости исследуемой базовой ценности *Freundschaft* (дружба) для респондентов. Она сопоставима с таким важным понятием, как *Familie* (семья), и воспринимается людьми как смысл их жизни. Дружба включает в себя такие важные составляющие, как взаимопонимание, доверие и готовность прийти на помощь. Она способствует социальной гармонии в обществе, поскольку позволяет знакомиться с новыми взглядами и идеями.

Данные взаимоверифицирующих экспериментов свидетельствуют о присвоенности респондентами ценности *Freundschaft* (дружба). При этом результаты опросов и уточняющего вопроса, высокий индекс стабильности свидетельствуют об относительной стабильности исследуемого понятия, несмотря на незначительные изменения, происходящие в его коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерастов Б. С. Цивилизационное устройство общества: универсалии и самобытность. – М. : Наука, 2002. – 524 с.
2. Леонтович О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград : Перемена, 2003. – 399 с.
3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М. : Смысл, 2005. – 310 с.
4. Касьянова Е. И. Дружба как социально-нравственная ценность студенческой молодежи // Организация безопасности на транспорте : Межвузовский сборник научно-методических трудов / Забайкальский институт железнодорожного транспорта. – Чита, 2015. – С. 239–247.
5. Никитина Д. В. Дружба: парадигмы исследования // Вестник Читинского государственного университета. – 2011. – № 12(79). – С. 133–143.
6. Пицальникова В. А. История и теория психолингвистики. – М. : «Р.Валент», 2021. – 488 с.
7. Субботина М. В. Феномен дружбы в контексте изучения социального благополучия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 451–460.
8. Tinglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. – New York : American Sociological Review, 2000. – P. 19–51.
9. Kluskhohn S. Values and Value Orientations in the Theory of Action. Toward a General Theory of Action / ed. by T. Parsons, E. Shils. – Cambridge, 1951. – P. 388–433.
10. Lay R. Die neue Redlichkeit. Werte für unsere Zukunft. – Frankfurt am Main : Campus-Verl, 2006. – 253 p.
11. Miller G. A. Language and Communication. – New York : McGRAW. HILL BOOK COMPANY, INC, 1951. – 298 p.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024

REFERENCES

1. Erastov B. S. Civilizacionnoe ustroenie obshchestva: universalii i samobytnost'. – M. : Nauka, 2002. – 524 s.
2. Leontovich O. A. Rossiya i SSHA: vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikaciyu. – Volgograd : Peremena, 2003. – 399 s.
3. Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki. – M. : Smysl, 2005. – 310 s.

4. Kas'yanova E. I. Druzhba kak social'no-nravstvennaya cennost' studencheskoj molodezhi // Organizaciya bezopasnosti na transporte : Mezhvuzovskij sbornik nauchno-metodicheskikh trudov / Zabajkal'skij institut zheleznodorozhnogo transporta. – Chita, 2015. – S. 239–247.
5. Nikitina D. V. Druzhba: paradigmy issledovaniya // Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 12(79). – S. 133–143.
6. Pishchal'nikova V. A. Istoriya i teoriya psiholingvistiki. – M. : «R.Valent», 2021. – 488 s.
7. Subbotina M. V. Fenomen druzhby v kontekste izucheniya social'nogo blagopoluchiya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. – 2022. – T. 22, № 2. – S. 451–460.
8. Tinglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. – New York : American Sociological Review, 2000. – P. 19–51.
9. Kluskhohn S. Values and Value Orientations in the Theory of Action. Toward a General Theory of Action / ed. by T. Parsons, E. Shils. – Cambridge, 1951. – P. 388–433.
10. Lay R. Die neue Redlichkeit. Werte für unsere Zukunft. – Frankfurt am Main : Campus-Verl, 2006. – 253 p.
11. Miller G. A. Language and Communication. – New York : McGRAW. HILL BOOK COMPANY, INC, 1951. – 298 p.

The article was contributed on October 15, 2024

Сведения об авторе

Хлопова Анна Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания, ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики Московского государственного лингвистического университета; доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского института МЭИ, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6576-4111>, chlopova_anna@mail.ru

Author Information

Khlopova, Anna Igorevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Lexicology and Stylistics, Associate Professor of the Department of General and Comparative Linguistics, Leading Researcher at the Laboratory of Psycholinguistics, Moscow State Linguistic University; Associate Professor of the Department of Foreign Languages, National Research University “National Research University MPEI, Moscow”, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6576-4111>, chlopova_anna@mail.ru

Е. А. Данилова, С. В. Ильина, Е. А. Ильина, Е. Г. Хрисанова

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ ШРИ-ЛАНКИ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке Госзадания, проект KLWP-2024-0003 «Организационно-педагогические условия и технологическое обеспечение образовательной деятельности на русском языке в системе образования Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка».

Аннотация. В современных условиях глобализации и активного развития международных отношений русский язык занимает важное место в качестве средства межкультурного общения и установления связей между государствами. Его распространение в странах, где он не является основным, способствует развитию культурного обмена, определяет отношения в экономической и гуманитарной сферах, а также стимулирует интерес к изучению российской культуры и истории. Одним из таких государств является Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка, где русский язык становится все более востребованным благодаря развитию туристической сферы. Несмотря на этот интерес, система преподавания языка в образовательных организациях Шри-Ланки сталкивается с рядом проблем. Недостаток квалифицированных педагогов, адаптированных учебных материалов, отсутствие методической поддержки преподавателей приводят к тому, что процесс изучения русского языка в учреждениях остается на низком уровне. Актуальность данной статьи заключается в необходимости рассмотрения и разработки организационно-педагогических условий, реализация которых будет способствовать повышению уровня преподавания русского языка в школах Шри-Ланки. Исследование направлено на выявление проблемных зон в образовательной системе и предложение решений по подготовке квалифицированных кадров, разработке учебных материалов, способствующих созданию благоприятной среды для продвижения русского языка в стране. Работа базируется на смешанном подходе, который сочетает в себе сбор данных и их качественную обработку, что позволяет провести всесторонний анализ состояния обучения русского языка в школах республики, выявить основные проблемы и препятствия, с которыми сталкиваются педагоги и обучающиеся, а также предложить эффективные решения для методической и организационной поддержки. Это поможет не только повысить уровень преподавания, но и улучшить

качество овладения материала обучающимися, что в конечном итоге приведет к росту интереса к изучению русского языка и его большей распространенности в стране.

Полученные результаты требуют дальнейшего поиска возможностей увеличения количества изучающих русский язык в Шри-Ланке, разработки и апробации учебно-методических материалов, позволяющих повысить качество преподавания языка и учитывающих национальные, культурные и религиозные особенности ланкийцев.

Ключевые слова: *Шри-Ланка, русский язык как иностранный, организационно-педагогические условия, карта распространенности русского языка, ресурсная карта школ*

E. A. Danilova, S. V. Ilyina, E. A. Ilyina, E. G. Khrisanova

EMPIRICAL SUBSTANTIATION OF ORGANISATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN SECONDARY SCHOOLS IN SRI LANKA

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Acknowledgement

The article was prepared with the financial support within the State Assignment, Project KLWP-2024-0003 “Organizational and pedagogical conditions and technological support for educational activities in Russian in the education system of the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka”.

Abstract. In modern conditions of globalisation and active development of international relations, the Russian language occupies an important place as a means of intercultural communication and establishing ties between countries. The spread of the Russian language in countries where it is not the main language contributes to the development of cultural exchange, determines relations in the economic and humanitarian spheres, and stimulates interest in the study of Russian culture and history. One such country is the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka, where there is higher demand for the Russian language due to the development of tourism. Despite this interest, the system of teaching the Russian language in educational organisations in Sri Lanka faces a number of problems. Lack of qualified teachers and adapted teaching materials, absence of methodological support for teachers lead to a low level of the process of learning Russian in educational organisations. The relevance of this article lies in the necessity to study and develop organisational and pedagogical conditions, implementation of which will contribute to improving the level of Russian language teaching in Sri Lankan schools. The study is aimed at identifying problem areas in the educational system and proposing solutions for the training of qualified teachers, development of teaching materials that will contribute to the creation of a favourable environment for the promotion of the Russian language in the country. The study is based on a mixed-methods approach that combines data collection and qualitative data processing to provide a comprehensive analysis of the state of the Russian language teaching in Sri Lankan schools, to identify the main problems and obstacles which teachers and learners face, and to propose effective solutions for methodological and organisational support. This will help not only to raise the level of teaching, but also to improve the quality of students' mastery of the material, which will ultimately lead to an increase in interest in learning Russian and its greater prevalence in the country.

The results obtained require further search for opportunities to increase the number of Russian language learners in Sri Lanka, development and testing of teaching and methodological materials that would improve the quality of language teaching and take into account the national, cultural and religious peculiarities of Lankans.

Keywords: *Sri Lanka, Russian as a Foreign Language, organisational and pedagogical conditions, Russian language prevalence map, schools' resource map*

Введение. Объектом исследования является система школьного образования Шри-Ланки, в которой реализуются программы обучения русскому языку как иностранному. Предметом исследования выступают организационно-педагогические условия (далее – ОПУ), в частности, профессиональные компетенции учителей, ресурсное обеспечение, а также методические аспекты преподавания русского языка в этой стране. Цель исследования – обоснование ОПУ, способствующих эффективному преподаванию русского языка как иностранного в школах Шри-Ланки. Настоящая работа направлена на анализ текущего состояния преподавания, выявление проблемных ситуаций и выработку стратегий по улучшению качества образовательного процесса и повышению компетентности педагогов-русистов.

Проблема продвижения русского языка за рубежом и его обучения как иностранному в различных странах изучена О. П. Быковой, рассмотревшей этот процесс в южнокорейских университетах [2], С. Ю. Бакулиной, В. В. Бондаревой, О. К. Поздняковой, спроектировавших модель организационно-методического и кадрового обеспечения русскоязычного образования в Танзании [1], О. М. Косяновой, Г. М. Кулаевой, П. А. Якимовым, выявившими педагогические условия обучения русскому языку и российской культуре в Республике Уганда [10]. Г. А. Заварзиной и Т. Н. Даньковой, изучившими структуру высшего образования Республики Конго [7], Ж. К. Гапоновой и А. А. Серогодской, разработавшими организационно-педагогические аспекты обучения студентов-африканцев русскому языку в Республике Кот-д’Ивуар [5]. Однако проблема организации русскоязычного образования в Демократической Социалистической Республике Шри-Ланка до недавнего времени оставалась изученной недостаточно.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность проблемы заключается в необходимости повышения качества преподавания русского языка как иностранного в условиях роста международных культурных и образовательных связей между Россией и странами – стратегическими партнерами нашего государства, одним из которых является Шри-Ланка. Кроме того, современные глобальные тенденции показывают, что изучение иностранных языков становится важным компонентом образования, способствующим дальнейшему карьерному и академическому развитию обучающихся. В условиях динамичного международного взаимодействия Шри-Ланка может получить выгоду от расширения преподавания русского языка, что также укрепит российско-ланкийские культурные и экономические связи.

Таким образом, обоснование ОПУ преподавания русского языка как иностранного является важным шагом в исследовании актуальных проблем русскоязычного образования Шри-Ланки.

Материал и методы исследования. В исследовании использованы научные публикации в рецензируемых изданиях и учебно-методические материалы по преподаванию русского языка как иностранного. В основу работы положены методы наблюдения, сравнения, опроса, графический метод, обобщения, которые позволили рассмотреть применяемые в Шри-Ланке образовательные технологии, выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели и обучающиеся в ходе изучения русского языка, построить карту распространенности языка и ресурсную карту школ, где он изучается.

Результаты исследования и их обсуждение. При анализе ОПУ как научной категории исследователи отмечают комплексный характер содержания понятия, выраженный в совокупности различных элементов – возможностей, ресурсов, систем. Так, А. А. Володин и Н. Г. Бондаренко рассматривают эти условия как единство потенциальных возможностей пространственно-образовательной среды, отмечая, что их реализация направлена на упорядоченное и эффективное функционирование и развитие педагогической системы» [3]. По мнению Н. В. Ипполитова и Н. С. Стерховой, ОПУ «представляют собой совокупность

целенаправленно сконструированных возможностей содержания, форм, методов целостного педагогического процесса (мер воздействия), лежащих в основе управления функционированием и развитием процессуального аспекта педагогической системы (целостного педагогического процесса)» [9].

Общетеоретические трактовки этого понятия транслируются на применение его в аспекте организации работы по изучению русского языка как иностранного. В научных трудах О. П. Быковой отмечается, что образовательная среда в процессе обучения русскому в иноязычной среде южнокорейских университетов понимается как совокупность «традиционной системы образования страны, современного ее состояния, наличия / отсутствия преподавателя русского языка как иностранного» [2].

Группа исследователей Самарского государственного социально-педагогического университета, предлагая модель организационно-методического и кадрового обеспечения процесса обучения на русском языке в системе образования Танзании, указывают на целостность учебных ресурсов и педагогических условий, которые гарантируют эффективность образовательной деятельности на русском языке [1].

Исследователи другой африканской страны – Республики Уганда – выделяют следующие педагогические условия обучения русскому языку и российской культуре школьников и студентов: 1) моделирование образовательного процесса; 2) его программно-методическое обеспечение; 3) актуализация взаимосвязи учебной и внеучебной деятельности в совместных проектах студентов и школьников [11]. По мнению Г. А. Заварзиной, эффективность продвижения российских учебных услуг на африканском континенте зависит от особенностей устройства сложившейся системы образования [7].

В организационно-педагогическую модель выстраивания образовательных отношений с африканскими партнерами исследователи просветительской миссии России в Республике Кот-д'Ивуар включают эффективную структуру управления обучением и педагогическую команду, действующую в соответствии с поставленной целью и учебными задачами [5].

При рассмотрении ОПУ как научно-педагогической категории авторы отталкиваются от концепции, предложенной О. В. Галкиной [4]. В ней данные условия рассматриваются как совокупность взаимосвязанных информационных комплексов, образующих субъективное пространство отношений педагога и обучаемого с педагогической действительностью [4]. Основными видами таких комплексов выступают предпосылка, обстановка и требования, каждый из которых имеет собственное предметное поле и информационные объекты для исследования. В настоящей работе содержание принятых за методологическую основу указанных понятий будет адаптировано с учетом особенностей анализируемой педагогической действительности, под которой подразумевается образовательное пространство общеобразовательных школ Шри-Ланки.

Информационным объектом предпосылки выступают такие ресурсы школ, как человеческие (контингент обучающихся, кадровый педагогический состав), информационно-образовательные (цифровая открытость школы, наличие сайта, применение информационно-аналитических систем в организации и управлении учебным процессом), методические (используемые методики, материалы, технологии), материально-технические (определенные условия и оснащение). При изучении обстановки анализируемого объекта рассматриваются внешние условия, влияющие на организацию обучения – природно-климатические, социально-политические, культурно-исторические. Авторами статьи проведен анализ основных показателей системы общего образования страны [4], в настоящей работе предметным полем информационного комплекса требований выбраны методы управления учебным процессом Шри-Ланки.

В настоящее время одной из значимых отраслей экономики Шри-Ланки является туризм – ежегодно страну посещает от 1 до 1,5 млн. человек. В связи с переориентацией

российских туристических потоков на восточные направления привлекательность Шри-Ланки с этой точки зрения стремительно возрастает. По данным Государственного управления по развитию туризма в Шри-Ланке с 2020 г. количество российских туристов возросло в 4 раза – с 49397 человек в 2020 г. до 197498 человек в 2023 г. Доля туристов из России составляет около 13,2 % от общего количества мигрирующих [8].

Приток русскоязычного населения развивает необходимость ланкийцев, занятых в туристическом бизнесе, в изучении русского языка, особенно в сфере сервисного и экскурсионного обслуживания. Для удовлетворения этих потребностей разрабатываются и реализуются курсы, позволяющие слушателям быстро освоить необходимый лексический запас для общения с туристами. Большую работу в этом направлении ведет представительство Россотрудничества в Шри-Ланке – Русский дом в Коломбо, ежегодно обучая более 300 слушателей на курсах различного уровня. Вместе с тем эти учебные курсы – это лишь один из инструментов продвижения русского языка, направленный на развитие экономических связей между странами и имеющий локальный краткосрочный эффект.

Для формирования сообщества ланкийских граждан, обладающих более основательным знанием русского языка, способных эффективно содействовать укреплению положительного имиджа России, необходимо системное развитие школьного русскоязычного образования Шри-Ланки. Нельзя не согласиться с мнением Е. В. Рыбаковой, отмечающей, что «ни одна другая форма обучения русскому языку как иностранному, помимо школьного предмета, не способна оказывать значительное влияние на мировоззрение» обучающихся и, добавим, способствовать формированию системных представлений о культуре и истории страны изучаемого языка [11].

При этом русский язык, как и другие иностранные языки, кроме английского (немецкий, французский, корейский, японский, хинди), изучается в рамках дополнительной части учебного плана – факультатива начиная с 6 класса. Первым и обязательным к освоению иностранным языком остается английский язык, приоритетность которого обусловлена историческими и экономическими условиями. Вопросы его преподавания в ланкийских школах являются объектом пристального внимания британских исследователей [12]. Следует отметить, что конкуренция с английским языком существенно влияет на интерес и доступность изучения русского языка, так как первый воспринимается как ключевой инструмент профессионального и образовательного роста, что обеспечивает ему приоритет в школьной системе образования и на рынке труда. В результате внимание к изучению других иностранных языков, включая русский, существенно ограничено. Его отсутствие в статусе обязательного или широко рекомендуемого иностранного языка также связано с тем, что ресурсы образовательной системы преимущественно направлены на поддержку английского языка.

Согласно данным, полученным Чувашским государственным педагогическим университетом им. И. Я. Яковлева в экспедициях 2023 и 2024 гг., русский язык в общеобразовательных учреждениях Шри-Ланки сосредоточен в западной части острова, провинциях Западная, Северо-Западная и Сабарагамува (рис. 1).

Для 11 исследуемых образовательных учреждений составлена диагностическая карта, отражающая ресурсное состояние школ по количеству обучающихся, преподавателей, наличию специального помещения для изучения русского языка и возможности выхода в интернет (таблица 1).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что русский язык изучается небольшим количеством обучающихся – из 18596 учеников указанных школ его осваивают лишь 423 человека, или 2,27 %.

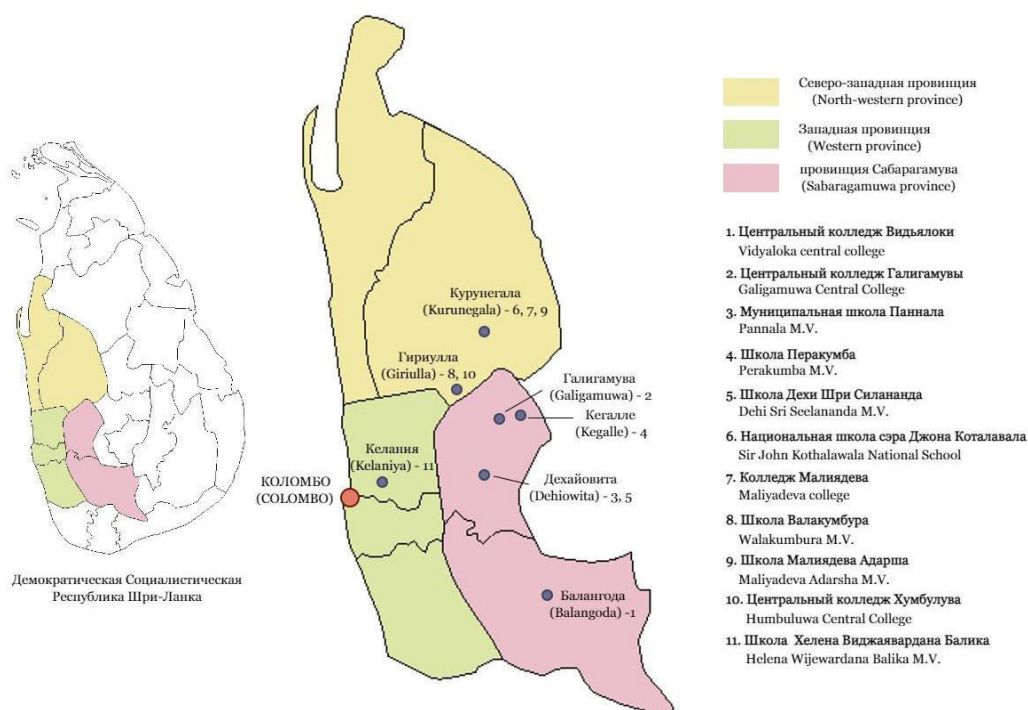

Рисунок 1 – Карта распространения русского языка как иностранного в школах Шри-Ланки (составлена авторами)

Таблица 1 – Ресурсная карта школ Шри-Ланки, в которых русский язык изучается как иностранный

Название школы / административный округ / город	Обучающиеся, чел.		Учителя, чел.		Наличие аудитории для изучения русского языка, да / нет	Наличие выхода в интернет, да / нет
	Всего	Изучающих русский язык	Всего	Учителей русского языка		
Провинция Sabaragamuwa						
1. Центральный колледж Видьялоки / Ратнапура / Балангода Vidyaloka central college / Ratnapura / Balangoda	1506	220	52	1	Нет	Да
2. Центральный колледж Галигамувы / Кегалле / Галигамува Galigamuwa Central College / Kegalle / Galigamuwa	1547	10	90	1	Нет	Да
3. Pannala Maha Vidyalaya Kegalle Dehiowita	1512	14	50	1	Нет	Да
4. Perakumba M. V Kegalle	1235	13	85	1	Нет	Да
5. Dehi Sri Seelananda M. V. Kegalle Dehiowita	840	5	62	1	Нет	Да
Провинция North Western						
6. Sir John Kothalawala National School Kurunegala	5058	12	200	1	Нет	Да
7. Maliyadeva college, Kurunegala	1236	4	65	1	Нет	Да
8. Walakumbura M. V, Kurunegala Alawwa Giriulla	308	6/100*	30		Нет	Нет
9. Maliyadeva Adarsha Maha Vidyalaya, Kurunegala	2049	12	150	1	Нет	Да

10. Humbuluwa Central College, Kurunegala, Giriulla	1203	4	68	1	Нет	Да
Провинция Western						
11. Helena Wijewardana Balika Maha Vidyalaya Kelaniya, Gampaha, Kelaniya	2102	29	85	1	Да	Да
Итого	18596	423	937	10		

* Примечание. 6 человек обучаются русскому языку в рамках факультативных занятий, 100 человек – по дополнительной образовательной программе, финансируемой одной из туристических компаний Шри-Ланки.

Для анализа уровня учебно-методической обеспеченности преподавания русского языка необходимо составить представление об организации методического сопровождения образовательного процесса в стране. Содержательные и технологические вопросы обучения регулируются Национальным институтом образования Шри-Ланки (Sri-Lanka National Institute of Education – NIE), находящимся в ведении Министерства образования. Специалистами института разрабатываются учебные программы по дисциплинам, входящим в школьные обучающие планы, и методические материалы для использования их в образовательном процессе. Программы по предметам языкового цикла составляются на факультете иностранных языков, гуманитарных и социальных наук. Курс обучения русскому языку базового уровня рассчитан на учеников 6–11 классов; в 12–13 классе, когда обучающиеся переходят в старшую школу, его основной целью становится подготовка детей к экзамену квалификационного уровня (GCE (A/L)).

Учебно-методической литературы для преподавания русского языка как иностранного в Шри-Ланке крайне мало. Отметим работу «Введение в русский язык»¹ профессора Университета Келании С. Хеманта, одного из разработчиков рабочей программы по русскому языку для общеобразовательных школ, рекомендованной NIE. Пособие содержит материал для 58 уроков, включающих сведения по фонетике, грамматике, лексике русского языка; каждый раздел сопровождается комплексом заданий, разработанных на материалах оригинальных текстов из произведений отечественных поэтов и писателей. Вместе с тем из бесед с учителями удалось установить, что данное пособие, несмотря на его методическую проработанность, не нашло широкого применения в педагогической практике. К сожалению, недостаточный уровень владения русским языком среди учителей Шри-Ланки не позволяет им, по свидетельству опрашиваемых, системно использовать этот ресурс. Самым востребованным учебно-методическим пособием среди учителей-русистов Шри-Ланки является первая часть учебника, разработанного российскими авторами, – «Дорога в Россию» [6]. Однако следует отметить, что он не может в полной мере удовлетворить потребности школьных педагогов.

Проведенный анализ текущего состояния образовательной системы страны, пространственности русского языка и ресурсной карты школ, где он изучается, позволяет разработать комплекс мер по созданию необходимых ОПУ, способствующих эффективному обучению языку в общеобразовательных учреждениях Шри-Ланки:

2. Подготовка преподавателей-русистов. Необходимо разработать различные программы повышения квалификации педагогов, учитывая образовательные потребности учителей.

3. Разработка адаптированных образовательных программ. Необходимо создать и внедрить учебники и методические пособия, учитывающие культурные и лингвистические особенности Шри-Ланки.

¹ H. Sirisena. Introduction to Russian Language. Author Publication. University of Kelania. 2014. 309 p.

4. Создание материально-технической базы. Школьные аудитории должны быть оснащены оборудованием для преподавания русского языка, обеспечены доступом в интернет, к онлайн-ресурсам.

5. Интеграция русского языка в школьную программу. Необходимо внести изменения в учебные планы и предлагать изучение русского языка не только в рамках факультативных занятий, но в качестве одного из дополнительных иностранных языков наряду с немецким, французским, английским.

6. Поддержка со стороны Правительства и органов власти в сфере образования. Важно наладить сотрудничество между Министерством образования Шри-Ланки и российскими организациями посредством Национального института образования.

Выводы. Исследование ОПУ преподавания русского языка как иностранного в школах Шри-Ланки выявило принципиальные проблемы, которые снижают эффективность образовательного процесса. К основным недостаткам относятся низкий уровень подготовки преподавателей-русистов, нехватка адаптированных учебных материалов, а также отсутствие методической поддержки педагогов. Нужна поддержка со стороны органов управления образованием страны, чтобы интегрировать русский язык в учебную систему Шри-Ланки.

Важным аспектом является также необходимость реализации Правительством мер поддержки по формированию необходимых организационных условий по изучению русского языка путем разработки стратегии развития и создания специализированных центров, направленных на популяризацию языка и культуры среди местного населения. Это позволит увеличить количество обучающихся, изучающих русский язык, и улучшить качество преподавания, что в конечном итоге позволит укрепить культурные и образовательные связи между Россией и Шри-Ланкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакулина С. Ю., Бондарева В. В., Позднякова О. К. Модель организационно-методического и кадрового обеспечения образовательной деятельности на русском языке в системе образования Танзании как теоретический конструкт // Самарский научный вестник. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 235–241. – DOI 10.55355/snvy2023123302. – EDN ZZMQFX.
2. Быкова О. П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде : (на примере южнокорейских университетов). – М. : Гос. ин-т русского яз. им. А. С. Пушкина, 2010. – 224 с. – ISBN 978-5-98269-103-3.
3. Володин А. А., Бондаренко Н. Г. Анализ содержания понятия «организационно-педагогические условия» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 143–152.
4. Галкина О. В. Организационно-педагогические условия как категория научно-педагогического исследования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – Т. 10, № 6-2. – С. 30–36.
5. Гапонова Ж. К., Серогодская А. А. Организационно-педагогические аспекты реализации иностранной образовательной миссии Минобрнауки России: на примере обучения студентов-африканцев русскому языку в Республике Кот-д’Ивуар // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 1. – С. 92–97.
6. Дорога в Россию : учеб. русского языка (элементарный уровень) / В. Е. Антонова [и др.]. – Изд. 2-е, испр. – М. : ЦМО МГУ им. М. В. Ломоносова ; СПб. : Златоуст, 2003. – 344 с.
7. Заварзина Г. А., Данькова Т. Н. Структура высшего образования в Республике Конго // Диалог языков и культур в современном образовательном пространстве : Материалы V национальной научно-практической конференции, Воронеж, 29 мая 2023 года. – Воронеж : Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2023. – С. 35–38. – EDN ECDSNX.
8. Ильина Е. А., Ильина С. В., Хрисанова Е. Г., Кириллов А. А. Организационно-педагогические условия осуществления образовательной деятельности на русском языке в системе общего образования Шри-Ланки // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2023. – № 3(120). – С. 87–96. – DOI 10.37972/chgru.2023.120.3.011.
9. Инполитова Н. В., Стерхова Н. С. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. – 2012. – № 1. – С. 8–14. – ISSN 2084-1469. – EDN YPEAGD.

10. Косянова О. М., Кулаева Г. М., Якимов П. А. Педагогические условия обучения русскому языку и российской культуре в странах Африки (на примере Республики Уганда) // Перспективы науки и образования. – 2023. – № 6(66). – С. 224–238. – DOI 10.32744/pse.2023.6.13.
11. Рыбакова Е. В. Организация обучения русскому языку как иностранному в школах Азии, Африки и Латинской Америки на основе российского учебно-методического онлайн-комплекса как стратегия экспорта образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 8, № 11. – С. 1197–1208. – DOI 10.30853/ped20230172. – EDN SUMOTJ.
12. Little A. W. Development, Education and Learning in Sri Lanka [Электронный ресурс] // An International Research Journey. UCL Press, 2024. – 408 p. – URL : <https://doi.org/10.2307/jj.6914758> (обращения: дата 20.10.2024).
13. Sri Lanka Tourism Development Authority (SLTDA). Управление по развитию туризма в Шри-Ланке, созданное в 2007 году [Электронный ресурс]. – URL : <https://sltda.gov.lk/en> (дата обращения: 20.10.2024).

Статья поступила в редакцию 31.10.2024

REFERENCES

1. Bakulina S. Yu., Bondareva V. V., Pozdnyakova O. K. Model' organizacionno-metodicheskogo i kadrovogo obespecheniya obrazovatel'noj deyatel'nosti na russkom yazyke v sisteme obrazovaniya Tanzanii kak teoreticheskij konstrukt // Samarskij nauchnyj vestnik. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 235–241. – DOI 10.55355/snv2023123302. – EDN ZZMQFX.
2. Bykova O. P. Obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu v inoyazychnoj srede : (na primere yuzhnokorejskikh universitetov). – М. : Gos. in-t russkogo yaz. im. A. S. Pushkina, 2010. – 224 s. – ISBN 978-5-98269-103-3.
3. Volodin A. A., Bondarenko N. G. Analiz soderzhaniya ponyatiya «organizacionno-pedagogicheskie usloviya» // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2014. – № 2. – С. 143–152.
4. Galkina O. V. Organizacionno-pedagogicheskie usloviya kak kategoriya nauchno-pedagogicheskogo issledovaniya // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2008. – Т. 10, № 6-2. – С. 30–36.
5. Gaponova Zh. K., Serogodskaya A. A. Organizacionno-pedagogicheskie aspekty realizacii inostrannoj obrazovatel'noj missii Minobrazovaniya Rossii: na primere obucheniya studentov-afrikancev russkomu yazyku v Respublike Kot-d'Ivuar // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2024. – № 1. – С. 92–97.
6. Doroga v Rossiju : ucheb. russkogo yazyka (elementarnyj uroven') / V. E. Antonova [i dr.]. – Izd. 2-e, ispr. – М. : СМО МГУ им. М. В. Ломоносова ; СПб. : Zlatoust, 2003. – 344 s.
7. Zavazina G. A., Dan'kova T. N. Struktura vysshego obrazovaniya v Respublike Kongo // Dialog yazykov i kul'tur v sovremenном образовательном пространстве : Materialy V nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Voronezh, 29 maya 2023 goda. – Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet im. Imperatora Petra I, 2023. – С. 35–38. – EDN ECDSNX.
8. Il'ina E. A., Il'ina S. V., Hrisanova E. G., Kirillov A. A. Organizacionno-pedagogicheskie usloviya osushchestvleniya obrazovatel'noj deyatel'nosti na russkom yazyke v sisteme obshchego obrazovaniya Shri-Lanki // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2023. – № 3(120). – С. 87–96. – DOI 10.37972/chgpu.2023.120.3.011.
9. Ippolitova N. V., Sterhova N. S. Analiz ponyatiya «pedagogicheskie usloviya»: sushchnost', klassifikaciya // General and Professional Education. – 2012. – № 1. – С. 8–14. – ISSN 2084-1469. – EDN YPEAGD.
10. Kosyanova O. M., Kulaeva G. M., Yakimov P. A. Pedagogicheskie usloviya obucheniya russkomu yazyku i rossijskoj kul'ture v stranah Afriki (na primere Respubliki Uganda) // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2023. – № 6(66). – С. 224–238. – DOI 10.32744/pse.2023.6.13.
11. Rybakova E. V. Organizaciya obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v shkolah Azii, Afriki i Latinskoj Ameriki na osnove rossijskogo uchebno-metodicheskogo onlajn-kompleksa kak strategiya eksporta obrazovaniya // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. – 2023. – Т. 8, № 11. – С. 1197–1208. – DOI 10.30853/ped20230172. – EDN SUMOTJ.
12. Little A. W. Development, Education and Learning in Sri Lanka [Elektronnyj resurs] // An International Research Journey. UCL Press, 2024. – 408 p. – URL : <https://doi.org/10.2307/jj.6914758> (дата обращения: 20.10.2024).
13. Sri Lanka Tourism Development Authority (SLTDA). Upravlenie po razvitiyu turizma v Shri-Lanke, sozdannoe v 2007 godu. – [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://sltda.gov.lk/en> (дата обращения: 20.10.2024).

The article was contributed on October 31, 2024

Сведения об авторах

Данилова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1561-633X>, sergeymuratovo@mail.ru

Ильина Светлана Викторовна – кандидат искусствоведения, доцент, проректор по учебной работе Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0009-0009-1883-5448>, prorektor-ur@chgpu.edu.ru

Ильина Екатерина Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6504-0500>, fiuir@mail.ru

Хрисанова Елена Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-5045-5148>, elenka0304@gmail.com

Author Information

Danilova, Elena Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1561-633X>, sergeymuratovo@mail.ru

Ilyina, Svetlana Viktorovna – Candidate of Art History, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0009-0009-1883-5448>, prorektor-ur@chgpu.edu.ru

Ilyina, Ekaterina Anatolyevna – Candidate of Economics, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Philology, Management and Law, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6504-0500>, fiuir@mail.ru

Khrisanova, Elena Gennadyevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5045-5148>, elenka0304@gmail.com

Е. А. Ильина, А. А. Кириллов, И. В. Кожанов

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПОСТДИПЛОМНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минпросвещения России в рамках государственного задания ЧГПУ им. И. Я. Яковлева (номер соглашения 073-03-2024-067/7) на реализацию прикладной НИР «Модель комплексного сопровождения профессионального развития педагогов в условиях региональной системы педагогического образования».

Аннотация. Внедрение цифровых методов в учебный процесс требует новых подходов к осуществлению поддержки выпускников педагогических вузов с целью их эффективной адаптации к современным условиям образовательной среды. Постдипломное сопровождение молодых специалистов становится необходимым в связи с повышением их мотивации, уровня компетентности, устойчивости к профессиональным вызовам. Актуальность данной статьи заключается в адаптации системы мер сотрудничества и поддержки педагогов к новым вызовам цифровой трансформации образования, что связано с быстрым развитием технологий, изменением требований к деятельности учителя и потребностью в повышении их цифровой осведомленности. Исследование направлено на выявление и обоснование наиболее эффективных инновационных форм постдипломного сопровождения педагогических кадров, позволяющих поддерживать их непрерывное профессиональное развитие. В основу теоретических и прагматических методов исследования положены анкетирование и интервью молодых педагогов для выявления их потребностей и уровня владения цифровыми инструментами, анализ кейсов и лучших практик, экспертное интервью с руководством образовательных организаций и наставниками учителей для оценки перспективности различных современных форм поддержки. В выводах отмечена роль сопровождения в адаптации молодых специалистов к условиям цифровой трансформации образования, определены ее формы, способствующие их ускоренному «вхождению в профессию».

Перспективы дальнейших исследований связаны с детальным анализом эффективности отдельных цифровых инструментов сопровождения, выявлением факторов, влияющих на успешность адаптации педагогов, а также разработкой методик оценки их компетенций в области современных технологий обучения. В дальнейшем требуется также изучить специфику включения учителей различной направленности в технологизированную образовательную среду и оптимальные формы цифровой поддержки, учитывающие их профессиональные и личностные особенности.

Ключевые слова: *постдипломное сопровождение, молодые педагоги, цифровые ресурсы, наставничество, адаптация, оценка компетенций, цифровая образовательная среда*

E. A. Ilyina, A. A. Kirillov, I. V. Kozhanov

INNOVATIVE FORMS OF POSTGRADUATE SUPPORT FOR YOUNG TEACHERS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Acknowledgement

The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment for the I. Ya. Yakovlev Chuvash

State Pedagogical University (Agreement 073-03-2024-067/7) for the implementation of applied research "Model of comprehensive support for the professional development of teachers in the context of the regional system of pedagogical education".

Abstract. The introduction of digital methods into the educational process requires new approaches to support graduates of pedagogical universities in order to effectively adapt young teachers to modern conditions of the educational environment. Postgraduate support for young professionals is becoming an important task to increase their motivation, level of competence, and resistance to professional challenges. The relevance of this article lies in the need to adapt the support system for young teachers to the new challenges of digital transformation of education, which is associated with the rapid development of technology, changing professional requirements and the need to increase the level of digital and pedagogical competence. The research is aimed at identifying and substantiating the most effective innovative forms of postgraduate support for young teachers, allowing them to maintain their constant professional development in the context of digital transformation of education. The theoretical and pragmatic research methods are based on the methods of questioning and interviewing young teachers to identify their needs and level of proficiency in digital tools, analysis of cases and best practices of postgraduate support in the context of digital transformation, expert interviews with the leadership of educational organizations and mentors of young teachers to assess the prospects of various digital forms of support. In the conclusions the role of support in the adaptation of young teachers to the conditions of digital transformation of education is noted, innovative forms of support are identified that contribute to accelerated "entry into the profession" of teachers.

The prospects for further research are related to a detailed analysis of the effectiveness of individual digital support tools, identification of factors influencing the success of adaptation of young teachers, as well as the development of methods for assessing their digital competencies. In the future, it is also necessary to investigate the specifics of the adaptation of teachers of various fields to the digital educational environment and the optimal forms of digital support that take into account their professional and personal characteristics.

Keywords: *postgraduate support, young teachers, digital resources, mentoring, adaptation, assessment of competencies, digital educational environment*

Введение. Предметом исследования выступают современные инновационные формы и инструменты сопровождения выпускников педагогических образовательных учреждений, направленные на их успешную интеграцию в процесс обучения. Целью исследования является выявление и обоснование наиболее эффективных форм постдипломного сопровождения молодых педагогов, позволяющих поддерживать их постоянное профессиональное развитие в условиях цифровой трансформации образования. Авторы статьи изучают существующие способы и методы анализируемой меры сотрудничества с современными специалистами и их поддержки, дают оценку востребованности инновационных инструментов и ресурсов для профессиональной помощи педагогам, разрабатывают предложения по внедрению цифровых форм их сопровождения.

Актуальность исследуемой проблемы. Инновационные формы постдипломного сопровождения педагогов приобретают особую значимость в условиях цифровой трансформации образования, характеризующейся быстрыми изменениями требований к профессиональной компетентности и освоению новых учебных технологий. Молодые специалисты сталкиваются с необходимостью адаптации к информационным инструментам и изменению подходов к образованию, что требует создания современных систем поддержки. Настоящее исследование направлено на разработку эффективных форм сопровождения, способствующих повышению уровня цифровой грамотности, профессионализма педагогов, что необходимо в ходе работы в условиях постоянных изменений внешней среды, для обеспечения их успешной интеграции в образовательное пространство.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили инновационные формы постдипломного сопровождения молодых педагогов, внедряемые в образовательные организации в рамках цифровой трансформации. Используемая методология

базируется на системно-деятельностном подходе, предусматривающем анализ информационных инструментов, педагогических технологий и программ повышения квалификации по применению и разработке цифровых образовательных решений. В ходе исследования применялись методы анализа и синтеза, анкетирования, наблюдения и экспертной оценки. Эмпирические данные собраны в условиях образовательных организаций, оснащенных современным оборудованием, включая платформы дистанционного обучения, системы видеоконференцсвязи и интерактивные панели. Эксперимент проводился на базе вузов и центров повышения квалификации.

Результаты исследования и их обсуждение. Федеральным законом РФ от 22.04.2024 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О молодежной политике в Российской Федерации”» введено понятие «молодой работник» и уточнен термин «молодой специалист». К этим категориям людей относят молодежь возрастом до 35 лет включительно [8]. Отметим, что молодые работники могут претендовать на меры поддержки со стороны работодателей и региональных властей.

Распоряжением Министерства просвещения РФ от 06.08.2020 №Р-76 «Об утверждении Концепции создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров» определены формы научного и методического сопровождения педагогических работников [5].

Изучением вопросов организации постдипломного сопровождения молодых специалистов занимаются российские и зарубежные ученые, такие как С. Г. Алексеев [1], М. В. Бывшева, А. А. Постникова [2], С. С. Космодемьянская [3], Е. В. Намсинк [4], И. В. Се-рафимович, О. В. Пополитова [6], Ю. А. Скурихина, А. А. Пивоваров [7], Н. Г. Хаимова, А. М. Сафина [11], П. З. Феттер, С. Г. Алексеев, Я. Б. Лев [9], Г. Н. Фомицкая, Н. Ж. Дагбаева, Л. Е. Халудорова [10] и др.

Все подходы к осуществлению подобной меры сотрудничества с педагогами и их поддержки можно разделить на образовательно-методические и мотивационные. Существуют также различные варианты организации постдипломного сопровождения молодых специалистов – наставничество, курсовая подготовка, участие в методических семинарах и др.

С. Г. Алексеев большое внимание уделяет выявлению профессиональных дефицитов, обусловленных недостаточным уровнем сформированности знаний. Их возмещение осуществляется прежде всего посредством таких организационных форм, как семинары-практикумы, деловые игры, тренинги. Формирование современного педагога строится через выстраивание индивидуальных образовательных маршрутов, в том числе через обучение посредством дистанционных учебных технологий [1].

П. З. Феттер, С. Г. Алексеев, Я. Б. Лев изучают вопросы сопровождения молодых педагогов музыки и делает упор на групповых формах обучения – вебинарах и дискуссионных площадках, которые, как отмечает исследователь, «показали высокую степень эффективности в реализации задач и содержания работы» [9]. Современный специалист, по мнению Е. В. Намсинк, должен сопровождаться инновационными форматами работы (форумы, чаты, цифровые квесты, веб-конференции и т. д.) с учетом его запросов и потребностей, выявления проблем при обучении и воздействия на источники их возникновения [4].

Н. Г. Хаимова, А. М. Сафина предлагают расширить спектр практикоориентированных курсов повышения квалификации, а также эффективных форм обучения в сотрудничестве и группах для решения профессиональных дефицитов [11].

По мнению Ю. А. Скурихиной и А. А. Пивоварова, в условиях постдипломного сопровождения молодых педагогов «новым является применение технологии игрофикации в методической работе», которая представляет собой оболочку этого процесса [7].

Необходимость внедрения практики наставничества в образовательные организации, формы ее применения находят отражение во многих исследованиях. С. С. Космодемьянская, рассматривая вопрос постдипломного сопровождения учителей химии, изучает практически

все модели менторинга: наставничество (продолжение, формирование и развитие компетенций), коучинг (оптимальный выбор технологий), советник (рефлексивный анализ и рекомендации по предупреждению и решению проблем) и ментор (общее развитие личности учителя) [3].

В исследовании М. В. Бывшевой и А. А. Постниковой предлагается внедрение четырехэтапной региональной системы наставничества, основанной на постепенном вхождении молодого специалиста в педагогическое сообщество. На первом этапе предполагается проведение вводного недельного курса для педагога, второй – подразумевает бинарное обучение вместе с его наставником, на третьем – проводятся их открытые уроки, на четвертом – осуществляется рефлексия прошедшего учебного года, результатом которого выступает формирование пакета методических рекомендаций по сопровождению молодого специалиста с учетом профессиональных дефицитов [2].

Современные педагоги нуждаются в признании своих заслуг, в мотивации своей деятельности посредством внедрения кадрового резерва на горизонтальном уровне, участия в конкурсах уроков и методических материалов [2]. Исследования, проведенные И. В. Серафимович и О. В. Пополитовой, показали заинтересованность молодых кадров в непрерывном профессиональном развитии внешней мотивацией (материальное и моральное стимулирование), нежели внутренней [6].

Авторами данной работы проведены анкетирование и интервью педагогов для выявления их потребностей и уровня владения ими современными информационными инструментами. Нами предложена следующая схема постдипломного сопровождения молодых специалистов с использованием цифровых ресурсов (рис. 1).

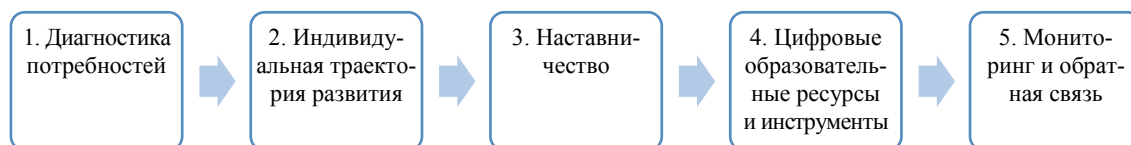

Рисунок 1 – Этапы постдипломного сопровождения молодых педагогов

На первом, диагностическом, этапе проводится анализ профессиональных потребностей педагога, включая выявление его компетенций, требующих развития, с помощью методов анкетирования, интервьюирования и самооценки. На основе полученных результатов разрабатывается персональная программа профессионального роста, включающая выбор образовательных модулей и курсов. Далее молодому специалисту назначается наставник, сопровождающий его в адаптационный период. На четвертом этапе предлагаются различные цифровые ресурсы для обучения, позволяющие обеспечить педагогу доступ к современным образовательным материалам. На заключительном этапе проводится мониторинг прогресса в развитии педагогических навыков на основе тестирования, выполнения практических заданий, кейсов, собирается и анализируется обратная связь, полученная от педагогов, для корректировки индивидуальной образовательной траектории. Последовательность этапов обеспечивает необходимую поддержку молодым специалистам и способствует их профессиональному росту в условиях цифровизации образования.

Для эффективного внедрения инновационных форм постдипломного сопровождения педагогических кадров важно учитывать и преодолевать барьеры, с которыми они сталкиваются, а также создавать необходимые условия для повышения результативности этого процесса. В ходе исследования проведено анкетирование 56 молодых педагогов, выпускников Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева с 2021 г. по 2023 г., по выявлению уровня применения ими современных образовательных ресурсов в профессиональной деятельности. Анкета включала пять блоков вопросов,

касающихся уровня цифровой грамотности, эффективности наставничества, использования информационных ресурсов, барьеров, возникающих при их освоении, а также необходимости обратной связи.

35 человек из 56 опрошенных педагогов (60,7 %) отметили высокий уровень владения современными образовательными инструментами. Регулярные тренинги по цифровой грамотности помогли 71,4 % участников опроса улучшить свои навыки работы с программными средствами. Большая часть молодых специалистов (54 человека) отметили, что индивидуальная поддержка наставника сократила время их адаптации в образовательной среде. 76,7 % учителей (43 человека) успешно используют онлайн-платформы для подготовки к занятиям. При ответе на вопрос об использовании социальных сетей для профессионального обмена многие ответили положительно (51 человек). 80,3 % участников отметили пользу систематического мониторинга прогресса их цифровых навыков.

В ходе анкетирования выявлены основные барьеры, связанные с применением цифровых ресурсов в учебном процессе и мерами по их устранению (таблица 1).

Таблица 1 – Основные барьеры применения цифровых образовательных ресурсов молодыми педагогами

Наименование барьера	Описание барьера	Меры по устранению барьера
Технологическая готовность педагогов	Низкий уровень цифровой грамотности и отсутствие навыков работы с современными образовательными технологиями ограничивает педагогов в освоении и применении инновационных инструментов.	Обеспечение регулярных курсов повышения квалификации и тренингов по развитию цифровых навыков, поддержка педагогов опытными наставниками, кураторами
Доступность цифровых ресурсов	Отсутствие доступа к высокоскоростному интернету, ограниченные возможности приобретения современной компьютерной техники со специализированным программным обеспечением снижают возможности преподавателей эффективно использовать цифровые инструменты	Укрепление материально-технической базы организаций, участие в грантовых программах по усилению практической подготовки педагогов и их профессиональному развитию, оснащение образовательного пространства современными цифровыми средствами, обеспечение доступа к специализированным платформам и онлайн-библиотекам
Организационная поддержка	Незначительная поддержка или ее отсутствие со стороны руководства, недостаточная заинтересованность администрации / организации в модернизации образовательного процесса, отсутствие локальных актов, регулирующих использование информационных технологий, препятствуют реализации инновационных подходов в сопровождении молодых педагогов	Формирование организационной культуры, поддерживающей профессиональный рост учителей, наличие мотивационных программ для молодых педагогов, выделение административного ресурса для содействия в освоении цифровых инструментов, разработка образовательных программ с использованием современных технологий

Устранение барьеров и создание необходимых условий для «вхождения в профессию» выпускников вузов способствуют внедрению и повышению эффективности цифровых форм сопровождения, что в свою очередь усиливает профессиональный рост и адаптацию педагогов к требованиям современного образовательного пространства.

Востребованными и эффективными для постдипломного сопровождения молодых педагогов являются следующие цифровые формы:

1. Онлайн-платформы для дистанционного повышения квалификации. К ним относятся популярные образовательные платформы, такие как, например, Coursera, Лекториум, предлагающие специализированные курсы для педагогов по развитию цифровых компетенций. Онлайн-платформы отличаются доступностью и гибкостью, широким выбором курсов, возможностью формировать индивидуальные образовательные траектории, обучаться в удобное время. По завершении курсов молодые педагоги отмечают повышение уверенности в работе с цифровыми инструментами при гибридном / онлайн-формате обучения.

2. Вебинары и онлайн-семинары с экспертами. Регулярные вебинары, проводимые на различных платформах, например, Сферум, привлекают внимание известных специалистов и дают возможность задавать им вопросы в режиме реального времени. Молодые педагоги имеют доступ к востребованной и актуальной информации и возможность вносить изменения в свои методы и технологии преподавания тех или иных учебных предметов. Эта форма сопровождения позволяет расширить круг профессиональных контактов и повысить квалификацию педагогов.

3. Виртуальные социальные сообщества. Сетевые педагогические сообщества, telegram-каналы и чаты, имеющие отношение к онлайн-образованию, специализированные форумы способствуют образовательному и профессиональному развитию молодых педагогов, формируют связи с опытными коллегами, концентрируются вокруг определенной задачи, которая решается совместно.

4. Управление электронными образовательными курсами. Образовательные платформы (Универсариум, Skillbox, Moodle) помогают планировать учебные задачи, осуществлять управление онлайн-курсами, дают доступ к аналитике успеваемости обучающихся, позволяют отслеживать прогресс и формировать индивидуальные обучающие траектории. Преподаватели при использовании цифровых образовательных платформ совершенствуют умение оценивать достижения учеников и их образовательные потребности, меняя настройки для каждого пользователя.

5. Цифровые инструменты наставничества. Использование платформ для наставничества, например, Наставник.рф, MentorcliQ, позволяет опытным преподавателям и методистам сопровождать молодых специалистов, создавать единую внутреннюю базу данных и проводить аналитические исследования по развитию их профессиональных навыков. Наставники и их обучающиеся (педагоги) имеют возможность получать консультации в удобное время, что сокращает время адаптации учителей к педагогической деятельности.

Перечисленные цифровые формы постдипломного сопровождения помогают внедрять инновационные методы обучения в образовательный процесс, способствуют позитивному взаимодействию между участниками обучения, помогают сделать процесс вхождения в профессию молодых педагогов более гибким и эффективным.

Применение преимуществ цифровых технологий в процессе сопровождения молодых педагогов будет способствовать созданию условий для их постоянного профессионального роста и повышению эффективности взаимодействия с коллегами в онлайн-пространстве:

1. Повышение профессиональной компетенции. Современные технологии позволяют педагогам знакомиться с передовыми практиками, получать экспертное мнение по интересующим их вопросам, адаптировать процесс обучения под свои потребности и темп.

2. Повышение самооценки и уверенности в себе. Поддержка коллег в онлайн-сообществах, вебинары с ведущими педагогами помогают молодым учителям чувствовать себя увереннее в решении комплексных образовательных задач.

3. Адаптация в образовательной среде и готовность педагогов к организационным изменениям. Использование инновационных форм сопровождения позволяет им быстро освоиться в современных условиях цифровой трансформации образования, тестировать новые педагогические приемы и внедрять их в практическую деятельность, оценивать их эффективность и гибко менять свой подход в зависимости от потребностей обучающихся.

Выводы. Таким образом, современные инновационные формы сопровождения играют важную роль в адаптации молодых педагогов к цифровой образовательной среде. Результаты проведенного исследования показывают, что онлайн-платформы, вебинары и семинары с экспертами, виртуальные социальные сообщества, управление электронными учебными курсами, цифровые инструменты наставничества способствуют профессиональному развитию специалистов-профессионалов. Это особенно актуально в условиях быстро меняющегося образовательного ландшафта и необходимости постоянного освоения

современных технологий. Значимость инновационных инструментов в сопровождении молодых учителей заключается в возможности выстраивать персонализированные образовательные траектории их профессионального развития. Цифровая трансформация способствует расширению возможностей педагогов, формирует условия для развития, ориентируясь на их готовность к взаимодействию с интернет-пространством и умение работать с ресурсами. Эти изменения создают предпосылки для более гибкого, интегративного подхода к наставничеству молодых специалистов.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку эффективности отдельных цифровых инструментов поддержки педагогов, изучение особенностей их адаптации к современной образовательной среде, анализ факторов, влияющих на успешность освоения новых технологий в зависимости от предметной направленности, а также разработку методов оценки цифровых компетенций молодых специалистов и создание форм сопровождения, учитывающих их профессиональные и личностные потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С. Г.* Организационные аспекты постдипломного сопровождения выпускников Омского государственного педагогического университета // Двадцать первые чередовские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 21 апреля 2023 года. – Омск : Омский государственный педагогический университет, 2023. – С. 7–12. – EDN OFIVRW.
2. *Бышева М. В., Постникова А. А.* Наставничество & менторство: модели сопровождения профессионального роста молодых педагогов // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 3. – С. 151–157. – EDN FRLPRX.
3. *Космодемьянская С. С.* Особенности постдипломного методического сопровождения учителей химии // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2023. – № 2. – С. 21–26. – EDN YXUGIA.
4. *Намсик Е. В.* Оценка профессиональных дефицитов молодых педагогов в контексте постдипломного сопровождения // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79-2. – С. 283–286. – EDN SBBXNB.
5. Распоряжение Министерства просвещения РФ от 06.08.2020 №Р-76 «Об утверждении Концепции создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров» [Электронный ресурс] // Минпросвещения России : официальный сайт. – 2020. – URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/3fc484bc2dcf592bee7e324ca2bfda90/download/4425/> (дата обращения: 12.11.2024).
6. *Серафимович И. В., Пополитова О. В.* Современное непрерывное профессиональное педагогическое образование: запросы, ресурсы, перспективы // Педагогика сельской школы. – 2024. – № 1(19). – С. 138–153. – DOI 10.20323/2686-8652-2024-1-19-138. – EDN SYJCVI.
7. *Скурихина Ю. А., Пивоваров А. А.* Технология игрофикации в рамках системы постдипломного сопровождения молодых педагогов в образовательной организации // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2023. – № 2(55). – С. 80–91. – EDN NBXLJG.
8. Федеральный закон от 22 апреля 2024 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О молодежной политике в Российской Федерации”».
9. *Феттер П. З., Алексеев С. Г., Лев Я. Б.* Постдипломное сопровождение педагогов-музыкантов в содержании и реализации стратегического проекта в педагогическом университете // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – № 6. – DOI 10.17513/spno.33138. – EDN BKJTFW.
10. *Фомицкая Г. Н., Дагбаева Н. Ж., Халудорова Л. Е.* Педагог будущего как гарант устойчивого развития региона // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 48–58. – DOI 10.21209/2658-7114-2023-18-3-48-58. – EDN WSQFCY.
11. *Хакимова Н. Г., Сафина А. М.* Практика постдипломного сопровождения молодых педагогов в педагогическом университете // Педагогический эксперимент: подходы и проблемы. – 2023. – № 9. – С. 73–79. – EDN BQSOVS.
12. *Aitken G., Fawns T., Warran K. et al.* Making space to learn about teaching: expanding teaching horizons through postgraduate education [Электронный ресурс] // Advances in Health Science Education. – 2023. – Vol. 28. – P. 327–344. – URL : <https://doi.org/10.1007/s10459-022-10144-4> (дата обращения: 12.11.2024).

Статья поступила в редакцию 22.11.2024

REFERENCES

1. *Alekseev S. G.* Organizacionnyye aspekty postdiplomnogo soprovozhdeniya vypusknikov Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta // Dvadcat' pervye cheredovskie chteniya : materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Omsk, 21 aprelya 2023 goda. – Omsk : Omskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2023. – S. 7–12. – EDN OFIVRW.

2. Byvsheva M. V., Postnikova A. A. Nastavnichestvo & mentorstvo: modeli soprovozhdeniya professional'nogo rosta molodyh pedagogov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2023. – № 3. – S. 151–157. – EDN FRLPRX.
3. Kosmodem'yanskaya S. S. Osobennosti postdiplomnogo metodicheskogo soprovozhdeniya uchitelej himii // Sborniki konferencij NIC Sociosfera. – 2023. – № 2. – S. 21–26. – EDN YXUGIA.
4. Namsink E. V. Ocenka professional'nyh deficitov molodyh pedagogov v kontekste postdiplomnogo soprovozhdeniya // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2023. – № 79-2. – S. 283–286. – EDN SBBXHB.
5. Rasporyazhenie Ministerstva prosveshcheniya RF ot 06.08.2020 №R-76 «Ob utverzhdenii Konceptii sozdaniya edinoj federal'noj sistemy nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya pedagogicheskikh rabotnikov i upravlencheskikh kadrov» [Elektronnyj resurs] // Minprosveshcheniya Rossii : oficial'nyj sajt. – 2020. – URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/3fc484bc2dcf592bee7e324ca2bfda90/download/4425/> (data obrashcheniya: 12.11.2024).
6. Serafimovich I. V., Popolitova O. V. Sovremennoe nepreryvnoe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie: zaprosy, resursy, perspektivy // Pedagogika sel'skoj shkoly. – 2024. – № 1(19). – S. 138–153. – DOI 10.20323/2686-8652-2024-1-19-138. – EDN SYJCVI.
7. Skurihina Yu. A., Pivovarov A. A. Tekhnologiya igrofikacii v ramkah sistemy postdiplomnogo soprovozhdeniya molodyh pedagogov v obrazovatel'noj organizacii // Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikacii kadrov. – 2023. – № 2(55). – S. 80–91. – EDN NBXLJG.
8. Federal'nyj zakon ot 22 aprelya 2024 g. № 95-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O moloдеzhnoj politike v Rossijskoj Federacii”».
9. Fetter P. Z., Alekseev S. G., Lev Ya. B. Postdiplomnoe soprovozhdenie pedagogov-muzykantov v sodержanii i realizacii strategicheskogo proekta v pedagogicheskom universitete // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2023. – № 6. – DOI 10.17513/spno.33138. – EDN BKJTFW.
10. Fomickeya G. N., Dagbaeva N. Zh., Haludorova L. E. Pedagog budushchego kak garant ustojchivogo razvitiya regiona // Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – T. 18, № 3. – S. 48–58. – DOI 10.21209/2658-7114-2023-18-3-48-58. – EDN WSQFCY.
11. Hakimova N. G., Safina A. M. Praktika postdiplomnogo soprovozhdeniya molodyh pedagogov v pedagogicheskom universitete // Pedagogicheskij eksperiment: podhody i problemy. – 2023. – № 9. – S. 73–79. – EDN BQSOVS.
12. Aitken G., Fawns T., Warran K. et al. Making space to learn about teaching: expanding teaching horizons through postgraduate education [Elektronnyj resurs] // Advances in Health Science Education. – 2023. – Vol. 28. – P. 327–344. – URL : <https://doi.org/10.1007/s10459-022-10144-4> (data obrashcheniya: 12.11.2024).

The article was contributed on November 22, 2024

Сведения об авторах

Ильина Екатерина Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6504-0500>, fiuir@mail.ru

Кириллов Александр Алексеевич – начальник управления научной и инновационной работы, руководитель Центра изучения языков и культур стран Азии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-6366-9842>, kan80@mail.ru

Кожанов Игорь Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, ректор Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0088-8532>, i.v.k.21@mail.ru

Author Information

Ilyina, Ekaterina Anatolyevna – Candidate of Economics, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Philology, Management and Law, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6504-0500>, fiuir@mail.ru

Kirillov, Aleksander Alekseevich – Head of the Department of Scientific and Innovative Work, Head of the Center of the Study of Asian Languages and Cultures, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6366-9842>, kan80@mail.ru

Kozhanov, Igor Vladimirovich – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Rector of I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0088-8532>, i.v.k.21@mail.ru

Е. В. Крапивник

ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНАМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности электронного обучения как одной из ведущих форм современного образования, в частности, дисциплинам учебного плана направления «Филология». Представлены материалы по ряду предметных областей филологического цикла и рекомендации по организации цифрового обучения для иностранных и российских студентов. После пандемии COVID-19 многие вузы продолжают широко использовать известные учебные платформы, а также создают собственные электронные образовательные системы. В статье отражен опыт создания онлайн-курсов по дисциплинам филологического цикла для иностранных студентов-филологов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры. Отмечается, что сочетание традиционной текстоцентрической методики преподавания русского языка как иностранного и технологий электронного обучения позволяет создать цифровые ресурсы, в высокой мере соответствующие дидактическим принципам доступности, прочности, наглядности, связи теории с практикой, систематичности и последовательности, самостоятельности, активности и сознательности учащихся, а потому, как показала практика, востребованные не только иностранными, но и российскими студентами. Тем самым умелое использование образовательных возможностей информационно-коммуникационных технологий, современных гаджетов, мультимедийных систем, педагогических инноваций позволяет повысить гибкость, конкурентоспособность российского образования, в частности, филологического.

Ключевые слова: *электронное обучение, обучение филологическим дисциплинам, онлайн-курс, учебный контент*

Е. V. Krapivnik

E-LEARNING IN PHILOLOGICAL EDUCATION

Pacific National University, Khabarovsk, Russia

Abstract. The article considers the features of e-learning as one of the leading forms of modern education, in particular, of philological sciences training. The author presents educational materials on a number of the philological sciences and recommendations on the foreign and Russian Philology students e-learning. After the COVID-19 pandemic, many universities use well-known online educational platforms and create their own electronic educational systems which host e-learning courses. The article presents the experience of creating e-courses in the Philological sciences for foreign students of philology studying undergraduate and graduate programs. It is noted that the combination of traditional text-centric methods of Russian as a Foreign Language training and e-learning technologies makes it possible to create specialized online-courses in Philology that are highly consistent with the didactic principle of thorough acquisition of knowledge, skills and abilities, the principle of connecting theory with practice, the principle of systematization and continuity, etc. As practice has shown, not only foreign, but also Russian students demand these online-courses. It seems that the skillful use of the didactic capabilities of information and telecommunication networks and technologies, modern gadgets, multimedia systems, and pedagogical innovations makes it possible to increase the accessibility, flexibility, and competitiveness of Russian philological education.

Keywords: *e-learning, philological sciences training, online-courses, educational content*

Введение. Концепция электронного обучения развивалась на протяжении последних десятилетий в связи с широким вхождением в повседневную жизнь информационно-коммуникационных технологий и многофункциональных гаджетов. Педагоги начали активно обращаться к потенциалу данного вида обучения во время пандемии COVID-19, поставившей перед вузами вопрос о необходимости и дальнейшей перспективе дистанционного образовательного процесса [10]. Возможность повышения привлекательности вузовского образования путем использования технологий электронного обучения (за счет существенной индивидуализации учебного процесса, его доступности, эргономичности, гибкости, адаптивности, применения инновационных технологий и пр.) обоснована в работах ряда российских и зарубежных ученых – А. А. Андреева, С. А. Куджа [4], Е. З. Власовой [2], В. В. Гуры [3], М. В. Слепцовой [5], М. Aparicio, F. Vacao, T. Oliveira [6] и др. При этом исследователи отмечают, что использование в учебном процессе новых технических средств и различных цифровых ресурсов не всегда одобряется педагогами и обучающимися.

А. А. Андреев, делая вывод о том, что электронное обучение за счет простоты и доступности может быть эффективнее очного, а традиционная педагогика постепенно эволюционно цифровизируется, все же оговаривает, что технологизация современного учебного процесса не кажется студентам и преподавателям привлекательной, т. к. требует от них дополнительной работы в новой образовательной среде, больших интеллектуальных, физических и психических усилий [1]. В. В. Гура, постулируя необходимость внедрения в обучение новых педагогических возможностей, связанных с применением информационно-коммуникационных средств и сочетания их с традиционными педагогическими технологиями, подчеркивает несоответствие затраченных средств и работы по созданию цифровых систем обучения и качества образования, получаемых с их помощью, а также считает недостаточным внимание зарубежной педагогики к вопросам проектирования личностно ориентированных электронных учебных ресурсов и сред, создания условий для развития личности человека в процессе взаимодействия с компонентами обучающей системы [3]. М. Aparicio, F. Vacao, T. Oliveira, описывая концепции электронного обучения, разрабатывая и внедряя международные стандарты их создания, обнаруживают катастрофически низкий процент «завершаемости» онлайн-курсов, на которые могут быть записаны несколько десятков тысяч человек. Авторы обращают внимание на несоответствие ожиданий теоретиков современного цифрового образования и практики ее обучения: дистанционная работа привлекает молодых и трудящихся людей из развитых стран, а не тех, у кого по тем или иным причинам нет доступа к получению высшего образования, как прогнозировалось в исследованиях [6]. Учеными отмечается неудовлетворенность студентов электронным обучением, связанная, в частности, с недостаточным качеством цифровых учебных материалов, форм их предъявления, программного обеспечения, технической поддержки, использования в целом [9, с. 8].

Данное исследование ставит целью разработку методических рекомендаций по созданию цифровых учебных материалов, обеспечивающих качество, доступность, прочность знаний и удовлетворенность студентов электронным обучением.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена запросом современного общества на модернизацию традиционной системы высшего образования. Развитие информационных технологий, социальных и профессиональных Интернет-ресурсов и учебных платформ, переход к цифровой экономике, потребность работодателей в предоставлении работникам возможности получения образования и повышения квалификации без отрыва от рабочего места диктуют необходимость перехода от классической образовательной среды вуза к виртуальному пространству, обеспечивающему доступное, индивидуализированное, качественное, экономически эффективное обучение [7].

Некоторые исследователи отмечают, что основным препятствием к успешной реализации вузовского электронного обучения является недостаточная компетентность преподавателей в сфере его осуществления [8, с. 21]. Мы считаем, что сложность заключается в сниженном проявлении внимания к особенностям образовательного цифрового контента – методисты в этом вопросе порой ограничиваются констатацией необходимости преобразования учебных материалов в электронном формате, изучением способов создания медиаиллюстраций, видеоконтента, иконографии, интерактивности, взаимосвязи онлайн-курса с другими Интернет-ресурсами, описанием особенностей использования гаджетов и информационно-коммуникационных технологий [8]. Актуальной задачей в этой связи выступает не только создание общей педагогической концепции вузовского электронного обучения, но и разработка методических рекомендаций по конструированию специализированного образовательного контента.

Материал и методы исследования. Исследование опирается на основные положения общей дидактики, теории и практики высшего профессионального образования, теории педагогического проектирования электронных образовательных ресурсов и методик преподавания русского языка как иностранного, а также на основные идеи личностно-развивающего и проблемного обучения. В соответствии с поставленными задачами применялся комплекс взаимодополняющих теоретических и практических методов исследования: анализ научных публикаций, раскрывающих основные аспекты работы, обобщение методической документации и существующего опыта в области реализации электронного обучения, системный подход, синтез теоретического и эмпирического материала, моделирование, тестирование, опрос учащихся, систематизация результатов анализов данных фокус-групп, проводимых российскими и зарубежными учеными.

Результаты исследования и их обсуждение. К вузовским электронным учебным курсам предъявляют ряд требований, среди которых выделяют следующие: возможность организации активной самостоятельной работы учащихся в удобное для них время и место, гибкость учебного процесса (возможность адаптировать обучение под способности и потребности студента), дистанционная связь с преподавателем (или отсутствие прямого взаимодействия), доступность материала (его понятность максимально широкой аудитории, в том числе лицам с ситуационными, техническими, психофизиологическими особенностями и барьерами), наглядность, интерактивность информационно-образовательной среды (обращение к различным Интернет-ресурсам) и пр.

Опыт преподавания в иноязычной аудитории свидетельствует о том, что ряд перечисленных качеств, в частности, доступность, наглядность, гибкость, систематичность и последовательность, традиционно характеризует учебные материалы для обучения иностранных студентов русскому языку и языку специальности. Также особенностью этих материалов для обучающихся (безотносительно к выбранной ими профессии) является их направленность на развитие речевой, коммуникативной, лингвокультурной и лингвострановедческой компетенций, формирование языковой догадки и представлений о системности языка, понимание внутренней формы слова и мотивированности терминов. Перечисленные знания и умения составляют профессиональную компетенцию российского студента-филолога. В этой связи возникает гипотеза о возможности успешного внедрения накопленных методикой преподавания русского языка как иностранного теоретических знаний и практического опыта при создании учебного контента онлайн-курсов для русских студентов.

В методике преподавания русского языка ведущая роль на уроке отводится учебному тексту, который является не только средством получения информации, но и стимулом к когнитивной деятельности и основой для создания вторичного продукта, продуцируемого студентом. Он должен быть адаптирован под умственные и языковые возможности

учащихся. По отношению к тексту выделяют предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания, цель которых состоит в создании условий для полноценного восприятия информации с ее последующим воспроизведением.

Предтекстовые задания призваны снять лексико-грамматические и страноведческие трудности, обеспечить понимание основной информации, содержащейся в учебном тексте. Притекстовые задания необходимы для чтения этого текста (ориентации студента на выбор определенного его типа), они активизируют механизмы вероятностного прогнозирования, установления смысловых связей и пр. Послетекстовые задания представляют собой разнообразные языковые, условно-речевые и речевые упражнения, развивающие речевые и коммуникативные умения и навыки, совершенствующие внимание и механизмы памяти. Формулировка инструкций к заданиям должна быть, по возможности, краткой, ясной, четкой и однозначной.

Учебные материалы преподавателей-русистов характеризуются широким использованием изобразительной, двигательной, звуковой наглядностей, обеспечивающих разнообразие чувственных восприятий студента, привносящих игровые моменты, «оживляющих» занятие. Инструкции к заданиям, как правило, содержат модели и образцы выполнения, грамматический материал вводится с помощью интуитивно понятных таблиц и схем, ключевые моменты урока визуально выделяются. Использование разных видов наглядности активизирует мышление и внимание студентов, способствует более прочному усвоению получаемых знаний.

Важной характеристикой урока по русскому языку как иностранному является его смысловая и логическая завершенность, когда учащийся осознает речевую / коммуникативную цель занятия и достигает ее. В этой связи объемная тема может быть разделена на относительно самостоятельные «блоки», каждый из которых содержит законченный в смысловом отношении учебный текст (диалогического или монологического характера), предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания, текущий контроль в виде заданий и / или тестов.

Перечисленные выше особенности учебных текстов, системы заданий и их формулировки использованы при создании онлайн-курсов для русских студентов-филологов. Так, учебные темы разделены на «блоки» (уроки), средний размер которых составил 10–12 «шагов», а время освоения – около 10 минут. Центральную часть «блока» занимает адаптированный учебный текст, части которого распределяются логично и последовательно по «шагам». Ознакомиться со структурой и содержанием авторских курсов по дисциплинам «Основы языкознания» (<https://stepik.org/course/178588/syllabus>), «Основы фразеологии» (<https://stepik.org/course/174672/syllabus>), «Актуальные проблемы лингвистики» (<https://stepik.org/course/120673/syllabus>) можно на платформе для онлайн-обучения Stepik. Учащийся самостоятельно выбирает количество «шагов» и «блоков», которые он готов освоить за каждое посещение курса, в зависимости от имеющихся у него временных и иных ограничений. Как показывает практика, одна из сложностей в организации эффективного электронного обучения состоит в том, что студенту сложно проявлять упорство, настойчивость, дисциплинированность в работе, он «теряет фокус», легко отвлекается в связи с отсутствием постоянного контроля со стороны преподавателя [7, с. 426]. На наш взгляд, сокращение времени прохождения материала за счет компрессии учебного текста и деления темы на относительно самостоятельные, законченные в смысловом отношении «блоки» позволяет сохранить внимание студентов в процессе обучения и их интерес к прохождению курса.

Каждый «блок» содержит предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания. Предтекстовые задания направлены на активизацию когнитивных процессов, актуализацию ранее полученных знаний, облегчение понимания учебного текста (в частности, терминов

и профессиональной лексики), повышение интереса к теме и представляют собой деятельностные упражнения, которые могут быть представлены следующим образом: задания на догадку и прогнозирование (например: Догадайтесь, что часто обозначают слова, заканчивающиеся на «...логия», «...графия», «...тика» / «...ика»: *математика, физика, фонетика, морфемика, грамматика, лингвистика; биология, геология, физиология, лексикология, фразеология, морфология; орфография, география, этнография*), поисковые задания (например: В русской лингвистике для обозначения основной формы существования современного развитого языка используют термин «национальный литературный язык». В английской лингвистике для ее наименования используется термин «*standart language*» («нормированный / стандартный»), в немецкой – «*Gemeinsprache*» («общий язык») и «*Schriftsprache*» («письменный язык»), в польской – «*język kulturalny*» («культурный язык»). Подумайте, какие качества современного языка раскрывает каждый термин), задания на соответствие (например: «Найдите суффиксы со значением “профессия”»), задания, направленные на самостоятельный сбор информации (например: Выберите из списка языки ООН), лексические задачи (например: «Объясните значение слова / понятия», «Подберите синонимы / антонимы к словам», «Продолжите предложение “*Ле...ал о..ёл средь ..орных ..уч и с..ал*”, если первое слово «лежал» и / или «летал»»). Притекстовые задания ориентируют учащихся на поиск определенной информации в тексте, на подтверждение или опровержение неких предположений (например: «Как вы думаете, сколько лет существует язык? Найдите в тексте информацию об этом: она подтверждает или опровергает ваше мнение?», «Как вы считаете, из каких частей / единиц состоит язык? Найдите в тексте информацию об этом. Все ли единицы языка вы назвали?»). Послетекстовые задания содержат тренировочные упражнения и используются на этапе текущего контроля (например: «Как называется наука о языке? Выберите все возможные варианты», «Соотнесите парадигму и используемые ею методы», «Допишите понятие: “Совокупность всех национальных концептов называется ...”»). Задания содержат материал, развивающий языковую и лингвокультурную компетенции, формирующий «языковое чутье» и догадку, передающий представления о языке как системе, о взаимосвязи единиц, о внутренней форме слов / терминов и их мотивированности.

Как видно из примеров, в электронном обучении в основном используются тестовые и вопросно-ответные задания с односложными и прогнозируемыми ответами, т. к. их оценивание не требует наличия преподавателя, что способствует экономии затрат на проверку работ. Серьезными проблемами таких упражнений являются невозможность учета всех вариантов ответов (в том числе, в свете разной степени компетентности, оригинальности мышления и грамотности студентов), создание потенциальной ситуации, когда учащийся, уверенный в правильности выполнения задания, получает неудовлетворительную оценку, что снижает его мотивацию к дальнейшему обучению. В целях сохранения интереса студентов к учебному процессу (с учетом различий в способностях и возможностях учащихся) предлагается использовать задания разного типа и сложности, а также предусматривать возможность диалога с проверяющим / преподавателем. Представляется, что положительные эмоции от выполнения интересных заданий, получения заслуженной положительной оценки, осознания успешности освоения материала могут рассматриваться как своего рода «вознаграждение», мотивирующее студентов к обучению, тогда как однотипность упражнений, их излишняя простота / сложность, несправедливость оценивания могут способствовать снижению у учащихся интереса к образовательному процессу. Подчеркнем также, что в заданиях должны предъявляться четкие инструкции, модели и образцы их выполнения.

Онлайн-обучение предполагает различные формы наглядности. Ряд исследований посвящен вопросам создания привлекательного дизайна, доступного для восприятия информации

интерфейса, интересной наглядности, интерактивности, мультимедийного контента цифровых курсов. Добавим, что преподавателю необходимо уделять внимание визуальному выделению ключевых моментов изучаемой с обучающимися темы, терминов, примеров, использованию понятных схем и таблиц. В этом аспекте, на наш взгляд, электронный учебный материал в определенной мере соотносим с конспектом лекции, создаваемым учащимся в тетради при помощи преподавателя.

Выводы. Апробация онлайн-курсов с участием 1008 учащихся показала, что студенты оценивают в качестве важных следующие характеристики программы: краткость, емкость и оригинальность учебных материалов, ее доступность, простота изложения материала и использования образовательной платформы, системность и последовательность в представлении тем, разнообразие заданий и возможность их справедливой оценки. На наш взгляд, интеграция принципов традиционного аудиторного образования и электронных технологий и методов обучения иностранных студентов позволяет создавать онлайн-курсы филологической направленности, обеспечивающие качество и прочность формирования профессиональных компетенций, длительную вовлеченность учащихся, а также их удовлетворенность учебным процессом в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. А. Становление и развитие дистанционного обучения в России // Высшее образование в России. – 2012. – № 10. – С. 106–111.
2. Власова Е. З. Электронное обучение в современном вузе: проблемы, перспективы и опыт использования // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2014. – № 1. – С. 43–49.
3. Гура В. В. Теоретические основы педагогического проектирования личностно ориентированных электронных образовательных ресурсов и сред. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2007. – 320 с.
4. Кудж С. А. Информационная образовательная ситуация // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. – 2017. – Т. 3, № 2(11). – С. 62–71.
5. Слепцова М. В., Петрухина Т. М. Разработка образовательного контента для развития личностных компетенций обучаемого в E-learning // Академия педагогических идей «Новация». – 2019. – № 3. – С. 59–63.
6. Aparicio M., Bacao F., Oliveira T. An e-Learning Theoretical Framework // Educational Technology & Society. – 2016. – № 19(1). – С. 292–307.
7. Hannen C.-J., Aparicio M. Organizational e-learning systems' success in industry // Proceedings of International Conference on Information Technology and Applications: ICITA 2022. – Singapore : Springer Singapore, 2022. – С. 421–431. – DOI 10.1007/978-981-19-9331-2_36.
8. Lopez-Belmonte J., Moreno-Guerrero A.-J., Segura-Robles A., Parra-Gonzalez M.-E. Projection of E-Learning in Higher Education: A Study of Its Scientific Production in Web of Science // European Journal of Investigation in Health Psychology and Education. – 2021. – № 11(1). – С. 20–32. – DOI 10.3390/ejihpe11010003.
9. Mohamed B., Noorashid N.-A., Abd Razak F.-Z. The determine factors of student satisfaction with e-learning in Malaysia Higher Education Institutions: a scoping review // Journal of Physics: Conference Series. – 2021. – DOI 10.1088/1742-6596/1874/1/012051.
10. Ramos-Morcillo A. J., Leal-Costa C., Moral-García J. E., Ruzafa-Martínez M. Experiences of nursing students during the abruptchange from face-to-face to e-learning education during the first month of confinement due to COVID-19 in Spain // International journal of environmental research and public health. – 2020. – DOI 10.3390/ijerph17155519.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024

REFERENCES

1. Andreev A. A. Stanovlenie i razvitie distancionnogo obucheniya v Rossii // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2012. – № 10. – S. 106–111.
2. Vlasova E. Z. Elektronnoe obuchenie v sovremennom vuze: problemy, perspektivy i opyt ispol'zovaniya // Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta. – 2014. – № 1. – S. 43–49.
3. Gura V. V. Teoreticheskie osnovy pedagogicheskogo proektirovaniya lichnostno orientirovannyh elektronnyh obrazovatel'nyh resursov i sred. – Rostov-na-Donu : Izd-vo YUFU, 2007. – 320 c.
4. Kudzh S. A. Informacionnaya obrazovatel'naya situaciya // Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2017. – T. 3, № 2(11). – S. 62–71.

5. Slepčova M. V., Petruhina T. M. Razrabotka obrazovatel'nogo kontenta dlya razvitiya lichnostnykh kompetencij obuchaemogo v E-learning // Akademiya pedagogicheskikh idej «Novaciya». – 2019. – № 3. – S. 59–63.
6. Aparicio M., Bacao F., Oliveira T. An e-Learning Theoretical Framework // Educational Technology & Society. – 2016. – № 19(1). – S. 292–307.
7. Hannen C.-J., Aparicio M. Organizational e-learning systems' success in industry // Proceedings of International Conference on Information Technology and Applications: ICITA 2022. – Singapore : Springer Singapore, 2022. – S. 421–431. – DOI 10.1007/978-981-19-9331-2_36.
8. Lopez-Belmonte J., Moreno-Guerrero A.-J., Segura-Robles A., Parra-Gonzalez M.-E. Projection of E-Learning in Higher Education: A Study of Its Scientific Production in Web of Science // European Journal of Investigation in Health Psychology and Education. – 2021. – № 11(1). – S. 20–32. – DOI 10.3390/ejihpe11010003.
9. Mohamed B., Noorashid N.-A., Abd Razak F.-Z. The determine factors of student satisfaction with e-learning in Malaysia Higher Education Institutions: a scoping review // Journal of Physics: Conference Series. – 2021. – DOI 10.1088/1742-6596/1874/1/012051.
10. Ramos-Morcillo A. J., Leal-Costa C., Moral-García J. E., Ruzafa-Martínez M. Experiences of nursing students during the abrupt change from face-to-face to e-learning education during the first month of confinement due to COVID-19 in Spain // International journal of environmental research and public health. – 2020. – DOI 10.3390/ijerph17155519.

The article was contributed on September 17, 2024

Сведения об авторе

Крапивник Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы «Русская филология» Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия, <https://orcid.org/0009-0000-1604-6562>, 004712@pnu.edu.ru

Author Information

Krapivnik, Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, <https://orcid.org/0009-0000-1604-6562>, 004712@pnu.edu.ru

УДК [811.161.1'243:908]:371.671

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.021

Т. А. Сироткина

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ

Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия

Аннотация. В настоящее время в стране особое внимание уделяется обучению русскому языку как неродному детей-инофонов. В связи с этим актуален вопрос изучения языка в полиэт-нических регионах, в частности, в ХМАО-Югра. Важно дать школьникам не только знания и умения, направленные на развитие основных речевых видов деятельности, необходимых для повседневной коммуникации, но и обратиться к страноведческим, краеведческим темам, с помощью которых возможно достижение социокультурной адаптации обучающихся, погружение их в определенную культурную среду.

В статье рассматривается возможность использования текстов краеведческой тематики в учебных пособиях по русскому языку для детей-инофонов. Делается вывод о том, что работа с региональными текстами поможет данной категории обучающихся преодолеть процесс языковой и социокультурной адаптации в обществе.

Ключевые слова: *краеведческая информация, учебные пособия, русский язык, инофоны, языковая адаптация*

Т. А. Sirotkina

LOCAL HISTORY INFORMATION IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING AIDS FOR NON-NATIVE-SPEAKER CHILDREN

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

Abstract. Recently, in Russia as a whole and in some regions in particular, more and more attention has been paid to the methods of teaching Russian to non-native-speaker children. This methodological problem is also relevant in such a multi-ethnic region as Khanty-Mansi Autonomous Okrug -Yugra. It is important to give schoolchildren not only knowledge and skills aimed at developing the basic speech activities necessary for everyday communication, but also to address regional studies and local history topics, with the help of which it is possible to achieve socio-cultural adaptation of students, immersing them in a certain cultural environment.

The article considers the possibility of using local history texts in Russian language teaching aids for non-native-speaker children. It is concluded that working with regional texts will help this category of students to more successfully go through the process of linguistic and socio-cultural adaptation in a new community.

Keywords: *local history information, teaching aids, Russian language, non-native-speaker children, language adaptation*

Введение. В последнее время в отдельных областях страны и России в целом все большее внимание уделяется методике обучения русскому языку детей-инофонов (см., например, [1], [8], [9] и др.). Актуальным является обращение к данному вопросу и в таком многонациональном регионе, как ХМАО-Югра.

Авторами изучается возможность использования краеведческой информации, которая содержится в известных учебных пособиях для детей-инофонов, например, материалы для детей-мигрантов «Хочу узнать Россию» [7]. Это является необходимым, поскольку, по наблюдениям исследователей, «использование краеведческой информации, связанной с историей конкретного российского региона, необходимо для формирования представления о русской национальной культуре» [2, с. 99], «информация, полученная путем осмысления регионально-культурных языковых единиц, играет важную роль в социокультурной адаптации иностранных студентов» [3, с. 107]. Подобные материалы в совокупности позволяют «представить иностранным студентам особенности того края, где они живут в данный момент, ознакомить их с особенностями русской ментальности» [6, с. 57].

Еще в методике начала XX в. сложился постулат о том, что «при организации учебного процесса, составлении учебных планов и написании учебных пособий необходимо учитывать не только общие сведения лингвострановедческого характера, но и краеведческие данные, или местное страноведение» [5, с. 3]. Преподаватели русского языка как иностранного, работающие в разных регионах России, используют самый широкий спектр источников – «помимо лингвистического материала по топонимике привлекается исторический и географический краеведческий материал, художественные произведения местных авторов, а также материалы средств массовой информации» [4, с. 425].

В ХМАО-Югра и других регионах России существует проблема отсутствия учебных пособий, содержащих культурно-языковую информацию. Как отмечают, например, М. Н. Чупановская и Т. Б. Маклакова, «вопросы практического использования лингвокраеведческих материалов конкретных городов и регионов России еще недостаточно разработаны» [10, с. 349]. Цель данной статьи – рассмотреть возможности использования краеведческой информации в учебных пособиях по русскому языку как неродному для обучающихся ХМАО-Югры.

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение русского языка как неродного достаточно сложная, но очень актуальная задача для обучающихся, приехавших в Россию с нулевым или почти нулевым уровнем владения языком. На первых этапах ими приобретаются основные речевые навыки, осваиваются темы, необходимые для повседневного бытового общения. Однако на продвинутом этапе важным, на наш взгляд, является получение страноведческих, краеведческих знаний, благодаря которым происходит социокультурная адаптация школьников, погружение их в определенную культурную среду.

Материал и методы исследования. В настоящей статье с опорой на учебные пособия для детей-инофонов «Мой край, моя Югра» и «Сургутский алфавит» рассмотрено то, каким речевым целям может послужить краеведческий материал. Основным методом работы – методическое проектирование, направленное на выявление роли рассматриваемых учебных пособий, чем определяется содержание обучения детей-инофонов русскому языку как неродному.

Результаты исследования и их обсуждение. Учебное пособие «Мой край, моя Югра» призвано помочь обучающимся-инофонам адаптироваться в новом для них культурно-языковом пространстве. В него включены следующие темы для обсуждения: «Мы живем в Югре», «Давно это было», «Малые народы Югры», «Культура народов Югры», «Природа Югры», «Города Югры», «Мой северный город Сургут», «Возвращение к истокам». Приложение содержит диктанты краеведческой тематики, с текстами которых учитель может работать в процессе обучения детей.

В пособии «Сургутский алфавит» собран обширный материал об известных людях и значимых объектах города, на основе которых созданы задания, направленные на развитие всех видов речевой деятельности. В частности, здесь содержится информация о личностях, прославившихся в таких сферах жизни, как нефтяная промышленность (В. В. Бахилев,

Г. М. Кукуевицкий, Ф. Салманов); строительство (В. Ф. Солохин); литература (Е. Д. Айпин, Л. Гайкевич, А. В. Лазарева, О. Б. Рихтер, С. Сметанин, Н. Сочихин, П. Суханов, Н. Шамсутдинов); живопись (П. С. Бахлыков, Г. С. Райшев); журналистика (В. К. Белобородов, И. П. Захаров, В. С. Матвеев); культура (С. Дятлов, Е. В. Лоншакова, Я. С. Черняк); спорт (П. Ивашко); общественно-политическая деятельность (первый комсомолец М. Щепеткин).

Перечислим следующие особо значимые объекты: аэропорт и вокзал; промышленные предприятия («Сургутнефтегаз»); археологические памятники («Барсова гора»; «Ермаково»); охотничьи хозяйства («Еловое»); парки («За Саймой», «Кедровый лог»); учебные заведения (гимназия «Лаборатория Салахова»); дворцы (Дворец спорта, Дворец искусств); спортивные комплексы («Каменный мыс»); музеи («Дом купца Клепикова»); памятники (Мемориал Славы); скульптурные композиции («Железный человек», «Зверье»); кинотеатры («Аврора»); рестораны и кафе («Веранда», «Емеля»); аквапарки («Аквамарин»); торгово-развлекательные центры («Аура», «Вавилон»).

Необходимо отметить, что анализируемое учебное пособие рассчитано на более высокий уровень владения обучающимися русским языком. В нем, по сравнению с предыдущим, используется больше аутентичных текстов.

Задания, включенные в рассмотренные пособия, направлены на совершенствование навыков чтения, письма, говорения, слушания, т. е. всех видов речевой деятельности.

Говорение – особенно важный для школьников, изучающих русский язык как неродной, вид речевой деятельности. Одна из главных задач обучения языку детей-инофонов заключается в том, чтобы научить их построению собственных устных высказываний. Материалом для этой работы могут служить:

– фотография: «Посмотрите на фотографию моста через реку Обь. Что Вы можете сказать об этой реке? Какая она?»;

– рассказ: «Прочитайте отрывок из рассказа сургутской писательницы М. Сладковой “Сургут-на-Оби”. Ответьте на вопрос: почему изменилось настроение героини после прогулки на Обь?»;

– стихотворение: «Прочитайте стихотворение Ю. Шесталова “Моя Миснэ”. Опишите героиню текста, лесную фею Миснэ»;

– отзыв: «Прочитайте отзыв жительницы города Нягань о Няганском театре юного зрителя. Были ли Вы в каком-либо театре вашего города? Расскажите о спектакле, который Вы смотрели в нем».

Важным моментом обучения **говорению** является то, что в ряде случаев обучающиеся должны самостоятельно найти информацию для последующего устного высказывания: «В лингвокраеведческом словаре (по приведенной ссылке) найдите понятия, отражающие исторические события Югры, информацию о сохранившихся в музеях предметах старины. Расскажите об одном событии или об одном предмете своим одноклассникам»; «Прочитайте текст об океанариуме города Когалыма. Найдите на сайте океанариума информацию об одном из разделов экспозиции, расскажите о нем своим одноклассникам».

Совершенствование навыков говорения предполагает прежде всего развитие умения общаться в бытовых ситуациях, и уже затем – высказываться на учебные, научные и иные темы. Поэтому задания для обучающихся-инофонов в пособии «Сургутский алфавит» связаны с построением:

– диалога: «Разыграйте диалог “продавец – покупатель”, представив себя в одном из магазинов ТЦ “Аура”»;

– рассказа на заданную тему: «Найдите в интернете информацию об одном из видов растений, представленных на Барсовой горе: Аконит северный, Башмачок капельный, Клевер люпиновый, Любка двулистная, Прострел желтеющий. Расскажите о нем своим одноклассникам».

Трудным для освоения детьми-инофонами является и такой вид речевой деятельности, как **письмо**. Умение писать тексты разных жанров и стилей – неотъемлемая составляющая речевой культуры. В связи с этим мы включили в пособие «Мой край, моя Югра» задания, направленные на овладение школьниками такими жанрами речи, как:

- подпись под фотографией;
- поздравление: «Составьте свое поздравление Югре на 10 декабря или России на 12 июня»;
- ответ на вопрос: «Посмотрите видео и напишите, какая из профессий нравится югорским школьникам больше»;
- эссе: «Напишите небольшое эссе о том, на каких больших реках Вы бывали, какое впечатление они на Вас произвели»;
- статья для энциклопедии: «Найдите в интернете информацию об одном из видов рыб, обитающих в Оби. Изложите ее в форме статьи для энциклопедии»;
- рецепт: «Рассмотрите инфографику. Запишите рецепт, используя глаголы в повелительном наклонении».

В учебном пособии «Сургутский алфавит» задания для обучающихся связаны с составлением:

- памятки: «Знаете ли Вы, какие правила безопасности нужно соблюдать в бассейне, аквапарке? Составьте памятку посетителям о правилах поведения в аквапарке “Аквамарин”»;
- текста экскурсии: «Представьте, что Вам нужно провести экскурсию по сургутскому аэропорту. Найдите в интернете информацию о его истории и современности, подготовьте текст экскурсии»;
- сочинения-описания: «Напишите сочинение-описание по картине П. С. Бахлыкова “Дитя природы”».

Диктанты, приведенные в приложении к пособию «Мой край, моя Югра», помогают в обучении детей грамотному письму. Развитию же умения выражать свои мысли в форме сочинений разных жанров способствуют задания, связанные, например, с описанием картины:

- Посмотрите на картину П. С. Бахлыкова «В урмане». Знаете ли Вы, что такое «урман»? Составьте для описания картины словосочетания с цветовыми прилагательными «белый(ая,ое,ые)», «черный(ая,ое,ые)», «коричневый(ая,ое,ые)», «зеленый(ая,ое,ые)», «синий(ая,ое,ые)». Пример: белый снег,

- Найдите слова к данным антонимам, которые могут описать предметы на картине: короткий – длинный, крепкий – хрупкий, глубокий – мелкий, мягкий – жесткий, живой – мертвый. Пример: высокое дерево – низкие нарты (сани).

- Опишите, кто изображен на картине. В каких отношениях, по вашему мнению, находятся изображенные люди? Чем занимаются люди? Как они выглядят? Что изображено на переднем плане? Что находится слева на картине? Какое время года изображено на картине? Как называется место, изображенное на ней? Почему одними из главных персонажей картины являются олени?

Один из важных для всего процесса обучения детей в школе вид речевой деятельности – **чтение**, которое, в частности, отрабатывается в пособии «Сургутский алфавит» с помощью таких заданий, как:

- чтение по ролям: «Прочитайте по ролям фрагмент интервью Е. Д. Айпина. Расскажите, что Вы узнали об этом человеке»;
- выразительное чтение стихотворения: «Прочитайте выразительно стихотворение П. С. Бахлыкова о бубне»;
- чтение с объяснением: «Прочитайте текст о Сургутской ГРЭС. Объясните значение выделенных слов и словосочетаний».

В пособии «Мой край, моя Югра» чтение региональных текстов обязательно связано с выполнением языковых заданий:

– фонетических: «Прочитайте загадки. Отгадайте их. Найдите в текстах загадок звонкие и глухие согласные»;

– грамматических: «Прочитайте стихотворение Л. Гайкевича “Зимний сон”. Подпишите над каждым словом часть речи»; «Прочитайте текст легенды. Найдите и подчеркните в предложениях однородные члены»; «Прочитайте стихотворение В. Гаврилова “Мечты безумного кота”. Найдите в тексте глаголы сослагательного наклонения. Для чего автор использует их?»;

– орфографических: «Прочитайте текст приглашения на праздник в музей “Торум Маа”. Выпишите из текста наречия, расскажите о правиле их написания. Придумайте еще несколько наречий на это правило»; «Прочитайте сказку, написанную А. Матвейчук, одной из победительниц детского конкурса “Добрые сказки Югры”. Найдите предложения с прямой речью. Сформулируйте правила ее оформления. Придумайте и запишите фрагмент своей сказки, где будет использоваться прямая речь героев»;

– лексических: «Прочитайте текст. Объясните значение слов и словосочетаний: бассейн реки, судоходство, порт, пристань»; «Прочитайте текст о бубнах шаманов. Составьте словарик незнакомых слов, которые встретились Вам в тексте»; «Прочитайте стихотворение В. Гаврилова “Лето, ласковое, дачное”. Объясните значение слова “азы”; знаете ли Вы, откуда оно произошло? Как Вы думаете, что означает слово “звончики”? Подберите к нему синонимы».

Особое внимание в пособиях уделяется развитию навыков **аудирования**. Для слушания даются в большинстве случаев не аудио-, а видеофайлы, поскольку визуальный ряд призван помочь восприятию текста. Так, например, обучающиеся смотрят мультфильм о Югре и отвечают на вопросы:

- О каких городах Югры говорится в мультфильме?
- Когда в Югре нашли нефть?
- Какую часть российской нефти добывают в Югре?
- Что говорится в мультфильме о длине Оби?

Однако тексты могут быть прочитаны и учителем, а затем записаны детьми под диктовку: «Рассмотрите фотографию и послушайте описание мегионского памятника первопроходцам. Запишите это описание под диктовку».

Выводы. Таким образом, материалы учебных пособий «Мой край, моя Югра» и «Сургутский алфавит» будут полезны учителям при подготовке уроков и факультативных занятий с детьми-инофонами. Используемая в них региональная составляющая – тексты, функционирующие в рамках культурно-языкового пространства ХМАО-Югры, – поможет данной категории обучающихся успешнее преодолеть процесс языковой и социокультурной адаптации в новой для них среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балыхина Т. М.* Методика преподавания русского языка как неродного (нового) : учеб. пособие для преподавателей и студентов. – М. : Изд-во Российского университета дружбы народов, 2007. – 185 с.
2. *Башарова Н. Ф., Фахретдинова Г. Д.* Региональный компонент в преподавании русского языка как иностранного // Казанский педагогический журнал. – 2018. – № 1. – С. 99–102.
3. *Васильева Ю. А.* Региональный эргонимический материал в преподавании русского языка как иностранного (на примере эргонимов города Симферополя) // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур: VI Международная научно-практическая конференция (9 – 11 октября 2018 г.): труды и материалы / под ред. В. В. Орехова, Е. Л. Титаренко. – Симферополь : Ареал, 2018. – С. 107–111.
4. *Выхованец Н. А.* Региональный компонент как основа культурноориентированной методики преподавания РКИ // Ученые записки Тихоокеанского государственного университета. – 2015. – Т. 6, № 4. – С. 424–428.

5. Королева Р. М. Общее и местное страноведение // Краеведение в обучении иностранцев русскому языку : сборник научных трудов. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1986. – С. 3–8.
6. Краснова Е. И., Абдурахманова Г. К., Пыхтина Ю. Г. Развитие лингвокраеведческой компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному в региональном вузе // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 11(211). – С. 53–58.
7. Саматова Л. М. Хочу узнать Россию : учеб. пособие для детей мигрантов. – М., 2021. – 34 с.
8. Сурьгин А. И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. – СПб. : Изд-во «Златоуст», 2000. – 233 с.
9. Хамраева Е. А. Русский язык для детей-билингвов: теория и практика : учеб. пособие. – М. : БИЛИНГВА, 2015. – 152 с.
10. Чупановская М. Н., Маклакова Т. Б. Региональный компонент на занятиях по русскому языку как иностранному (лингвокультурный комментарий краеведческого материала Иркутской области) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 348–352.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024

REFERENCES

1. Balyhina T. M. Metodika prepodavanja ruskogo jazyka kak nerodnogo (novogo) : ucheb. posobie dlja prepodavatelej i studentov. M. : Izd-vo Rossijskogo universiteta družby narodov, 2007. – 185 s.
2. Basharova N. F., Fahretdinova G. D. Regional'nyj komponent v prepodavanii ruskogo jazyka kak inostrannogo // Kazanskij pedagogičeskij žurnal. 2018. – № 1. – S. 99–102.
3. Vasil'eva Yu. A. Regional'nyj jergonimicheskij material v prepodavanii ruskogo jazyka kak inostrannogo (na primere jergonimov goroda Simferopolja) // Dialog kul'tur. Teorija i praktika prepodavanja jazykov i literatur: VI Mezhdunarodnaja nauchno-praktičeskaja konferencija (9 – 11 oktjabrja 2018 g.): trudy i materialy / pod red. V. V. Orehova, E. L. Titarenko. Simferopol' : Areal, 2018. – S. 107–111.
4. Vyhovaneč N. A. Regional'nyj komponent kak osnova kul'turoorientirovannoj metodiki prepodavanja RKI // Uchenye zapiski Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. – T. 6, № 4. – S. 424–428.
5. Koroleva P. M. Obščee i mestnoe stranovedenie // Kraevedenie v obučenii inostrancev russkomu jazyku : sbornik nauchnyh trudov. – Volgograd : Izd-vo VPI, 1986. – S. 3–8.
6. Krasnova E. I., Abdurahmanova G. K., Pyhtina Yu. G. Razvitie lingvokraevedcheskoj kompetencii na zanjatijah po russkomu jazyku kak inostrannomu v regional'nom vuze // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 11(211). – S. 53–58.
7. Samatova L. M. Hochu uznať Rossiju : ucheb. posobie dlja detej migrantov. M., 2021. 34 s.
8. Surygin A. I. Osnovy teorii obučeniya na nerodnom dlja uščashhihsja jazyke. SPb. : Izd-vo «Zlatoust», 2000. 233 s.
9. Hamraeva E. A. Russkij jazyk dlja detej-bilingvov: teorija i praktika : ucheb. posobie. M. : BILINGVA, 2015. 152 s.
10. Chupanovskaja M. N., Maklakova T. B. Regional'nyj komponent na zanjatijah po russkomu jazyku kak inostrannomu (lingvokul'turnyj kommentarij kraevedčeskogo materiala Irkutskoj oblasti) // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – T. 12, vyp. 3. – S. 348–352.

The article was contributed on July 21, 2024

Сведения об авторе

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3494-0968>, sirotkina71@mail.ru

Author Information

Sirotkina, Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-3494-0968>, sirotkina71@mail.ru

УДК 378.147:811.161.1'243

DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.022

А. П. Шапошникова

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ВРАЧЕЙ КАК УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ СО СТУДЕНТАМИ-МЕДИКАМИ

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия*

Аннотация. В России обучается около 355 тысяч иностранных студентов, среди которых особой популярностью пользуется медицинская специальность, занимающая первое место по входящей мобильности. В связи с этим перед преподавателем стоит задача воспитания вторичной языковой личности на иностранном языке, для решения которой необходимо организовать определенную коммуникативную среду / пространство и, что немаловажно, ввести страноведческую и лингвокультурологическую информации. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточным количеством учебного материала по русскому языку для иностранных обучающихся. Цель статьи – выявить и описать лингвострановедческий и языковой потенциал использования дополнительных источников информации для студентов-медиков и представить методическую разработку на их основе. Материалом для создания рабочих листов послужили фрагменты из «Дневника хирурга» А. А. Вишневого. В заключение делается вывод о потенциале дневниковых записей в рамках изучения русского языка как иностранного.

Ключевые слова: *дневниковые записи, учебные материалы, студенты-медики, профессионально ориентированное обучение, русский язык как иностранный*

A. P. Shaposhnikova

DIARY ENTRIES OF DOCTORS AS A MATERIAL IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES WITH MEDICAL STUDENTS

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

Abstract. There are about 355 thousand foreign students studying in Russia, among whom the medical specialty is particularly popular, ranking first in terms of incoming mobility. In this regard, the teacher faces the task of developing a secondary linguistic personality in a foreign language, for the solution of which it is necessary to create a certain communicative environment and, what is important, to introduce regional and linguocultural information. The relevance of this study is due to the insufficient amount of educational material on the Russian language for foreign students. The purpose of the article is to identify and describe the linguistic and cultural potential of using additional sources of information for medical students and to present a methodological development based on them. The material for creating the worksheets was excerpts from A. A. Vishnevsky's "Diary of a Surgeon". The conclusion is made about the potential of diary entries in the context of studying Russian as a foreign language.

Keywords: *diary entries, educational materials, medical students, professionally oriented education, Russian as a Foreign Language*

Введение. Студенты, приезжающие в Россию получать высшее образование, оказываются в условиях, когда перед ними стоит задача овладеть не только специальностью,

но и незнакомым им языком. Чтобы получить необходимые для будущей работы знания и умения, нужно владеть иностранным языком на продвинутом уровне, поскольку на нем ведется обучение. Мотивирующим фактором в данном случае становится понимание того, что без достаточного уровня владения языком практически невозможно погрузиться в профессию и изучить ее. Этим определяется задача, которая стоит перед преподавателем – оказать помощь студенту в овладении неродным (русским) языком, в частности, языком специальности. На сегодняшний день, когда современное поколение привыкло получать большой объем информации посредством разных источников, в особенности – через Интернет, рекомендуется использование дополнительных средств обучения вместе с традиционными учебными пособиями. Объектом наших изысканий стали дневниковые записи российских врачей. Предметом исследования выступил лингвострановедческий и языковой потенциал дневниковых записей, используемых в качестве материала на занятиях по русскому языку как иностранному.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена недостаточным количеством профессионально ориентированной информации в учебных пособиях по русскому языку для иностранных студентов-медиков. Как пишет Н. А. Вострякова, «реального представления о круге профессиональных обязанностей, особенностях деятельности того или иного медицинского специалиста в России и в своей стране большинство из них не имеют и часто получают его довольно поздно, в процессе учебы в медицинском вузе или клинической практики» [4]. В связи с этим многие ученые, среди которых Н. М. Абиева, Е. С. Агульник, Д. Д. Дмитриева, Л. П. Прокофьева, В. М. Чиркова и др., отмечают необходимость введения в обучение дополнительного страноведческого материала для повышения профессиональной подготовки студентов и их мотивации. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного студентам-медикам и актуальны для обучающихся, чей уровень владения русским языком не ниже второго сертификационного уровня (ТРКИ–2), или B2.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили фрагменты записей из «Дневника хирурга» А. А. Вишневого, на основе которых разработаны задания для занятий по русскому языку с иностранными студентами-медиками. В работе использованы общенаучные методы исследования, такие как описание и анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Профессионально ориентированное обучение языку «направляет педагогический процесс на конечный результат обучения студента в вузе – будущую профессию, которая в итоге станет сферой приложения всех получаемых знаний, умений, навыков, проверкой их действенности» [7, с. 3]. И. А. Пугачев отмечает, что в рамках этого подхода стоит рассматривать также «обучение студентов русскому языку как средству общения в диалоге культур, как средству гуманистического развития учащихся средствами русского языка» [8, с. 40].

Изучение русского языка как иностранного со студентами нефилологических специальностей отличается не только образовательными целями и задачами, но и организацией учебного процесса, специфика которого, по мнению А. Н. Щукина, заключается в практической направленности деятельности, преемственности обучения и малом количестве часов, отводимых на аудиторные занятия [10, с. 89].

К характерным чертам таких занятий с иностранными студентами-медиками мы относим: освоение медицинского дискурса, терминологической базы, навыков коммуникации в разных моделях общения (врач и пациент, врач и врач), работы с научным текстом, а также освоение лингвистических, социокультурных и психологических аспектов.

Однако не стоит забывать об особой роли культурологической информации в процессе изучения иностранного языка. Тесную взаимосвязь русского языка с историей народа,

его современной жизнью и культурой отмечает В. В. Виноградов. Ученый М. О. Храпченко определяет ее важность для методики преподавания русского языка как иностранного следующим образом: «Для того чтобы активно пользоваться русским языком, не совершать крупных погрешностей в общении с его носителями, разумеется, необходимо понимать и знать его динамическое сплетение с процессами социального развития, быта, деяниями и стремлениями русского народа» [2]. Таким образом, наличие профессионально ориентированного страноведческого и лингвокультурологического материала имеет важное значение на занятиях по русскому языку как иностранному.

«Что было изобретено российскими врачами за последние десять лет?», «Какие научные центры совершают передовые открытия?», «Кто на сегодняшний день является ведущим специалистом в той или иной области?» – знание ответов на эти вопросы формирует взаимосвязь изучаемого (русского) языка и будущей профессии обучающихся.

Нами отмечено недостаточное количество профессионального страноведческого материала в учебных пособиях по русскому языку как иностранному для студентов-медиков. Проанализированы 30 образовательных источников информации разного типа (таблица 1), на основе рассмотрения которых можно выделить четыре группы: 1) учебные пособия, необходимые для формирования лексико-грамматического минимума по общенаучной и терминологической лексике; 2) учебные пособия для развития навыков устной и письменной профессиональной речи; 3) учебные пособия по формированию навыков работы с научным медицинским текстом, в частности аннотированию, реферированию, рецензированию; 4) словари.

Таблица 1 – Список проанализированных учебных пособий по русскому языку как иностранному для студентов-медиков

Учебные пособия по русскому языку для иностранных студентов-медиков		
«В поликлинике. На приеме у врача-терапевта» (2012)	«Обучение речевому общению в учебно-научной сфере. Медико-биологический профиль. Первый сертификационный уровень. Часть II» (2021)	«Русский язык в клинике» (2012)
«Говорим о медицине по-русски» (2013)	«Обучение языку специальности иностранных студентов-медиков подготовительного факультета» (2002)	«Русский язык для будущих врачей» (2017)
«Диалог врача с больным» (2013)	«Общение врача: устная и письменная коммуникация» (2020)	«Русский язык для иностранных студентов-медиков» (2015)
«Знакомимся с известными людьми. Тексты для чтения и развития речи» (2023)	«Основы профессиональной коммуникации» (2010)	«Русский язык как иностранный в медицинской деятельности» (2020)
«Изучаем русский язык. Практический курс для иностранных студентов-медиков, говорящих на английском языке» (2008)	«Подготовка к клинической практике» (2014)	«Сбор анамнеза и оформление болезни» (2016)
«Культура речи молодого врача» (2011)	«Практический курс русского языка» (2014)	«Учебные материалы по русскому языку для студентов-иностранцев медицинского факультета» (2012)
«Легендарные преемники Гиппократата» (2013)	«Практический курс русского языка. Часть 3. Обучение чтению и устной речи» (2020)	«Учимся слушать и понимать больного» (2014)

«Мы читаем, говорим и пишем по-русски» (2009)	«Профессиональная коммуникация иностранных студентов-медиков» (2017)	«Художественные тексты для чтения и развития речи. Часть II» (2018)
«Научный стиль речи. Анатомия и физиология человека» (2019)	«Профессиональное общение: врач и пациент» (2011)	«Художественные тексты для чтения и развития речи. Часть III» (2018)
«Научный текст: аннотирование, реферирование, рецензирование» (2013)	«Расспрос больного» (2005)	«Язык специальности. Медико-биологический профиль. Начальный этап» (2017)

В 13 учебниках наблюдается наличие страноведческой информации, которую условно можно разделить на четыре группы: известные личности, художественные тексты, научные статьи, общая информация (таблица 2).

Таблица 2 – Страноведческая информация, извлеченная из профессионально ориентированных учебных пособий по русскому языку как иностранному для студентов-медиков

Известные личности	Литература	Научные статьи	Общая информация
И. М. Сеченов И. П. Павлов Н. И. Пирогов И. И. Мечников Г. А. Илизаров Н. М. Амосов П. А. Флоренский Ф. П. Гааз С. Н. Федоров А. П. Чехов Н. П. Бехтерева Л. М. Рошаль Д. И. Менделеев Н. Н. Бурденко Н. А. Семашко Н. П. Суслова	А. С. Грин «Голос и глаз»; А. П. Чехов: «В аптеке», «Аптека Адамовича», «Ах, зубы!»; А. И. Куприн «Чудесный доктор»; Л. Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича»; М. А. Булгаков «Стальное горло»; С. Б. Ласкин «Бужма»; В. Тушнова «Хирург»; Б. Ахмадуллина «Болезнь»	Оригинальные статьи из журналов «Клиническая медицина», «Педиатрия», «Врач», «Вопросы питания», «Вестник ИвГМА» и др.	Адаптированные тексты об общей структуре здравоохранения в РФ, лечебно-профилактических учреждениях в РФ, Российской академии медицинских наук

Считаем такое количество страноведческой информации недостаточной для иностранных студентов-медиков в рамках получения профессии в другой стране. Об этом пишет Л. С. Головина, которая анализирует 12 российских и 3 зарубежных универсальных учебных пособия для первого года изучения русского языка. В 3 из них прецедентные антропонимы, связанные с медициной, отсутствуют в принципе, в 5 – упоминаются лишь 5 имен известных деятелей медицины и биологии – И. П. Павлов, Н. И. Пирогов, В. М. Бехтерев, И. И. Мечников, Ф. Г. Углов [6]. Как отмечает Н. А. Вострякова, такого количества прецедентных имен прославленных российских ученых-медиков в универсальных учебниках и пособиях по русскому языку как иностранному с точки зрения профессиональных потребностей иностранных студентов медицинского профиля недостаточно [4, с. 207].

В связи с этим считаем необходимым использование дополнительных средств обучения русскому языку для иностранных студентов, которые будут знакомить обучающихся с жизнью и деятельностью выдающихся ученых и общественных деятелей в области медицины.

В качестве подобного рода материалов могут выступить дневниковые записи врачей. Для проведения занятия мы предлагаем обратиться к фрагментам из «Дневника хирурга»

А. А. Вишневого [3], в которых раскрываются особенности медицинской службы во время войны. В книге подробно описываются операции, проведенные врачом, работа военно-полевого хирурга, трудности военного времени и рассуждения героя о некоторых аспектах медицины.

Несомненно, для начала рекомендуется рассказать иностранным студентам о личности А. А. Вишневого, о значимости его деятельности для российской медицины. Обучающимся в таком случае может быть продемонстрирован короткий репортаж / статья для чтения из сети-интернет [1]. После этого предлагается обратиться к 3 фрагментам «Дневника хирурга» для прочтения и выполнения соответствующих заданий по ним (таблица 3).

Таблица 3 – Методическая разработка для занятий по русскому языку как иностранному, созданная на основе фрагментов «Дневника хирурга» А. А. Вишневого

30 июля 1941 года Раненый мальчик лет десяти. У него оторвана вся правая кисть. На плече – жгут из шнурков от ботинок. Рука завязана полотенцем. Я решил оперировать его сам. Хорошо анестезировав, сделал первичную обработку культи, удалил разможенные* ткани, перевязал сосуды, остановил кровотечение и наложил марлю, смоченную спиртом, а через 2 минуты сменил ее на мазевую повязку. Во время операции мальчик вел себя прекрасно: сдержанностью своей он мне напомнил моих ребятшек. <i>*разможенный – раздробленная, сильно поврежденная кость или какая-либо часть тела</i> 1. Объясните значение слов: <i>жгут; первичная обработка; культя; марля</i>. 2. Объясните разницу между глаголами <i>наложить</i> и <i>положить</i>. Составьте с ними предложения. 3. Образуйте новые глаголы совершенного вида от <i>рвать</i> с помощью приставок. Составьте с ними словосочетания, связанные с деятельностью врача. 4. Опишите действия хирурга в правильном порядке, используя словосочетания: <i>наложить смоченную спиртом марлю; удалить поврежденные ткани; сменить на мазевую повязку; анестезировать; остановить кровотечение; перевязать сосуды; сделать первичную обработку</i>. 5. Какие виды анестезирования Вы знаете? Какой вид анестезирования был применен в данном случае? Как Вы это поняли? 6. Перескажите прочитанный текст. 5 октября 1942 года Весь день писал статью «Анатомия и военно-полевая хирургия». Решил послать ее в газету «Медицинский работник». Пусть студенты лучше учат анатомию и как можно больше уделяют внимания препаровке* на трупе. Дело в том, что современная хирургия развивается в направлении узкой специализации и в мирное время хирург необходимую ему анатомическую область может изучить на живом объекте, т.е. на больных, особенно когда их много, как это бывает у отдельных специалистов, скажем, уролог – анатомическую область почки, мочевого пузыря и т. п. Другое дело – военно-полевой хирург. Тут пуля или осколок может начать свой путь с почки и кончить легкими, поэтому хирургу нужно чувствовать себя уверенно во всех областях человеческого тела. <i>*препаровка = препарирование</i> 1. Объясните значение слов: <i>военно-полевая хирургия; препаровка; анатомическая область</i>. 2. Раскройте скобки: Александр Александрович Вишневский (считать), что (студенты) (следовать) лучше (учить) (анатомия) и (уделять) (внимание) (препаровка) на (труп). Он (писать) о том, что (хирургия) (тот) (время) (двигаться) в (сторона) (узкий) (специализация). В (мирный) (время) (хирург) (мочь) (изучать) на (живой) (объект) (важный) для (он) (анатомический) (область). Например, (уролог) (мочь) (исследовать) на (пациент) (анатомический) (область) (почка). Совсем иначе (работать) (военно-полевой) (хирург). (Пули) или (осколки) (мочь) (травмировать) (разный) (органы) – (затрагивать) как (почка), так и (легкие). Именно поэтому (хирург) (должен) (быть) (профессионал) во (все) (области) (человеческий) (тело). 3. Согласны ли Вы с мнением А. А. Вишневого? Аргументируйте свой ответ. 4. Полезны ли навыки военно-полевого хирурга в мирное время? Почему? 5. Подготовьте монологическое высказывание (5–10 предложений) на тему «Узкая специализация в медицине – за и против».
--

22 сентября 1944 года

Два с половиной часа оперировал. Удалил громадную опухоль слепой кишки – рак. Вся операция прошла под местной анестезией, больной чувствовал себя прекрасно. Очень трудно следить за соблюдением асептики ассистентами. Война испортила в этом отношении некоторых хирургов, что особенно чувствуется, когда делаешь большую «плановую» операцию. Дело в том, что многие делают совершенно неправильные выводы из бесспорного положения о первичной инфицированности огнестрельной раны. Им кажется, что в этих условиях можно не очень тщательно соблюдать правила асептики и в дальнейшем. Ведь рана-то все равно инфицирована! С этим представлением, при котором игнорируется важная роль вторичной инфекции, мне приходится сталкиваться все время.

1. Объясните значение слов: *местная анестезия; асептика; первичная инфицированность; вторичная инфекция.*
2. Образуйте существительные, глаголы и прилагательные от слова *инфекция.*
3. Найдите правильные высказывания. Неправильные исправьте.
Непросто следить за тем, как ассистенты соблюдают правила асептики.
Многие считают, что в условиях полевой хирургии обязательно соблюдать правила асептики.
А. А. Вишневскому часто приходится сталкиваться с игнорированием важной роли первичной инфекции.
4. Как Вы думаете, несоблюдение правил асептики – это проблема только военной медицины? Почему?
5. Асептика 20 века и асептика сегодня – это одно и то же? Аргументируйте свой ответ.

После выполнения заданий подводится итог и проводится беседа на основе следующих вопросов: «*Что вы узнали о работе военно-полевого хирурга?*», «*Чем военно-полевой хирург отличается от хирурга в мирное время?*».

В продолжение темы изучения дневниковых записей преподаватель может предложить иностранным студентам попробовать ответить на вопрос: «*Как вы думаете, ведут ли сейчас медицинские работники дневники? Если да, то в каком формате?*». Ответить на него им помогут материалы (посты) медицинских работников из социальных сетей. Подробный план занятия на основе этого источника информации описан в статье А. П. Шапошниковой «Случай из практики на занятиях русским языком как иностранным со студентами-медиками» [9]. Подобным образом вырабатывается связь с современной медициной в России.

Ведение собственных дневниковых записей в бумажном / электронном формате о своей профессиональной деятельности – это проект, который могут выполнить иностранные студенты в конце обучения. Такой тип задания включает в себе большой потенциал развития рефлексии как способности к овладению собственным реалистичным мышлением [5].

Выводы. Дневниковые записи на занятиях по русскому языку как иностранному являются одним из дополнительных материалов в обучении, цель которых – познакомить учащихся с профессиональной страноведческой информацией определенного региона. Их использование в учебном процессе позволяет развить у студентов следующие умения и навыки:

- 1) чтение художественных и профессиональных текстов на изучаемом языке;
- 2) ведение монолога / диалога по обозначенной проблеме, умение доказывать свою позицию с использованием конкретных фактов;
- 3) написание собственного текста о своей профессиональной деятельности на изучаемом языке в жанре дневниковых записей;
- 4) умение занимать лидерскую, ведущую позицию в общении.

Последний пункт считаем особенно важным для иностранных студентов-медиков, поскольку при общении с пациентами они должны уметь не только внимательно слушать и анализировать получаемую информацию, но и вести диалог, быть его инициатором. Письменная практика в личных дневниковых записях дает возможность подготовиться к логическому изложению мыслей на иностранном языке. Таким образом, дневниковые записи – это одна из дополнительных ступеней к профессиональному становлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Александрович Вишневецкий [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.3hospital.raystudio.ru/262/> (дата обращения: 19.09.2024).
2. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 656 с.
3. Вишневецкий А. А. Дневник хирурга. – М. : Медицина, 1967. – 471 с.
4. Вострякова Н. А. Обучение восприятию русского учебно-научного профессионально ориентированного текста иностранных студентов-медиков подготовительного факультета (на материале текстов о специальности врача-хирурга и хирургии) // Язык и культура. – 2023. – № 62. – С. 199–234.
5. Галой Н. Ю. Репертуар копинг-стратегий студентов: лонгитюдное исследование дневниковых записей // Вестник университета. – 2022. – № 12. – С. 217–225.
6. Головина Л. С. Этнокультурная семантика имени собственного и ее лексикографическая репрезентация иноязычному адресату : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Волгоград, 2013. – 311 с.
7. Коренева А. В. Профессионально ориентированное обучение речевой деятельности студентов-нефилологов на основе междисциплинарной интеграции в курсе «Русский язык и культура речи» : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02. – Орел, 2010. – 485 с.
8. Пугачев И. А. Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному: теория, практика, технологии: монография. – М. : РУДН, 2016. – 483 с.
9. Шапошникова А. П. Случай из практики на занятиях русским языком как иностранным со студентами-медиками // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания : материалы XI Студенческой научно-практической конференции. – М. : РУДН, 2024.
10. Шчукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика : Учеб. пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Филоматис, 2006. – 480 с.

Статья поступила в редакцию 20.09.2024

REFERENCES

1. Aleksandr Aleksandrovich Vishnevskij [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://www.3hospital.raystudio.ru/262/> (data obrashcheniya: 19.09.2024).
2. Vinogradov V. V. O yazyke hudozhestvennoj literatury. – M. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. – 656 s.
3. Vishnevskij A. A. Dnevnik hirurga. – M. : Medicina, 1967. – 471 s.
4. Vostryakova N. A. Obuchenie vospriyatiyu russkogo uchebno-nauchnogo professional'no orientirovannogo teksta inostrannykh studentov-medikov podgotovitel'nogo fakul'teta (na materiale tekstov o special'nosti vracha-hirurga i hirurgii) // Yazyk i kul'tura. – 2023. – № 62. – S. 199–234.
5. Galoj N. Yu. Repertuar koping-strategij studentov: longityudnoe issledovanie dnevnikovyh zapisej // Vestnik universiteta. – 2022. – № 12. – S. 217–225.
6. Golovina L. S. Etnokul'turnaya semantika imeni sobstvennogo i ee leksikograficheskaya reprezentaciya inoyazychnomu adresatu : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Volgograd, 2013. – 311 s.
7. Koreneva A. V. Professional'no orientirovannoe obuchenie rechevoj deyatel'nosti studentov-nefilologov na osnove mezhdisciplinarnoj integracii v kurse «Russkij yazyk i kul'tura rechi» : dis. ... d-ra ped. nauk : 13.00.02. – Orel, 2010. – 485 s.
8. Pugachev I. A. Professional'no orientirovannoe obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu: teoriya, praktika, tekhnologii: monografiya. – M. : RUDN, 2016. – 483 s.
9. Shaposhnikova A. P. Sluchaj iz praktiki na zanyatiyah russkim yazykom kak inostrannym so studentami-medikami // Aktual'nye problemy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya : materialy XI Studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – M. : RUDN, 2024.
10. Shchukin A. N. Obuchenie inostrannym yazykam: Teoriya i praktika : Ucheb. posobie dlya prepodavatelej i studentov. 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Filomatis, 2006. – 480 s.

The article was contributed on September 20, 2024

Сведения об авторе

Шапошникова Ангелина Петровна – учебный мастер кафедры русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0004-9783-6935>, shaposhnikova_ap@pfur.ru

Author Information

Shaposhnikova, Angelina Petrovna – Educational Master at the Department of the Russian Language # 4, Institute of the Russian Language, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0004-9783-6935>, shaposhnikova_ap@pfur.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В издании предусматривается размещение оригинальных научных статей по актуальным проблемам филологических и педагогических наук. Публикуются статьи по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ	
5.8. Педагогические науки	
5.8.1.	Общая педагогика, история педагогики и образования
5.8.2.	Теория и методика обучения и воспитания
5.8.7.	Методология и технология профессионального образования
5.9. Филологические науки	
5.9.1.	Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2.	Литературы народов мира
5.9.3.	Теория литературы
5.9.4.	Фольклористика
5.9.5.	Русский язык. Языки народов России
5.9.6.	Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
5.9.7.	Классическая, византийская и новогреческая филология
5.9.8.	Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9.	Медиакоммуникации и журналистика

Статья должна быть написана научным стилем, которому соответствуют точность передаваемой информации, убедительность аргументации, логическая последовательность изложения, лаконичность, авторитетность; представлять ценность для научного сообщества и отвечать нормам научной этики. Уникальность исследования (процент оригинальности) не может быть менее 85 %.

Не принимаются к рассмотрению крупные статьи, механически разделенные на ряд отдельных сообщений; статьи с описанием результатов незаконченных исследований без определенных выводов; работы описательного характера.

Статья должна иметь:

- 1) индекс универсальной десятичной классификации (УДК);
- 2) метаданные:
 - а) инициалы и фамилию(и) автора(ов) на русском и английском языках (строчными буквами курсивом) – количество соавторов в статье может быть не более 3;
 - б) заглавие на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами);
 - в) полное название учреждения, города и страны (курсивом), где выполнена работа, на русском и английском языках;
 - г) благодарность;
 - д) аннотацию на русском и английском языках;
 - е) ключевые слова на русском и английском языках;

3) основной текст, включающий следующие подразделы:

- а) введение;
 - б) актуальность исследуемой проблемы;
 - в) материал и методы исследования;
 - г) результаты исследования и их обсуждение;
 - д) выводы;
- 4) список цитируемой литературы.

В конце статьи должны быть указаны сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с указанием места работы; домашний адрес с почтовым индексом (для отправки экземпляра журнала), контактный телефон, e-mail; шифр специальности, по которой выполнена работа (согласно номенклатуре специальностей научных работников).

Метаданные статьи

Краткие сведения об авторе(ах). Должны быть указаны инициалы и фамилия автора(ов). При наличии двух и более авторов последовательность их упоминания зависит от вклада в выполненную работу. Состав авторов статьи гарантирует, что все лица, соответствующие критериям авторства, попали в список авторов и что заслуживающие авторства исследователи не исчезли из этого списка. В некоторых случаях необходимо указать в тексте тех, кто дополнительно принимал участие в работе над исследованием. Все авторы должны дать согласие на внесение в список авторов. Любые изменения в списке авторов должны быть одобрены всеми авторами, включая тех, кто исключен из списка.

Заглавие. Название статьи должно быть информативным, лаконичным, отвечать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова.

Сведения об организации (аффилиация) включают название организации, где выполнена работа (в четком соответствии с лицензионными документами), указание на город и страну нахождения организации.

Благодарность (Acknowledgement). Выражаются признательность автора(ов) коллегам за помощь и благодарность спонсорам за финансовую поддержку исследования (также необходимо указать грантовые проекты). Уместно упомянуть все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую и техническую поддержку (например, предоставление оборудования/материалов). Согласие на упоминание в благодарности этих лиц является обязательным.

Аннотация (Abstract). Должна быть содержательной, информативной, четко структурированной, т. е. следовать логике изложения материала и результатов исследования в статье, и включать следующие аспекты ее содержания:

- введение (Introduction);
- актуальность исследуемой проблемы (Relevance);
- материал и методы исследования (Materials and Methods);
- результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion);
- выводы (Conclusions).

Оптимальный объем аннотации должен составлять 160 слов (не более 260 слов на русском языке или 210 на английском языке). Аннотация является источником основной информации о статье в международных и российских БД (базах данных), а также других реферативных ресурсах. Она должна содержать необходимые термины, позволяющие обнаружить данную статью, используя поисковые элементы.

Ключевые слова (Keywords) включают 5–10 слов и/или устойчивых словосочетаний, по которым в дальнейшем будет выполняться поиск статьи. Ключевые слова должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования.

Перевод метаданных. Все метаданные должны быть полностью переведены на английский язык. При переводе заглавия недопустимо использовать транслитерацию с русского языка на латиницу, кроме непереводаемых названий собственных имен, также нельзя использовать жаргон, известный только русскоговорящим специалистам.

При транслитерации Ф.И.О. авторов необходимо придерживаться единообразного написания фамилий во всех статьях. Ф.И.О. авторов на английском языке приводятся по международным (англоязычным) правилам с указанием инициала отчества. Перевод места работы дается полностью без использования сокращенного названия.

«Англоязычная» аннотация должна быть написана без использования онлайн-переводчиков. Она не является калькой русскоязычного варианта, а представляет собой стилистически грамотный перевод, следовательно, «русскоязычная» и «англоязычная» аннотации могут различаться по объему.

При переводе автору(ам) необходимо следовать одному из стилей английского языка – американскому или британскому и не допускать их смешивания. Необходимо дробить длинные предложения на несколько коротких, содержащих ясно выраженную мысль, следить за четкостью и понятностью формулирования мыслей при переводе на английский язык.

Оформление статьи

При оформлении статьи необходимо руководствоваться следующими правилами:

1. Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc (*.docx) или *.rtf шрифтом Times New Roman с выравниванием по ширине и автоматическим переносом слов. При использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке. Размер шрифта – 14. Абзацный отступ – 1 см (5 знаков). Интервал – полуторный. Формат бумаги – А4. Поля: слева – 3 см, справа, сверху и снизу – 2 см.

2. Таблицы должны содержать экспериментальные данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы исследований. Каждая таблица должна иметь заголовок, быть обязательно пронумерована и упомянута в тексте.

3. Количество иллюстраций не должно превышать 5, данные рисунков не должны повторять материалы таблиц. Рисунки должны быть четкими, легко воспроизводимыми, обязательно пронумерованы, упомянуты в тексте и иметь подрисуночные подписи и объяснение значений всех условных обозначений. Все надписи, загромождающие иллюстрации, выносятся в подрисуночные подписи. В электронном виде каждый из иллюстративных материалов (рисунки, графики и т. п.) следует представлять отдельным файлом, имя файла должно быть в следующем формате: фамилия автора латиницей и номер материала, например: Ivanov_image-1.jpg. Полноцветные иллюстрации не допускаются. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах tiff, eps, jpg. Для сканированных изображений разрешение должно быть: для тоновых – не менее 300 dpi, для штриховых – не менее 600 dpi.

4. Предполагается, что все таблицы и рисунки созданы автором, если не указано иное. За точность воспроизведения имен, цитат, формул, данных, а также ссылок на использованные в статье другие работы ответственность несет автор статьи.

5. Формулы и буквенные обозначения по тексту должны быть набраны в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman. В формулах следует избегать громоздких обозначений. Формулы располагаются по центру страницы, в случае необходимости нумеруются.

6. Сокращение слов, имен, названий, кроме общепринятых сокращений мер, физических и математических величин и терминов, допускается только с первоначальным указанием полного названия.

Разделы статьи

Объем публикации. В зависимости от типа статьи объем материала может существенно различаться:

- *оригинальная научная статья* (Full Article) – не менее 10 и не более 20 страниц;
- *обзорная статья* (Review paper/perspectives) – критическое обобщение какой-либо исследовательской темы – 10–15 страниц.

Структура. Статья должна содержать 5 основных блоков: 1) введение; 2) актуальность исследуемой проблемы; 3) материал и методы исследования; 4) результаты исследования и их обсуждение; 5) выводы.

Блок «Введение» должен содержать формулировку темы исследования; обзор литературы по обозначенной теме; постановку проблемы, указание на цель исследования.

Блок «Актуальность исследуемой проблемы» содержит информацию об актуальности и значимости предлагаемого исследования.

Блок «Материал и методы исследования» включает описание материала исследования, используемой методологии, указание на методы и условия проведения экспериментов и/или наблюдений и необходимое оборудование.

Блок «Результаты исследования и их обсуждение» содержит фактические и теоретические результаты исследования, интерпретацию полученных результатов, включая соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложения по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований.

Блок «Выводы» содержит краткие итоги разделов статьи *без повторения формулировок, приведенных в предыдущих разделах статьи.*

Списки литературы и цитирование

Авторы обязаны предоставить два списка литературы: один (Список литературы) – оформленный с учетом требований российских БД, второй (References) – с учетом требований иностранных БД на латинице.

Список литературы предполагает наличие не менее 10 позиций и приводится в виде алфавитного списка. При оформлении «русскоязычного» списка литературы следует руководствоваться требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Процент ссылок на статьи из отечественных источников должен соответствовать наличию/размеру исследований в российском научном сегменте по данной тематике. В список литературы не включаются источники, наличие и научную ценность которых невозможно проверить (учебные пособия, методические рекомендации, тезисы материалы локальных конференций и др., не представленные в сети интернет в свободном доступе).

Цифровой идентификатор объекта (DOI) (при наличии) цитируемой статьи указывается обязательно.

В журнале практикуется Ванкуверский стиль цитирования: ссылки в тексте даются в квадратных скобках с указанием номера из списка литературы и страницы (при необходимости), откуда приводится цитата, например: [1, с. 377]. В статье должны быть представлены ссылки на все приводимые в списке литературы источники. Использование автоматических постраничных ссылок не допускается.

Самоцитирование демонстрирует вклад автора работы в исследуемую научную область. Процент самоцитирования не должен превышать 10 %, доля ссылок на другие статьи, ранее опубликованные в нашем журнале, не может быть выше 10–12 %.

Предпочтение при цитировании следует отдавать авторитетным российским журналам, индексируемым или имеющим перспективы индексирования в международных научных базах данных.

Доля ссылок на публикации из иностранных источников должна показывать международный интерес к тематике статьи. В обязательном порядке должны быть представлены зарубежные публикации, изданные в течение последних 5 лет, а также статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в Scopus и Web of Science.

Опубликование научной статьи

Публикация статьи в журнале осуществляется в соответствии с **договором публичной оферты, условиями публикации, прејскурантом на публикацию статей.**

Действие договора возникает с момента отправки:

- а) статьи;
- б) заявления;
- в) заполненной анкеты автора.

В отдельных случаях уместно направить в журнал краткий запрос с описанием темы и основных положений статьи, чтобы убедиться в возможности рассмотрения предлагаемой статьи.

Аспиранты и магистранты дополнительно отправляют отзыв научного руководителя и справку с места учебы, подтверждающую обучение в аспирантуре (магистратуре), с указанием сроков обучения, подписанную руководителем организации.

В редакцию Вестника статья направляется в электронных вариантах (в одном из форматов Word (*.doc, *.docx или *.rtf) и дублируется файлом в PDF), при наличии возможности печатный экземпляр работы и подписанные документы отправляются на почтовый адрес редакции.

Название файла должно быть представлено в следующем виде: фамилия и инициалы (имя и отчество) автора, написанные кириллицей, например: *Иванов И. И.docx*. Если авторов несколько, в названии файла указываются в порядке значимости все авторы: *Иванов И. И., Петров И. И., Сидоров И. И.docx*. Все страницы статьи, включая иллюстрации, должны быть пронумерованы. Материалы в архивированном виде не принимаются.

Поступление статьи в редакцию означает полное согласие автора(ов) с правилами Вестника. Автор(ы) гарантирует(ют), что конфликт интересов отсутствует и было получено согласие на публикацию статьи организации, в которой проводилось исследование. Редакция вправе отказаться от исполнения услуг в одностороннем порядке или приостановить выполнение обязательств по договору в случаях невыполнения обязательств со стороны автора(ов) статьи.

От даты принятия статьи в портфель журнала до ее публикации может пройти от 1 до 2 кварталов. Все материалы по присланным статьям (в том числе рецензии и переписка с авторами) хранятся в редакции в течение 5 лет. Рукописи авторам не возвращаются.

В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске Вестника – одна статья, выполненная индивидуально, или не более двух статей, выполненных в соавторстве.

Рецензирование

Принятые редакцией рукописи подлежат обязательному рецензированию. Порядок и формы рецензирования, требования к составу рецензентов, сроки и условия рецензирования определены «Положением о рецензировании научных статей, представленных для публикации в “Вестнике Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева”».

Рецензентами Вестника являются авторитетные ученые, проводящие исследования по проблемам в рамках тематических областей журнала. Рецензент оценивает научный

уровень, достоверность результатов исследования, теоретическую и практическую значимость, соответствие статьи направлениям журнала, принятым этическим нормам и принципам научно-публикационного процесса и др.

Рецензирование в журнале осуществляется на основе принципа двойного слепого (анонимного) рецензирования (double-blind). По итогам рецензирования автору(ам) может быть предложено внести правки, доработать материал или продолжить исследования далее. Необходимые правки следует вносить строго в обозначенный редакцией срок; в случае возникновения вопросов редакция берет на себя разъяснительную функцию.

Критические замечания рецензентов и указания на недостатки помогают доработать представленный материал. На основании рекомендаций рецензентов редколлегия Вестника принимает решение о возможности публикации статьи.

Журнал может привлекать внешних рецензентов (т. е. экспертиза рукописи может проводиться независимыми от журнала учеными, не входящими в его редколлегию).

Не принимаются в работу рецензии, пришедшие от авторов вместе со статьей, так как это является нарушением политики и этики научного издания. Редакция не имеет обязательств по рецензированию всех поступающих материалов и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....	3
Анисимов Геннадий Александрович	4
Бирюкова Людмила Петровна	6

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алёшина А. С.</i>	Репрезентация оппозиции «дружба – вражда» в пословицах сравнительной семантики	8
<i>Бредис М. А.</i>	Национальная маркированность названий денежных единиц в чувашских пословицах (на фоне разноструктурных языков)...	18
<i>Буданова С. Г.</i>	Лакуны во вторичных учебных текстах ЕГЭ по русскому языку ...	26
<i>Гао Мэнлинь</i>	Отражение традиции празднования Нового года в китайской паремиологии (на фоне русского языка)	33
<i>Димитриева О. А., Андреева Д. В.</i>	«Уже не персик, но еще не курага»: человек в зеркале современных пищевых метафор и стереотипов	42
<i>Журина М. И.</i>	Образ Анурадхапуры в цейлонских рассказах И. А. Бунина	49
<i>Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю., Кириллова Н. С.</i>	Фонетические средства создания образа поколения «Z» в современном англоязычном медиадискурсе.....	56
<i>Кузнецова И. В.</i>	Османизмы, называющие детали одежды, в южнославянской фразеологии.....	64
<i>Кузнецова И. В., Хмелевский М. С.</i>	Арабизм <i>ракия</i> в южнославянской фразеологии	71
<i>Луговская Е. Г.</i>	Топология лирического в синергетике текста Н. Гумилева «Жирав»	78
<i>Николаева Е. К., Гэ Бай</i>	Фразеологизмы с компонентом <i>колокол</i> в русской и китайской лингвокультурах	90

<i>Петухова М. Е., Кожмякова Е. А., Симулина И. А.</i>	К вопросу о выявлении лингвистических признаков носителя языка	97
<i>Распопов А. А., Хромов С. С.</i>	Синергетический потенциал поликодовых текстов российских новых медиа (на примере коротких вертикальных видео)	104
<i>Родина Н. А.</i>	Индивидуальное прозвище как компонент концепта «русский военнослужащий».....	117
<i>Селиверстова Е. И., И Чжао</i>	Семантика несоответствия в русских пословицах: причины обманутых ожиданий	125
<i>У Айхуэй</i>	Фразеобразующий потенциал зоонимов <i>тигр</i> и <i>лошадь</i> в русском и китайском языках: образность, символика, семантика.....	132
<i>Хлопова А. И.</i>	Методы установления содержания базовых ценностей (на примере базовой ценности <i>Freundschaft (дружба)</i>)	142

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Данилова Е. А., Ильина С. В., Ильина Е. А., Хрисанова Е. Г.</i>	Эмпирическое обоснование организационно-педагогических условий обучения русскому языку как иностранному в общеобразовательных школах Шри-Ланки	151
<i>Ильина Е. А., Кириллов А. А., Кожанов И. В.</i>	Инновационные формы постдипломного сопровождения молодых педагогов в условиях цифровой трансформации образования	161
<i>Крапивник Е. В.</i>	Электронное обучение дисциплинам филологического цикла ...	169
<i>Сироткина Т. А.</i>	Краеведческая информация в учебных пособиях по русскому языку для детей-инофонов.....	176
<i>Шапошникова А. П.</i>	Дневниковые записи врачей как учебный материал на занятиях по русскому языку как иностранному со студентами-медиками	182
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		189

CONTENT

From Editor-in-Chief	3
Anisimov Gennadij Aleksandrovich.....	4
Biryukova Lyudmila Petrovna.....	6

PHILOLOGY

<i>Alyoshin A. S.</i>	Representation of the opposition “friendship – enmity” in proverbs with comparative semantics.....	8
<i>Bredis M. A.</i>	Ethnolinguistic markers in the names of monetary units in Chuvash proverbs (against the background of typologically different languages)	18
<i>Budanova S. G.</i>	Lacunae in secondary educational texts at the Unified State Exam in the Russian language	26
<i>Gao Menglin</i>	The reflection of New Year celebration traditions in Chinese paremiology (against the background of the Russian language)	33
<i>Dimitrieva O. A., Andreeva D. V.</i>	“No longer a peach, but not yet a dried apricot”: a person in the mirror of modern food metaphors and stereotypes	42
<i>Zhurina M. I.</i>	The image of Anuradhapura in the Ceylon stories by I. A. Bunin	49
<i>Kormilina N. V., Shugaeva N. Yu., Kirillova N. S.</i>	Phonetic means of creating the image of generation “z” in modern English-language media discourse.....	56
<i>Kuznetsova I. V.</i>	Osmanisms denoting details of clothing in South Slavic phraseology	64
<i>Kuznetsova I. V., Khmelevskiy M. S.</i>	Arabism rakia in South Slavic phraseology	71
<i>Lugovskaya E. G.</i>	Topology of the lyrical in the poetic text “Giraffe” of N. Gumilev	78
<i>Nikolaeva E. K., G. Bay</i>	Phraseological units with the bell component in Russian and Chinese linguocultures	90

<i>Petukhova M. E., Kozhemyakova E. A., Simulina I. A.</i>	Identification of linguistic characteristics of a native speaker	97
<i>Raspopov A. A., Khromov S. S.</i>	Synergetic potential of polycode texts of Russian new media (using the example of short vertical videos)	104
<i>Rodina N. A.</i>	Individual nickname as a component of the concept of “Russian serviceman”	117
<i>Seliverstova E. I., Yi Zhao</i>	Semantics of inconsistency in Russian proverbs: reasons for failed expectations	125
<i>Wu Aihui</i>	Phrase-forming potential of zoonyms tiger and horse in Russian and Chinese: imagery, symbolism, semantics	132
<i>Khlopova A. I.</i>	Methods for revealing the content of basic values (using the example of the basic value Freundschaft (friendship))	142

PEDAGOGICS

<i>Danilova E. A., Ilyina S. V., Ilyina E. A., Khrisanova E. G.</i>	Empirical substantiation of organisational and pedagogical conditions of teaching Russian as a foreign language in secondary schools in Sri Lanka.....	151
<i>Ilyina E. A., Kirillov A. A., Kozhanov I. V.</i>	Innovative forms of postgraduate support for young teachers in the context of digital transformation of education.....	161
<i>Krapivnik E. V.</i>	E-learning in philological education.....	169
<i>Sirotkina T. A.</i>	Local history information in Russian language teaching aids for non-native-speaker children.....	176
<i>Shaposhnikova A. P.</i>	Diary entries of doctors as a material in Russian as a Foreign language classes with medical students	182
INFORMATION FOR THE AUTHORS		189

**ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

2024. № 4(125)

Редакторы Д. В. Андреева,
 Е. Н. Засецкова

Корректор З. Н. Якушкина

Компьютерная верстка, макет А. В. Савинкина

Подписано в печать 23.12.2024. Выход в свет 27.12.2024.
Формат 70х100/8. Бумага писчая.
Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 25,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 400. Цена свободная.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38